

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Академический курс
в 2-х томах

Том 1
Теория государства

Ответственный редактор
профессор М. Н. Марченко

Москва
ЗЕРЦАЛО
1998

ББК 67.99(2)0

О 29

Авторский коллектив:

Байтин Т. И., доктор юридических наук, профессор — § 1, 4 гл. VIII, § 2, 3 гл. VIII (совместно с **Сенякиным И. Н.**);
Бережнов А. Г., кандидат юридических наук, доцент — гл. XI;
Витрук Н. В., доктор юридических наук, профессор — § 2 гл. XII;
Керимов Д. А., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, профессор — гл. I;
Комаров С. А., доктор юридических наук, профессор — § 1—3 гл. X, § 3 гл. XII;
Лейст О. Э., доктор юридических наук, профессор — гл. XIV;
Лунгу П. Ф., кандидат юридических наук, доцент — гл. XVI;
Марченко М. Н., доктор юридических наук, профессор — введение, гл. II—VII, IX, § 4 гл. X, гл. XV;
Мордовец А. С., доктор юридических наук, профессор — § 1 гл. XII;
Придворнов Н. А., доктор юридических наук, профессор — гл. XIII;
Сенякин И. Н., доктор юридических наук, профессор — § 2, 3 гл. VIII (совместно с **Байтиным М. И.**).

Рекомендовано в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению и специальности
“Правоведение”

Рецензенты:

Доктор юридических наук, профессор **Первалов В. Д.**,
кандидат юридических наук **Ковешников Е. М.**

Общая теория государства и права. Академический курс в
О 29 2-х томах. Отв. ред. проф. **М. Н. Марченко**. — Том 1. Теория
государства. — М.: Издательство “Зерцало”, 1998 — 416 с.

Академический курс подготовлен ведущими учеными страны в области теории государства и права в соответствии с типовой программой, на основе обобщения и привлечения новейшего эмпирического материала. Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

Рекомендован Советом по правоведению Учебно-методического объединения университетов Российской Федерации в качестве учебника для студентов юридических вузов.

Н 34
0-28

2000
O'zb. Res. F&S
157

VI
343234 I
H

ISBN 5-8078-0006-0

© Коллектив авторов, 1988

© Издательство Зерцало, 1998

ПС ДР.

Содержание

Введение	1
----------------	---

Глава I. Предмет общей теории государства и права

§ 1. Общая теория государства и права как общественная наука	7
§ 2. Общая теория государства и права в системе юридических наук. Определение предмета общей теории государства и права	10
§ 3. Общая теория государства и права в системе научного знания	15
§ 4. Общая теория государства и права как учебная дисциплина	19

Глава II. Методология теории государства и права

§ 1. Понятие и значение методологии теории государства и права	21
§ 2. Классификация и виды методов познания государства и права	25

Глава III. Разнообразие теорий происхождения государства и права

§ 1. Необходимость исследования проблем происхождения государства и права	29
§ 2. Причины разнообразия теорий происхождения государства и права	37
§ 3. Естественно-правовая теория	46
§ 4. Договорная теория	63
§ 5. Теория насилия	74

Глава IV. Понятие и основные признаки государства

§ 1. Определение понятия государства	86
§ 2. Основные признаки государства	93

Глава V. Проблемы типологии государств и правовых систем

§ 1. Необходимость определения различных типов государств и правовых систем	102
§ 2. Критерии типологии государств и правовых систем. Понятие типа государства и права	113
§ 3. Рабовладельческое государство и право. Социально-экономическая основа и сущность рабовладельческого государства	125
§ 4. Феодалное государство и право. Социально-экономическая основа и сущность феодального государства	133
§ 5. Капиталистическое государство и право. Социально-экономическая основа и сущность капиталистического государства	143
§ 6. Социалистическое государство и право	150

Глава VI. Государственный аппарат

§ 1. Понятие государственного аппарата	158
§ 2. Структура государственного аппарата	162
§ 3. Основные принципы организации и деятельности государственного аппарата	170

Глава VII. Форма государства

§ 1. Понятие формы государства	178
§ 2. Формы рабовладельческого государства	185
§ 3. Формы феодального государства	188
§ 4. Формы капиталистического государства	192

Глава VIII. Функции государства

§ 1. Понятие и классификация функций государства	197
§ 2. Основные внутренние функции	200
§ 3. Основные внешние функции	205
§ 4. Формы осуществления функций государства	209

Глава IX. Государство, право и экономика

§ 1. Соотношение государства и экономики в исторически разных социальных системах.....	212
§ 2. Государственное регулирование экономики: понятие и пределы	221
§ 3. Собственность как экономическая и правовая категория	229

**Глава X. Государство
в политической системе общества**

§ 1. Понятие политической системы общества	237
§ 2. Место и роль государства в политической системе	243
§ 3. Государство и общественные организации	246
§ 4. Нормативная основа политической системы общества	252

Глава XI. Государство и личность

§ 1. Общество, личность, государство	261
§ 2. Государство и правовой статус личности	263
§ 3. Правовой статус и фактическое положение человека	267
§ 4. Система прав и свобод личности	270
§ 5. Международно-правовое сотрудничество государств и проблема прав человека	274

**Глава XII. Механизм социально-юридического
обеспечения прав человека**

§ 1. Понятие и структура механизма социально-юридического обеспечения прав человека	277
§ 2. Защита конституционных прав и свобод конституционными судами	287
§ 3. Международно-правовое регулирование прав человека в обществе	300

**Глава XIII. Достоинство человека как основа права
и демократической государственности**

§ 1. Общие положения и принципы	311
---------------------------------------	-----

§ 2. Специфика и объективные основы достоинства личности в праве	315
§ 3. Институт достоинства в структуре права	318
§ 4. Достоинство личности и форма права	328
§ 5. Роль правового государства в реализации достоинства личности	329
§ 6. Юридический механизм реализации и охраны достоинства личности	331

Глава XIV. Гражданское общество, государство и право

§ 1. Становление и развитие гражданского общества	338
§ 2. Гражданское общество и современное государство	342
§ 3. Политическое отчуждение и формы его преодоления в гражданском обществе	350
§ 4. Государство и народ в гражданском обществе	357

Глава XV. Правовое государство

§ 1. Становление и развитие идеи правового государства	364
§ 2. Основные признаки и черты правового государства	371
§ 3. Конституционный Суд в политической системе общества	383

Глава XVI. Государство и этнос

§ 1. Необходимость исследования роли этносов в развитии современных государств	392
§ 2. Понятие и эволюция этноса	394
§ 3. Соотношение этноса и государства	399

Алфавитно-предметный указатель	404
---	------------

Введение

В системе юридических наук теория государства и права всегда занимала и занимает главенствующее положение, выполняя при этом как академическую, так и (опосредствованным путем) прагматическую, сугубо практическую роль. В силу этого вопросам теории государства и права в отечественной и зарубежной юридической литературе традиционно уделялось большое внимание. Об этом свидетельствуют, в частности, опубликованные на рубеже XIX—XX веков работы известных российских ученых-юристов, философов: Муромцев С. А. "Определение и основное разделение права" (М., 1879), Коркунов Н. М. "Лекции по общей теории права" (СПб., 1904); Трубецкой Е. Н. "Энциклопедия права" (М., 1906), Кошкин Ф. Ф. "Русское государственное право" (М., 1908); Шершеневич Г. Ф. "Общая теория права". Т. 1—4 (М., 1910—1912); Михайловский И. В. "Очерки философии" (Томск, 1914) и другие.

О значительном внимании к вопросам теории государства и права в послереволюционный период свидетельствуют также многочисленные монографии по данной тематике, а кроме того — учебники и учебные пособия. В числе последних — работы: Денисов А. И. "Теория государства и права" (М., 1948), Карева М. П., Кечекьян С. Ф., Федосеев А. С. и Федыкин Г. И. "Теория государства и права" (М., 1955); Мокичев К. А. "Теория государства и права" (М., 1971) и ряд других учебников и учебных пособий.

Особенно большое число учебников и учебных пособий по теории государства и права, равно как и по другим юридическим дисциплинам, было подготовлено и опубликовано отдельными авторами и коллективами авторов за последние годы. Начавшаяся в 1985 году "перестройка" и демократизация общественно-политической и государственной жизни на основе современных принципов и социальных ценностей стимулировали создание данной работы, побудили авторов к написанию новых учебников.

Одновременно **весьма остро встал вопрос** не только и даже не столько о количестве изданных учебников и учебных пособий по теории государства и права, сколько **об их качестве**. Весьма важной оказалась проблема оптимального сочетания современного, новейшего государственно-правового материала с традиционным, ставшим классическим для отечественного государствоведения и правоведения материалом.

Не менее важной и актуальной оказалась проблема переоценки некоторых устаревших за последние десятилетия в нашей стране государственно-правовых взглядов, политико-правовых и духовных ценностей.

Речь идет, в частности, о необходимости "корректировки" укоренившегося в сознании юристов, политологов, философов, социологов и специалистов в области других общественных наук представления о государстве, праве, политике и демократии лишь как о "чисто" классовых явлениях, институтах и учреждениях, тогда как они сочетают в себе наряду с классовыми также национальные, групповые, клановые, этнические, личные и многие другие цели и интересы.

Речь идет также об изменении отношения, под влиянием появившихся новых фактов и обстоятельств, к таким политико-юридическим по своей природе явлениям, институтам и учреждениям, как правовое государство, принцип разделения властей, институт частной собственности, многопартийность и множественность ("плюрализм" — американский вариант) идеологий, деление права на публичное и частное, и др. Раньше они воспринимались, как правило, лишь в сугубо критическом, точнее — негативном плане, тогда как опыт России и других государств показывает, что их следует рассматривать и в позитивном плане. В каждом из них наряду с отрицательными сторонами есть и несомненные положительные стороны.

Следует отметить, что процесс переоценки некоторых ценностей и изменение отношения к отдельным явлениям, институтам и учреждениям в нашей стране и в других, ранее именовавших себя социалистическими, не всегда проходил гладко, безболезненно. Иногда он сопровождался со стороны отдельных авторов, в частности специалистов в области конституционного (прежнего — государственного) права, приступами самобичевания и раскаивания в совершении ими неких теоретических "грехов" в прошлом и столь же эмоциональными заверениями и заклинаниями быть "правильными", политически и идеологически непогрешимыми в настоящем и будущем¹.

Однако, несмотря на отдельные эмоциональные, зачастую порожденные новой политической конъюнктурой в России и других странах, "всплески", в целом, вполне естественный, обусловленный объективными изменениями в экономике, обществе и государстве

¹ См.: например, Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Отв. ред. Б. А. Страшун. 1993. С. XI—XVI

процесс пересмотра некоторых прежних взглядов и подходов, а также зарождения и становления новых государственно-правовых воззрений и доктрин проходил вполне достойно и без особых потрясений.

И это понятно, поскольку в данном случае речь идет не о крушении каких-либо политических или идеологических идеалов и нереализованных амбиций, затрагивающих значительные слои населения или отдельные группы людей, а о закономерном процессе непрерывного развития и совершенствования юридической науки и образования. Последние имеют свои непреходящие, фундаментальные академические и образовательные ценности, не подверженные ни конъюнктурной эрозии, ни влиянию со стороны непрерывно возникающих в обществе и по истечении определенного времени канущих в Лету сиюминутных политических и государственно-правовых идей.

Это касается, в частности, фундаментальных, основополагающих представлений о государстве и праве, законности и конституционности, правотворчестве и правоприменении, правонарушении и правомерном поведении, наконец, о месте и роли государства и права в жизни общества и политической системы.

Какие, например, функции выполняет право¹ в жизни общества и какова реальная роль по отношению к государству? Меняются ли они применительно к разным типам государства и права или же остаются неизменными?

Безусловно, меняются и весьма существенно вместе с изменением общества и государства. Имея в виду неразрывную связь государства и права, можно с полной уверенностью сказать, что каковым по своей сущности и назначению является государство, таковым будет и право. Какова социально-классовая роль в обществе государства, таковой будет и роль права.

Следует отметить также, что государство и право не только зависимы друг от друга. Но в то же время они сохраняют и определенную самостоятельность. Если государство согласно позитивистской теории издает правовые акты, обеспечивает их соблюдение и в случае неисполнения содержащихся в них требований применяет принудительную силу, то право, в свою очередь, активно воздействует на государство путем установления общеобязательных для всех его органов, должностных лиц и организаций правил поведения. С помощью норм права закрепляется их статус, определяются рамки

¹ См. подробнее об этом: Т. II. Гл. 3.

их деятельности, устанавливается их структура, порядок деятельности и взаимоотношений.

Но означает ли это, что такая взаимосвязь и взаимозависимость относится лишь к определенному типу государства и права, а не имеют общего, фундаментального характера, также как и функции права по отношению к государству и обществу, его роль? Нет, не означает.

Независимо от типа, формы или просто привходящих обстоятельств по отношению к государству и обществу право всегда выступает прежде всего как **регулятор общественных отношений**. Оно регулирует сложившиеся в обществе экономические, политические и иные отношения. Право закрепляет существующий в той или иной стране государственный и общественный строй.

В этом заключается одна из его функций и назначение. Устанавливая конкретные права и обязанности сторон (граждан, должностных лиц, общественных и государственных организаций), право вносит определенный порядок в общество и государство, создает юридические предпосылки для его активности и эффективности.

Именно поэтому каждое государство стремится не только к изданию отвечающих его интересам законов и других правовых актов (постановлений, декретов, распоряжений и т. п.), но и к их полному осуществлению. Не случайно в таких фундаментальных юридических актах, как Кодекс Наполеона, особо указывается на то, что "законы являются подлежащими исполнению на всей французской территории"; что "нельзя нарушать частными соглашениями законов, затрагивающих общественный порядок и добрые нравы"; и что судья, который откажется судить "под предлогом молчания, темноты или недостаточности закона, может подлежать преследованию по обвинению в отказе в правосудии".

Наряду с функциями закрепления и регулирования общественных отношений право в любом обществе и государстве выполняет также воспитательную роль, которая проявляется в том, что закон опирается не только на государственное принуждение, но и на убеждение. Небезынтересно отметить, что еще римские юристы придавали огромное нравственное и воспитательное значение праву.

Цицерон, например, считал, что "закону свойственно также и стремление кое в чем убеждать, а не ко всему принуждать силой и угрозами". По его мнению, каждому закону должно сопутствовать введение (преамбула), цель которого — укрепить "божественный авторитет закона" и использовать страх божьего наказания для предотвращения его нарушения.

На авторитет, воспитательную роль закона и на божью кару уповали не только римские юристы и философы, но и многие мыслители более поздних времен. "Величие и ничтожность человека настолько зримы, — писал великий французский философ Вольтер (1694—1778), — что истинной религии необходимо поучать нас тому, что в человеке заложен некий огромный принцип величия и одновременно — некий огромный принцип ничтожества".

Воспитательная роль права проявляется и в том, что оно призвано развивать в людях чувство справедливости, правды, добра, гуманности. Закон есть "царь всех божественных и человеческих дел", — с пафосом провозглашали римские юристы. Нужно только, чтобы он стоял "во главе как добрых, так и злых", служил "мерилом справедливого и несправедливого". Он приказывает делать то, что "должно быть совершаемо".

Помимо названных функций право по отношению к любому обществу и государству выполняет и иные, более разнообразные роли. Данный вывод, как и многие другие положения теории государства и права, имеют не локальный или преходящий, а общий, универсальный, не подверженный сиюминутным политическим или иным влияниям, характер.

В предлагаемом академическом курсе "Общей теории государства и права", подготовленном высококвалифицированным составом авторов, многие из которых получили всеобщее признание в юридическом мире и являются ведущими учеными нашей страны, предпринимаются попытки оптимального сочетания фундаментального материала и прикладного, традиционных классических выводов и подходов к исследованию предмета с современными, новыми подходами.

При подготовке Курса широко использовался отечественный и зарубежный опыт подготовки подобных работ. Учтены современные научные исследования в сфере государственной и правовой жизни, а также новейшее российское и, отчасти, зарубежное законодательство. В работе представлен широкий спектр мнений по рассматриваемым проблемам.

Авторы сочли возможным и полезным включить в структуру и содержание Курса не только традиционные темы, предусмотренные учебными программами по теории государства и права, но и новые, ранее отдельно не выделявшиеся по разным причинам. Среди них, например, такие, как "Законодательная техника" (Д. А. Керимов), "Юридические документы и юридическая техника" (А. Ф. Черданцев), "Правовой нигилизм и правовой идеализм"

(Н. И. Матузов), “Стимулы и ограничения в праве” (А. В. Малько), “Достоинство человека как основа права и демократической государственности” (Н. А. Придворов) и др.

Включение данных тем в курс “Общей теории государства и права” несомненно обогатит его, сделает более привлекательным и содержательным как в научном, так и в практическом плане.

Авторы выражают глубокую благодарность официальным рецензентам за большую помощь в подготовке настоящего Курса к печати.

Глава I. Предмет общей теории государства и права

Вопрос о предмете общей теории государства и права, равно как и любой иной науки, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Еще предисловие гегелевской “Философии права” заканчивалось словами: “Понятие предмета не является природным нашим достоянием. Каждый человек обладает пальцами, может получить в свое распоряжение кисть и краски, но это еще не делает его живописцем. Точно так же обстоит дело и с мышлением. Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и наше познание должно быть поэтому научным”¹.

Каждый более или менее существенный этап в развитии науки всегда сопряжен с необходимостью возвращения к рассмотрению ее предмета. И это вполне закономерный процесс, поскольку само развитие не только влечет за собой количественное расширение и качественное изменение тех явлений, которые неизбежно включаются в орбиту исследования, но представляет собой все более всестороннее и углубленное проникновение в эти явления, в их связи и отношения. Научное овладение новыми объектами (или их свойствами), более высокий уровень их познания, необходимость системного к ним подхода и анализа во взаимодействии с другими отраслями знания со временем приводит к преобразованию науки.

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в данный исторический период, стремясь определить предмет основной и наиболее сложной, многогранной науки в системе общественных наук и, в частности, государствоведения и правоведения — общей теории государства и права.

§ 1. Общая теория государства и права как общественная наука

Единство материального мира обуславливает и единство науки. Поэтому нельзя противопоставлять естественные науки общественным. При этом превращение науки в преобразовательную силу относится не только к естествознанию, но и в не меньшей мере к науке об обществе. Так, чем интенсивнее и шире внедряются в промышленное производство достижения естественных наук, тем с большей необходимостью выявляется объективная потребность в научном определении социальных условий и последствий этого вне-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VIII. С. 19.

дрения. Сами же социальные условия развиваются по законам, изучаемым общественными науками. Более того, именно эти науки не только изучают, но и освещают пути преобразования социальной действительности, создающей предпосылки и условия для свободного развития духовной жизни общества, в том числе и для естественно-научного творчества.

В чем же состоит отличие общественных наук от естественных?

Объективный мир состоит из многочисленных и разнообразных явлений природы и общества. Эти явления в своем движении и развитии подчиняются определенным закономерностям, которые не зависят от сознания и воли людей, но которые могут быть познаны и использованы ими.

Практическая деятельность людей по мере своего развития выдвигает перед ними все новые задачи, разрешение которых возможно лишь при изучении и использовании сил природы и общества. Познание объективного мира осуществляется людьми прежде всего через посредство науки, которая на основе исследования реальной действительности формулирует научные законы. Развитие науки, определяясь потребностями общественной практики, нуждами людей, призвано удовлетворять эти потребности, вскрывать закономерности развития бытия, указывать, как эти закономерности целесообразнее всего использовать для того, чтобы достигнуть результатов, к которым стремятся люди в своей практической деятельности. Подлинная наука представляет собой итог, систему знаний об объективном развитии материального мира, о существенных внутренних связях явлений природы или общества.

Единство материального мира, как было отмечено выше, обуславливает единство и взаимосвязь различных отраслей науки. Но каждая отрасль изучает определенный круг явлений природы или общества, который и составляет предмет данной отрасли науки. В зависимости от того, относится ли этот круг явлений к развитию природы или к развитию общества, различают науки естественные и науки общественные.

Предметом изучения общественных наук являются общественное бытие и общественное сознание. При этом, будучи по своей внутренней сущности единой, она распадается на множество отраслей знания, различающихся своим специфическим предметом познания. Каждая отрасль общественной науки изучает определенную группу общественных явлений, их необходимые и существенные связи и отношения.

Предметом общей теории государства и права, как видно уже из наименования данной отрасли науки, являются государственные и правовые явления, закономерности их возникновения и развития, а также объективные социальные закономерности, опреде-

ляющие особые свойства, черты, признаки государства и права, их взаимосвязь и взаимодействие, их социальное назначение и отношение к другим явлениям общественной жизни.

Общая теория государства и права в тесном сотрудничестве с другими отраслями научного знания формулирует научные законы, понятия и определения государственных и правовых явлений, которые позволяют не только познать сущность, содержание и формы государства и права, совершенствовать их служебную роль в общественной жизни, но и использовать государство и право в целях преобразования общества.

Государство и право подчиняются в своем развитии общим объективным закономерностям развития общества, изучаемым общей социологией, социальной философией. Вместе с тем, будучи относительно самостоятельными звеньями общественной жизни, государство и право имеют свои закономерности, которые оказываются специфическими по отношению к общесоциальным закономерностям и одновременно общими по отношению к тем конкретным закономерностям, которые действуют в пределах отдельных сфер государственной и правовой практики (и которые изучаются отраслевыми юридическими науками). В соответствии с этим общая теория государства и права изучает как общие закономерности социальной жизни, определяющие развитие государственных и правовых явлений, так и те относительно самостоятельные специфические закономерности, которые вместе с тем являются общими для всех частей государственно-правового механизма. Отсюда логически вытекает, что она должна не только опираться на теорию и метод общей социологии, социальной философии, но и разрабатывать на их основе те конкретно-теоретические принципы, равно как и приемы, способы исследования, которые способствуют глубокому воспроизведению целостной картины государственно-правовой действительности и обеспечивают познание специфических закономерностей ее развития. Следовательно, общая теория государства и права является по сравнению с общей социологией, социальной философией более конкретной ступенью в познании государственно-правовых явлений. Она должна не только проникать в сущность соответствующих государственно-правовых явлений, но и вскрывать их особенное, специфическое содержание, формы внутренней организации и внешнего выражения, условия их функционирования, действия, осуществления и т. д.

Общая теория государства и права — наука высокого уровня обобщения государственно-правовой действительности. И именно поэтому в ее состав входят не только знания, добытые данной наукой, но и в синтезированном виде знания, накопленные многими другими науками, в той или иной мере исследующими различные проявления государства и права.

§ 2. Общая теория государства и права в системе юридических наук.

Определение предмета общей теории государства и права

Государство и право изучаются не только общей теорией государства и права, но и всем комплексом отраслевых юридических наук. Иначе говоря, одни и те же объекты оказываются в поле зрения множества отраслей юридического знания, что, однако, не означает совпадения предметов каждой из этих наук. Отраслевые (специальные) юридические науки изучают отдельные сферы, стороны, элементы и черты государственно-правовой действительности. Государство и право, как и иные сложные социальные феномены, имеют в своем составе огромное количество разнокачественных компонентов, различных подсистем и многогранных в структурном и функциональном отношениях образований. В зависимости от того, какие из этих компонентов, подсистем, структур и функций (или их целостностей, уровней, аспектов) являются объектом изучения, и составляет соответственно предмет каждой отраслевой (специальной) юридической науки.

Весь комплекс юридических наук можно условно разбить на следующие основные группы: 1) историко-юридический цикл (всеобщая история государства и права, история государства и права России, история политических и правовых учений, римское право и др.); 2) государственно-правовой цикл (государственное право, конституционное право, государственное право зарубежных стран, административное право и др.); 3) хозяйственно-правовой цикл (хозяйственное право, земельное право, сельскохозяйственное право, трудовое право и др.); 4) гражданско-правовой цикл (гражданское право, семейное право, авторское право и др.); 5) уголовно-правовой цикл (уголовное право, исправительно-трудовое право и др.); 6) процессуально-правовой цикл (судоустройство, гражданское процессуальное право, уголовное процессуальное право, административное процессуальное право и др.); 7) международно-правовой цикл (международное публичное право, международное частное право, консульское право и др.).

Каково же место общей теории государства и права в системе этих наук?

Государство и право подчиняются общим объективным закономерностям развития общества. Вместе с тем, будучи относительно самостоятельными звеньями общественного бытия, государство и право имеют свои специфические закономерности. В соответствии с этим общая теория государства и права изучает как общие закономерности социальной жизни, определяющие развитие государственных и правовых явлений, так и те относительно самостоятельные, специфические закономерности, которые, однако, явля-

ются общими для всех частей единого государственно-правового механизма.

В отличие от отраслевых юридических научных и учебных дисциплин общая теория государства и права изучает не какую-либо одну область, направление или историю государственной и правовой жизни, а общие и специфические закономерности развития государства и права в целом. При этом общая теория государства и права не ограничивается исследованием государства и права одной страны, отдельной области или направления государственно-правовой жизни, а на основе изучения государства и права различных общественно-экономических формаций, всех областей и направлений государственно-правовой действительности определяет общие и специфические закономерности их развития, основные признаки и существенные характерные черты.

Историко-юридические науки, например, изучают государственно-правые явления, свойственные отдельным общественно-экономическим формациям (основные этапы развития государства и права в различных странах и регионах мира). При этом историко-юридические науки, опираясь на общие закономерности государства и права, раскрывают конкретно-исторические проявления специфических закономерностей развития государственно-правовой жизни отдельных общественно-экономических формаций; они призваны отобразить и объяснить исторический ход развития государственно-правовой действительности во всей ее конкретности и хронологической последовательности. Главным же содержанием общей теории государства и права являются не отдельные, а именно общие закономерности государственно-правовых явлений. Это совсем не означает, что общая теория государства и права игнорирует специфические закономерности государственно-правовых явлений различных общественно-экономических формаций. Без учета отдельных и даже отдельных закономерностей развития государственно-правовых явлений различных формаций вообще невозможно понять их общие закономерности, но основным, центральным ее содержанием являются общие закономерности развития государственно-правовых явлений, действующие во всех или по крайней мере в ряде общественно-экономических формаций.

Необходимость выделения из системы юридических наук общей теории государства и права как самостоятельной научной отрасли знания обусловлена тем, что в реальной жизни действуют такие объективные закономерности развития государственно-правовых явлений, такие существенные их связи и отношения, которые являются общими, присущими всем явлениям данного рода и без познания которых невозможно более или менее глубоко изучить предмет отраслевых (специальных) юридических наук. Так, например, без общего определения государства невозможно выявить особенности, отличающие друг от друга различные исторические типы государств; без общего научного понятия сущности, со-

держания и формы права, отрасли и института права, системы и систематики права, нормы права и правоотношения и т. д. Ни одна отрасль юридической науки не сможет плодотворно разрабатывать вопросы своей специальной сферы знаний.

Каждая отраслевая (специальная) юридическая наука, взятая в отдельности, отражает лишь отдельную, хотя и существенную, сторону всеобщей связи государственно-правовых явлений как между собой, так и с окружающим общественным бытием, фиксирует лишь некоторые моменты, части и черты этих связей. Но если бы мы пользовались лишь понятиями, выработанными теми или иными отраслевыми юридическими науками, то лишили бы себя возможности выяснить связи между различными областями государственно-правовой действительности, обнаружить закономерности развития государства и права в целом, определить их место и роль в общественной жизни. Так, даже доскональное и глубокое знание гражданского или земельного законодательства не может дать полного представления о значении права в жизни общества, его роли в межличностных отношениях. Задача общей теории государства и права в том и состоит, чтобы вскрыть внутреннюю связь и тенденции закономерного развития государственно-правовых явлений в целом, объяснить и показать, в частности, их роль в регулировании отношений между людьми, в управлении жизнедеятельностью общества.

Выводы, положения и определения общей теории государства и права являются наиболее существенными для характеристики основных тенденций развития государственно-правовых явлений. Именно поэтому общая теория государства и права по отношению к отраслевым юридическим наукам является наукой обобщающей, имеющей руководящее, направляющее, методологическое значение при разработке специальных проблем, составляющих предмет отраслевых юридических наук. Формулируя общие научные закономерности развития государственно-правовых явлений всех общественно-экономических формаций, вскрывая связи и взаимоотношения между различными областями, сферами, сторонами единой и целостной государственно-правовой действительности отдельных общественно-экономических формаций, общая теория государства и права благодаря этому вносит "методологическое единство" в исследование государственных и правовых проблем. При этом общая теория государства и права опирается также на достижения отраслевых юридических наук, обобщает, синтезирует и систематизирует их выводы. В общетеоретическом мышлении эти выводы, интегрируясь, обогащаются и совершенствуются на высшем уровне синтеза. Общие закономерности развития государственно-правовой действительности, основываясь на особенных и отдельных закономерностях, вовсе не сводятся к последним, а, синтезируя их, реально существуют и действуют самостоятельно через особенные и отдельные закономерности развития этой действительности. Следу-

ет, однако, иметь в виду, что отраслевые юридические науки нередко в своих специальных изысканиях поднимаются до такого уровня обобщения, что выходят далеко за пределы отраслевой проблематики, послужившей основой для движения познающей мысли (достаточно в этой связи напомнить, например, разработку в гражданском и уголовном праве проблемы вины и ответственности). И эти обобщения, конечно, могут и должны быть включены (и включаются) в арсенал научных идей общей теории государства и права.

Историческое развитие любой науки, в том числе и общей теории государства и права, сопровождается изменениями и преобразованиями ее предмета. Отпадение одних и выдвигание иных объектов познания, восполнение традиционной проблематики данной науки новыми направлениями исследований и проникновение в сферу иных отраслей научного знания кажется иной раз неоправданным или даже недопустимым с точки зрения "чистоты" той науки, основы которой устоялись, вошли в арсенал неопровержимых догм и как будто бы достаточны для решения назревающих или назревших проблем практики. Так рождается отрицание даже тех благотворных явлений, которые несут с собой, в частности, тенденции объединения наук в комплексном исследовании соответствующих объектов. Логика рассуждений при этом выглядит примерно следующим образом: поскольку учение о государстве и праве исторически "вычленилось" из сферы других наук в процессе их развития, постольку его современная интеграция с другими науками представляет собой шаг назад к тому первоначальному виду, когда оно было в зародышевом состоянии. Но такой формально-логический ход рассуждений вызывает недоумение, ибо мировая и отечественная наука переживают в настоящее время небывалый в своей истории подъем именно благодаря интеграции различных наук. Опасения о "размывании" границ предмета общей теории государства и права не имеет под собой сколько-нибудь рациональных оснований. "Размывание" границ общей теории государства и права отнюдь не уничтожает предмета данной науки, а обогащает его, вливает в его "душу" те теоретические ценности, которыми обладают иные науки.

Все ранее сказанное позволяет перейти к определению предмета общей теории государства и права.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что общая теория государства и права, на наш взгляд, включает в себя две основные части: социологию государства и права и философию государства и права, водораздел между которыми проходит, условно говоря, по линии онтологического и гносеологического изучения. Эта линия, действительно, носит условный характер прежде всего потому, что не может быть онтологии вне гносеологии, равно как и наоборот. И именно поэтому и социология, и философия государства и права

составляют единый предмет науки общей теории государства и права.

Однако указанное разграничение единого предмета общей теории государства и права, по нашему мнению, вполне оправданно, судя по тенденции самой этой науки (к настоящему времени четко обозначались указанные направления исследований).

Современное состояние общей теории государства и права преимущественно предстает перед нами в виде социологического истолкования государства и права, поскольку в основном онтологически изображает объективную диалектику государственно-правовой действительности, ее реального развития, изменения и преобразования. Выполнив и продолжая успешно выполнять эту свою миссию, общая теория государства и права все в большей мере стала интересоваться тем, какими путями, методами и способами происходит само познание государственно-правовых явлений, какова их гносеологическая природа. Постепенно, шаг за шагом происходит зарождение, становление и развитие нового направления в лоне самой науки общей теории государства и права, которое можно охарактеризовать как разработку логики, диалектики и теории познания государственно-правового бытия.

Как в свое время общая теория государства и права отпочковалась от ряда иных наук, так ныне наблюдается тенденция к образованию относительно самостоятельного направления внутри общей теории государства и права. Такая дифференциация предмета науки вполне естественна и закономерна, ибо она является не только предпосылкой, но и необходимым составным элементом предстоящей интеграции различных направлений общей теории государства и права на более высоком теоретическом уровне.

И еще один момент, заслуживающий рассмотрения, а именно: об объединении в одной науке теории государства и теории права. Дифференциация общей теории государства и общей теории права в рамках единой науки вполне возможна, подобно тому, как мы выше разграничили эту науку по другим основаниям на социологию государства и права и философию государства и права. Но как первая, так и вторая дифференциация происходит внутри, повторяем, единой науки общей теории государства и права. Иначе говоря, дифференциация частей (или направлений) внутри целого и отделение от целого части, образующей новое целое, — далеко не одно и то же.

Невозможно изучать государство без учета основного его средства самоорганизации и воздействия на общественные отношения — права, равно как и наоборот, невозможно изучать право без учета его использования государством, "подчиненности" государства праву, главной силы — государства в обеспечении реализации права. Однако, учитывая в процессе познания эту органическую взаимосвязь, мы можем, в зависимости от задач и целей исследования, акцентировать свое внимание либо на проблемах государства, либо на про-

блемах права. Фактически так именно дело и обстоит с “разделением труда” в науке общей теории государства и права: одни авторы преимущественно исследуют общетеоретические проблемы государства, другие — общетеоретические проблемы права. Но нельзя при этом забывать, что и те, и другие изучают связи и взаимодействия между государством и правом, представляющие собой весьма обширную сферу знаний. И именно эта сфера объективной и субъективной диалектики развития государственно-правовых явлений объединяет их в единую науку, поскольку данная проблематика (связь и взаимодействие между государством и правом) находится между ними.

На основании изложенного можно предложить следующее определение предмета общей теории государства и права.

Предметом общей теории государства и права являются государственно-правовая действительность, общие и специфические объективные закономерности ее развития, на основе познания и использования которых разрабатываются фундаментальные проблемы, имеющие методологическое значение для отраслевых юридических наук.

§ 3. Общая теория государства и права в системе научного знания

Знаменем современного развития естественных и технических наук является все возрастающая, углубляющаяся и укрепляющаяся их интеграция, онтологическое и гносеологическое взаимопроникновение, в результате которого возникают новые и весьма плодотворные научные направления — математическая генетика, биофизика, биохимия, кибернетическая медицина и многие другие. Симбиоз двух-трех и более наук дает поразительные, замечательные результаты, открывает новую эру в комплексном преобразовании природы и создании “второй природы”.

В этом отношении в общественных науках дело обстоит куда хуже. Здесь отсутствует сколько-нибудь устойчивый союз не только с естественными и техническими науками, но даже между родственными отраслями научного знания: государствоведения и правоведения, экономики, политологии, философии, социологии, психологии, этики и т. д. Приходится с беспокойством констатировать это печальное обстоятельство, существенно снижающее потенцию данных наук.

Необходимость исследования государства и права как сложноорганизованных систем средствами различных наук имеет теоретическое и практическое значение не только для общей теории государства и права, но и для всего комплекса юридических наук. Оно необходимо в целях обогащения иных научных дисциплин знаниями функционирования государства и общества в их непосредст-

венной данности, в том числе повседневной жизни людей, складывающихся между ними отношений, то есть всего того, что получает выражение в правовой форме. Организуя государственное управление, регулируя отношения людей в процессе познания, деятельности и общения, государство и право учитывают (или должны учитывать) социальные, психологические, интеллектуальные, моральные, физиологические, половозрастные и иные особенности людей, их разнообразные возможности, интересы, устремления и т. д., тем самым ориентируя комплекс наук на изучение этих особенностей в их взаимосвязи, единстве и системной целостности. Государственная деятельность, правовое регулирование соответствующих общественных отношений выступают в роли "акцептора" познания всего комплекса естественных, технических и общественных наук. Так, например, физиология трудовых процессов, как известно, исследует механизмы работоспособности и отдыха, факторы утомления и восстановления способности к труду, связь этих факторов с типологическими особенностями нервной деятельности, общим состоянием человеческого организма и т. д. Данные физиологии, биофизики и биохимии трудовых процессов являются основой гигиены труда, от условий которых зависит профилактика профессиональных заболеваний и которые должны учитываться государством и правовым регулированием. Комплексные медицинские показатели различных групп работающих требуют, далее, установления государством законодательных нормативов режима труда, рабочего времени и отдыха, восстановления работоспособности, безопасности труда, предотвращения профессионального травматизма и т. д. Одним словом, организация производства, его нормальное функционирование требует постоянного и внимательного отношения со стороны государства, предполагает его всеобъемлющий охват средствами права. При этом первостепенное и главное значение государству и праву следует отводить человеческому фактору, самым разнообразным сторонам его проявления.

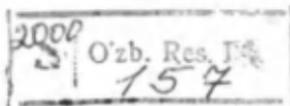
Можно привести другой пример в связи с возрастающей компьютеризацией общества, которая влечет за собой не только величайшие блага и прогрессивные преобразования, но и некоторые негативные последствия на индивидуальном, коллективном и общественном уровнях. Так, компьютеризация трудовых процессов перемещает деятельность человека из области предметной в область операций с модельными, знаковыми символами; всесторонность труда как средства развития сознания в определенной мере исчезает, он становится все более односторонним, узким, прагматичным; индивид замыкается в самом себе, общается в основном с машинами, превращается в своеобразный автомат. Эта опасность вполне реальна, из возможности она может превратиться в действительность, если уже сейчас не позаботиться, чтобы разрабатываемые специалистами компьютерные системы ориентировали работающих с ними людей не только на формальное, но и на образное

мышление. Эта задача чрезвычайно сложная, но поиск ее решения, в том числе с помощью государства и правовых средств, крайне необходима для снижения отмеченных негативных последствий компьютеризации.

До сих пор философия, психология, кибернетика и иные отрасли научного знания менее всего были озабочены этой проблемой, хотя ее актуальность возрастает и будет возрастать по мере развертывания компьютеризации общества. Нельзя недооценивать и роль общей теории государства и права в решении данной проблемы, способной выдвинуть для законотворчества рекомендации по правовому ограничению "отчужденных компьютерных систем" и поощрению тех компьютерных разработок, которые оптимально сочетают механический и творческий труд. Законодательные акты могут даже запретить создание компьютерных систем, не ускоряющих, а тормозящих продвижение к свободному труду, который должен иметь общественный, творческий и гуманный характер.

Не трудно продолжить рассмотрение правовой кибернетики, например, в связи с предстоящей компьютеризацией законотворческого процесса, правоприменительной практики или совершенствования системы государственного управления. В частности, на современном уровне развития науки задача повышения эффективности правового воздействия на соответствующие общественные отношения может быть решена не только применительно к законодательству в целом, но и в отношении каждой отдельной правовой нормы или статьи нормативного акта. Или: в связи с необходимостью значительного сокращения численности государственного аппарата, достигшего ныне небывалых и неоправданных размеров, возникают проблемы, связанные с трудоустройством высвобождающихся работников, их переквалификации и целесообразного использования, обеспечения социальной справедливости при решении ряда вопросов жизнедеятельности трудящихся и их семей и т. д. Очевидно, все это будет нуждаться в заботе государства, правовой регламентации, и, следовательно, в расширении и углублении познания общей теории государства и права, юридической науки в целом с помощью кибернетической техники.

Оставляя в стороне более подробное рассмотрение этой проблематики, следует лишь отметить, что первоначальная эйфория относительно захватывающих перспектив развития правовой кибернетики обещала интенсивное развитие данного нового направления в общей теории государства и права, в юридической науке вообще. На основе общих кибернетико-правовых идей в этот период были созданы и апробированы методики компьютерной справочно-информационной службы в области законодательства, дактилоскопической и графической идентификации, другие прикладные разработки, изданы учебники и научные труды. Этими нашими идеями и разработками успешно воспользовались ученые США и других стран, а у нас тем временем плодотворно начатая работа

постепенно затухала и в конце-концов свелась почти на нет. Причина тому, помимо прочего, — отсутствие в общей теории государства и права фундаментальных исследований в данной области, что и привело к значительному сокращению прикладных разработок. Необходимо незамедлительно восстановить и интенсифицировать исследования в этом перспективном направлении, привлекая к ним в том числе и студентов.

Исследование труда, равно как и иных сфер жизнедеятельности человека, не должно ограничиваться рамками физиологии, медицины, кибернетики и иных естественных и технических наук. Человек не только биологическое, но и социальное существо, он является сознательным производителем материальных и духовных ценностей, мотивы творчески-созидательной деятельности обусловлены и его социальной сущностью, общей и профессиональной культурой и образованием, моральным обликом и ценностными ориентациями, характером общения с другими людьми и поведением. А это уже сфера общественных наук, призванных на основе биосоциальных данных исследовать человека как субъекта познания, деятельности и общения. На самом деле, возможно ли сколько-нибудь плодотворное решение проблем общей теории государства и права без профессиональных знаний философии, социологии, политологии и этики; государственного и административного права без взаимодействия с политологией и наукой организации и управления; гражданского, трудового и хозяйственного права вне органической связи с общей и отраслевой экономикой; уголовного и исправительного права без психологии, педагогики, этики; международного права — помимо теории международных отношений, политологии, вне глобальных проблем мирового сообщества и т. д., и т. п.

В западных странах ныне активно обсуждаются (и менее всего у нас) множество вопросов евгеники, клонирования, патернализма, пересадки органов, пробирочного зачатия и т. д., одним словом, всего комплекса биосоциальной и биоэтической проблематики. Эти обсуждения носят преимущественно нравственную направленность, хотя очевидно, что без подключения к ним общей теории государства и права едва ли будут достигнуты практически эффективные результаты. Опасность же иных экспериментов над людьми может принести огромный и непоправимый вред (например, так называемое улучшение человеческого рода). Именно поэтому необходимо в эти направления исследований интегрировать третий компонент — общую теорию государства и права и, в первую очередь, международное право, с помощью которого станет возможным установить мораторий на некоторые эксперименты не в отдельной, а во всех странах.

Из сказанного вовсе не следует, что общая теория государства и права сливается, растворяется в перечисленных науках. Ее отличие от них (скажем, психологии или педагогики) состоит в том, что государство и право имеют дело с человеком на перепутье его встреч

с обществом, на заинтересованности государства в тех или иных особенностях, возможностях и поведении человека. С другой стороны, право отражает и тот интерес, который проявляет человек к государственным структурам, нуждаясь в их поддержке, охране, обеспечении. Пренебрежение этим отличием общей теории государства и права от иных наук, игнорирование ее гуманитарного аспекта опасно в переживаемый нами исторический период, когда перед страной стоит задача действительного обновления общества на демократических основах, когда главной целью государства и права должна выступать забота о своих гражданах. Но, увы, именно чрезмерная нормативизация общей теории государства и права (отнюдь не умаляя положительных сторон нормативного понимания права) отрицательно сказалась на раскрытии государства и права в их гуманитарном измерении, на познании особенностей человеческого фактора в правовом регулировании отношений между людьми. В этой связи представляется целесообразным восстановить в отечественной общей теории государства и права традиции и все то ценное, чем богата не только естественно-правовая доктрина, историческая и психологическая школы права, этико-правовые исследования, но и так называемая экспериментальная юриспруденция и другие новейшие направления юридической науки.

Сказанное и многое другое в современной жизнедеятельности общества и человека со всей очевидностью свидетельствует о необходимости выхода общей теории государства и права, всего комплекса юридических наук из их изоляции от других естественных и общественных наук, установления контактов и творческого сотрудничества с ними в комплексном познании новых и новейших проявлений государственно-правовой действительности, в усилении роли государства и права в прогрессивном и демократическом развитии общества, обеспечении и охране свобод и прав человека.

§ 4. Общая теория государства и права как учебная дисциплина

Советская система юридического образования страдала множеством недостатков и прежде всего воспитанием у студентов безоговорочной подчиненности партийным и государственным органам, догматико-нормативистского мышления, "обвинительного уклона" в правоприменительной практике. Отсутствовало позитивное изучение объективных ценностей государства и права, содержания, процедуры и техники законотворческого процесса, комплексной социальной профилактики преступности, теории и практики государств и правовых систем зарубежных стран и т. д. Эти недостатки юридического образования полностью не преодолены и по сей день. Студенты продолжают пользоваться преимущественно

устаревшими учебниками, учебными пособиями и научной литературой.

Выходу из создавшегося положения будет способствовать создание новой образовательной системы в государственоведении и правоведении, обеспечивающей высокую профессиональную культуру выпускников, вооруженных современными знаниями, способных принимать самостоятельные решения государственных и правовых вопросов. Настало время совершить прорыв в юридическом образовании.

Одним из эффективных средств этого прорыва является формирование новой интеллектуальной юридической элиты. В этом отношении трудно переоценить роль общей теории государства и права. Следует, однако, отметить, что данная выше краткая характеристика науки общей теории государства и права, специфика ее предмета, цели и задачи столь обширны, что не могут быть охвачены учебником по данной дисциплине. В общей теории государства и права как учебной дисциплине освещаются лишь основополагающие положения, наиболее существенные, узловые проблемы государства и права, принципиальные выводы о государственно-правовой действительности. Эти учебные знания в последующем юридическом образовании пополняются, обогащаются, конкретизируются и развиваются освоением новой фундаментальной и прикладной юридической литературы, прохождением учебной практики.

Общая теория государства и права как учебная дисциплина призвана формировать высококвалифицированных специалистов в области государства и права нового поколения:

— обладающих широкими и глубокими знаниями государства и права;

— способных активно включиться в формирование гражданского общества и правового государства;

— подготовленных не только по общей теории государства и права, но и по иным общественным наукам;

— овладевших основами всех отраслей права, осознающих их место в системе российского права и роли в преобразовании политических и социально-экономических отношений;

— познавших основы законотворчества, законодательной техники, демократической законности;

— юридически профессионально подготовленных к условиям современной экономики, требованиям регулируемого рынка;

— активно защищающих свободы и права граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации;

— подготовленных к работе в совместных российско-зарубежных учреждениях, предприятиях и компаниях, в международных органах;

— прошедших практику (стажировку) в парламенте, правительстве, правоохранительных органах России и зарубежных стран.

В соответствии с данными задачами общей теории государства и права как учебной дисциплины и строится ее структура.

Глава II. Методология теории государства и права

§ 1. Понятие и значение методологии теории государства и права

Как и каждая отрасль знаний и учебная дисциплина теория государства и права имеет не только свой предмет, но и метод. Предмет теории государства и права дает ответ на вопрос, какую область общественно-политической и правовой жизни изучает данная наука и дисциплина. В то же время метод указывает на то, каким образом она это делает.

Безотносительно к конкретной отрасли знаний и учебной дисциплине метод представляется как прием и способ изучения реальной действительности и получения о ней объективных знаний.

Метод, отмечается в Энциклопедических словарях, это путь исследования, "способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи". Метод теории государства и права, а точнее — методы, соответственно, — это пути изучения данной материи, способы познания государства и права, средства получения о них новых знаний. Кроме того, под методами теории государства и права понимаются также способы упорядочения имеющегося материала, его логического расположения с целью последующего более глубокого и разностороннего изучения.

Совокупность методов научного познания реальной действительности формирует методологию исследования.

Как отдельные методы, так и методология в целом определяются в решающей мере предметом самой науки. Это — объективный фактор. Однако при этом важную роль играют и субъективные факторы. Они заключаются в возможности и способности исследователя вырабатывать новые или же использовать по своему выбору старые, не исчерпывающие себя и наиболее эффективные методы исследования материи.

Методология теории государства и права представляет собой систему особых приемов, принципов и способов изучения общих закономерностей возникновения, становления и развития государственно-правовых явлений. Для теории государства и права свойственно наличие не одного какого-либо отдельно взятого приема, принципа или способа исследования государства и права, а их **системы, совокупности**. Многие из них широко используются и в других науках. В особенности это касается **принципов** исследования государственно-правовой и иной материи, а также **философских подходов**.

Разумеется, государство и право могут изучаться и изучаются во всем мире с самых различных философских позиций. Это вполне понятно и естественно. В связи с этим Конституция России, равно как и конституции ряда других стран, признают и закрепляют "идеологическое многообразие". В Конституции Российской Федерации особо декларируется также, что "никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной" и что "в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность"¹.

Однако политическое и идеологическое "многообразие", различные философские и мировоззренческие позиции и подходы к изучению государства и права вовсе не исключают, а, наоборот, предполагают в целях получения объективных знаний, полноценной научной информации об исследуемой материи, использование ряда общих для всех наук и дисциплин принципов и приемов.

Среди них следует выделить, **во-первых, принцип всесторонности исследования государства и права.** Основной смысл его заключается в том, чтобы исследовать государственно-правовые явления не сами по себе, а в их взаимосвязи и взаимодействии с другими, соотносящимися с ними явлениями. Полнота и всесторонность исследования предполагают также рассмотрение государства и права не в одном каком-либо отдельно взятом аспекте, а во всех формирующих общее видение исследуемых явлений аспектах.

Во-вторых, следует выделить принцип историзма в исследовании государства и права. Он означает рассмотрение существующих государственно-правовых явлений не только под углом зрения настоящего их состояния, но и с позиций их прошлого и предполагаемого будущего. Весьма важными при этом являются ответы на вопросы, касающиеся причин и условий возникновения государства и права, основных факторов их становления и развития в настоящем и прошлом, основных перспектив и тенденций их эволюции в будущем.

Рассматривая историю развития государственно-правовых и иных явлений "в двойном смысле", а именно как "движение во времени, процесс" и как познание этого процесса, известный русский историк, профессор Московского университета В. Ключевский указывал на настоятельную, обусловленную многими причинами необходимость исследования данного процесса.

В одной из своих начальных лекций, составляющих курс русской истории, он говорил, что вполне понятен "практический интерес", побуждающий нас изучать историю России особо, выделяя ее из состава всеобщей истории: ведь это история нашего Отечества". Но, подчеркивал автор, "этот воспитательный, то есть практический интерес не исключает научного, напротив, должен только

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ч. 1—3. Ст. 13.

придавать ему более дидактической силы". Итак, ставил вопрос В. Ключевский, начиная особый курс русской истории, можно задать такой общий вопрос: какую научную цель может иметь "специальное изучение истории одной какой-либо страны, какого-либо отдельного народа?" И тут же пояснял, что эта цель должна быть выведена из общих задач исторического изучения", то есть, "из задач изучения общей истории человечества"¹. Эта цель заключается в глубоком и всестороннем познании конкретного государства и права или любых иных явлений, институтов и учреждений, а также в использовании исторического опыта для их дальнейшего развития и совершенствования.

В-третьих, важно выделить принцип комплексности в изучении государства и права. Содержание этого принципа заключается в том, чтобы исследовать их не только с юридической точки зрения, но и с позиций других общественных наук — философии, социологии, политэкономии, политологии. Важно рассматривать все составные элементы и стороны государства и права не только в статике, но и в динамике — с точки зрения того, как они возникли, развивались и какими они стали теперь.

Преимущество комплексного подхода к изучению государственно-правовых явлений как целостного образования и рассмотрение их как единого социального организма (а не как простой совокупности составляющих их элементов) несомненно. Оно заключается прежде всего в том, что такой подход позволяет, не оставляя в стороне нерешенных проблем, относящихся к тем или иным отдельным сторонам государства и права, осветить все основные, наиболее общие вопросы, касающиеся государственно-правового механизма в целом, соотнести их с частными вопросами и найти наиболее быстрое и оптимальное их решение. Далее, комплексный подход дает возможность легче выявить разносторонние глубинные отличия одного типа государства и права от другого.

Несомненное преимущество комплексного подхода к изучению государства и права проявляется также в том, что он помогает более определенно установить их специфику, место и роль в жизни общества, а также определить задачи и функции государства и права на том или ином этапе общественного развития. Комплексный подход позволяет одним мысленным взором охватить всю историю развития государства и права, проследить процесс их становления и последующего развития, смену их типов, форм, провести наиболее четкую классификацию государственно-правовых явлений в зависимости от их экономических, политических, социальных основ и других их существенных особенностей. К государству и праву полностью применима марксистская методология исследования явлений, в соответствии с которой при исследовании важно "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ти томах. Т. 1. Ч. I. М., 1987. С. 33.

вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития, чем данная вещь стала теперь".

Объективно необходимым в процессе познания государственно-правовых явлений становится использование не только юридических категорий и понятий типа: "право", "законность", "правоотношение", "правотворчество", "правоприменение", но также категорий и понятий из арсенала других наук.

В частности, весьма важным при этом является использование философских категорий и понятий, таких, как "сущность", "форма", "содержание", "структура", "функция", "система", "элемент", "компонент" и др. Они выступают в качестве отправных, исходных положений в процессе исследования не только государственно-правовых, но и иных явлений, институтов и учреждений.

В юридической литературе в связи с широким использованием философских категорий справедливо указывалось на то, что не нужно бояться "философизации" или "социологизации" государственно-правовой науки. Ведь понятийный и категориальный аппарат, выработанный философией, является адекватным отражением всех открытых и познанных свойств материи, всех существующих в действительности явлений, включая и такие сложные, многогранные явления, как государство и право. Только полагаясь и опираясь на этот аппарат, на философские понятия и категории, можно идти от более общего, первоначального представления о государственно-правовой материи к менее общему, углубленному представлению о ней, от незнания к знанию.

Однако важно при этом не подменять юридическое исследование философским, социологическим или любым иным исследованием, не смешивать юридический подход к познанию государства и права философским или любым иным подходом.

Признавая значимость методологической роли философских категорий и понятий и справедливость слов о том, что стремление низвести научную абстракцию до уровня обыденного сознания ничего, кроме вреда, не принесет, вместе с тем нельзя не заметить, что переоценка их методологического потенциала, увлечение абстрактными построениями и рассуждениями, граничащими с отрывом от эмпирической материи, от живой, повседневной практики, может привести к не менее пагубным последствиям в процессе исследования государства и права и выработки их теории. Это касается всех без исключения философских категорий и понятий. Но в первую очередь это относится к таким наиболее часто используемым при изучении различных государственно-правовых явлений категориям, как общее и особенное, необходимое и случайное, конкретное и абстрактное, возможное и действительное, форма и содержание, причина и следствие, и др.

Вся сложившаяся в процессе функционирования государственно-правовых явлений **практика**, весь накопленный при этом опыт,

все свойственные ей особенности и черты должны быть учтены и соответствующим образом отражены в используемых категориях и понятиях. Только в этом случае последние применительно к исследуемой материи наполняются конкретным содержанием и приобретают вполне определенный социальный смысл. Только в этом случае можно говорить об их методологической значимости и эффективности как средства познания государства и права.

Аксиоматичным является тот факт, что изучение различных сторон государства и права на теоретическом уровне и разработка их концепции не могут успешно вестись без накопления соответствующего материала и его первичной обработки на эмпирическом уровне, без обстоятельного анализа и последующего синтеза эмпирических знаний, без тщательного рассмотрения структуры и функций последних, без глубокого изучения и обобщения практики сложившихся между ними взаимоотношений.

Можно по-разному относиться к научному и идейному наследию В. И. Ленина, но нельзя не признать глубокую правоту его слов о том, что — **“практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности”**¹.

Постоянное изучение и обобщение практики функционирования государства и права разных стран, понимаемой как общественно-политическая и материальная деятельность людей и их организаций, направленная на дальнейшее укрепление и совершенствование этих институтов, позволяет выявить и широко использовать те многочисленные факторы, которые способствуют непрерывному развитию их экономических, социальных, политических и иных основ, установлению тесных отношений между их различными частями, образованию их наиболее оптимальной структуры и непрерывному совершенствованию механизма их функционирования.

Анализ практики дает возможность, кроме того, свести к минимуму или полностью устранить всякого рода негативные моменты, мешающие нормальному функционированию государства и права, глубже понять и использовать механизм их взаимодействия с экономикой, обществом, различными компонентами базисного и надстроечного порядка. Анализ практики позволяет также всесторонне разработать и углубить основные положения теории государства и права, усовершенствовать понятийный аппарат, выявить главные тенденции и закономерности ее развития.

§ 2. Классификация и виды методов познания государства и права

Наряду с принципами познания и философскими подходами к процессу изучения государства и права важное значение в системе методологии имеют сами методы или способы и средства познания.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.

В зависимости от сферы распространения и охвата исследуемой материи, а также от их специфики и характера все методы классифицируются на несколько групп. Это: а) всеобщий диалектико-материалистический метод; б) общие методы; в) специальные методы и г) частные методы.

Всеобщий диалектико-материалистический метод распространяется на все без исключения конкретные науки и на все этапы или стадии процесса познания. Особое внимание данному методу придавалось и придается в отечественной и зарубежной марксистской литературе. Характеризуя его с точки зрения динамичности и всеобщности, Ф. Энгельс писал, что “диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления”.

Диалектико-материалистический метод используется учеными других политических взглядов и мировоззрений. Это вполне понятно и объяснимо, поскольку данный метод затрагивает и помогает решать не только и даже не столько мировоззренческие, политико-идеологические проблемы, сколько сугубо научные, академические вопросы.

Применительно к теории государства и права, равно как и к любой иной науке, использование диалектико-материалистического метода, как показывает практика его применения, с неизбежностью ведет по нарастающей линии от менее емкого и глубокого знания к более широкому и глубокому знанию о государстве и праве, к быстрому накоплению теоретически и практически значимой о них и для них информации.

Одна из причин эффективности данного метода заключается в том, что с его помощью определяется и теоретически отражается реальный исторический путь, который проходило и проходит развитие государства и права. С помощью диалектико-материалистического метода внимание исследователя акцентируется не только на выявлении особенностей и определения понятия государства и права (“определение понятия самого из себя” — *Ленин*), но и на их связях между собой и с окружающими их явлениями, институтами и учреждениями. Государство и право рассматриваются как в статике, так и в динамике — с точки зрения их эволюционного и революционного развития, с позиций их внутренних противоречий (“противоречивость в самой вещи”, “противоречивые силы и тенденции во всяком явлении” — *Ленин*), под углом зрения их взаимодействия с окружающей политической, экономической, социальной и иной средой.

Общие методы используются не только в теории государства и права, но и в других науках. Среди них — методы сравнения, анализа и синтеза, абстрагирования, системного и структурного подходов, методы подведения менее общего понятия под более общее, восхождения от абстрактного к конкретному и другие.

Разумеется, не все эти методы имеют одинаковое по частоте и эффективности применение. Например, методы анализа и синтеза используются в повседневной научной работе гораздо чаще, чем, скажем, системный метод. Однако все они имеют важное значение для получения объективных знаний о государстве и праве, для глубокого и всестороннего исследования рассматриваемой материи.

По широте охвата сферы применения и отчасти по своему характеру общие методы в своей совокупности ассоциируются со всеобщим диалектико-материалистическим методом. Они находятся в постоянной взаимосвязи и взаимодействии, дополняют и развивают друг друга. Общие методы, так же как и всеобщий диалектико-материалистический метод, широко используются во всех без исключения конкретных науках. Однако, в отличие от последнего, общие методы, как справедливо отмечается в современной юридической литературе¹, охватывают собой далеко не все стадии научного познания. Сфера их применения ограничивается решением лишь определенных познавательных задач.

Следует также отметить, что, в отличие от диалектико-материалистического метода, составные элементы которого в виде таких законов диалектики, как переход количественного состояния в качественное, отрицание отрицания, закон единства и борьбы противоположностей и другие действуют повсеместно и на постоянной основе, независимо от того, осознаются ли они исследователями или не осознаются, некоторые общие методы, точнее — их применение ассоциируются иногда, хотя и с весьма условными, но все же достаточно четко обозначенными временными рамками.

Речь идет, в частности, о таких общих методах, как **системный метод**, "открытие" которого для юридической науки, включая теорию государства и права, и широкое, интенсивное использование неразрывно связано с разработкой системных исследований в различных сферах жизни общества лишь в послевоенный период.

Имеется в виду также **сравнительный метод**, активное использование которого применительно к государственно-правовой материи началось только со второй половины XIX — начала XX века, когда стала формироваться относительно самостоятельная отрасль правовых знаний под названием "сравнительного права". Это не означает, что сравнительный метод в юридической науке не применялся раньше. Однако это применение не имело постоянного, систематического характера.

Специальные методы. Они разрабатываются в рамках отдельных специальных наук и широко используются для изучения государства и права. К специальным методам обычно относятся математические, статистические, психологические, кибернетические, конкретно-социологические и многие другие методы.

¹ Общая теория права / Отв. ред. А. С. Пиголкин. М., 1993. С. 20.

Практическая значимость этих методов заключается в том, что они вместе с другими методами позволяют взглянуть на государство и право с позиций негосударственно-правовых дисциплин, помогают создать более полное представление о государстве и праве.

В частности, с помощью конкретно-социологического и статистического методов исследователь стремится получить количественные, а вместе с тем и качественные оценки различных государственно-правовых явлений, институтов и учреждений (например, эффективность предпринимаемых мер по борьбе с организованной преступностью и коррупцией), выявить основные тенденции развития государства и права на том или ином этапе их развития, наметить и применить наиболее действенные меры по борьбе с негативными последствиями в их развитии.

Частные методы. Главная их особенность заключается в том, что они вырабатываются самой теорией государства и права и другими юридическими науками и используются только в пределах этих наук. К данной группе методов следует отнести методы выработки правовых решений, методы толкования норм права, формально-юридический метод и др.

Частные, как и все другие методы теории государства и права, имеют не только сугубо академический, но и практический характер. В частности, с помощью формально-юридического метода проводится исследование с целью выработки практических рекомендаций по дальнейшему развитию и совершенствованию различных форм или источников права, отдельных правовых актов, норм и институтов, по систематизации существующего в стране нормативно-правового материала, по развитию законодательной и правоприменительной техники и т. д.

Глава III. Разнообразие теорий происхождения государства и права

§ 1. Необходимость исследования проблем происхождения государства и права

Изучение процесса происхождения государства и права имеет не только чисто познавательный, академический, но и политико-практический характер. Оно позволяет глубже понять социальную природу государства и права, их особенности и черты. Дает возможность проанализировать причины и условия их возникновения и развития. Позволяет четче определить все свойственные им функции — основные направления их деятельности, точнее установить их место и роль в жизни общества и политической системы.

Среди теоретиков государства и права никогда не было раньше и в настоящее время нет не только единства, но даже общности взглядов в отношении процесса происхождения государства и права. При рассмотрении данного вопроса никто, как правило, не подвергает сомнению такие, например, общеизвестные исторические факты, что первыми государственно-правовыми системами в Древней Греции, Египте, Риме и других странах были рабовладельческие государство и право. Никто не оспаривает того факта, что на территории нынешней России, Польши, Германии и ряда других стран никогда не было рабства. Исторически первыми здесь возникли не рабовладельческие, а феодальные государство и право.

Не оспариваются и многие другие исторические факты, касающиеся происхождения государства и права. Однако этого нельзя сказать обо всех тех случаях, когда речь идет о причинах, условиях, природе и характере происхождения государства и права. Над единством или общностью мнений здесь преобладает разнопллярность мнений.

Помимо общепризнанных мнений и суждений в вопросах происхождения государства и права нередко имеют место прямые искажения данного процесса, **сознательное игнорирование ряда весьма существенных** для его глубокого и всестороннего понимания фактов. «Если понятие государства, — писал в связи с этим еще в начале XX века видный государствовед Л. Гумплович, — часто сводилось к выражению политических тенденций, к изображению политической программы и служило знаменем для политических стремлений, — то неменьшему извращению должен был подвергаться и чисто исторический акт происхождения государств. Его часто искажали и сознательно игнорировали в пользу так называе-

мых “высших идей”¹. Чисто исторический акт происхождения государств, — продолжал автор, — строили на идее, выводили из известных потребностей или, иначе говоря, из определенных рационалистических и нравственных мотивов. Полагали, что для поддержания морали и человеческого достоинства обязательно нужно скрыть действительный, естественный способ возникновения государств и выставить вместо него какую-нибудь “легальную” и гуманную формулу”².

Дело, однако, заключалось не только и даже не столько в преднамеренном сокрытии “действительного, естественного способа” возникновения государства и права, сколько в **различном понимании сути и самой значимости этого способа**. Ведь один подход к пониманию естественного способа возникновения государства и права может быть связан, скажем, с естественным развитием экономики и общества, на базе или в рамках которых возникают государство и право. И совершенно другой — с естественным развитием общей культуры людей, их интеллекта, психики, наконец, здравого смысла, приведших к осознанию объективной необходимости формирования и существования государства и права.

Кроме этого при рассмотрении проблем возникновения государства и права **важно** учитывать и то, что сам процесс появления государства и права далеко неоднозначен. С одной стороны необходимо различать процесс первоначального возникновения государства и права на общественной арене. Это процесс формирования государственно-правовых явлений, институтов и учреждений на основе разложившихся по мере развития общества догосударственных и, соответственно, доправовых явлений, институтов и учреждений.

А с другой стороны, необходимо выделять процесс зарождения и развития новых государственно-правовых явлений, институтов и учреждений на базе ранее существовавших, но по каким-то причинам ушедших с общественно-политической сцены государственно-правовых явлений, институтов и учреждений.

Отмечая неоднозначный, двойственный характер процесса возникновения государства и права, известный российский правовед Г. Ф. Шершеневич писал еще в 1910 г., что этот процесс непременно нужно исследовать, как *минимум*, в *двух плоскостях*. Важно исследовать, каким образом впервые в недрах общества зародилось государство. Это — одна плоскость, одно восприятие процесса возникновения государства и права. И совсем иначе ставится вопрос, когда исследуется, каким образом в настоящее время, когда почти все человечество живет в государственном состоянии, возможны новые государственные образования³.

¹ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб., 1910. С. 47.

² Там же.

³ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Учебное пособие (по изданию 1910—1912 гг.). Т. I. Вып. 1. М., 1995. С. 212—213.

Необходимость такого дифференцированного подхода к исследованию процесса возникновения государства и права обусловливается тем, что в том и другом случае существуют **разные условия** возникновения и развития данного процесса, далеко **неодинаковые причины** возникновения этого явления, **значительно отличающиеся друг от друга закономерности их становления** и последующего развития.

Если, например, многие отечественные и зарубежные авторы отмечали роль объективных, естественных факторов, то на последующих стадиях развития государственно-правовой материи, при смене одних, отживших свой век государств и правовых систем, другими, вновь возникающими государствами и правовыми системами, наряду с объективными факторами трудно переоценимую роль стали играть и субъективные факторы.

Не случайно поэтому при рассмотрении процесса возникновения одних государств и правовых систем на месте других по мере созревания общества все чаще стали обращать внимание не только на такую преимущественно естественную форму развития государственно-правовой материи, как **эволюция**, но и на такую, содержащую в себе значительный субъективный заряд, форму, как **революция**.

Отнюдь не случайно также в многочисленных научных и художественных изданиях наряду с различными объективными факторами, предопределяющими процесс замены одних государств и правовых систем другими, все больше внимания стали уделять и **субъективным факторам**. В равной мере это относится как к древнему миру — первоначальному периоду смены одних государственно-правовых систем другими, так и к средневековью и, разумеется, к настоящему времени.

Отвечая на вопрос — скольких видов бывают государства и как они приобретаются, известный философ, мыслитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли писал, что государства могут быть “либо унаследованными — если род государя правил долгое время, либо новыми”. Новым может быть государство в целом, либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания. Новые государства, продолжал автор, разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они испокон веков жили свободно. Государства приобретаются “либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью”¹.

Способ приобретения государств или, иными словами, форма их возникновения, имеет **важное значение** не только с точки зрения политической, а точнее — государственно-правовой теории, но и с точки зрения **прагматической, с позиции практики**.

¹ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 303.

Он имеет важное значение, во-первых, для удержания правящими элитами или отдельными лицами (царем, монархом, князем) вновь приобретенной государственной власти.

Трудно удержать власть новому государю, рассуждал Н. Макиавелли. И даже наследному государю, присоединившему новое владение, трудно удержать над ним власть прежде всего вследствие "той же естественной причины, которая вызывает перевороты во всех новых государствах". А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого. Однако вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, "ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоянными войсками, как это неизбежно бывает при завоевании".

Таким образом, делает вывод автор, новый правитель наживает себе врагов среди тех, кого притесняет, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию. Причина заключается в том, что он не может вознаградить их в той степени, в какой они от него ожидали. С другой стороны, он не может применить к ним крутые меры, поскольку он не обязан им приобретением своей новой власти¹.

Каков же выход, по Макиавелли, из создавшегося положения? Какие меры необходимо предпринять, чтобы удержать "приобретенные" государство и государственную власть? Ответ на эти вопросы следует в зависимости от того, в каких условиях возникали новое государство и, соответственно, государственная власть.

Если они возникали в условиях забитости населения, не знавшего раньше никаких прав и свобод, а также в пределах территории одной страны и одного языкового пространства, то в этом случае новому правителю для удержания государственной власти требуется предпринять, согласно довольно циничному замечанию Макиавелли, по крайней мере, следующие "предосторожности". Прежде всего — искоренить род прежнего государя, "ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства". А кроме того, необходимо предпринять меры для сохранения прежних законов и податей, которые будут способствовать тому, чтобы вновь образованное государство и все завоеванные земли слились "в одно целое с исконным государством завоевателя"².

В том же случае, когда государство и государственная власть возникают путем завоевания в чужой по языку и обычаям стране, правителю этого государства следует предпринять несколько иные меры. А именно — "учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государствами завоевателя"; "сделаться гла-

¹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 304.

² Там же. С. 305.

вой и защитником более слабых соседей”; постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну “как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой”¹.

Ссылаясь при этом на исторический опыт своих предшественников, Макиавелли пишет, что римляне, завоеывая страну и создавая новое государство, соблюдали все названные правила, в том числе — “учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев”².

Во-вторых, способ или форма возникновения новых государств и правовых систем на месте старых имеет **важное значение в морально-политическом и социальном плане** как основа для формирования новых законов и их добровольного соблюдения.

В зависимости от того, как, каким образом формируется новое государство — создается ли оно, скажем, путем завоевания одних народов другими, образуется ли оно в результате освобождения народов и стран от колониальной зависимости, от этого оно приобретает в момент образования далеко не одинаковую социальную и морально-политическую основу для своего существования и функционирования, а значит и, соответственно, далеко неравнозначную базу для своей правотворческой и правоприменительной деятельности.

Из многовекового опыта существования и функционирования вновь возникающих государств на базе старых со всей очевидностью следует, что и морально-политический потенциал, а следовательно, и их легитимность существования и функционирования находятся в прямой зависимости от легитимности способов их возникновения и от степени их поддержки со стороны народных масс. В прямой зависимости от этого находятся также легитимность процесса правотворчества и правоприменения со стороны общества.

Спрашивается, писал по этому поводу Е. Н. Трубецкой, **в силу каких причин законы**, издаваемые вновь возникшим или давно существующим государством, **должны признаваться правом и добровольно соблюдаться?** Очевидно, отвечал сам себе автор, в силу того, что они изданы властью, которая имеет право их издавать, которая “имеет право на повиновение подданных”. Но спрашивается, вторил автор, почему же власть имеет право на повиновение подданных? Не потому ли, что она обладает силою удерживать их в повиновении? Но мы знаем из исторического опыта, что сила сама по себе не создает и не может создавать права.

По отношению к власти, вполне обоснованно утверждал Трубецкой, которая господствует одной только голой силой, “подданные не связаны ни правовыми, ни вообще какими бы то ни было

¹ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 307.

² Там же.

обязательствами". **Власть имеет несомненное право господствовать лишь постольку, поскольку она действительно представляет собою то общество, над которым она господствует в том смысле, что служит его благу, выражает его волю, "соответствует господствующим в данной среде интересам и воззрениям"**.

Так или иначе, делал вывод исследователь, право власти сводится к праву того народа или общества, от имени которого она господствует и повелевает. Если мы обязаны повиноваться ей, то только потому и лишь постольку, поскольку она олицетворяет собою авторитет той или иной окружающей нас экономической, социальной, политической и иной общественной среды¹.

В-третьих, способ или форма возникновения новых государств, а с ними и правовых систем, наряду с существующими или на месте некоторых, ранее существовавших государственно-правовых систем, имеет огромное значение для их дальнейшего укрепления и развития в плане поддержания их высокого жизненного тонуса, усиления их социально-политической сбалансированности и живучести.

Из опыта формирования и функционирования в различных частях мира многочисленных государств следует, что государства, возникающие путем широкой опоры на массы, всегда имеют больше шансов на выживание и развитие, нежели государства, не имеющие такой широкой социальной опоры.

На примере возникновения в период средневековья "не в силу злодеяний и беззаконий, а в силу благоволения сограждан" новых государств и единовластных политических систем Макиавелли не без оснований считал, что "государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут"

Новые государства и единовластие в них, рассуждал автор, учреждаются либо знатью, либо народом, "в зависимости от того, кому первому представится удобный случай". Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вождедения. Так же, как и народ, видя, что не может сопротивляться знати, возвышает кого-нибудь одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Тому, кто приходит к власти с помощью знати, "труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один и вокруг него нет никого или почти никого, кто не пожелал бы ему повиноваться"².

Кроме того, пояснял исследователь, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно удовлетво-

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. Киев, 1906. С. 48.

² Макиавелли Н. Указ. соч. С. 328—329.

ритель требования народа, так как "у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным". Сверх того, с враждебным народом нельзя ничего поделать, ибо он многочислен, а со знатью — можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она "дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее".

Таким образом, делал вывод Н. Макиавелли, если государь пришел к власти с помощью народа, то он "должен держать его дружбу, что совсем не трудно", ибо народ требует только того, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг — заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди по своей природе таковы, что видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти¹.

Широкая поддержка народных масс в процессе возникновения государства имеет решающее значение не только для укрепления власти и поддержания в последующем высокого жизненного тонаса государства, но и для успешного преодоления возникающих при этом кризисов.

Речь при этом идет не только о кризисах становления и роста государственного механизма, когда еще молодое государство самоутверждается, укрепляет свою власть и нередко является ареной ожесточенной борьбы за завоевание власти, но и о кризисах "зрелого возраста", возникающих на более поздних этапах развития общества и государства, когда, по словам известного французского правоведа М. Ориу, "зрелое государство стремится осуществить внутри себя политическую свободу и, в то же самое время, социальную справедливость"². Такого рода кризисами, по справедливому утверждению автора, являются политические и социальные кризисы современной нам эпохи, начало которым положила английская революция 1688 года и французская революция 1789 года и которые были вызваны "негармоничным развитием некоторых идей или принципов" и породили не только революционный дух, но и дух реакции как противодействие ему. Борьба между ними все шире развертывается на наших глазах³.

Слова эти были сказаны М. Ориу больше ста лет назад. Во многом они сохраняют свою актуальность и поныне. Речь, разумеется, идет не только о борьбе сугубо революционного и реакционного духа. Вопрос ставится шире. Речь, как это было всегда, идет о

¹ Макиавелли Н. Указ соч. С. 329—330.

² Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 724.

³ Там же.

периодически обостряющихся и ослабляющихся противоречиях и конфликтах между властью имущими в различных странах и остальной массой населения, а также между отжившими свой век государствами и политическими режимами, с одной стороны, и вновь нарождающимися — с другой. Это бесконечный, никогда не прекращающийся и никакие страны не избегающий, как и сама многообразная и весьма противоречивая жизнь, процесс.

Рано или поздно он затрагивает в той или иной мере все без исключения государства и политические режимы. Распад Римской империи и образование на ее основе ряда самостоятельных государств, распад Британской империи, развал СССР и образование на их основе новых, самостоятельных государств, и многие другие примеры из глубокой истории и современности свидетельствуют именно об этом. Бывшие сверхдержавы или обычные "рядовые" государства под влиянием происходящих в обществе и в окружающем мире процессов претерпевали и претерпевают существенные изменения, а со временем и уходят с мировой арены.

Этот процесс неизбежно коснется и всех ныне существующих, даже, казалось бы, самых сильных в промышленном, военном и некоторых других отношениях государств: США, Канады, Англии, Франции и др.¹ Эволюционные или радикальные, революционные изменения в них предопределены самой их социально-политической природой, а также непрерывно происходящими изменениями в мировой экономике, политике, идеологии, науке, культуре.

Чтобы глубоко и всесторонне понять сущность и особенности существующих ныне государств и правовых систем, а также попытаться выявить исторические тенденции их развития в будущем, необходимо прежде всего изучить, как эти государства и государственные образования возникают, какой путь они проходят и чем они становятся сейчас. В. И. Ленин, несомненно, был прав, когда писал, что если рассматривать какое угодно общественное явление, включая государство, под углом зрения его возникновения и развития, то в нем, безусловно, окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего².

Таким образом, акцентируя внимание на изучении проблем возникновения и развития государства в настоящем, мы тем самым перебрасываем мост в его прошлое и создаем предпосылки для понимания основных тенденций его развития в будущем.

Рассматривая проблему взаимосвязи и взаимодействия настоящего с прошлым и будущим на примере эволюции общества, Н. М. Коркунов писал, что рядом с настоящим для общества и государства имеет важное значение и прошлое. Каждое поколение имеет известное влияние на развитие общественной жизни в будущем,

¹ См.: Itzkoff S. Human Intelligence and National Power. Ch. X-United States in Decline. N. Y., 1991. P. 163—187.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 181.

с одной стороны, и каждое поколение получает богатое наследство от отцов и дедов из прошлого, с другой стороны.

Жизнь и склад общества, подчеркивал ученый, в большей степени определяется прошлым, чем более это прошлое богато историческими событиями. Слабое общество в настоящем может, однако, продолжать существовать, если оно богато прошлым. Примером может служить Римская империя, существовавшая в течение долгого времени после того, как настоящие условия несомненно вели ее к падению. Ее прошлое было так богато, что даже варвары, разрушившие ее политическое могущество, не могли не преклоняться перед величием ее цивилизации.

Однако рядом с прошлой исторической жизнью, продолжал Н. М. Коркунов, определяющей склад всей общественной жизни, рядом с настоящими благоприятными или неблагоприятными условиями находится еще третий элемент, составляющий важную отличительную черту общественных явлений. В силу того, что человек одарен сознанием и памятью, он переносится от прошедшего к будущему. Память и желание — две стороны одного и того же явления. То, что человек накопил в опыте прошлого, он так или иначе переносит все в будущее. Каждый человек способен, благодаря создаваемым им идеалам, иметь свое собственное представление о будущем. "Существование этих идеалов или отсутствие их, их характер, все это чрезвычайно важные моменты, определяющие общественную жизнь".

Таким образом, делал вывод автор, общество определяется тремя моментами: "настоящими условиями жизни, прошедшими и теми идеалами, которые образуются на основании прошедшего опыта"¹.

Сказанное в полной мере относится не только к общественной, но и к государственной жизни, к государству. Возникновение и становление любого из его типов в настоящем всегда имеет свои корни в виде причин, условий, материальной, социальной, политической и иной основы данного процесса в прошлом. Одновременно с этим процессом закладываются материальные и иные предпосылки для поддержания его высокого жизненного тонуса, для его укрепления и развития в будущем. Исходным моментом во всем этом движении государственно-правовой материи является процесс возникновения государства и права со всеми свойственными ему признаками и особенностями в виде его различных способов и форм проявления, разных условий и причин формирования государства и права, разнообразных обычаев и традиций, содействующих или препятствующих их зарождению.

§ 2. Причины разнообразия теорий происхождения государства и права

В мире всегда существовало множество различных теорий, объясняющих процесс возникновения и развития государства и

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 204.

права. Это вполне естественно и понятно, ибо каждая из них отражает или различные взгляды и суждения различных групп, слоев, классов, наций и других социальных общностей на данный процесс, или — взгляды и суждения одной и той же социальной общности на различные аспекты данного процесса возникновения и развития государства и права. В основе этих взглядов и суждений всегда находились различные экономические, финансовые, политические и иные интересы.

Речь идет не только о классовых интересах и связанных с ними противоречиях, как это длительное время утверждалось в нашей отечественной и отчасти в зарубежной литературе. Вопрос ставится гораздо шире. Имеется в виду весь спектр существующих в обществе интересов и противоречий, оказывающих прямое или косвенное влияние на процесс возникновения, становления и развития государства и права.

За время существования юридической, философской и политической науки были созданы десятки различных теорий и доктрин. Высказаны сотни, если не тысячи противоречивых предположений. Вместе с тем споры о природе государства и права, причинах, истоках и условиях их возникновения продолжают и по сей день.

Причины их и порождаемых ими многочисленных теорий заключаются в следующем. Во-первых, в сложности и многосторонности самого процесса происхождения государства и права и объективно существующих при этом трудностях его адекватного восприятия. Во-вторых, в неизбежности различного субъективного восприятия данного процесса со стороны исследователей, обусловленного их несовпадающими, а порою противоречивыми экономическими, политическими и иными взглядами и интересами. В-третьих, в преднамеренном искажении процесса первоначального или последующего (на основе ранее существовавшего государства), возникновения государственно-правовой системы в силу конъюнктурных или иных соображений. И, в-четвертых, в преднамеренном или непреднамеренном допущении смешения в ряде случаев процесса возникновения государства и права с другими сопредельными, соотносящимися с ними процессами.

Обращая внимание на последнее обстоятельство, Г. Ф. Шершеневич не без оснований сетовал, в частности, по поводу того, что **вопрос о происхождении государства часто смешивается с вопросом “об обосновании государства”**. Конечно, рассуждал он, логически эти два вопроса совершенно различны, но “психологически они сходятся общими корнями”. Вопрос о том, почему нужно повиноваться государственной власти, в таком представлении логически связывается с вопросом, каково ее происхождение.

Таким образом, в строго теоретическую проблему о происхождении государства вносится чисто политический момент. “Не то важно, каково было в действительности государство, а как найти

такое происхождение, которое способно было бы оправдать заранее предвзятый вывод¹. В этом, по мнению автора, заключается основная цель смещения названных явлений и отражающих их понятий. В этом — одна из причин множественности и неоднозначности произрастающих на данной основе теорий.

Различного рода теории возникают в связи с **неправомерным смещением процесса возникновения государства с другими, взаимосвязанными с ним процессами. Аналогичная картина наблюдается и в отношении процесса зарождения и становления права, его первоначального возникновения.** При этом нередко имеет место **неправомерное смещение происхождения права с его развитием.**

На это особое внимание обращал, в частности, Н. М. Коркунов. Объяснение происхождения права, писал он, не может ограничиваться и заменяться указанием на то, как развивается право. Главный и самый трудный вопрос заключается в объяснении первоначального возникновения права, в объяснении того, каким образом впервые появляется “самое сознание о праве”.

В современном быту, размышлял он, мы знаем, что право творится и развивается сознательной деятельностью и при этом “отправляются от сознания недостатков или неполноты уже существующего права. Но откуда же взялось первоначальное сознание о праве?”. Разрешение вопроса тем труднее, заключал автор, что сознание людей всегда предполагает уже готовый объект, готовое содержание. Обыкновенно объект одного акта сознания дается предшествующим ему, также сознательным актом. Но когда речь идет о первоначальном возникновении сознания относительно права или государства, то такое объяснение неприменимо. Остается предположить или врожденность правосознания или же, что “первоначально объект правосознания дается бессознательным актом”².

Не имея возможности или не умея вполне определенно и аргументированно ответить на данный вопрос, исследователи зачастую обращаются к проблемам развития права вместо изучения проблем его первоначального возникновения. Такая подмена близких, но неравнозначных явлений и отражающих их понятий нередко уходит в сторону от познания процесса возникновения государства и права, создает благоприятную основу для появления различных, порою весьма противоречивых суждений и теорий.

Кроме того, оставляя вопрос о происхождении государства и права весьма запутанным и нерешенным, не умея, как отмечал Н. М. Коркунов, естественным путем объяснить их происхождение, в них начали усматривать “**божественное установление**”. Государство и право получает, таким образом, в глазах людей значение некоего объективного порядка, “не зависящего от человеческой воли, стоящего выше человеческого произвола”².

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 213.

² Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 112.

³ Там же. С. 115.

И это действительно так. Как показывает опыт решения проблем происхождения государства и права, особая роль в решении этих вопросов на протяжении всей истории развития человечества отводилась религии. Еще в Древнем Египте, Вавилоне и Иудее выдвигались идеи божественного происхождения государства и права. “Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова”, — читаем мы в Библии.

Но особенно широкое распространение данные идеи получили на стадии перехода народов к феодализму и в феодальный период. На рубеже XII—XIII веков в Западной Европе развивается, например, теория “двух мечей”. Она исходит из того, что основатели церкви имели два меча. Один они вложили в ножны и оставили при себе. Ибо не пристало церкви самой использовать меч. А второй они вручили государям для того, чтобы те могли вершить земные дела. Государь, по мнению богословов, наделяется церковью правом повелевать людьми и является слугой церкви. Основной смысл данной теории в том, чтобы утвердить приоритет духовной организации (церкви) над светской (государством) и доказать, что нет государства и власти “не от бога”.

Примерно в тот же период появляется и развивается учение широко известного в просвещенном мире ученого-богослова **Фомы Аквинского (1225—1274)**. Он утверждал, что процесс возникновения и развития государства и права аналогичен процессу сотворения Богом мира. Сам Божественный разум, согласно учению Ф. Аквинского, управляет всем миром. Он лежит в основе всей природы, общества, мирового порядка, каждого отдельного государства.

Автор выступал за активное проникновение богословской идеологии в науку и философию, за неразрывную взаимосвязь светских и религиозных институтов. Религия, по логике Ф. Аквинского, должна обосновывать необходимость возникновения и существования государства. В свою очередь, последнее обязано защищать религию.

Призывая светские власти беспощадно бороться с еретиками, Ф. Аквинский писал, что “извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монету, которая служит для удовлетворения потребностей временной жизни. Следовательно, если фальшивомонетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков...”

Религиозные учения о происхождении государства и права имеют хождение и поныне. Наряду с ними продолжают существовать идеи, высказанные еще в Древнем Риме, о том, что на возникновение и развитие государства и права, а также на закат отдельных государств и правовых систем решающее влияние оказали *человеческие слабости и страсти*. Среди них: жажда денег и власти, алчность, честолюбие, высокомерие, жестокость и другие отрицательные человеческие черты и страсти. “Что послужило главной причиной упадка Римского государства?” — спрашивает, напри-

мер, римский историк I в. до н. э. Гай Саллюстий Крисп в своей известной работе “Заговор Катилины”. И тут же отвечает: “Упадки нравов, стяжательство, страсть к распутству, обжорству и прочим излишествам”.

После того, пишет Саллюстий, когда “трудом и справедливостью” возросло Римское государство, когда силою оружия были укрощены великие цари и смирились дикие племена, когда исчез с лица земли Карфаген — соперник Римской державы и “все моря, все земли открылись перед нами, судьба начала свирепствовать и все перевернула вверх дном”. Римляне, которые с легкостью и достоинством переносили лишения, опасности и трудности, не выдержали испытания досугом и богатством.

Сперва, подмечает Саллюстий, развилась жажда денег, за нею — жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий”. Так случилось потому, что корыстолюбие погубило верность, честность и остальные добрые качества. Вместо них “оно выучило высокомерию и жестокости, выучило презирать богов и все полагать продажным”. Честолюбие многих сделало лжецами. Заставило “в сердце таить одно”, а вслух говорить другое. Дружбу и вражду оценивать “не по сути вещей, а в согласии с выгодой. О пристойной наружности заботиться больше, чем о внутреннем достоинстве”.

Начиналось все с малого, — продолжает Саллюстий. — Иногда встречало отпор. Но затем “зараза расплзлась точно чума, народ переменялся в целом, и римская власть из самой справедливой и самой лучшей превратилась в жестокую и нестерпимую.

С той поры, заключает историк, как богатство стало вызывать почтение, как спутниками его сделались слава, власть, могущество, так с этой самой поры и начала вянуть доблесть, бедность считаться позором и бескорыстие — недоброжелательством.

Особенно сильно падение нравов отразилось на молодежи. Ее легко было подтолкнуть на преступление, лжесвидетельство и мошенничество. В ней легко было воспитать презрение к верности. По вине богатства “на юность напала роскошь и алчность, а с ними и наглость: хватают, расточают, свое не ставят ни во что, жаждут чужого, стыд и скромность, человеческое и божественное — все нипочем, их ничто не смутит и ничто не остановит”.

Все сказанное о падении нравов населения окончательно подорвало моральные основы Римского государства, и оно было обречено. Так может случиться с любым государством. Нравы — положительные и отрицательные, добрые и злые — несомненно, играли и играют значительную роль в процессе возникновения и развития государства и права. Важную, но не решающую. Они являются скорее следствием, но не первопричиной. Хотя и выступают иногда, как в случае с Римской Империей, на первый план.

Как показывает исторический опыт, главные причины возникновения и развития государства и права лежат вовсе не в сфере

морали или религии. Они коренятся в области экономики и в социальной сфере жизни людей.

Научные исследования и выводы свидетельствуют о том, что государственная организация приходит на смену родо-племенной организации. Право — на смену обычаям. И происходит это не в силу самого по себе изменения общественных нравов, религиозных воззрений и взглядов. А в силу коренных изменений в экономической сфере и в самом первобытном обществе. Именно они привели к разложению первобытнообщинного строя и к утрате способности первобытными обычаями регулировать общественные отношения в новых условиях.

Известные во всемирной истории крупнейшие разделения труда, связанные с отделением скотоводства от земледелия, ремесла от земледелия и с появлением торговли и обмена привели к быстрому росту производительных сил, к способности человека производить больше средств к существованию, чем это было нужно для поддержания жизни. Становится экономически выгодным использовать чужой труд. Военнопленных, которых раньше убивали или принимали на равных в свой род, стали превращать в рабов, заставляли работать на себя. Производимый ими остаточный (сверх необходимого для прокормления) продукт присваивали.

В обществе сначала наметилось, а затем по мере разделения труда быстро усилилось **имущественное расслоение**. Появились богатые и бедные. В целях получения остаточного продукта стал широко использоваться не только труд военнопленных, но и труд своих сородичей. Имущественное неравенство повлекло за собой социальное неравенство. Общество постепенно, в течение многих тысячелетий расслаивалось на различные, со своими собственными интересами и своим собственным, далеко неодинаковым статусом, устойчивые группы, классы, социальные прослойки.

Во всей Галлии, писал по этому поводу еще в глубокой древности Гай Юлий Цезарь (100—44 г. до н. э.), “существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имели над ними все права господ над рабами”.

Об аналогичной ситуации, складывающейся между различными классами и слоями населения в связи с имущественным неравенством, во все последующие столетия писали многие авторы. Но особое значение данному фактору, оказавшему огромное влияние на процесс возникновения государства и права, уделялось в период становления капитализма и в последовавшие за этим годы. Так, в частности, всемирно известный английский экономист **Д. Рикардо (1772—1823)** обращал внимание на то, что “продукт земли — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения

труда, машины и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно, землевладельцами, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых он обрабатывается”¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что с возникновением и существованием классов неразрывно связано возникновение и существование государства и права. Государство, писал Энгельс, существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, “которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимою”².

В. И. Ленин рассматривал государство как “продукт и появление непримиримости классовых противоречий”. Государство, писал он в работе “Государство и революция”, возникает там, тогда и постольку, где, когда и постольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены”³.

В отличие от многих буржуазных авторов, считавших, что государство и право существуют на всех стадиях развития человеческого общества, пролетарские ученые и идеологи придерживались иного мнения. С их точки зрения государство и право имманентны лишь классовому обществу. Что же касается доклассового, первобытного общества, то в нем существуют лишь зачатки государства и права. “Доклассовое общество без государства и классовое общество с государством”, — заключал Ленин⁴.

При первобытном строе начавшееся расслоение общества первоначально ведет к тому, что из общей массы членов рода выделяется знать — обособленная группа вождей, военачальников, жрецов. Используя свое общественное положение, эти люди присваивали себе большую часть военной добычи, лучшие участки земли, приобретали огромное количество скота, ремесленных изделий, орудий труда. Свою власть, ставшую со временем наследственной, они использовали не столько для защиты общественных интересов, сколько для личных, для удержания в повиновении рабов и немущих соплеменников. Появились и другие признаки разложения первобытнообщинного строя и соответствующей ему родо-племенной организации, которая постепенно стала вытесняться государственной организацией.

В новых общественно-экономических условиях прежняя система организации власти — родо-племенная организация, рассчитанная на управление обществом, не знавшим имущественного разделения и социального неравенства, оказалась бессильной перед

¹ Рикардо Д. Собр. соч. Т. 1. С. 2. СПб., 1908.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 173.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

⁴ Там же. С. 310.

растущими изменениями в сфере экономики и социальной жизни, усиливающимися противоречиями в общественном развитии, перед углубляющимся неравенством. "Родовой строй, — писал Ф. Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства", — отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен государством"¹. Государственные органы и организации частично появились в результате преобладания органов и организаций, сложившихся в рамках первобытнообщинного строя. Частично — путем полного вытеснения последних.

О появлении признаков государства в любой стране свидетельствуют прежде всего выделение из общества особого слоя людей, не производящих материальных или духовных благ, а занятых лишь управленческими делами. Об этом же свидетельствуют наделение данного слоя людей особыми правами и властными полномочиями; введение различных налогов и всевозможных податей, займов; подразделение членов общества не по кровнородственному признаку, как это было при первобытнообщинном строе, а по административно-территориальному признаку; появление на постоянной основе особых отрядов вооруженных людей, дружин, призванных, с одной стороны, защищать территорию и общество от нападения извне, а с другой — самим вести новые территориальные завоевания.

О появлении признаков государственной организации общества и вытеснении ею первобытнообщинной организации свидетельствуют и другие факторы. Помимо всего прочего они указывают на то, что государство не навязывается обществу извне. Оно возникает на его основе естественным путем. Вместе с ним оно развивается и совершенствуется. "Все древнейшие государственные организации, — писал в середине XIX века немецкий историк Г. Ландау, — возникли не из человеческого произвола, не благодаря организационным эдиктам... Как раз наоборот. Они выросли, словно растение из зерна, брошенного в землю, в силу объективной необходимости, в силу неизменных, самой природой данных законов"².

Аналогично обстоит дело и с государственной (или публичной) властью, являющейся признаком государства. Право в силу тех же причин, что и государство, появляется в мире и под воздействием тех же экономических, социальных и политических процессов изменяется.

До появления имущественного разделения населения и социального неравенства общество не нуждалось в праве. Оно вполне могло обходиться и обходилось с помощью обычаев, опиравшихся на власть авторитета советов старейшин и регулировавших все общественные отношения. Однако положение коренным образом изменилось, когда появились группы, слои и классы со своими соб-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169.

² Landau Y. Territorien. Berlin, 1854. S. 110—111.

ственными, противоречащими друг другу и противоборствующими интересами.

Прежние обычаи, рассчитанные на полное равенство членов общества и на добровольное соблюдение содержащихся в них правил, в новых условиях оказались бессильными. Появилась жизненная необходимость в новых правилах — регуляторах общественных отношений, которые бы учитывали коренные изменения в обществе и обеспечивались бы не только силой общественного воздействия, но и государственным принуждением. Таким регулятором стало право.

Важнейшими признаками, свидетельствовавшими о его появлении, стали, по мнению исследователей, следующие: социальное и имущественное расслоение в обществе, появление классов — антагонистов — бедных и богатых, угнетенных и угнетателей; постепенное сосредоточение частной собственности и права на нее в одних руках и полное их отсутствие в других; появление, наряду с имущественными, семейно-брачных и иных правоотношений; придание действующим социальным нормам общеобязательного характера, обеспечиваемого принудительной силой со стороны возникающих государственных органов; и др.

Первоначально право складывается как совокупность новых обычаев, к соблюдению которых обязывали зарождающиеся государственные органы и прежде всего суды. Позднее правовые нормы (правила поведения) устанавливались актами князей, королей и просто наделенных такими полномочиями чиновников.

Разумеется, богатеющая родовая знать, правящая верхушка всегда стремилась закрепить в этих актах и обычаях прежде всего свои собственные имущественные и иные интересы, усилить с помощью зарождающегося права свою власть. Ей это в значительной степени всегда удавалось. О чем можно судить по характеру и содержанию дошедших до нас правовых и литературных памятников той эпохи, и в особенности, Древней Греции, Древнего Рима, Древнего Египта, Вавилона¹.

Так, например, в хорошо известных каждому образованному правоведу "Институциях" римского юриста II в. н. э. Гая прямо закреплялось имущественное и социальное неравенство людей словами: "Главное разделение лиц состоит в том, что все люди — или свободные или рабы". Далее уточнялось: "Из свободных людей одни — свободнорожденные, другие вольноотпущенные. Свободнорожденные суть те, которые родились свободными, вольноотпущенные — это те, которые отпущены на волю из законного рабства".

В этих же "Институциях", имевших юридическую силу и выступавших одновременно в качестве учебника по римскому праву, закреплялась власть правящих кругов, одной части общества над другою, одних членов семьи над другими.

¹ См.: Древнее право. Вып. 1. М., 1996. С. 262—289.

Итак, говорится в данном акте, “под властью господ состоят рабы; эта власть над рабами — есть институт общенародного права; ибо у всех вообще народов мы можем заметить, что господа имеют над рабами право жизни и смерти и что все, что приобретается рабом, приобретается господину”.

Далее в “Институциях” Гая закрепляется деление в праве лиц на “самовластных”, то есть обладающих широкой властью по отношению к другим лицам, и подвластных. “Из подвластных одни находятся под властью отца, другие — под властью мужа, третьи — в неограниченной власти (*mancipio*) от другого”.

Аналогичное закрепление в праве экономического и социального неравенства, наличие права собственности у одних и отсутствие его у других, официальное закрепление власти господствующих слоев и классов имеет место не только у римского, но и у других народов. В этом заключается одна из важнейших отличительных особенностей права и правовых обычаев от прежних, регулировавших общественные отношения в условиях первобытного строя, неправовых обычаев.

Рассматривая процесс, а вместе с ним теории возникновения государства и права, остановимся на раскрытии лишь некоторых, наиболее известных и распространенных из них.

§ 3. Естественно-правовая теория

Естественно-правовая теория происхождения государства и права или теория естественного права, как ее нередко называют в научной литературе, является одной из старейших и в то же время одной из наиболее распространенных правовых доктрин. Вопрос о естественном праве и его теории, писал еще в начале XX века известный российский юрист Е. Н. Трубецкой, “есть центральный, жизненный вопрос философии права”, о котором философы и ученые спорят с самого момента его зарождения¹. Таким же, в значительной мере, этот вопрос остается и поныне.

Нескончаемые споры, в частности, велись и ведутся вокруг самого понятия и содержания естественного права, его реальности или надуманности, его практической значимости и применимости. При этом обнаруживаются порою далеко не одинаковые взгляды и подходы. Так, одни авторы исходят из того, что естественное право, как таковое, и его отдельные институты в реальной жизни не существуют, что они и их понятия есть результат свойственных человеческому уму “априорных заблуждений”². Другие исследователи придерживаются противоположных взглядов, считая, что естественное право как порождение самой природы и разума — это такая

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. Киев, 1906. С. 44.

² Миль А. Система логики. Кн. II. СПб., 1903. С. 283.

же реальность, как и положительное право — результат нормотворческой деятельности государства и его отдельных органов.

Последнее особенно отчетливо излагалось в работах российского дореволюционного исследователя Н. М. Коркунова, утверждавшего, что “естественное право не есть предмет только научных гипотез. Это не книжная теория, чуждая действительности практической жизни. Напротив, идея естественного права играла и в практической жизни играет едва ли не большую роль, чем в научной теории права”¹.

Для того, чтобы сознательно разбираться во всех этих разноречивых суждениях, глубоко и всесторонне понимать суть естественного права и его теории, важно хотя бы вкратце проследить их эволюцию, основные этапы их становления и развития. Необходимость этого обуславливается тем, что в разные исторические периоды, на разных этапах развития общества и государства, взгляд на естественное право и его теорию, представление о них имели свои особенности. В чем они заключались и как они выражались?

Отвечая на этот вопрос, обратимся к первоначальной стадии становления и развития теории естественного права. В качестве таковой выступает период становления и развития теории естественного права в Древней Греции и Древнем Риме.

Отдельные положения этой теории развивались, в частности, еще в V—IV вв. до н. э. софистами Древней Греции. “Люди, собравшиеся здесь! — обращался к своим собеседникам один из них (Гиппий — 460—400 гг. до н. э.). — Я считаю, что вы все тут родственники, свойственники и сограждане по природе, а не по закону: ведь подобное родственно подобному по природе. Закон же, властвуя над людьми, принуждает ко многому, что противно природе”.

Характерными для этого периода развития естественного права государственно-правовой мысли в Древней Греции, в частности, являлись споры относительно того, коренится ли право как таковое, безотносительно его видов и характера, в самой природе вещей, “в вечном, неизменном порядке мироздания”, или же оно выступает как результат добровольного соглашения людей, как “человеческое установление”, возникшее в неопределенном отрезке времени.

Софисты в своих учениях исходили из того, что в основе образования права нет вечного, неизменного. Все, что называется “правом или правдой”, составляет результат соглашения людей, искусственное изобретение человеческого ума. Люди, по их мнению, первоначально жившие врозь и не придерживавшиеся во взаимных отношениях никаких правил, позднее вынуждены были, в интересах безопасности всех и каждого, объединиться между собой и “установить законы — нормы права и правды”, которыми они устра-

¹ Коркунов Н. М. Указ. соч. СПб., 1898. С. 96.

няли царивший беспредел, защищали слабых и сковывали произвол сильных¹.

Против подобного рода учений и взглядов софистов решительно выступали величайшие мыслители античности, греческие философы Сократ, Платон и Аристотель. Общая позиция, которая разделялась и отстаивалась ими, заключалась в том, что не все законы и не все право являются “искусственным изобретением людей”. Наряду с письменными законами, порожденными людьми, существуют вечные, неписанные законы, “вложенные в сердца людей самим божественным разумом”. Иными словами, наряду с законами, зависящими от воли людей и порождаемыми людьми через создаваемое ими государство, существуют также законы, не зависящие от воли людей и составляющие естественное право. В основе этих законов лежит вечный, неизменный божественный порядок, который господствует не только в человеческих отношениях, но и “во всем строе мироздания”².

Подобные взгляды особенно четко прослеживались в учении Аристотеля. Все право он рассматривал как право политическое, означающее невозможность его существования в неполитических (деспотических — по автору) формах правления, и делил его на две основные части, а именно — на естественное и условное (волеустановленное) право. “Что касается права политического, — писал мыслитель, — то оно частью естественное, частью условное. Естественное право — то, которое везде имеет одинаковое значение и не зависит от признания или непризнания его. Условное право — то, которое первоначально могло быть без существенного различия таким или иным, но раз оно определено (это безразличие прекращается)”.

Согласно учению Аристотеля, проявлением вечного, неизменного божественного права является, в частности, разделение людей на рожденных повелевать и рожденных повиноваться, на свободных, господ и рабов. В своем знаменитом трактате — “Политика” — главном произведении мыслителя, Аристотель рассуждал так: раб — это “некая одушевленная собственность”, это — средство для выполнения различных работ. Из тех, кто “по природе принадлежит не самому себе, а другому и при том все-таки человек, тот по своей природе раб”. Господином называют “не за знания, а за природные свойства; точно так же обстоит дело с рабом и свободным”.

И далее. Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, если бы ткацкие челноки сами ткали, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы.

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. Киев, 1906. С. 44.

² Там же.

Сама природа предназначила одних людей быть свободными, а других — рабами. Она же определила и физическое состояние, “физическую организацию” тех и других. “Природа желает, — писал Аристотель, — чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни, а эта последняя разделяется у них на деятельность в военное и мирное время... Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо”.

Точно так же полезно и справедливо рабу и его господину всегда находиться в дружеских отношениях, “раз их взаимоотношения покоятся на естественных началах”¹.

Природным характером, естественными началами Аристотелем и многими его учениками и последователями объяснялись и оправдывались не только отношения по поводу рабства или властного подчинения одних людей другими, но и иные, отнюдь не естественные, а социальные, точнее — социально-классовые по своей природе и характеру отношения.

При этом место и роль естественного права в общей системе права, как и его понятие, определялись неодинаково. Одними авторами естественное право рассматривалось как неотъемлемая, причем равнозначная, составная часть всего права. В то же время другими оно воспринималось как основа положительного права или как стоящее над ним и вступающее в силу лишь по временам право. В этом случае считалось, что оно действует только тогда, когда молчит в своем бездействии установленное людьми положительное право.

Таким же разноречивым, довольно неопределенным и неустойчивым было представление о естественном праве не только у древнегреческих, но и у древнеримских юристов и философов. Под именем естественного права у последних, писал Г. Ф. Шершеневич в начале XX века, понимаются то законы в научном смысле, например, брачное сожитие, производство потомства; то ядро положительного права, неизменно встречающееся в праве каждого народа; то, наконец, естественное право противопоставляется общепризнанному положительному праву, например, в вопросе о рабстве, которое, согласно воззрениям ряда римских авторов, противоречило природе, хотя и закреплялось всюду законами. Во всяком случае, заключает автор, едва ли верно, что одаренные практическим чутьем римляне смотрели на естественное право (*jus naturale*) только как на идеальное и не придавали ему действующей (юридической)

¹ См.: История политических и правовых учений. Хрестоматия. М., 1996. С. 26—27.

силы¹. Это мнение разделялось и другими российскими авторами, такими, например, как Н. М. Коркунов, который на основе изучения и анализа огромного эмпирического материала, считал, что римляне признавали естественное право не только в качестве некоего идеализированного права, существующего лишь в умах людей, но и в качестве института, действующего “совместно и одинаково с положительным правом”. Естественное право они относили “к сфере конкретных явлений”. Его действию придавалось такое же реальное значение, как и положительному праву².

Среди римских юристов чрезвычайно широко было распространено мнение, согласно которому в римском праве наряду с положительным правом, состоящим из *jus civile* (исконно древнеримским правом, регулировавшим отношения исключительно между римскими гражданами), и *jus gentium* (правом, регулировавшим имущественные отношения, возникавшие между римскими гражданами и перегринами) существует *jus naturale* — естественное право. Как и у древних греков положительное право относилось к области подвижного, изменчивого права, создаваемого людьми, а естественное — к области неподвижного, вечного права, порождаемого самой природой и коренящегося в отношениях, возникающих между людьми.

На всех этапах развития римского права над единством мнений юристов по поводу сущности естественного права — *jus naturale*, и его соотношения с правом, общим для всех народов, — *jus gentium* неизменно преобладала разногласия. В большинстве случаев, как было отмечено, их различали друг от друга. Нередко их отождествляли друг с другом. Еще чаще рассматривали естественное право как идеал, к которому должно стремиться положительное, действующее право. Иногда видели в первом часть последнего.

Однако почти всегда римские юристы и философы, в отличие от многих древнегреческих юристов и философов, обращали особое внимание на то, что в ряде случаев положительное право почти неизбежно вступает в противоречие с естественным правом. Одно из таких противоречий проявляется, например, в том, что естественное право исходит из свободы и равенства всех людей, из того, что среди них нет и не может быть различий по классовому и другим социальным признакам, нет и не может быть рабов и господ, а положительное право как раз и базируется на таких различиях.

Расхождения во мнениях римских юристов по поводу сущности и характера естественного права были связаны также с разным пониманием и толкованием “природы”, лежащей в основе естественного права. Согласно множеству указаний римских юристов, содержащихся в их сочинениях, на наличие юридических норм, яко-

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 29.

² Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 89.

бы не зависящих от воли человека и порожденных самой природой, последняя трактовалась далеко неодинаково. В одних случаях она воспринимается как природа самого человека. В других — как природа вещей, служащих объектом его прав. В третьих же случаях она трактуется как природа возникающих в обществе правовых отношений.

Применительно к каждому из этих случаев понимания “природы” вырабатывались свои соответствующие нормы, формировались свои соответствующие правоотношения.

Так, например, основываясь на **природе человека**, римские юристы указывали на необходимость выработки норм права, признающих недействительными обязательства несовершеннолетних, а также — на необходимость установления над ними опеки или попечительства.

Ссылаясь на **природу вещей**, доказывалась необходимость общего пользования проточной водой, воздухом, морем. Последовательно проводилась мысль о важности использования “природы вещей” как источника права и отдельных юридических положений.

Наконец, апеллируя к **природе отношений**, римские юристы обосновывали важность и незыблемость права собственности как “наиболее абсолютного права”, доказывали необходимость установления и строгого соблюдения правила, согласно которому правовые отношения прекращались бы в таком же порядке и таким способом, каким они устанавливались, и т. д.¹

Значительную эволюцию теория естественного права претерпела на **следующей стадии своего развития, в средние века**. Сохраняя в основе своей прежние постулаты, среди которых на первом плане стояли вечность и неизменность природы человека, естественное право в то же время (**особенно это проявилось в XIV—XVI вв.**) в значительной мере ассоциировалось не с природным, а с божественным происхождением. Среди средневековых схоластов, констатировал в связи с этим Е. Н. Трубецкой, господствовало убеждение, что существует вечное естественное право — вечные естественные законы, “**которые вложены Богом в сердца людей и составляют самую природу разума**”². Естественное право соотносилось, таким образом, с неким божественным правом, а место и роль природы занимал и выполнял Бог.

Среди средневековых схоластов не было сомнения в божественном происхождении естественного права. Бесспорным для них было и то, что естественное право признавалось действующим, обязательным и стоящим выше всякого другого, положительного и обычного права. Сомнения и споры возникали лишь по поводу того, как соотносится естественное право с божественным, сливается ли оно с ним или только сопоставляется.

¹ Подробнее об этом см.: Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 90—91.

² См.: Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 45.

По мере развития средневекового общества развивалась теория естественного права. **Лучшей порой естественного права и его теории**, временем их расцвета в научной юридической и философской литературе **считаются XVII-XVIII столетия**. В этот период теория естественного права и ее отдельные положения активно использовались в борьбе с крепостничеством и феодальной монархией. Идеи теории естественного права в это время развивались и поддерживались многими великими мыслителями и просветителями.

В Голландии — это Гуго Гроций и Спиноза. В Англии — Томас Гоббс и Джон Локк. Во Франции — Жан Жак Руссо, Поль Гольбах. В России — Александр Радищев и другие.

Благодаря их усилиям сложилась целая школа естественного права, оказавшая огромное влияние на процесс дальнейшего развития как национального (в рамках отдельных стран), так и международного права. Рассматривая особенности развития школы естественного права на данном этапе, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что политические тенденции этой школы изменялись с течением времени. Вначале ее представители хотели дать разумные объяснения сложившемуся порядку между людьми, а “затем они стремились разрушить исторические основы и заменить их разумными”.

За все время своего существования (“исключительного господства”) школа естественного права придавала термину “естественное право” далеко не всегда одинаковый смысл. На естественное право смотрят с **методологических позиций**, им пользуются как методологическим приемом: “естественное право — это то, что было бы, если бы не существовало государства и установленных им законов”. Иными словами, естественное право в этом случае рассматривается как некая историческая гипотеза, предположение о том, каковым должно быть право в “естественном состоянии”, до возникновения государства и до перехода права в “государственное состояние”.

Естественное право в этот период играет роль **политического и юридического идеала**. Оно рассматривается как некий образец, которому должно следовать и которым должно заменить существующее, во всех отношениях несовершенное право. **Гуго Гроций (1583—1645)** как один из основателей естественной школы права и его последователи вообще не считались, по словам Е. Н. Трубецкого, ни с окружающей их политической и юридической действительностью, “ни вообще с историей”. Для них действительность имела право на существование лишь постольку, поскольку она вытекала из требований разума или, иными словами, поскольку она могла быть выведена и логически оправдана с точки зрения естественного права.

Исследователям, разделявшим идеи естественного права в этот период, последнее представлялось в виде целого кодекса правил, составлявших некий политический и юридический идеал, которые

могут быть выведены а priori из требований разума. Причем заранее устанавливалось, что все то, что хотя бы в малейшей степени не согласуется с этим кодексом, должно быть как противное разуму соответствующим образом изменено или упразднено¹.

При такой постановке вопроса, как само собою разумеющимся является то, что **теория естественного права** должна была быть не только эволюционной по своему характеру, прошедшей огромный путь своего развития, но и революционной по своим социально-политическим и юридическим устремлением теорией. Именно таковой она и была в рассматриваемый период.

В частности, как отмечали исследователи, учение о естественном праве послужило "оправданием и лозунгом французской революции", восставшей против королевского строя, во имя "природных прав человека"².

Теоретической основой и идеологическим обоснованием революционного движения во Франции послужили некоторые размышления и идеи **Жан Жака Руссо (1712—1778)**, который довел учение естественной школы до его логического конца, до его самых крайних пределов. Сопоставляя провозглашаемый теорией естественного права идеал с окружающей его действительностью, Руссо пришел к полному и всестороннему осуждению последней.

По природе своей, писал он, человек рождается свободным, а между тем мы видим его повсюду в оковах. До тех пор, рассуждал Руссо, пока люди довольствовались своими убогими хижинами, пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между собою наслаждаться радостями общения, "не нарушавшими их независимость". Но с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, как только люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи на двоих, — исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью. Обширные леса, включает автор, превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета.

Сопоставляя окружающую его действительность с представлениями, которые развивались в теории естественного права о мире и о людях, населяющих этот мир, Руссо видел их полную несовместимость, ярко выраженное противоречие между теми и другими. По природе все люди равны, отмечал он, в то же время контраст богатства и нищеты выступает как явление повсеместное. По природе все люди братья, а между тем повсюду мы можем наблюдать

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 46.

² Там же.

ожесточенную борьбу слоев, групп, классов. Причин такого вопиющего расхождения природы человека и действительности много, но наиболее важная из них, по мнению Руссо, — ненасытное честолюбие, страсть к увеличению относительных размеров своего состояния, с одной стороны, противоположность интересов — с другой, и повсюду — “скрытое желание выгадать за счет других”. Все эти бедствия, заключал автор, “первое действие собственности и неотделимая свита нарождающегося неравенства”.

Чтобы устранить это неравенство и привести в полное соответствие с изначальной природой человека окружающую действительность, необходимы не столько эволюционные, сколько революционные меры. Этот выбор следует из всего учения Руссо, на базе которого сложился лозунг французской революции “Свобода, равенство и братство” и которое еще раз подтвердило революционный характер развиваемой на этом историческом этапе теории естественного права.

Революционный характер последней проявлялся не только в полном неприятии окружающей ее творцов и сторонников юридической и социально-политической среды, но и в решительном отказе их от ряда прежних положений, развивавшихся в рамках теории естественного права, о вечных, естественных законах, вложенных Богом в сердца людей.

Идеи божественного происхождения государства и права, а также их отдельных институтов, таких, например, как власть монарха, не только не подтверждались и не оправдывались на новом историческом этапе, но и всячески опровергались. Вместо Божьей воли и Божьего провидения в решении этих вопросов на первый план выступала воля людей. Особенно это наглядно было показано **П. Гольбахом (1723—1789)** в его работе “Священная зараза или естественная история суеверия” на примере власти монарха и связанных с нею правовых норм и идей.

Выступая против широко распространенной в средние века идеи божественного происхождения власти королей, “являющихся представителями и подобием Бога на земле”, Гольбах пишет, что в практическом плане эта идея служит оправданием всемогущества, бесконтрольности властей, произвола монархов и их ближайшего окружения во всех сферах жизни общества, в том числе в сфере правотворчества и правоприменения¹.

“Горсть привилегированных людей, — отмечает автор, получила в силу божественного права власть быть несправедливыми и повелевать другими людьми. Последние верят, что должны отказаться в пользу своих господ от собственного счастья, должны работать только на них, сражаться и погибать в их войнах. Они верят,

¹ Гольбах П. Священная зараза. Разоблаченное христианство. М., 1936. С. 83—94.

что должны безусловно подчиняться желаниям самых сумасбродных и вредных царей, которых небо послало им в гневе своем”.

Идея божественного происхождения права и власти монарха, констатирует Гольбах, привела во многих странах к тому, что “государь стал единственным источником милостей”. Он “развращал общество и разделял его, чтобы властвовать”. При таком положении вещей “нация была доведена до ничтожества; собственное неразумие сделало ее неспособной ограждать свою безопасность, сопротивляться причиняемому ей злу и вознаграждать за оказываемые ей услуги; сами граждане забыли ее, и игнорировали, и не признавали. В каждой стране одно центральное лицо зажигало все страсти, приводило их в действие для своей личной выгоды и награждало тех, кого считало наиболее полезным для своих целей”.

Далее Гольбах замечает, что “воля монарха заняла место разума”. **Прихоть монарха стала законом.** Милость его стала мерилом уважения, чести, общественного почета. Воля монарха “определяла право и преступление, справедливость и несправедливость. Воровство перестало быть преступлением, если было дозволено монархом”. Угнетение становилось законным, если совершалось от его имени. Налоги шли только на “безумные траты монарха и на утоление appetitов его ненасытных царедворцев”.

Как же практически обстояло дело со свободой, справедливостью и с правом в тех случаях, где господствовала теория божественного происхождения институтов власти и права?

Что касается справедливости, то ее идея, по образному выражению автора, “угасла во всех дугах”. Граждане рукоплескали “собственному унижению и разорению”. Служба государю отождествлялась со служением отчизне. Воин считал себя полезным своей стране, “держа ее под ярмом и заставляя склонять выю по прихоти своего господина. Ваяточник объявлял себя крайне необходимым человеком”. Судью, приговоры которого диктовались положением и влиянием обвиняемого, не считали обесчещенным. “Представитель нации продавал ее за деньги и торговал ею, как своей собственностью. Министр уважался по тому, какие средства были найдены им для того, чтобы увеличить власть государя и разорение государства.

Итак, делая вывод в отношении идеи справедливости, Гольбах, государи, “обоготворенные религией и развращенные попами”, в свою очередь развращали души своих подданных, выносили “среди них борьбу интересов”, уничтожали существовавшие между ними отношения, “делали людей врагами друг другу и убивали в них нравственность”.

Какую же роль при этом играло право? Было ли оно одинаково справедливым ко всем? Ответ Гольбаха однозначный: “Не было”. Суровость закона, пишет он, существовала лишь “для жалкого народа”. Ибо, “вельможи, фавориты, богачи, счастливыцы не подлежали его строгому суду. Все мечтали только о чине, власти, титуле,

сане и должности. Все пути к этим благам только в чине, власти, титуле, сане и должности. Все пути к этим благам считались законными и честными. Каждый стремился быть изъятым из-под гнета, для того, чтобы угнетать других". Каждый желал получить возможность безнаказанно творить зло.

Таким образом, заключает автор, законодательство, зависящее от "порочного двора", должно было лишь связывать граждан. Законы, которые должны были обеспечивать счастье всех, "служили только для защиты богачей и вельмож от покушений со стороны бедняков и серых людей, которых тирания стремилась всегда держать в унижении и нищете"¹.

Подвергая резкой критике идеи божественного происхождения власти и права, приводящие к губительным социальным последствиям, Гольбах, а вместе с ним и другие сторонники естественной теории происхождения права апеллировали таким образом вместо божественной воли к воле народов, наций, отдельного человека.

Если бы нации, столь униженные в своих правах и собственных глазах, заявлял в связи с этим Гольбах, "способны были обратиться к разуму, они, конечно, увидели бы, что только их воля может предоставлять кому-либо высшую власть". Они увидели бы, что те земные боги, перед которыми они падают ниц, в сущности, просто люди, которым они же, народы, поручили вести их счастье, причем эти люди стали, однако, бандитами, врагами и узурпаторами, злоупотребили властью против народа, давшего им в руки эту власть".

Да и сами государи, рассуждал далее автор, если бы они способны были "запрашивать природу и свои истинные интересы", если бы они очнулись от опьянения, в которое приводит их фимиами, "воскуриваемый им служителями суеверия", они бы поняли, что "власть, основанная на согласии народов, на их привязанности, на их настоящих интересах, гораздо прочнее власти, опирающейся на иллюзорные притязания". Они бы нашли, что истинная слава состоит в том, чтобы объединять их желания и интересы, истинное величие — в деятельности, таланте и добродетели².

Аналогичных взглядов на природу власти и права в рассматриваемый период придерживались и другие сторонники и последователи теории естественного права.

В последующие годы и столетия эти взгляды в основе своей сохранились, хотя и претерпели, как и теория естественного права, определенные изменения.

В начале XIX века в развитии естественного права наступили кризисные явления, которые были обусловлены комплексом при-

¹ Гольбах П. Указ. соч. С. 89.

² Там же. С. 30.

чин как внутреннего порядка, "заложенных" в самой теории естественного права, так и внешнего плана.

Характеризуя этот период в развитии естественного права, Г. Ф. Шершеневич писал, что на данном этапе оно столкнулось с новым течением мысли в лице исторической школы, о которую оно разбилося не столько вследствие сильной критики извне, сколько вследствие ослабевшей собственной силы внутри¹.

В оппозицию к естественному праву в Англии стала утилитарная школа И. Бентама, положившая в свою основу не природу человека и общества, а пользу, выгоду, как критерии нравственности и движущую силу всех поступков человека. При этом все природные и социальные явления рассматривались только с точки зрения их полезности (принцип оценки) и возможности быть использованными для достижения каких-либо целей.

В Германии школу естественного права стала энергично теснить появившаяся на свет историческая школа права. Тесная связь школы естественного права с революционными тенденциями XVIII века вызвала неприязнь к ней и гонения со стороны самых различных реакционных сил, поднявшихся по всей Европе в этот период на защиту старого, исторически отжившего строя.

Однако самый сильный удар идее естественного права, по мнению исследователей, был нанесен "научным духом XIX века, его исторической, социальной и эволюционной точки зрения". Все давало основание думать, что естественное право окончательно умерло. Уже многие готовились ставить ему надгробный памятник, когда "совершенно неожиданно, на исходе XIX столетия, оно вдруг проявило все признаки жизни"¹. Это оживление обнаружилось одновременно в разных местах Западной Европы и с особенной яркостью в России.

С конца XIX века и вплоть до настоящего времени теория естественного права переживает новый период в своем развитии — так называемый период возрожденного естественного права.

Чем отличается данный период развития естественного права от всех предшествующих периодов? Что у них общего и что особенного?

Отвечая на эти вопросы, следует обратить внимание прежде всего на то, что **возрожденное естественное право в лице его последователей не только не отрицает своего родства с прежними этапами развития естественного права, но, наоборот, всячески подчеркивает свою генетическую связь с ними.** Родство со старой теорией признается, в частности, по линии их общих основ — упование на природу и разум человека, по линии основных задач — нахождение идеального критерия, а также по линии априорного метода — упование на веру вместо доказательств реального суще-

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 30.

² Там же.

ствования норм естественного права, на общепринятость того или иного поведения, именуемого естественным, и т. д.

Отличительная особенность возрожденного естественного права по сравнению со старым естественным правом проявляется прежде всего в том, что оно не признает вечного, неизменного для всех времен и народов права. Оно исходит из того, что в мире существует естественное право только с исторически меняющимся содержанием. Сказанное не означает, однако, что возрожденное естественное право не признает абсолютного идеала или критерия.

Среди других отличительных особенностей возрожденного естественного права следует назвать **множественность направлений его развития** и формирующих его **частных теорий**. Последнее дало основание ряду авторов именовать современное естественное право с точки зрения его теории не в единственном, а во множественном числе, как "теории современного естественного права".

Это прежде всего такие частные теории, как неотомистские, экзистенциалистские, феноменологические и другие доктрины. Общим для них является то, что они возникают и развиваются в рамках естественного права и имеют под собой, в виде объективного и субъективного идеализма, одинаковую основу. Естественное право выводится ими из: 1) божественного порядка бытия (религиозные учения — неотомизм, неопротестантизм и др.); 2) самореализации объективного разума и объективной идеи права (неогегельянство); 3) априорных правовых субстанций и ценностей (феноменологическая концепция); 4) "природы вещей" как идеальной мыслимой формы, трактуемой с позиций методологического дуализма должного и сущного (неокантианство); 5) "существования" человека (экзистенциализм); 6) "процесса исторического правопонимания", "живого исторического языка" (герменевтика); и др. Следует заметить, что в современной теории естественного права эти различные направления и подходы нередко переплетаются между собой¹ и дополняют друг друга.

Важной особенностью современной теории естественного права является ее **ярко выраженный политический и идеологический аспект**. Строго говоря, данная теория, как и любая иная государственно-правовая доктрина, всегда была не только юридической, но и политико-идеологической теорией. Это означало, что ее всегда пытались использовать не только в юридических, но и в политико-идеологических целях — для укрепления или, наоборот, расшатывания существующего строя, для усиления или, наоборот, ослабления революционного движения. Все зависело от того, в чьих руках находилась данная теория и для достижения каких целей она применялась. Возможность использования теории естественного права прямо в противоположных политических и идеологических целях объясняется многими причинами и прежде всего ее чрез-

¹ См.: История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1983. С. 619.

мерной широтой, многогранностью и неопределенностью многих “заложенных” в ней понятий и положений, открывающих широкий простор для произвольного их толкования и применения.

В современных условиях развития теории естественного права ее политический и идеологический аспекты значительно возросли по сравнению с прежними этапами ее развития. Объясняется это, с одной стороны, усилением политизации и идеологизации всей общественной и государственной жизни во всех странах в XX в. А с другой — возникновением и развитием многочисленных, имеющих различные политические и идеологические оттенки течений и направлений теории естественного права.

С помощью различных положений теории естественного права в 30—40-е гг. XX века в некоторых странах (Германия, Италия, Португалия и др.) сначала оправдывался, а затем, после победы над фашизмом, повсеместно осуждался фашизм и тоталитаризм. Используя теорию естественного права, официальная политика и идеология стран Запада всячески осуждала и осуждает как “несоответствующий” природе и характеру человека коммунизм и, наоборот, повсеместно, в прямой и косвенной форме, утверждала и утверждает как естественный, адекватно отражающий природу и чаяния человека капитализм.

Данный мотив достаточно четко различается и в современной российской официальной и полуофициальной политической жизни и идеологии. Вполне естественными, соответствующими природе человека, в той или иной форме провозглашаются и отчасти проводятся в жизнь идеи элитарности, а значит, заведомо признаваемого неравенства людей. Подспудно естественным феноменом жизни признается безработица как источник конкуренции на рынке труда и состязательности. Практической политикой в сфере экономики и социальной жизни поощряется материальное, а вместе с тем и социальное расслоение общества на имущих и неимущих, на частных работодателей и работников, на собственников — владельцев огромных дворцов и состояний и нищих или полуничих.

Само собою разумеется, и это было множество раз доказано самой жизнью, что глубокое материальное и иное неравенство людей является основой и залогом реально возникающего на этой почве юридического неравенства, в различной степени реализующихся в отношении разных по материальной обеспеченности граждан конституционных прав и свобод. Чем глубже расслоение общества по материальному признаку, чем больше разрыв между богатыми и бедными в российском или любом ином обществе, тем бессмысленнее и бессодержательнее становятся конституционные положения о равенстве, равноправии, одинаковых гарантиях прав и свобод граждан и иные им подобные декларации.

В прежнем Советском государстве степень обеспеченности прав и свобод граждан во многом зависела от степени вовлеченности их в государственно-правовые или иные официальные (в особенности,

в высшие партийные эшелоны) структуры, а также — от имеющихся “полезных” связей в чиновном и партийном мире. В постсоветской России в дополнение к названным факторам добавляется еще финансово-экономический, материальный фактор. В ряде случаев он все чаще играет решающую роль. В особенности это касается таких конституционных прав и свобод граждан, как свобода слова и печати, право граждан на образование, реальное (качественное) медицинское и социальное обеспечение, право на труд, на отдых и др. Слабая материальная, социальная и иная обеспеченность конституционных прав и свобод граждан в значительной степени выхолащивает их смысл и содержание.

Последнее касается не только прав и свобод граждан, но и различных конституционных положений, относительно неотчуждаемости и принадлежности основных прав и свобод человека от рождения, относительно их гарантированности согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и др.¹

Означает ли все сказанное, что естественное право и его теория в настоящее время полностью утратили свое значение? Означает ли это, что они полностью потеряли свой первоначальный социальный смысл? Безусловно, нет. Несмотря на то, что естественное право и его теория прошли огромный путь в своем развитии и претерпели весьма радикальные изменения, несмотря на то, что в настоящее время к естественному праву и его теории в значительной мере утрачен интерес², они тем не менее продолжают по-прежнему привлекать к себе достаточно большое и весьма обостренное внимание, вызывают споры, разноречивые суждения и нередко политические и идеологические раздоры.

Независимо от того, какой взгляд на естественное право и его теорию доминирует в обществе, воспринимаются ли они как нечто реальное, существующее в действительности или же как нечто идеальное, существующее лишь в воображении творческого ума, то и другое играет огромную, не только академическую, но и сугубо практическую, моральную и интеллектуальную роль.

В чем это выражается и как, в каких формах проявляется? Прежде всего в том, что естественное право служит и должно служить моральной основой и моральным ориентиром при формировании позитивного права. Можно спорить, соглашаться или не соглашаться с мнением Е. Н. Трубецкого о том, что позитивное или положительное право, как его иногда называют, “не есть единственная форма права, что над ним есть иное, высшее право” и что “эта высшая форма права, отличная от права положительного, независимо от какого бы то ни было авторитета, и есть то, что называется естественным правом”, однако одно остается бесспорным, а

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ч. 1, 2. Ст. 17.

² См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд. М., 1996. С. 252—253.

именно, что **естественное право является первоначальной основой "любого иного права, а вместе с ним и правопорядка"**¹.

Предписания естественного права по своему содержанию и отношению к позитивному праву, писал автор, будучи "внутренним законом нашего разума", являются по своей сути нравственными предписаниями. Естественное право — то же, что правда. Оно вбирает в себя всю совокупность тех нравственных требований, в силу которых мы подчиняемся или не подчиняемся тому или иному общественному и государственному институту. Оно заключает в себе всю совокупность тех нравственных норм, в которых любая человеческая власть и позитивное право находят себе оправдание или осуждение.

И далее. Лежащая в основе каждого правопорядка обязанность личности подчинять свои цели целям общественным есть несомненно обязанность нравственная и соответствующее этой обязанности право общества господствовать над личностью есть без всякого сомнения по существу своему право нравственное².

Таким образом, рассматривая естественное право под углом зрения его академической и практической — моральной и интеллектуальной значимости, следует констатировать, что оно может и должно быть **моральной основой не только процесса формирования позитивного (положительного) права, но и различных форм его реализации, включая правоприменение.**

С этих позиций, рассуждал Е. Н. Трубецкой, всякое позитивное право может требовать повиновения не иначе, как **во имя нравственного права**, того или иного общественного авторитета, той или другой власти. В тех случаях, когда существующий правопорядок действительно является благом для данного общества, естественное право дает ему санкцию и служит ему опорой. Однако, если действующее позитивное право не соответствует требованиям добра и находится в полном с ним противоречии, "естественное право звучит как **призыв к усовершенствованию**". Оно играет роль **движущего начала в истории, является необходимым условием всякого прогресса, развития в праве**³.

К сказанному следует добавить, что естественное право, понимаемое в данном случае как "право нравственное", выступает не только в качестве внутреннего движущего начала, или, наоборот, сдерживающего то или иное поведение лица, но одновременно и как **внешний регулятивный фактор.**

Естественное право, писал в связи с этим Е. Н. Трубецкой, есть то же, что право нравственное. Это означает, что его требования **обладают, с одной стороны, характером правовым, а с другой — нравственным.** Следовательно, смысл существования естественно-

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 480.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 50.

го, как и любого иного права, выражается, с одной стороны, в предоставлении лицу известной сферы внешней свободы, а с другой — в ограничении этой сферы.

Однако, будучи правом нравственным по самой природе, естественное право всегда требует, чтобы внешняя свобода была предоставлена лицу именно в тех границах, которые оправдываются и требуются целями добра. Внешняя свобода, которая предоставляется лицу правом, заключается в возможности преследовать и осуществлять те или иные цели во внешнем мире. Разумеется, что такая свобода является не абсолютным, а относительным благом. Внешняя свобода отдельного лица является благом лишь постольку, поскольку она подчинена общему благу, поскольку не влечет за собой несправедливых стеснений свободы других лиц¹.

Если говорить о безграничной свободе отдельного лица или группы лиц, то такая свобода была бы не только полным отрицанием права, но и прямой противоположностью добра, ибо она могла бы выражаться в возможности убивать, насиловать и воровать. В силу этого естественное право предписывает, чтобы внешняя свобода каждого лица всегда была ограничена свободой других лиц. Причем в той мере, в какой это требует добро. В этом, по мнению автора, и только в этом заключается непреходящее, неизменное требование естественного права².

Данное “неизменное” требование остается таковым не только по отношению к отдельному лицу или группе лиц, но и по отношению ко всему обществу. Все остальные требования — постулаты естественного права являются исторически преходящими, переменными.

В научной дореволюционной и более поздней юридической литературе вполне доказательно отмечалось, что в основе своей естественное право не заключает в себе и не может заключать никаких, раз и навсегда данных, неизменных юридических норм. Оно не являет собой совокупность различных для каждой нации и эпохи нравственных и, вместе с тем, правовых требований. Как синоним нравственно должного в праве оно не выражается в виде каких-либо общих, для всех обязательных правил или законодательных шаблонов. Для каждого народа и в каждую данную эпоху оно олицетворяет собою особую специфическую задачу, особую совокупность конкретных обязанностей. В этом заключается оправдание необходимости существования права позитивного.

Что же касается естественного права, то, пользуясь терминологией Е. Н. Трубецкого и других его последователей, можно сказать, что, будучи нравственной основой правотворческого и правоприменительного процессов, а также моральным регулятором по-

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 51.

² См.: Моральные ценности и личность / Под ред. А. И. Титаренко, Б. О. Николаичева. М., 1994.

ведения людей естественное право является одновременно и моральным мериллом деятельности различных государственных органов.

Если та или иная общественная среда, рассуждали в связи с этим последовательные сторонники естественного права, руководствуется обычным правом, то без всякого сомнения это происходит потому, что оно считает добром подчиняться авторитету отцов и дедов. Наступают, однако, времена, когда этот авторитет утрачивает силу и нормы, которые когда-то им освящались, заменяются нормами более совершенными, изданными законодателем.

Эта замена одного авторитета другим опять-таки обуславливается тем, что "общество почитает добром подчиняться авторитету законодателя. Этот авторитет, как и всякий другой, зиждется на нравственном праве". Этим правом держится всякая власть. Власть же, которая перестала служить благу подданных, падает опять-таки во имя нравственного права¹.

Данный, весьма важный по своей социальной значимости нравственный постулат наряду с другими, аналогичными ему постулатами естественного права, является весьма важным основанием для оправдания необходимости его существования не только в прошлом, но и в настоящем. Он придает естественному праву и его теории, независимо от того, как они воспринимаются и понимаются, трудно переоценимый социальный и моральный вес, огромную моральную и интеллектуальную значимость.

Разумеется, естественное право, как и его теория в любом их варианте, нередко страдают не только идеализмом, но и утопизмом. Во многих случаях естественное право, именуемое нравственным правом, подменяет собой этику, мораль, а соотношение позитивного (нравственного) права выступает как нечто иное, в современном их понимании, как соотношение права и морали.

Однако, несмотря на все это, естественное право и его теорию, имеющие своей основой нравственность и разум, нельзя сбрасывать со счетов. Рассматривая под критическим углом зрения их негативную сторону, нельзя в то же время не видеть и их позитивный, рациональный аспект.

§ 4. Договорная теория

Отдельные элементы данной теории разрабатывались еще философами Древней Греции и Древнего Рима. Однако в своем классическом виде договорная теория появилась лишь в XVII—XVIII вв.

Наиболее видными ее представителями были Г. Гроций, Д. Локк, Д. Дидро, П. Гольбах, А. Радищев, Ж. Руссо и другие ученые энциклопедического уровня, просветители.

¹ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 49—50.

В работах многих отечественных и зарубежных авторов договорная теория отождествляется и рассматривается как естественно-правовая теория или просто — как естественная теория происхождения государства и права. В таком рассмотрении договорной теории, несомненно, есть свой резон. Дело в том, что она, как и естественная теория, развивалась по общему правилу, одними и теми же авторами, содержала одни и те же или весьма сходные положения. Из теории договорного и естественного права, например, делались и, вполне оправданно, делаются одни и те же выводы.

Необходимость же их отдельного рассмотрения обуславливаются прежде всего тем, что при всей своей общности договорная теория и теория естественного права имеют определенные различия. Первая акцентирует основное свое внимание на государстве, тогда как вторая — на праве. Отнюдь не случайно *теорию естественного права называют, как правило, теорией происхождения права*, тогда как *договорную теорию — теорией происхождения государства*.

Разумеется, имея в виду неразрывную связь государства и права, четкое разделение теорий происхождения государства и теорий происхождения права весьма проблематично, условно. Однако, тем не менее, оно проводится и должно проводиться, поскольку для этого есть объективные причины (необходимость их более глубокого и разностороннего исследования не только во взаимосвязи и взаимодействии, но и самих по себе) и обстоятельства. Нельзя, в частности, не учитывать тот факт, что договорная теория происхождения права возникла и развивалась на основе теории естественного права. Это следует из содержания научных исследований, трактатов как отечественных, так и зарубежных авторов, в особенности А. Радищева, Дж. Локка и Ж. Ж. Руссо.

Каждый из них внес свою, весьма заметную лепту в процесс становления и развития договорной теории. Каждому из них присущи, помимо общих, подтвержденных всеми авторами положений, также элементы своеобразия. Оспаривая идеи божественного происхождения государства и права, А. Радищев (1749—1802) считал, например, что государство возникает не как результат некоего Божественного провидения, а как следствие молчаливого договора членов общества в целях совместной защиты слабых и угнетенных. Государство, по его мнению, “есть великая машина, коя цель есть блаженство граждан”.

Так же как и другие просветители, в частности **Жан Жак Руссо**, А. Радищев связывал образование государства с возникновением частной собственности. Он писал: “Как скоро сказал человек: сия пядь земли моя — он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком”.

В работе Руссо “Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми” проводится эта же мысль, но излага-

ется другими словами. Первый, писал мыслитель, кто, огородив участок земли, придумал заявить: "Это мое", и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: "Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!" Но очень похоже на то, продолжал автор, что дела пришли уже тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие — "собственность", зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникнуть лишь постепенно, не сразу сложилась в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния¹.

Связывая возникновение государства с возникновением и развитием частной собственности, Руссо и Радищев, однако, расходятся в том, кто и для чего его создал. Согласно теории Радищева государство с самого начала создается по договору между всеми людьми и для "блаженства всех". В соответствии же с теорией Руссо государство является результатом некоего, весьма хитроумного плана богатых, и первоначально создается лишь в целях оправдания и защиты их интересов и их самих.

Не имея веских доводов, чтобы оправдаться, и достаточных сил, чтобы защищаться от бедных и угнетенных, богатый, учил Руссо, составил под давлением необходимости один из наиболее важных и обдуманых планов, которые когда-нибудь рождались в человеческом уме, а именно — обратив себе на пользу все силы тех, кто на него нападал, превратив своих противников в своих защитников, смог внушить им иные принципы и дать им иные установления, которые были бы для него настолько же благоприятны, сколь противоречиво его интересам естественное право. "Давайте объединимся, — сказал он им, — чтобы оградить от угнетения слабых, сдерживать честолюбивых и обеспечить каждому обладание тем, что ему принадлежит". Давайте установим судебные уставы и мировые суды, с которыми все обязаны будут сообразовываться, которые будут нелицеприятны и будут отчасти исправлять превратности судьбы, подчиняя в равной степени могущественного и слабого взаимным обязательствам. Словом, вместо того, чтобы обращать наши силы против самих себя, давайте соединим их в одну высшую власть, которая будет править нами, согласно мудрым законам, власть, которая будет оказывать покровительство и защиту всем членам

¹ См.: История политических и правовых учений. Хрестоматия. М., 1996. С. 118.

образуемой ассоциации, отражать натиск общих врагов и поддерживать среди них вечное согласие.

Таково было или должно быть, заключает Руссо, происхождение государства, общества и законов, которые еще более увеличили неравенство и силу богатых, безвозвратно уничтожили свободу, навсегда упрочили собственность, "превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и обрели к выгоде нескольких честолюбивцев весь род человеческий на труд, нищету и рабство¹.

Таким образом, будучи созданным в результате заключения Договора между людьми или Общественного договора, как его чаще называют, государство вначале обслуживает в первую очередь богатых, а затем уже обращает внимание на защиту интересов и охрану свободы всех.

Что собою представляет Общественный договор, каковым должно быть его содержание и назначение, равно как и многие другие аналогичные им вопросы получили наиболее яркое и основательное освещение в ряде трактатов Жан Жака Руссо и особенно в его знаменитом труде "Об общественном договоре, или принципы политического права".

Основная задача, которую призван решать Общественный договор, состоит в том, по мнению Руссо, чтобы найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде.

Основные положения и статьи Договора должны быть настолько определены и зависимы от его природы, чтобы их малейшее видоизменение сделало бы их пустыми и недействительными. Поэтому, согласно Руссо, не будучи никогда в формальном плане отдельно выражены, они везде одинаковы, везде молчаливо допускаются и признаются. Так продолжается вплоть до момента нарушения Общественного договора. Если таковое совершается, то каждый человек "вновь вступает в свои первоначальные права и возвращает себе вновь свою естественную свободу, утратив свободу условную, для которой он отказался от первой".

Каковы же должны быть **основные условия Общественного договора**? Отвечая на данный вопрос, Руссо обращал внимание прежде всего на то, что все эти условия, правильно понятые, должны сводиться и сводятся в сущности к одному условию, а именно, к полному отчуждению каждого члена со всеми своими правами в пользу всей общины. Целесообразность этого обуславливается тем, что если каждый отдает всего себя целиком, то это условие оказывается одинаковым для всех, а если оно одинаково для всех, то ни у кого нет интереса делать его тягостным для других.

¹ Руссо Ж. Ж. О причинах неравенства. М., 1907. С. 87.

Кроме того, рассуждал Руссо, поскольку отчуждение происходит без оговорок, то союз людей становится настолько совершенным, насколько он вообще может быть таковым. Ни у одного из членов данного союза при этом не возникает каких-либо особых требований или претензий. Ибо, если бы у отдельных личностей остались хотя бы некоторые особые права, то за отсутствием высшей власти, которая могла бы решать споры между ними и обществом, то каждый, "будучи в некоторых вопросах своим собственным судьей, скоро начал бы претендовать быть судьей во всех других вопросах".

Наконец, заключал мыслитель, каждый, отдавая себя всем, не отдает себя никому. Поскольку среди членов союза нет ни одного участника, по отношению к которому остальные участники не приобрели бы такого права, какое они уступают ему по отношению к себе, то каждый снова приобретает все, что он теряет. При этом он приобретает больше силы для сохранения того, что он имеет.

Важным условием заключения и соблюдения **Общественного договора**, помимо полного отчуждения каждого его участника со всеми его правами в пользу создаваемого сообщества, общины является также **принятие на себя обязательства выполнять все ее требования, установления, обязанность повиноваться.**

Для того, чтобы общественное соглашение не оказалось пустой формальностью, предупреждал Руссо, оно должно с неизбежностью заключать в себе следующее очень важное обязательство, которое "одно только может придать силу другим обязательствам". А именно — обязательство, согласно которому если кто-то откажется повиноваться общей воле, то он будет принужден к повиновению всем политическим организмом" Это означает, что его силой заставят выполнять обязательства, поскольку соглашение в том и заключается, что "предоставляя каждого гражданина в распоряжение отечества, оно гарантирует его от всякой личной зависимости". Это условие, резюмирует Руссо, составляет секрет и двигательную силу политической машины, и только оно одно делает законными гражданские обязательства, которые без этого были бы нелепыми, тираническими и давали бы лишь повод к огромным злоупотреблениям¹.

Рассматривая государство как продукт Общественного договора, происхождение разумной воли народа, а точнее — человеческое учреждение или даже изобретение, Руссо исходил из того, что каждый человек передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы. В результате "для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого". Это коллективное целое, по мнению Руссо, есть не что иное, как юридическое лицо. Раньше оно именовалось "гра-

¹ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // История политических и правовых учений. Хрестоматия. М., 1996. С. 123—125.

жданскою общиною". Позднее — "Республикою или Политическим организмом". Члены этого политического организма называют его "Государством, когда он пассивен. Сувереном, когда он активен, Державою — при сопоставлении его с ему подобными".

Государство рассматривается Руссо как "условная личность", жизнь которой заключается в союзе ее членов. Главной, его заботой, наряду с самосохранением, должна быть забота об общем благе, о благе всего общества, народа. Огромную роль при этом играют издаваемые законы, право.

Руссо выдвигает и развивает идею **прямого народного правления**. Ибо, согласно Общественному договору, "только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо".

Народ, рассуждает мыслитель, не может лишиться самого себя неотчуждаемого права издавать законы, даже если бы он этого и захотел. Законы всегда являются актами общей воли. И никто, даже государь, не может быть выше их. Законами являются лишь такие акты, которые непосредственно принимаются или утверждаются путем проведения референдума самим народом.

Закон всегда всеобщ. Под этим разумеется прежде всего, писал Руссо, что он рассматривает всех участников Общественного договора как одно целое, а их действия — "как отвлеченные". Это означает, что закон никогда "не касается ни человека как индивида, ни частного поступка". Разумеется, пояснял свою позицию автор, закон, например, может установить привилегии вообще, но он "не может дать привилегии поименно тому-то или тому-то." Или — закон может разделить граждан на несколько классов, может даже обозначить признаки, согласно которым определяется принадлежность к этим классам. Однако он не может зачислить тех или иных граждан в тот или иной класс.

Наконец, закон может учредить "королевское правительство и наследственную преемственность", но он не может ни избрать короля, ни назначить династии.

Из всего этого следует вывод о том, что "всякая функция, которая относится к индивидуальному объекту, не есть дело законодательной власти"¹. Это — первое. А второе и весьма важное в практическом плане — это вывод о том, что повеления, исходящие от одного лица, кто бы это ни был (государь, правитель, монарх и т. п.), только от его имени, не суть законы, поскольку "закон соединяет всеобщность воли с всеобщностью объекта". Даже то, что постановляет верховная власть относительно частного предмета, не является законом, а лишь декретом — актом администрации, а не суверена². В качестве суверена — обладателя верховной власти, и выразителя и носителя **общей воли** может выступать, согласно

¹ Руссо Ж. Ж. Указ. соч. С. 128.

² Там же. С. 129.

Общественному договору, только такое единое целое, как **народ**. Только "общая воля может управлять силами государства", доказывал Руссо, причем не произвольно, а "сообразно с целью, для которой последнее учреждено и которая есть общее благо".

Следует особо отметить, что эту общую волю, как и суверенитет — выразитель и носитель общей воли, никто не может ни отчуждать, ни искусственно делить. Он неотчуждаем и неделим. Я утверждаю, писал в связи с этим Руссо, что **суверенитет, будучи только осуществлением общей воли, не может никогда отчуждаться** и что суверен, будучи ничем иным, как коллективным существом, может быть представлен только самим собой.

По тем же самым основаниям, по каким суверенитет неотчуждаем, он и неделим. Ибо одно из двух: или воля является всеобщей или ее как таковой вообще нет; или это воля всего народа или же это воля только части его. В первом случае эта объявленная всеобщая воля "есть акт суверенитета и составляет закон, во втором — это только частная воля или акт магистратуры (должностных лиц), самое большое — это декрет¹.

Согласно Общественному договору суверен, будучи наделен законодательной властью или, иными словами, правом на издание законов, сам действует не иначе, как на основе и в рамках законов. Больше того, поскольку законы есть акты только общей воли и к тому же являются исключительным проявлением общей воли — воли суверена, то последний может действовать только тогда, когда весь народ собран.

Разумеется, во всем этом есть элемент утопизма и идеализма. Причем, не только применительно к нашему времени, но и ко времени написания "Общественного договора". Руссо понимал это. Предвидел возможные упреки и поэтому, упреждая их, соответственно парировал. Скажут, писал он, что собранный вместе народ — химера. Да, это химера теперь, но это не было химерой две тысячи лет назад. "Разве люди изменились по своей природе?"²

Следует иметь в виду, что в "Общественном договоре" речь идет о времени первоначального возникновения государства на договорной основе, а не о этапах последующего его развития.

На ранних стадиях развития общества и государства ввиду немногочисленности и компактности проживания на сравнительно небольших территориях населения Руссо и другими сторонниками договорной теории, по вполне понятным причинам и обстоятельствам, допускалась возможность их совместного, непосредственного решения вопросов и принятия законодательных актов.

Что же касается более поздних периодов развития человеческого общества и государства, то здесь вместо непосредственной

¹ Руссо Ж. Ж. Указ. соч. С. 126.

² Там же. С. 131.

демократии на первый план выступают различные формы **представительной демократии**.

Идея представительства, отмечал Руссо, — идея современная. Она сама по себе не отвечает природе человека. Более того, она противоречит ей. Представительство идет, по мнению автора, от феодального правления, этого несправедливого и абсурдного правления, в котором род человеческий унижен и в котором самое имя человека обесчещено. “В древних республиках и даже монархиях народ никогда не имел представителей и даже это слово не было известно.”¹

Какие же причины, помимо роста численности населения и других, лежащих на поверхности причин, вызвали необходимость обращения людей к столь нелестно характеризуемой автором идее представительства? Это — прежде всего “охлаждение любви к отечеству, более яркое проявление частных интересов, огромные размеры государств, завоевания и злоупотребления правительства”. Именно эти причины в первую очередь, по мнению Руссо и других сторонников договорной теории, вызвали к жизни институт представительства, а вместе с ним и привели к “учреждению депутатов, или представителей народа”².

Строго говоря, согласно взглядам Руссо и развиваемой им теории, институт представительства, как и сопутствующий ему институт депутатства, являются противоестественными, вынужденно учрежденными людьми, институтами. Несколько противореча себе, автор утверждает, в частности, что “народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа, они только его комиссары”. Они ничего не могут постановлять окончательно. Любой закон, который непосредственно не ратифицирован народом, является недействительным. “Это даже не закон”.

Английский народ, поясняет свою мысль Руссо на примере представительной системы Великобритании, считает себя свободным. Однако “он горько ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом, он — ничто. То применение, которое он делает из своей свободы в краткие моменты пользования ею, заслуживает того, чтобы он ее терял”³.

Таков вердикт Руссо и других сторонников договорной теории не только по отношению к английской, но и ко всей представительной системе в целом. В центр внимания и всего конструируемого ими политического мироздания ставится при этом опять-таки суверен, собранный воедино и действующий согласно своей общей, выработанной воле народа.

Именно народу принадлежит ряд неотъемлемых естественных прав и свобод, на первом месте среди которых находится исключи-

¹ Руссо Ж. Ж. Указ. соч. С. 131.

² Там же.

³ Там же.

тельное право народа на принятие законов и неотчуждаемое право на сопротивление тиранам.

Короли, писал по этому поводу Руссо, всегда “хотят быть неограниченными”. Хотя им издавна твердили, что “самое лучшее средство стать таковыми — это снимать любовь своих подданных”, однако это правило при дворах всегда вызывало и “будет вызывать только насмешки”. Власть, возникающая из любви подданных, несомненно, наибольшая. Но она непрочна и условна. Поэтому “никогда не удовлетворяются ею государи”. Личный интерес любых повелителей состоит прежде всего в том, “чтобы народ был слаб, бедствовал и никогда не мог им сопротивляться”. Конечно, замечает мыслитель, если предположить, что подданные всегда будут оставаться совершенно покорными, то государь был бы тогда заинтересован в том, чтобы народ был могуществен, “дабы это могущество, будучи его собственным, сделало государя грозным для соседей”. Но так как интерес народа имеет “лишь второстепенное и подчиненное значение” и так как оба предположения несовместимы, то естественно, что “государи всегда предпочитают следовать тому правилу, которое для них непосредственно выгодно”.

Таким образом, у любого правителя всегда сохраняется свой собственный, отличающийся от народного, интерес и соблазн сосредоточения в своих руках как можно больше государственной власти. Последнее же приводит не только к тому, что “расстояние между государем и народом становится слишком велико и государству начинает недоставать внутренней связи”, но и к тому, что в политическом режиме устанавливаются признаки открытого игнорирования прав и свобод народных масс, признаки деспотизма.

В этих условиях, как следует из Общественного договора по Руссо, народ может реализовывать свое естественное право на сопротивление. При этом, заключает он, восстание, которое “приводит к убийству или свержению с престола какого-нибудь султана, это акт столь же закономерный”, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. “Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает”.

Таковы вкратце основные положения и содержание Общественного договора, легшего в основу договорной теории происхождения государства в интерпретации Руссо. Следует заметить, что теория, развиваемая Руссо, была своеобразной вершиной, пиком в развитии договорной теории. Это не означает, однако, что на данном, также, как и на всех других этапах развития договорной теории, сложилась четкая, строго последовательная, логичная и внутренне непротиворечивая концепция.

В отношении ряда положений договорной теории все обстоит как раз наоборот. Даже по вопросу о понятии и характере естественного состояния общества, предшествующего договорному госу-

дарственному образованию, над единством взглядов авторов преобладает разнополярность мнений.

Для одних сторонников договорной теории естественное состояние — это фактически мир неограниченной личной свободы, переходящей в анархию, когда каждый “имеет право на все” (Т. Гоббс). Но когда это право, в силу глубокого эгоизма человека, его природной алчности, страха, честолюбия и жадности, реализуется не иначе, как путем реализации принципа, согласно которому в обществе с фатальной неизбежностью идет “война всех против всех”, то здесь “человек человеку — волк”.

Для других же сторонников договорной теории естественное состояние отдельного человека и всего общества ассоциируется с мирной первобытной идиллией, с царством полной свободы, равенства и независимости людей друг от друга. Естественное состояние, писал в связи с этим Дж. Локк (1632—1704), имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого. Этим законом является разум, который учит всех людей тому, что “ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого”¹. И далее. “Состояние свободы — это состояние своеволия. Хотя каждый человек в этом состоянии обладает неограниченной свободой распоряжаться своей личностью и собственностью, у него нет свободы уничтожать себя или хотя бы какое-либо существо, находящееся в его владении, “за исключением тех случаев, когда это необходимо для более благородного использования, чем простое его сохранение”².

Расхождение взглядов авторов — сторонников договорной теории имеет место и в других случаях. Например, в отношении института абсолютной монархии, его места и роли в обществе, а также в защите позитивных и естественных прав граждан или подданных — участников договорных отношений.

Обращаясь к этому институту, Т. Гоббс, например, рассматривал его как “абсолютную власть государства” в качестве важного гаранта мира и средства реализации естественных прав. Абсолютная власть государства, по его мнению, необходима для защиты прав и свобод личности, избавления людей от страха быть постоянно незащищенными от постоянной угрозы насильственной смерти, наконец, от ужасов “войны всех против всех”.

Совсем иную позицию по отношению к абсолютной монархии занимал Дж. Локк. Развивая договорную теорию вслед за Гоббсом и затрагивая вопросы места и роли абсолютной монархии в обществе, он вполне определенно и осознанно выступал против данного института. Совершенно очевидно, писал Локк, что “абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правле-

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении // История политических и правовых учений. Хрестоматия. М., 1996. С. 92.

² Там же.

ния в мире", на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может быть вообще формой гражданского правления¹.

Чтобы обеспечить права и свободы людей, чтобы гарантировать их безопасное существование, государство должно быть ничем иным, как только добровольным объединением людей в единое "политическое общество", объединением, которое должно создаваться и функционировать не иначе, как только на основе и посредством "одного лишь согласия". Именно это и есть "весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в государство или его создающими".

Что же касается абсолютной монархии, как и самих монархов, то, как писал Локк, "абсолютные монархи всего лишь люди", и если государственное правление должно быть средством, избавляющим от тех зол, которые неизбежно возникают, когда люди оказываются судьями в своих собственных делах, и естественное состояние поэтому нетерпимо, то я хочу знать, что это за правление и насколько оно лучше естественного состояния, когда "один человек, повелевая множеству людей, волен быть судьей в своем собственном деле и может поступать в отношении всех своих подданных, как ему заблагорассудится". Причем, никто не имеет ни малейшего права при этом ставить под сомнение его правоту или проверять тех, кто осуществляет его прихоть².

Наряду с названными противоречиями во взглядах и различиями в понимании авторами — сторонниками договорной теории различных ее постулатов и положений существует немало и других расхождений. Они касаются не только природы и порядка возникновения государства, а вместе с ним и права, но и их сущности, содержания, форм организации назначения.

Из этого следует, что договорную теорию, также как теорию естественного права и другие некоторые теории происхождения государства и права следует рассматривать не как нечто органически целое и неделимое, а как совокупность в основе своей сходных между собой, но вместе с тем отличающихся друг от друга по ряду параметров, концепций.

Касаясь самого существа и оценки характера и роли договорной теории происхождения государства, следует отметить, прежде всего, что она является весьма идеалистической теорией, берущей за исходный постулат, чаще всего, некую первобытную идиллию, царство неограниченной свободы, первоизданную по своей чистоте и невинности естественную жизнь.

Договорная теория по своей сути и характеру антиисторична и механистична. Антиисторизм ее проявляется в том, что многие свои постулаты, касающиеся государства и права, она представля-

¹ Локк Дж. Указ. соч. С. 96.

² Там же. С. 93.

ет вне времени и пространства. К таковым можно отнести, в частности, положения о сущности государства как выразителе интересов и защитнике всех членов общества — и богатых, и бедных, и стоящих у власти, и униженных, и обиженных.

Механистический характер рассматриваемой теории выражается в том, что процесс возникновения государства и права она представляет не как эволюционный, постепенно складывающийся и не зависящий от воли отдельного человека процесс, каковым он является на самом деле, а как некий разовый, субъективный акт (заключение Общественного договора), результатом которого является государство.

В период своего расцвета договорная теория выполняла многоцелевую функцию. Она была не только академически, политически и идеологически, но и *практически важной доктриной*. В частности, договорная теория широко использовалась восходящим классом буржуазии в борьбе с абсолютизмом и деспотизмом. Она служила политическим и идеологическим оправданием революционных выступлений и требований установления и соблюдения принципов демократии, законности, равноправия всех граждан или подданных, конституционности.

В настоящее время роль и значение договорной теории, по сравнению с периодом ее наибольшего развития, во много крат уменьшились. Соответственно, значительно сократилась и сфера ее распространения. Из некогда весьма популярной теоретически и практически значимой, широко распространенной концепции она превратилась по существу лишь в исторически и академически значимую теорию.

Это, однако, не означает, что отдельные ее положения не могут выполнять и поныне определенную идеологическую и политико-практическую роль. Речь идет, в частности, о положениях, касающихся мер, принимаемых в обществе и государстве, против узурпации власти одним лицом или группой лиц; права граждан не только на сопротивление, но и на свержение насильственным путем политического режима, преступившего закон; равенства прав и свобод граждан, их реальности и гарантированности; и др.

§ 5. Теория насилия

Одной из распространенных на Западе теорий происхождения государства и права является теория насилия. Наиболее видными ее сторонниками являются немецкий философ и экономист Е. Дюринг (1833—1921), австрийский социолог и государствовед Л. Гумплович (1838—1909), известный “ревизионист марксизма” К. Каутский (1854—1939) и другие.

Краеугольным камнем теории насилия является утверждение о том, что главная причина возникновения государства и права ле-

жит не в социально-экономическом развитии общества и возникновении классов, а в завоевании, насилии, порабощении одних племен другими.

Теория насилия, как и некоторые другие теории происхождения государства и права, имеет свою, довольно длительную историю. Зачатки этой теории встречаются еще в древности, в частности, в сочинениях первого и второго поколения софистов. В их учениях государство рассматривается как учреждение, существующее исключительно для блага сильного, а право — как средство обуздания одних слоев общества в интересах других. Первоначально право предназначалось, по мнению софистов, для “обуздания сильного в интересах слабого”. Однако сильный, вскоре распознав это, сделал все, чтобы разорвать эти “противоестественные оковы” и таким образом “восстановить господство естественного закона”, согласно которому слабый по законам самой природы должен подчиняться сильному.

В сочинениях одного из наиболее одаренных и ярких мудрецов-софистов Фрасимаха из Халкедона постоянно проводится мысль о том, что в природе государства и права, государственной политике и законодательстве, так же, как и в области идеологии, нравственности господствует воля и представления тех, в чьих руках находится сила, и выражалось в завоевании и порабощении более сильным чужим племенем более слабого, уже оседлого населения”.

Ссылаясь на пример образования ряда стран Европы и Азии, которые возникли, по мнению ученого, не иначе, как путем насилия, Л. Гумплович делал окончательный вывод, согласно которому “вследствие подчинения одного класса людей другому образуется государство”, а из потребности победителей обладать “живыми орудиями” возникла экономическая основа античной семьи, отношения властвования, существовавшие между господином и его слугою.

По мнению автора, “не из отдельных людей, как атомов, не из семейств, как ячеек, создается государство. Не отдельные личности и не семейства являются его основными частями”. Только из различных “человеческих групп, из различных племен возникает государство и из них лишь состоит”. Победители образуют правящий класс, а побежденные и порабощенные — “класс рабочих и служащих”.

Во внутренней и внешней вражде племен заключается все дело, а не в чем-то ином. Именно в племенах, в их взаимной борьбе, утверждает Л. Гумплович, а вместе с ним и его сподвижники, мы можем признать “главные, основные части, действительные краеугольные камни государства, — в племенах, которые “мало-помалу превращаются в классы и сословия. Из этих племен создается государство. Они и только они предшествуют государству”¹.

¹ Гумплович Л. Указ. соч. СПб., 1910. С. 47, 120—121.

Таким образом, ни *Общественный договор*, ни *Божественное провидение*, ни “высшие” идеи, ни “известные потребности” или “рационалистические и нравственные мотивы”, как это следует из других учений о происхождении государства и права, а лишь грубая сила, борьба, покорение одних племен другими, одним словом — прямое насилие — “вот родители и повивальная бабка государства” — являются основной причиной, согласно теории насилия, возникновения данных институтов.

Выявляя основную черту, кредо теории насилия, Е. Еллинек повторял вслед за другими аналитиками данной концепции, что суть этого учения — государственная власть, “Справедливость — утверждал Фрасимах, — это то, что пригодно сильнейшему”. “Справедливость и справедливое — в сущности, это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость — наоборот: она правит, честно говоря, простоватыми, а потому и справедливыми людьми”.

Дальнейшее развитие теория насилия получила в последующие столетия и особенно в период средневековья. Она широко использовалась в этот период, в частности, для борьбы с теологическими теориями и взглядами на государство и право.

Анализируя роль теории насилия на данном этапе, известный немецкий государствовед и правовед Г. Еллинек (1851—1911) не без оснований утверждал, что “в новейшее время теория силы впервые возрождается в связи с борьбой против теологического мирозерцания”. Уже Гоббс, писал автор, не знает для права индивида в естественном состоянии другой границы, кроме его силы, и признает государство, основанное на силе, наряду с договорным государством как “равноправные формы государства”, одинаково осуществляющие принуждение по отношению к своим членам. Спиноза вообще отождествляет право и силу. Помимо всего прочего это означает, что мы не имеем никакого объективного критерия “для измерения права и неправа естественных процессов” и что право-порядок, лишенный силы, “не может отстоять своего существования”¹.

Особую роль в дальнейшем развитии и окончательном формировании основных положений теории насилия на рубеже XIX—XX вв. сыграл Л. Гумплович.

“История не предъявляет нам ни одного примера, — рассуждал он в своей фундаментальной работе “Общее учение о государстве”, — где бы государство возникало не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе. Кроме того, это всегда являлось насилием одного племени над другим. Оно состоит в том, что конструирует государство как господство сильного над слабым и признает такое отношение властвования данным самою природою. Таким государ-

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 140.

ство по этой причине и должно признаваться индивидуумом. Последний должен подчиняться ему в силу того соображения, что оно есть неотвратимая сила природы, подобно солнечному теплу, землетрясению, приливу и отливу. Теория силы, делал вывод автор, материалистическая противоположность теологического учения. Если последнее требует подчинения воле божьей, то теория насилия требует подчинения слепым силам социальной эволюции¹.

При этом "слепые силы социальной эволюции", насилие рассматриваются не как некое ограниченное, локальное, а как глобальное, к тому же "естественное" явление, порождающее не только единство противостоящих друг другу "элементов" государства — победителей и побежденных, правящих и управляемых, но и имеющее далеко идущие социально-экономические последствия.

Какие последствия имеются в виду? Прежде всего те, которые ассоциируются с появлением рабства. Последнее возникает, по мнению Л. Гумпловича, не в силу прежде всего внутренних причин, а затем уже внешних, как это имеет место в истории на самом деле. А, наоборот, исключительно в силу воздействия на общество (племя, народ, "нацию") извне, со стороны других сообществ, племен, народов, в результате войн, порабощения одних племен или народов другими. Во всех подобных случаях, подчеркивают сторонники теории насилия, появляется военное превосходство того или иного народа (племени) над другим — "над жителями завоеванной страны". При этом ведущиеся войны, с одной стороны, производят "разрушительное действие", а с другой — в них обнаруживается и "некоторая положительная, известным образом созидаящая государства сила".

Со временем войны превращаются для некоторых племен и народов в средство не только закабаления других племен и народов, но и приобретения земельных угодий, материальных благ. Там, где дикое племя жило по соседству с цивилизованным, повествует К. Каутский, там к войне за спорную область присоединялся еще и хищнический набег, — предприятие, приносящее воинственным варварам богатую добычу. Были такие варварские племена, у которых грабей цивилизованных соседей составлял главный способ приобретения. Быть воином при подобных обстоятельствах, продолжает автор, было очень выгодно, и это стоило очень мало. Оружие, необходимое для войны, было большею частью то же самое, какое употреблялось на охоте, бывшей в то время самой важной отраслью приобретения².

На определенном этапе развития общества создается экономическая основа, а вместе с тем и экономическая необходимость для некоторых племен и народов в ведении войн. "Воинское пра-

¹ Еллинек Г. Указ. соч. СПб., С. 139.

² Каутский К. Развитие государственного строя на Западе. СПб., 1905. С. 11.

во свободного человека”, которым он так гордился, пишет в связи с этим Каутский, постепенно превращается в воинскую повинность, которая ложится тяжелым бременем как на самих воинов, так и на ту часть общества (земледельцы, ремесленники и др.), которая обеспечивает их проживание¹.

Вести войны или нет — это вовсе не было предметом выбора и делом, зависящим от воли земледельцев и других оседлых племен. То огромное, по тем временам, благосостояние, которое благодаря упорному повседневному труду сосредоточивается в руках оседлых народов и племен, “постоянно подстрекает варварские подвижные племена к хищническим набегам”. Первым из них ничего не остается делать, как на время бросать свой труд и защищать свое благосостояние и самих себя от набегов. Последним же приходится вести войну прежде всего в силу экономических причин — захват чужого добра и приобретения дешевой рабской силы.

Все это, а именно — систематическое ведение войны и связанные с ним возникновение и развитие института рабства, по мнению сторонников теории насилия, создает реальные условия и предпосылки для образования государства.

Пока не было института рабства, пишет по этому поводу Л. Гумплович, пока не хватало этого первого условия для продолжительной жизни, до тех пор развитие государства было невозможно. О государственной жизни, о ее хозяйственных основах племя тогда лишь могло думать, когда оно приобретало необходимые для этого “живые орудия”, то есть когда оно “покоряло себе другое племя, порабощало его и эту порабощенную массу разделяло между отдельными своими членами, когда оно таким образом создало первую государственную организацию...”

Сторонники теории насилия полагают, что до тех пор, пока племя состоит лишь из “сходных между собою единоплеменников”, то есть из “личностей, родившихся и воспитавшихся в одном и том же социальном обществе”, между ними нет вражды, войн, а следовательно, и рабства. Когда же одно племя покоряет другое, то тут же как неизбежный спутник всех завоеваний появляются рабы, возникает и развивается институт рабства, а вслед за ним — и государство.

Таким образом, согласно теории насилия, войны, завоевание, закабаление одних племен другими рассматриваются и в качестве основных причин рабства. Что же касается естественно-исторического процесса зарождения и развития данного института, то он или вообще игнорируется или же отодвигается на второй план.

Остается открытым также вопрос о причинах и природе закабаления. Что предшествовало чему: захватнические войны, влекущие за собой порабощение одних племен другими или, наоборот, сложившийся в силу разделения труда и социального расслоения

¹ Каутский К. Указ. соч. С. 12—13.

общества институт рабства порождал захватнические войны? Ведь не следует забывать о том, что сам характер захватнических войн, порабощение одних племен и народов другими стали практически возможными, когда процесс развития орудий труда и производства в обществе достигли такого уровня, **когда экономически стало возможным и выгодным закабалить побежденные племена и народы, эксплуатировать их, превращая в рабов.**

На ранних стадиях развития общества, при низком уровне развития орудий труда и производства, когда первобытный человек не в состоянии был производить больше, чем это нужно было для поддержания его жизни, чем он потреблял, экономически невыгодным, а практически невысказанным было закабаление, превращение пленников в рабов. Их или убивали или принимали в новое племя, усыновляли. В силу этих же причин не могли вестись тогда и захватнические по своему характеру войны.

Другим далеко идущим социальным последствием, которое ассоциируется, по мнению сторонников теории насилия, непосредственно с завоеванием и порабощением, является **возникновение частной собственности**. Насилие порождает рабство, а рабство ведет к появлению частной собственности. С последней же связан, согласно теории насилия, переход племен от кочевого образа жизни и быта к оседлому, земледельческому. Зарождающаяся при этом государственная власть опирается исключительно на физическую силу. Это — государство племени. Его основа — физическое преобладание одного племени над другим.

По мере развития общества **государство племени перерастает в государство класса**. Основой последнего является экономическое господство власть имущих. Л. Гумплович отмечает, что одновременно с процессом превращения племен в классы и сословия, а также эволюции государства протекает процесс развития сознания. "Племенное сознание в современном государстве отчасти исчезло, отчасти же, одновременно с превращением племен в сословия и классы, сменилось сословным и классовым сознанием".

Согласно теории насилия наряду с данными процессами развития общества и государства протекает также процесс дальнейшей эволюции частной собственности. Она рассматривается Л. Гумпловичем и его последователями не иначе, как некое орудие или средство в руках государственной власти.

Не оспаривая процесс эволюции общества, государства и собственности, следует обратить внимание на спорность решения вопроса о соотношении собственности и власти. Исторический опыт не подтверждает тезиса, выдвигаемого сторонниками теории насилия о том, что государственная власть порождает частную собственность, а не наоборот. Не подтверждается тезис и о том, что собственность является орудием государственной власти. Все обстоит как раз наоборот. Собственность, в конечном счете, обуславливает

как само появление государственной власти, так и ее характер. Собственность в основном определяет и ее служебную роль.

Можно по-разному относиться к научным исследованиям К. Маркса и Ф. Энгельса, а также к их философским обобщениям и выводам. Но не подлежит никакому сомнению многократно подтвержденный самой жизнью их вывод, сделанный на примере Англии, о том, что собственность “правит аристократией”. Именно она “дает возможность купцам и фабрикантам назначать депутатов для больших, а частью и для мелких городов; собственность дает им возможность усиливать свое влияние с помощью подкупа”. Почему это происходит? Потому, что “народ еще не осознал ясно существо собственности, потому, что он вообще еще, — по крайней мере в деревне, — духовно мертв и потому мирится с тиранией собственности”¹.

Частично данные выводы справедливы и для современной России.

Говоря о теории насилия вообще и об учении Л. Гумпловича в частности, следует заметить, что ее сторонники по-разному характеризуют исторически первые и современные государство и право.

По-разному они относятся и к насильственным формам образования современных государств и правовых систем и к их природе. Одни из них высказывают одобрение и оправдывают насильственные формы образования современных государств путем осуществления революций или ведения освободительных или, наоборот, захватнических войн, считают, что они всегда приводят к прогрессивному “обновлению” общества и государства. Другие, наоборот, выступают против каких бы то ни было силовых форм и способов формирования современных государств, считая, что эти формы и способы возникновения государств и правовых систем являются данью прошлого. Соответствующим образом характеризуют они природу и характер государства и общества, возникающих на этой основе.

Известный французский писатель-романтик **Ф. Шатобриан (1768—1848)** упрекал, например, Наполеона Бонапарта не только за то, что своей бурной завоевательской деятельностью он “насоздал целый ряд недолговечных марионеточных государств с деспотическими или полудеспотическими режимами, но и за то, что в результате его “мудрого” правления “обновленное” государство Франции “в своей территории и могуществе уменьшилось”, а французское общество в значительной степени “развратилось”.

Говорят, полемизировал автор по поводу возникновения “нового” французского государства, что хотя силы нашего государства стараниями Наполеона ослабели, зато слава его окрепла; что “на всех широтах французов знают и боятся, на них равняются, перед ними заискивают”. Но разве обязаны мы были непременно выби-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 375.

рать что-то одно: бессмертие либо могущество? Александр Македонский тоже прославил свою нацию. Но это не помешало ему основать в Азии четыре мощные империи; язык и цивилизация эллинов распространились от Нила до Вавилона и от Вавилона до Инда. После смерти Александра “царство его не только ослабло, но, напротив, укрепилось”¹.

“А что осталось от Наполеона-завоевателя?” — вопрошал Шатобриан. И тут же отвечал: “Триумф нашего сюзерена стоил нам каких-нибудь две или три сотни человеческих жизней в год”. Мы заплатили за него тремя миллионами наших солдат. Сограждане наши отдали ему “всего-навсего пятнадцать лет, прожитых в страданиях и неволе”. Говорят, что бедствия, “пережитые при республике, послужили спасению Франции, несчастья, пережитые нами при Империи, принесли пользу несравненно большую — благодаря им Бонапарт стал богом, и этого довольно”.

Но мне этого “не довольно, — заявлял писатель, — не паду так низко, чтобы забыть ради Бонапарта всех моих соотечественников; не он породил Францию, а Франция — его”. Властитель может быть сколько угодно талантлив и могуществен, но “я никогда не соглашусь повиноваться ему, если одним словом он может лишить меня независимости, домашнего очага, друзей...”².

Аналогичную позицию занимал Шатобриан — противник насильственных методов социальных преобразований не только по отношению “обновленного” в результате краха империи французского государства, но и в отношении современного ему французского общества.

Вот чего истинный философ никогда не простит Бонапарту, рассуждал он, так это то, что он “приучил общество к безвольному подчинению и развратил его нравственность”. По его вине люди так исподличались, что невозможно сказать, когда в сердцах вновь проснутся великодушные порывы. “Наше бессилие в отечестве и за его пределами, наш нынешний упадок — следствие наполеоновского ига: у нас отняли все, кроме привычки к ярму. Бонапарт погубил даже наше будущее...”³

Подобные взгляды на силовые методы образования и “обновления” государственных и общественных структур, а также на их характер и природу многократно выражались раньше и выражаются поныне. Имеющиеся при этом нюансы касаются в основном последовательности или, наоборот, непоследовательности позиций авторов в этих вопросах. Одни из них, например, считают, что государство, на каком бы этапе развития общества — догосударственном или государственном, оно ни возникало, всегда зарождается или обновляется не иначе, как только силовым способом, в резуль-

¹ Шатобриан Ф. Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 322.

² Там же. С. 322—323.

³ Там же.

тате борьбы; таковым же силовым по своему характеру и природе (орудием насилия, подавления) оно и остается в дальнейшем.

Другие же авторы, среди которых и Л. Гумплович, придерживаются иного мнения. Они считают, что если ранние государства, возникающие в результате войн и насилия, до конца остаются инструментами насилия, господства одних над другими, закабаления и угнетения, то более поздние и современные, в частности, капиталистические государства не являются таковыми.

Общественное развитие, согласно, например, взглядам Гумпловича, идет по направлению все более возрастающего равноправия низших слоев с высшими, подвластных с властвующими. Все больше смягчаются формы и методы властвования. Постепенно образуется современное культурное государство. Складываются такие его черты и особенности, как режим парламентаризма и законности, равноправие граждан, доступ их к управлению делами общества и государства и др. **Исходными причинами и условиями становления такого либерального государства считается, однако, насилие.**

Аналогичных взглядов на трансформацию силовых элементов в государстве придерживаются и другие авторы. Один из них, революционный российский ученый-юрист И. В. Михайловский, не будучи сторонником насилия, тем не менее считал, что даже если бы государство и возникло с помощью насилия, то в дальнейшем своем развитии оно все равно бы трансформировалось в несилую организацию.

При рассмотрении теории насилия, по мнению И. В. Михайловского, не следует смешивать два различных вопроса: 1) вопрос о генезисе, происхождении известного факта и 2) вопрос о его сущности. "Из того, что многие государства исторически возникли путем насилия, вовсе не следует, что идея государства есть насилие". Из того, что многие современные юридические отношения "имеют своими отдаленными предками насильственные отношения", вовсе не следует, что нынешние законные обладатели соответствующих прав лишь фактически пользуются этими правами¹.

Вообще порядок "чисто фактический", доказывал автор, имеет тенденцию превратиться в "порядок нормальный". Дело в том, что люди сживаются с известными фактами, привыкают к ним. Вокруг этих фактов и на основании их постепенно образуются постоянные, прочные отношения. С течением времени то, что было первоначально актом насилия, незаметно превращается в право. Это означает, что с течением времени, под влиянием ряда привходящих условий, "фактическое", порожденное силовыми факторами, постепенно превращается "в нормальное", отражается в психике людей уже как явление, изменившее свою первоначальную природу, как явление правомерное².

¹ Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 84.

² Там же.

Таким образом, допуская и в принципе положительно воспринимая возможность первоначального образования государства и права путем силовых способов или форм, И. В. Михайловский весьма критически воспринимает теорию насилия в последующем. В качестве основного довода при этом выступает все тот же тезис о постепенной трансформации государства и права как силовых явлений в несиловые, все та же идея о "мирной" эволюции и перерождении государства и права.

Изучение государства и права в связи с историей культуры, пишет, в частности, автор, дает весьма важную категорию фактов для критики теории силы. Эти факты свидетельствуют о постепенно нарастающей очистке и облагораживании отношений между правом и силой, "о постепенном превращении силы в служанку права". Конечно, далеко не везде и не всегда это превращение удается подметить, "но общая тенденция несомненна"¹.

Наряду с названным аргументом о трансформации, тенденции превращения силы в несилу, И. В. Михайловским против теории насилия использовался и другой, "филологический" аргумент. Есть еще один источник, рассуждал автор, из которого мы можем почерпнуть материал для критики теории силы и построения, теории, приближающейся к истине. Это — язык. Философия, сравнительное языкознание учат нас, что первоначальное, основное значение слова выражает собою обыкновенно сущность соответствующего понятия.

И вот, первоначальное значение слова "право" на всех языках звучит как "прямо" и "правда". Таким образом, это слово выражает собою понятие о чем-то неуклонном, согласном с истиной, о чем-то справедливом. Из этого следует, делал окончательный вывод автор, что вековая мудрость человечества, скрытая в языке, учит нас тому, что право как таковое вообще и отдельные юридические нормы в частности, являются ничем иным, как составными частями "одного общего этического порядка, где царствует не сила, а высшие идеальные начала"².

В основе современного государства и права лежит, таким образом, не голая физическая или иная сила, а человеческий разум, справедливость, "общий этический порядок", человеческий идеал. Не сила есть сущность права, особо и довольно аргументированно заявлял Михайловский, а "нечто принципиально другое". Не сила есть главное основание действия права, а признание его населением, обусловленное по меньшей мере непротиворечием юридических норм субъективному правосознанию большинства населения.

Что же касается силовых элементов, свойственных любому современному праву, то они составляют лишь внешнюю сторону юридических норм, ассоциирующихся с их государственной обес-

¹ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 84.

² Там же. С. 82.

печенностью и гарантированностью, но отнюдь не с их содержанием и внутренними мотивами их соблюдения¹.

Данная позиция автора об органическом сочетании в государстве и праве силовых и несиловых элементов, а следовательно, о разумном сочетании и применении в деятельности государства и реализации права методов принуждения и убеждения, несомненно, заслуживает особого внимания. В последующих исследованиях отечественных и некоторых зарубежных авторов она была не только поддержана, но и получила свое дальнейшее развитие и обоснование. Критически воспринимая теорию насилия и ее отдельные положения, сторонники данного подхода дают, на наш взгляд, более взвешенное и аргументированное решение рассматриваемой проблемы.

Теория насильственного формирования государства и права в том виде, как она сформировалась и как она представлялась в научных, учебных и иных печатных изданиях в конце XIX — начале XX вв., систематически подвергалась довольно напористой и небезосновательной критике не только с точки зрения ее сущности и содержания, но и под углом зрения ее социальной роли и назначения.

Особенно в этом плане следует выделить весьма критическую позицию Г. Еллинека. Отмечая, что "теория силы с первого взгляда в значительной мере подтверждается историческими фактами", а именно — как тем, что исторически процесс образования государств только в исключительных случаях не сопровождался победою превосходящей силы и "война была творцом большинства государств", так и той равно неоспоримой истиной, что "каждое государство по существу своему представляет организацию силы и властвования", ученый вместе с тем особо подчеркивает, что теория насилия имеет своей целью и предназначается не для объяснения причин и условий возникновения государства и права в прошлом, а для их обоснования в настоящем.

А это, по мнению автора, не только неблагоприятная, но и невыполнимая задача. Теория силы убедительна только для тех, кто "фаталически относится к существующему, как к чему-то неустрашимому", но и неубедительна для тех, кто решается выяснить на опыте, "не может ли существующее сложиться и как-нибудь иначе"².

Говоря о фактической роли и назначении теории насилия, Г. Еллинек считал, что практические последствия ее сводятся даже не столько к обоснованию, сколько к "разрушению государства". Если государство, размышляя он, есть не что иное, как грубая, неразумная сила, то почему бы угнетенному этой силою слою или классу не сделать попытки сбросить ее с себя, низвергнуть тех, кем

¹ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 82.

² Еллинек Г. Указ. соч. С. 141.

осуществляется эта сила. Или даже разрушить всю нашу "столь прославленную цивилизацию", тем более, что такие деяния, как все, что происходит, не стоят вне обусловленной естественными законами необходимости.

И далее. Поскольку между господствующими и подвластными, согласно теории насилия, нет никакой этической связи, то при такой конструкции государства отпадают все этические мотивы, которые могли бы воспрепятствовать возникновению и осуществлению учений, разрушающих государство.

Теория силы, таким образом, делал вывод автор, является неконструктивной теорией. Она не только обосновывает, а тем более "не основывает государство, а разрушает его, пролагая путь непрерывной революции".

Наряду с отмеченными направлениями теория насилия подвергалась и подвергается критике и с других сторон. Это свидетельствует прежде всего о ее несовершенстве как концепции по неудовлетворенности ею. Вместе с тем это говорит об известной жизнеспособности данной теории, о том, что теория насилия является не только данью прошлого, но и составной частью академического потенциала настоящего.

Глава IV. Понятие и основные признаки государства

§ 1. Определение понятия государства

Вопрос о понятии государства является столь же сложным и древним, как и само государство. К нему постоянно обращались философы и юристы всех стран и народов на всех этапах возникновения и развития государства — с Древнего Рима и Греции вплоть до наших дней.

“Что такое государство, — восклицал один из российских государствоведов в начале XX в. А. Паршин, — вот вопрос, который до сих пор стоит открытым перед человеческим умом”¹. И далее продолжал: “Правильный ответ на этот вопрос должен иметь большее значение для жизни народов. Правда, многие практические деятели общества и государства полагают, что они всегда имеют достаточно данных для разрешения проблем наличной общественно-государственной жизни, независимо от того, имеется ли правильное определение государства или не имеется. В этом случае практические деятели говорят, что теоретическим определением природы государства могут заниматься только любители-философы, а не люди, которые находятся в горниле общественной и государственной жизни и своими деяниями фактически обязаны творить общественную и государственную жизнь. Действительная жизнь государства не может остановиться и ждать точных определений ее философией”².

С последним трудно спорить. “Практические деятели” правы, что общественная и государственно-правовая жизнь не может остановиться и ждать точных определений государства. Без них, а вместе с тем и без четкого представления о том, что такое государство, как оно функционирует и каков его механизм, можно достаточно длительное время обойтись. Однако, при одном условии — если не обращать внимания на неизбежное со временем падение уровня слаженности и эффективности его действия, если не думать при этом о последовательном усилении его позиций и его укреплении.

В ранней и в более поздней, вплоть до современной истории развития человечества имело место множество случаев, когда государством управляли без достаточных о нем знаний, лишь на основе проб и ошибок, эмпирического опыта. Результаты такого правления

¹ Паршин А. Что такое государство? Научное исследование природы государства. СПб., 1907. С. 17.

² Там же.

для самого государства и для общества, как правило, были далеко неоднозначными, а нередко, как показывает, например, опыт бывшего СССР и современной России, весьма плачевными.

Совершенно прав был российский автор А. Паршин, когда писал, что без глубокого и разностороннего понимания природы и сущности государства практически невозможно грамотное, квалифицированное им управление. Объективная необходимость и практическая потребность в знаниях о государстве по мере развития общества неизбежно возьмут верх над эмпирическим подходом к нему и незнанием. Так было уже не раз в истории развития человеческого общества и так будет всегда.

“Лет сорок или пятьдесят тому назад, — писал в связи с этим автор, проводя аналогию между отношением “практических деятелей” к государствоведению с их отношением к некоторым естественным наукам, в частности, химии, — практические деятели в области химических производств имели точно такое же отношение к химикам-философам. Они игнорировали научные работы химиков, свои производства вели в заводах на основании тех практических данных, которые получались от технических опытов, не вникая во внутренний смысл химических явлений и довольствуясь получаемыми практическими результатами. Но теперь обстоятельства изменились. В настоящее время на красочных заводах Германии картина уже иная. Философ-химик на таких заводах уже *persona grata*. Его химический кабинет уже святая святых завода”¹. Автор выражает исторический оптимизм и уверенность в том, что такое же высокое место в государственной и политической жизни общества со временем займет ученый — государствовед и правовед.

При определении понятия государства важно учитывать не только субъективный характер, заключающийся в возможности неодинакового восприятия одних и тех же государственно-правовых явлений разными людьми, но и объективные обстоятельства. Речь идет прежде всего о сложности и многогранности самого государства как явления и, соответственно, о возможности и даже неизбежности многовариантного определения его понятия.

Кроме того, как верно подметил известный австрийский юрист Г. Кельзен, “трудности в определении понятия “государства” усугубляются еще и тем, что данным термином обычно обозначаются самые разнообразные предметы и явления”².

Так, этот термин иногда используется в самом широком смысле, а именно: “для обозначения общества как такового или же какой-либо особой формы общества”. Нередко же он применяется и в очень узком смысле, для обозначения какого-либо особого органа или органов общества, например, органов управления, или же субъектов, а также — нации или территории, на которой проживает

¹ Паршин А. Указ. соч. С. 17—18.

² Kelsen H. General Theory of Law and State. N. Y. 1961. P. 181.

население той или иной страны". Неудовлетворительное состояние политической теории, являющейся в основе своей теорией государства, заключает автор, в значительной мере предопределяется тем фактом, что исследователи государства и права нередко "используют одни и те же термины в совершенно разных значениях или же рассматривают разные явления и понятия как идентичные"¹.

В каких смыслах, например, по мнению Кельзена — одного из основателей теории правового нормативизма, может употребляться понятие государства?

Во-первых, в **юридическом смысле**. Государство, с точки зрения автора, может рассматриваться исключительно с "чисто юридических позиций". Оно может представляться как юридическое лицо, "правовой феномен", как своеобразная корпорация. От других корпораций государство отличается при этом "лишь установленным в масштабе нации или страны правовым порядком". В силу этого с юридической точки зрения проблемы государства в значительной мере проявляются как проблемы национального правового порядка"². Государство при этом выглядит не иначе, как "такой образ действий и порядок поведения людей, которые мы обычно называем правовым порядком".

При рассмотрении государства как юридического феномена предполагается, что "отношения между ними и правом должны рассматриваться по аналогии с отношениями между правом и индивидуумом"³. Это означает, по мнению Г. Кельзена, что государство, несмотря на то, что оно издает или санкционирует право, должно быть как и индивид "в своем поведении и действиях связано правом"⁴.

Во-вторых, **понятие государства может употребляться в социологическом смысле**. В данном аспекте государство должно рассматриваться как некая "социологическая общность", "социальная реальность, существующая независимо от ее правового порядка и правовой реальности".

Для государства, рассматриваемого в социологическом смысле, характерной чертой является исходное (с момента его возникновения и функционирования) рассредоточение власти по различным органам. Фактически, замечает автор, "не существует таких государств, где все акты и действия (команды, подаваемые от имени государства) исходили бы первоначально от одного правительства. В обществе всегда существовало и существует несколько командных структур. В результате их деятельности всегда возникало значительное число доминирующих в обществе отношений, а также бесчисленное количество всякого рода актов управления и подчинения, совокупность которых отражала то, что называется социологическим государством"⁵.

¹ Kelsen H. Op. cit. P. 181.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 182.

В-третьих, понятие государства может определяться как живой, "естественный организм". В соответствии с таким подходом оно рассматривается не иначе, как "форма социальной биологии".

Подобный взгляд на понятие государства до Г. Кельзена разделялся многими другими авторами, в основном сторонниками так называемой органической теории государства. Достигнув апогея в своем развитии на рубеже XIX—XX вв., данная теория пыталась объяснить всю социальную жизнь биологическими закономерностями. При этом общество полностью отождествлялось организмом, а государство считалось "единственным институтом, предназначенным для обеспечения благополучия всех как ныне живущих, так и еще не родившихся граждан"¹.

Наконец, в-четвертых, понятие государства определяется Г. Кельзеном и его сторонниками-нормативистами как "система норм", "нормативный порядок" или же как "политически организованное общество", как "государство-власть".

Государство, подчеркивал автор, имеет политический характер. Оно является политической организацией прежде всего потому, что устанавливает "порядок использования силы, потому, что оно обладает монополией на применение силы"².

Итак, сложность и многогранность государства как явления и понятия, с одной стороны, и субъективность его восприятия различными авторами, с другой, объективно обуславливает возможность и неизбежность его многовариантного понимания и не менее разнообразного его толкования.

Исходя из этого вполне понятным является сам факт возникновения в различные периоды развития общества множества определений и понятий государства и их активного использования "Сколько существовало государствоведов и философов, — писал по этому поводу Л. Гумплович, — столько существовало и определений государства". Весьма заметно при этом сказывался субъективизм.

Осуждая политическую предвзятость, тенденциозность в определении понятия государства, особенно сильно, по мнению автора, проявившихся в XIX столетии, Л. Гумплович сетовал на то, что в определении государства иногда "изображают не то, что представляет собой в действительности государство, но то, чем оно должно быть по субъективному взгляду, по субъективной точке зрения, желаниям и идеалам каждого отдельного государствоведа, политика и философа"³. Всякая политическая партия, отмечал автор, имела как девиз свое собственное определение государства, — такое, в котором она закрепляла свои желания и требования и стремилась "лишь к тому, чтобы согласно с ними было преобразовано данное государство"⁴.

¹ Gierke O. Das Wesen der Menschlichen Verbände. Berlin, 1902. S. 34.

² Kelsen H. Op. cit. P. 190.

³ Гумплович Л. Указ. соч. С. 36.

⁴ Там же.

В качестве примеров подобного определения понятия государства Л. Гумплович ссылался на определения, даваемые в работах отдельных авторов XIX века и в словарях. В частности, критическому рассмотрению он подвергает весьма идеалистическое определение государства, в соответствии с которым оно представляется как “народное соединение, организованное для постоянной реализации заведомо высшего закона, а также высшего блага”. Или переделение, согласно которому государство рассматривается как “суверенный, морально-личный, живой, свободный общественный союз народа, — союз, который по конституционному закону, в свободно-конституционной организации народа, под руководством конституционного и самостоятельного правительства стремится к правовой свободе и в ее пределах к назначению, а потому и к счастью всех своих членов”¹.

Не касаясь вопроса о преимуществах и недостатках приведенных определений, а также — правомерности или неправомерности столь критического к ним отношения со стороны автора, следует отметить лишь, что “предвзятость” и “субъективизм” никогда не были в почете — ни в XIX веке, ни в других столетиях, ни в связи с определением понятия государства. Однако, это не должно означать табу под флагом борьбы с субъективизмом на творческие поиски в осознании и определении государства, на выработку в нем разностороннего представления и его многовариантного определения.

Весьма важным при этом является одно непредметное требование-условие, а именно: чтобы эти поиски не носили умозрительный, оторванный от жизни, от государственно-правовой действительности характер, а чтобы они адекватно отражали различные стороны и аспекты государства и права. Если это условие — признак научности и объективности исследования соблюдается, то множественность определений понятия государства является не только оправданной, но и объективно необходимой. Она открывает широкие возможности для более глубокого и разностороннего познания как самого государства, так и его понятия.

Как же определялось государство на различных этапах его развития? Далеко неодинаково.

Например, один из величайших мыслителей античности Аристотель определял государство как “самодовлеющее общение граждан, ни в каком другом общении не нуждающихся, и ни от кого другого не зависящих.”

Выдающийся мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли определял государство через “общее благо, которое должно получаться от выполнения реальных государственных интересов”.

Крупный французский мыслитель XVI столетия Жан Боден рассматривал государство как “правовое управление семействами

¹ Гумплович Л. Указ. соч. С. 37.

и тем, что у них есть общего с верховной властью, которая должна руководствоваться вечными началами добра и справедливости. Эти начала должны давать общее благо, которое и должно составлять цель государственного устройства”.

Известный английский философ XVI века **Томас Гоббс** — сторонник абсолютной власти государства как гаранта мира и реализации естественных прав определял его как “единое лицо, верховного владыку, суверена, воля которого вследствие договора многих лиц считается волею всех, так что оно может употреблять силы и способности всякого для общего мира и защиты”.

Создатель идейно-политической доктрины либерализма, английский философ-материалист **Джон Локк (1632—1704)** представлял государство как “общую волю, являющуюся выражением преобладающей силы”, то есть большинства граждан, “входящих в государство”. Он рассматривал государство как совокупность людей, соединившихся в одно целое под началом ими же установленного общего закона.

По-разному определялось государство и другими авторами — юристами, философами, социологами, жившими в более поздний период и вплоть до настоящего времени. В немецкой литературе оно определялось, например, в одних случаях как “организация совместной народной жизни на определенной территории и под одной высшей властью” (**Р. Моль**). В других — как “союз свободных людей на определенной территории под общей верховной властью, существующей для всестороннего пользования правовым состоянием” (**Н. Аретин**). В третьих же случаях государство рассматривалось как “естественно возникшая организация властвования, предназначенная для охраны определенного правопорядка” (**Л. Гумплович**).

В российской литературе разных периодов можно найти также различные определения, в соответствии с которыми государство как “объективный факт нашей планеты” представляется, например, в виде “социального явления кооперативного выполнения за счет населения и для населения страны непрременных условий проявления и развития индивидуальной жизни...” (**А. Паршин**). Государство определяется и как “организованное общение людей, связанных между собой духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом, но поддерживающих ее силою патристической любви, жертвенною волею, достойными и мужественными поступками” (**И. Ильин**)¹. Оно рассматривается также как “союз свободных людей, живущих на определенной территории и подчиняющихся принудительной и самостоятельной верховной власти” (**И. Хвостов**); как объединение людей, “властвующих самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории” (**Е. Трубецкой**); и т. д.²

¹ **Ильин И.** Путь к очевидности. М., 1993. С. 260.

² **Хвостов В.** Общая теория права. М., 1914. С. 15; **Трубецкой Е.** Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 22.

Наконец, государство нередко, особенно в послереволюционный период в России (1917 г.), представлялось как “особая организация силы”, “организация насилия для подавления какого-либо класса”¹. В академических изданиях и в учебной литературе оно зачастую трактовалось в строго классовом смысле как “политическая организация экономически господствующего класса, аппарат власти, посредством которого этот класс осуществляет свою диктатуру” или же как “исторически преходящая, выделившаяся из общества и обусловленная его экономическим строем классовая организация политической суверенной власти, обеспечивающая и защищающая общие интересы собственников основных средств производства”².

В последнее десятилетие, начиная с так называемой перестройки 1985 г., когда на первый план в официальной общесоюзной, а затем российской политике и идеологии вместо узко классовых стали выступать “общечеловеческие ценности”, классовая тональность в определениях государства и права стала постепенно вытесняться общесоциальной тональностью. Государство вновь пытаются определять как организацию или институт “всех и для всех”. Довольно типичным при этом является определение понятия государства, где оно рассматривается как “единая политическая организация общества, которая распространяет свою власть на всю территорию страны и ее население, располагает для этого специальным аппаратом управления, издает обязательные для всех веления и обладает суверенитетом”³.

Узкоклассовый подход к определению понятия государства, а вместе с тем — и к его сущности, несомненно, является крайностью. Однако другой крайностью является и “общечеловеческий” подход к определению его понятия. Отказываясь от одной — “чисто” классовой крайности осознанно или неосознанно авторы — приверженцы общечеловеческих ценностей и интересов впадают в другую, не менее искажающую реальную действительность крайность.

В реальной жизни нет ни “чисто” классовых, ни “чисто” общечеловеческих государственных институтов, а следовательно, — и соответствующих им определений понятия государства. Истина, как это нередко случается, находится где-то на “золотой” середине.

Из этого следует, что при определении понятия государства важно учитывать не только его классовые элементы и соответствующие признаки, но и внеклассовые, “общечеловеческие” признаки и черты.

В свете сказанного наиболее приемлемым определением государства, по сравнению с ранее предложенными, было бы определе-

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 33. С. 24.

² Теория государства и права. М., 1955. С. 51; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 216.

³ Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1993. С. 47.

ние, в соответствии с которым оно рассматривается как организация политической власти, необходимая для выполнения как сугубо классовых задач, так и общих дел, вытекающих из природы всякого общества¹. Данное определение точнее других отражает не только понятие, но и социальное назначение государства как института, обслуживающего интересы и стоящих у власти классов или групп, и самого общества.

§ 2. Основные признаки государства

Будучи на протяжении всей истории развития человечества ключевым явлением и понятием политической жизни, политической теории и практики различных стран, государство как институт или организация всегда отличалось от других догосударственных (существовавших до него) и негосударственных (существующих наряду с ним) институтов и организаций своими специфическими признаками и чертами.

Выявление и изучение их открывает путь к более глубокому и разностороннему пониманию не только государства и политического прошлого нашей и других стран, но и их настоящего.

За всю историю развития человечества сложилось множество различных представлений об основных признаках государства и права. Великими мыслителями и политическими деятелями разных времен было высказано неисчислимо количество о них различных мнений и суждений.

Древнегреческий ученый и философ Демокрит (460—370 гг. до н. э.) считал, например, специфической особенностью государства то, что в нем должны быть представлены всеобщее благо и справедливость. "... Хорошо управляемое государство, — писал он, — есть величайший оплот: в нем все заключается и, когда оно сохраняется, все цело, а погибает оно, с ним вместе и все погибает".

Знаменитый римский оратор, государственный деятель и мыслитель Цицерон (106—43 гг. до н. э.) рассматривал государство как дело, "достойное народа". Причем под народом им понималось не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов".

Выдающийся мыслитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли видел в государстве политическое состояние общества. В чем оно заключалось? Говоря кратко, в установлении и поддержании отношений между властвующими и подвластными. В наличии органов юстиции и законов. В существовании тем или иным образом организованной политической власти. "Все государства, все державы,

¹ См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 42.

обладающие и обладавшие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно", — писал он в своем знаменитом сочинении под названием "Государь".

Мыслители, государственные и политические деятели в своих рассуждениях о государстве так или иначе, но всегда возвращались к его особенностям и чертам.

Какие же это признаки и черты, отличающие государственную организацию от догосударственной и негосударственной (политические партии, общественные организации и пр.) ?

Прежде всего, это — наличие выделенного из общества и нередко стоящего над ним **аппарата власти и управления**. Этот аппарат состоит из **особого слоя людей**, основным занятием которых является выполнение властных и управленческих функций. Они не производят непосредственно ни материальных, ни духовных благ, а лишь управляют. Свои должности эти люди занимают путем избрания, назначения, наследования или замещения. Основными составными частями этого аппарата являются органы государственной власти, органы управления, суда, прокуратуры и другие. Низшим звеном аппарата является государственный орган.

Каждое общество надеется иметь в государственных органах, у государственного руля своих лучших представителей. Еще древнегреческий мыслитель, философ **Платон (427—347 гг. до н. э.)** мечтал об идеальном государстве как справедливом правлении "лучших и благородных". Главную отличительную особенность этого государства Платон видел в том, что в нем преодолевается раскол на бедных и богатых, на безраздельно властвующих и полностью подвластных. Обычное государство он рассматривал в виде "множества государств", в которых "заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств"...

Важной отличительной особенностью государства является наличие, наряду с аппаратом власти и управления, **аппарата принуждения**. Он состоит из особых отрядов вооруженных людей в виде армии, полиции, разведки, контрразведки, а также в виде всякого рода принудительных учреждений (тюрьмы, лагеря и т. п.). Аппарат управления вместе с особыми отрядами вооруженных людей в литературе нередко называют **публичной властью**, придавая ей первостепенное значение.

Следует отметить, что в научной литературе нет одинакового понимания и однозначного толкования "публичной власти". Как правило, ее рассматривают в качестве одного из важнейших признаков государства. Иногда — в качестве синонима государства.

Однако, несмотря на подобные расхождения, все авторы едины в том, что наличие публичной власти имеет принципиальный характер для любой государственной организации, в корне отличающей ее от догосударственной, первобытнообщинной организации.

В условиях первобытного строя власть имела **общественный характер**. Она целиком и полностью совпадала непосредственно с населением. В обществе не было людей, которые бы не занимались производительным трудом, а только властвовали и управляли. Непосредственно производительный труд органически сочетался и совмещался с управленческим трудом. Властные функции по управлению делами рода, племени, союза племен, фратрии и других объединений, существовавших в рамках первобытнообщинного строя, осуществлялись не выделяющимися из общества и не ставящими себя над ним людьми, как это имеет место в условиях государственной организации, а непосредственно самими, занятыми производительным трудом взрослыми членами этого общества.

Властные функции осуществлялись как через систему органов самоуправления — советы родов, фратрий, племен и др., так и непосредственно, путем участия в собраниях родовых и иных объединений. Старейшины родов, военачальники, жрецы и другие лица, осуществлявшие властные функции, были выборными и сменяемыми. Они избирались из числа самых уважаемых членов рода. В отличие от государственных чиновников, за которыми стоит государство с его разветвленным аппаратом и принудительными органами, любой вождь, жрец или старейшина рода опирался лишь на моральный авторитет, уважение и поддержку со стороны членов этого объединения.

Общественная власть, возникшая и укрепившаяся в условиях первобытного общества, основанного на материальном и социальном равенстве всех его членов, не могла функционировать и на более поздних этапах, в условиях расколотого по материальному и другим признакам общества на имущие и неимущие классы, социальные слои и группы. Эта власть неизбежно должна была быть заменена публичной властью.

Последняя, отмечалось в литературе, “существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому обществу. Эта власть может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоречиями... Но она усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия государства и по мере того, как соприкасающиеся между собою государства становятся больше и населеннее”¹.

Говоря о социальной роли публичной власти, необходимо отметить, что, распространяясь и охватывая своими велениями все общество, она всегда и во всех государствах обслуживала в первую очередь интересы господствующих кругов. При этом она неизменно выступала между противостоящими друг другу классами в виде яблока раздора. “Жажда власти, — писал в связи с этим древне-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 146.

римский историк Тацит, — с незапамятных времен присущая людям, крепла вместе с ростом Римского государства и, наконец, вырвалось на свободу. Пока римляне жили скромно и неприметно, соблюдать равенство было нетрудно. Но когда весь мир покорился римлянам, а государства и цари, соперничавшие с ними, были уничтожены, то для борьбы за власть открылся широкий простор. Вспыхнули раздоры между Сенатом и плебсом; то буйные народные трибуны, то властолюбивые консулы одерживали верх друг над другом. На форуме и на улицах Рима враждующие стороны пробовали силы для грядущей гражданской войны. Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Корнелий Сулла оружием подавили свободу, заменив ее самовластием".

Установлением тирании закончилась борьба за власть в демократическом Риме. Так нередко заканчивалась она и в других государствах. При этом "самовластие" иногда сопровождалось такими беззакониями, самодурством и распущенностью венценосцев, что современники содрогались при одном лишь упоминании о них. "Каковы были те времена, — вспоминали, например, современники о четырехлетнем правлении римского императора Калигулы (37—41 гг. н. э.), отличавшегося откровенным садизмом, произволом и жестокостью, — можно судить по тому, что даже известию об убийстве Калигулы люди поверили не сразу. Подозревали, что он сам выдумал и распустил слух об убийстве, чтобы разузнать, что о нем думают в народе".

Среди специфических черт государства выделяется такая черта, как **разделение населения по территориальным единицам**. В отличие от родового строя, где общественная власть распространялась на людей по кровнородственному признаку, в зависимости от их принадлежности к тому или иному роду, фратрии, племени или союзу племен, при государственном строе власть распространяется на них в зависимости от территории их проживания. С образованием государства жители, по меткому замечанию исследователей, "в политическом отношении превращались в простую принадлежность территории".

Независимо от кровнородственных связей они выступают на территории государства либо как граждане (в условиях республики), либо как подданные (в условиях монархии), либо как лица без гражданства, или иностранцы, подпадающие под юрисдикцию государства, под действие его законов.

Территория государства является своего рода материальной базой любого государства, без которой оно не может существовать. Это естественное, а не какое-либо иное, в том числе общественное условие существования и функционирования государства.

Под территорией государства обычно понимается пространство, в пределах которого осуществляется государственная власть. Составными частями территории государства являются следующие

пространства и приравненные к ним объекты. Во-первых, земля и ее недра (сухопутная территория). Во-вторых, реки, озера, искусственные водохранилища, а также морские внутренние и территориальные воды, омывающие территорию данного государства (водная территория). В-третьих, атмосфера или воздушное пространство над сухопутной и водной территорией (воздушная территория). В-четвертых, объекты, приравненные к территориям государства (морские и воздушные суда, космические корабли и станции, действующие под флагом данного государства, и другие принадлежащие государству объекты).

Каждое государство обладает на своей территории всей полнотой власти. Последняя касается каждой ветви власти — законодательной, исполнительной и судебной и исключает какое бы то ни было вмешательство в дела “своего” общества и государства иностранных властей. В правовых системах различных стран, а также в международном праве общепризнанными являются принципы территориального верховенства, территориальной целостности и неприкосновенности.

Отечественные и зарубежные авторы, признавая и развивая данные принципы, тем не менее, иногда по-разному понимают и интерпретируют их содержание, равно как и содержание самой “территории”. Г. Кельзен, например, определяет территорию государства как “территориальную сферу распространения национального правового порядка” и рассматривает ее в двух смыслах — узком и широком.

Под территорией в узком смысле автор понимает “пространство, в пределах которого лишь одно государство, а именно то, которому принадлежит территория, управомочивается издавать общеобязательные акты”. В то же время подобная деятельность других государств на этой территории полностью исключается. Территория государства “в широком смысле” включает в себя наряду с территорией в узком смысле также пространство, где на равных основаниях могут действовать одновременно несколько государств¹. К такому отношению, в частности, водное пространство, имеющее статус открытого моря. На этом пространстве каждое государство имеет право на свободное плавание своих судов под национальным флагом. На каждом из судов действуют законы “своего” государства.

К территории государства “в широком смысле” относятся также территории, не принадлежащие ни одному из государств. Их правовой статус аналогичен статусу открытого моря.

Граждане государства, проживающие на его территории и вне, равно как и сама территория находятся под защитой государства. Принципы целостности и неприкосновенности территории означают запрещение ее насильственного расчленения или захвата и отторжения части территории. Подобные акты, от кого бы они ни

¹ Kelsen H. General Theory of Law and State. P. 210.

исходили извне, квалифицируются как акты прямой агрессии. У каждого государства есть право и обязанность на защиту своей территории и своих граждан, проживающих на данной территории.

Территориальное деление населения и распространение государственной власти лишь на население определенной территории неизбежно влечет за собой **административно-территориальное деление**. Вся территория государства разбивается на ряд административно-территориальных единиц. В разных странах они называются по-разному: округа, провинции, области, края, дистрикты, графства, районы и т. д. Но назначение их и функции едины — организация государственной власти и управления на занимаемой ими территории.

Одним из важнейших признаков государства является **суверенитет**. Что он означает? Во-первых, **верховенство** государственной власти внутри страны. И, во-вторых, **независимость** ее на международной арене.

Верховенство проявляется в способности государственной власти самостоятельно издавать общеобязательные для всех членов общества правила поведения, устанавливать и обеспечивать единый правопорядок, определять права и обязанности граждан, должностных лиц, государственных и партийных, общественных органов и организаций.

В суверенитете государства находит свое политическое и юридическое выражение полновластие господствовавших кругов. В нем же выражается способность государства, независимо от других государств, формировать и проводить в жизнь свою внутреннюю и внешнюю политику.

В мире всегда существовали и существуют государства с формальным или **ограниченным суверенитетом**. Формальным суверенитет считается тогда, когда он юридически и политически провозглашается, а фактически, в силу распространения на них влияния других государств, диктующих им свою волю, не осуществляется.

Частичное ограничение суверенитета может быть принудительным и добровольным. **Принудительное ограничение** суверенитета может иметь место, например, по отношению к побежденному в войне государству со стороны государств-победителей.

Добровольное ограничение суверенитета может допускаться самим государством по взаимной договоренности с другими государствами, например, ради достижения определенных, общих для них всех целей. Добровольность ограничения суверенитета наблюдается также тогда, когда государства объединяются в федерацию и передают часть своих суверенных прав федерации.

Известный французский теоретик государства и права М. Ориу усматривал также факт самоограничения государственного суверенитета и в том, что государственная власть должна подчиняться праву, действовать в рамках права. "Все согласны, писал он, — что

самоограничение должно быть, то есть, что политическая власть должна самопроизвольно подчиняться положительному праву и столь же самопроизвольно исполнять лежащие на ней обязательства создания положительного права с целью связывания им своей деятельности¹. Вопрос лишь в том, продолжал М. Ориу, следует ли рассматривать такое самоограничение как "акт или решение субъективной воли государства, или же это есть результат объективной государственной организации?"².

Ответ на данный вопрос автор искал в разделении государственного суверенитета как понятия "весьма богатого", непосредственно связанного с "равновесием между правом в действии, каковым является политическая власть, и осуществившимся правом, которое есть положительное право", на юридический и политический или "правительственный" суверенитет. Поиски ответа усматривались также в неодинаковом характере соотношения данных видов суверенитета с правом.

Наряду с государственным суверенитетом существует суверенитет народа и суверенитет нации. Суверенитет народа означает его полномочие или верховенство в решении коренных вопросов организации своей жизни — общественного и государственного строя, основных направлений развития внутренней и внешней политики, экономические установления и осуществление полного и всестороннего контроля за деятельностью отдельных государственных органов и всего государства.

В большинстве конституций современных государств содержится указание на то, что их власть исходит от народа и принадлежит народу. Теоретически государственная власть должна выражать интересы народа и служить народу. Однако практически это далеко не всегда так. Государственная власть и суверенитет не всегда совпадают с народной властью и суверенитетом.

Под суверенитетом нации понимается полномочие нации, ее возможность и способность определять характер своей жизни, осуществлять свое право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Характерным признаком государства, наряду с отмеченными его особенностями, являются займы и налоги. Первоначально они были необходимы лишь для того, чтобы содержать армию, полицию и другие принудительные органы, а также государственный аппарат. Позднее они стали использоваться и на различные, осуществляемые государством, образовательные, медицинские, культурные, воспитательные и иные программы.

Разумеется, получаемые за счет займов и налогов средства не всегда и не везде использовались лишь на государственные нужды. Ими власть имущие довольно часто злоупотребляли и злоупотреб-

¹ Ориу М. Указ. соч. М., 1929. С. 47.

² Там же.

ляют, строят за счет этих средств свои собственные виллы, замки, дворцы, используют их на другие свои личные потребности и цели.

Древнеримский историк и писатель Светоний — автор широко известного сочинения “О жизни двенадцати цезарей” описывает “расходование” государственных средств, получаемых за счет налогов и поборов, одним из римских императоров — Нероном (37—68 гг.). Он (Нерон), пишет автор “более всего был расточителен в постройках”. Сооруженный им в центре Рима дворец поражал воображение современников. Площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был длиной в милю. Внутри был пруд, подобный морю, окруженный строениями, “подобными городам, а затем полями, пестреющими пастбищами, лесами и виноградниками, и на них — множество домашнего скота и диких зверей. В покоях же все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и перламутровыми раковинами”. В обеденных залах потолки были штучные, “с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы. Главный зал был круглый” и днем и ночью вращался вслед небосводу...

На протяжении всей истории развития государства особо важное значение для его содержания и развития имели **налоги**. Они всегда были главным источником пополнения казны. Под налогами обычно понимаются обязательные платежи, устанавливаемые и взимаемые государством с граждан и юридических лиц.

По способу взимания они делятся на **прямые** и **косвенные**. **Прямые налоги** взимаются с доходов и имущества граждан и юридических лиц прямо, непосредственно. **Косвенные** взимаются с них опосредованно, путем включения их в стоимость производимой продукции и путем прибавления их к цене товаров.

Виды, размеры и количество налогов бывают самые разнообразные, в зависимости от типа и характера самого государства и общества, а также существующих в той или иной стране традиций и нравов. В своих исторических исследованиях Светоний весьма красочно рассказывает о том, как изощрялись некоторые римские императоры в деле изобретения все новых и новых налогов, а также их выжимания с населения.

Император Веспасиан (69—79 гг.), например, известный своей скарденостью, устанавливал налоги даже на отхожие места. Даже его собственный сын Тит открыто возмущался этим неслыханным нововведением. Когда этот налог принес первую прибыль, Веспасиан сунул в нос Титу монету и спросил, пахнет ли она. Отсюда и пошло широко известное выражение “деньги не пахнут”.

Многочисленными налогами опустошали Древний Рим и другие его правители. Император Нерон, вопреки существовавшим обычаям, облагал огромными налогами не только рядовых граждан, но и храмы. Известно его изречение: “Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось”.

Император Калигула, по свидетельству Светония, “истощившись и оскудев, занялся грабежом, прибегая к искищреннейшим наветам, торгам и налогам. Поистине не было человека такого безродного и такого убогого, которого он не постарался бы обездолжить”¹.

Положения и установления, касающиеся видов и порядка взимания налогов, нередко закреплялись в законах и иных нормативно-правовых актах. Такое закрепление имеет место и в настоящее время. В большинстве современных государств существует целая серия законов, формирующих в своей совокупности налоговое право. Уплата налогов нередко рассматривается как конституционный долг или обязанность граждан.

“Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы”, — закрепляется, например, в Конституции России 1993 г. (ст. 57). “Население подлежит обложению налогами в соответствии с законом”, — говорится в Конституции Японии 1947 г. (ст. 30). “Все испанцы обязаны вносить свой вклад в общественные расходы в соответствии со своими экономическими возможностями посредством налоговой системы,” — указывается в Конституции Испании 1978 г. (ст. 31, п. 1).

В каждом государстве существуют специальные органы, занимающиеся сбором налогов, различных податей и организацией государственных займов. Порядок деятельности их, равно как и определение размеров, видов и порядка взимания налогов регулируется специальными законами.

Кроме названных отличительных признаков каждое государство выделяется своими символами, памятными датами, атрибутами. У каждого государства есть свой гимн, флаг, герб, установившиеся правила официального поведения, традиции, формы обращения людей друг к другу и приветствия. Они, как правило, отличаются краткостью, экспрессивностью и легкой произносимостью. Вместе с присущими каждому государству признаками и чертами они позволяют провести достаточно четкую грань между государственной организацией, с одной стороны, и догосударственной и негосударственной организацией, с другой.

¹ Цит. по кн.: Е. В. Федорова. Императорский Рим в лицах. М., 1979. С. 93, 114, 127.

Глава V. Проблемы типологии государств и правовых систем

§ 1. Необходимость определения различных типов государств и правовых систем

Глубокое и всестороннее изучение государства и права неизбежно предполагает использование дифференцированного подхода к исследуемой материи. Это означает прежде всего необходимость рассмотрения их не только в качестве исторически существовавших и существующих явлений как таковых, выявления их общих родовых черт, но и важность изучения их в более конкретном и в более приближенном к реальной исторической действительности плане. С теоретической и практической точек зрения весьма важным представляется не только более полное и точное определение того, что такое государство и право “вообще”, какими специфическими признаками и чертами они обладают и чем они как социальные институты отличаются от других социальных институтов. Не менее важным является установление того, какими были государство и право на различных этапах развития общества, как они соотносились между собой и с государственно-правовыми институтами, находившимися на предшествующих по отношению к ним или на последующих этапах развития общества, наконец, что они представляют собой на современном этапе.

Ответ на эти и многие другие, им подобные вопросы логически подводит нас, так же, как и любого другого исследователя, к необходимости выделения из совокупности всех, когда-либо существовавших, ныне существующих и тех, которые появятся в будущем государств и правовых систем, **определенных типов государства и права**, к необходимости их типологии (“типизации”) или классификации.

Что представляет собою данный процесс? Каково его содержание, место в системе методологии, роль и назначение?

Согласно сложившемуся в юридической, философской и социологической литературе мнению типология (“типизация”) или классификация государств и правовых систем по типам представляет собой объективно необходимый, закономерный процесс познания естественно-исторического развития государства и права, как отражение процесса исторически неизбежной смены одних типов государства и права другими. Типология является одним из важнейших приемов или средств познания исторического процесса развития государства и права.

“Что такое исторический процесс, история?” — спрашивал в связи с этим известный русский историк В. О. Ключевский, живший на рубеже XIX—XX вв. И тут же отвечал: “На научном языке

слово **история** употребляется в двояком смысле: 1) Как движение во времени, процесс, и 2) Как познание процесса". Человеческое общежитие, продолжал ученый, "такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы. Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, — словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем историческим процессом"¹.

Важнейшими отличительными чертами и особенностями исторического процесса развития государства, права, равно как и любого иного социального явления, включая само общество, является его естественность (объективность), всеобщность, непрерывность, дискретность, сопровождающаяся выделением его отдельных стадий или фаз развития, строго определенная их взаимосвязь и преемственность.

Учет данных, равно как и иных черт и особенностей является исходной предпосылкой, непременным условием как познания всего исторического процесса, так и типологии государств и правовых систем.

Применительно к последней, вполне логично и неизбежно предполагающей наличие различных этапов, исторических вех в развитии государства и права, необходимо особенно подчеркнуть, что этапность, дискретность не только не означают признания некоего разрыва в истории человечества, а наоборот, всячески предполагают, что развитие человеческого общества, а вместе с ним государства и права — это **непрерывно протекающий, длящийся, объективно обусловленный естественно-исторический процесс**.

Живописуя данный процесс и "успехи человеческого общежития", В. О. Ключевский отмечал, что "сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения звеньями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью". Постепенно, заключал ученый, накапливался известный культурный запас. И то, что отложилось и уцелело от многовекового запаса, — это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену².

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. Т. 1. Ч. 1. М., 1987. С. 33—34.

² Там же. С. 36.

Однако, процесс развития человеческого общества, также, как и процесс развития государства и права — это не только объективный, но вместе с тем и субъективный процесс. Данное замечание относится как к обществу, государству и праву в целом, взятых во всем своем историческом движении, так и к их отдельным составным частям, к отдельным этапам их развития и к отдельным странам.

Ибо то, что называется нередко человеческим, а по иному — субъективным фактором, имеет самое непосредственное, прямое отношение прежде всего не к абстрактно взятому процессу развития государства и права, а к каждому конкретному, вполне определенному государственному механизму и правовой системе, к каждому конкретному социальному слою, классу, сообществу людей, к каждому конкретному, оставившему свой след в истории развития государства и права, лицу.

Описывая, например, героические походы и подвиги Александра Македонского, отмечая глубокий след, оставленный им в истории развития древнего общества и государства, известный греческий писатель и историк Плутарх (ок. 45—127 гг. до н. э.) подчеркивал, что величие его и влияние на развитие древней цивилизации (субъективный фактор) проявились не только в том, что в течение одного лишь десятилетия им была создана могучая держава, равной которой до того времени не знало человечество, но и в том, что были созданы социальные, интеллектуальные и иные предпосылки для дальнейшего развития государственно-правовой жизни и культуры.

Именно в этот период было положено начало эпохи эллинизма — эпохи синтеза исторических, культурных и иных традиций Запада и Востока. Именно этому периоду, писал Плутарх, периоду царствования Александра посчастливилось стать веком расцвета многих искусств и великих дарований. В лице Александра они получили знатока и судью, который лучше кого бы то ни было мог оценить выдающееся произведение и щедрее всех вознаградить за него.

Говорят, что в более поздние времена, повествовал Плутарх, жил Архестрат, замечательный поэт, но никому неизвестный и прозябавший в бедности. Однажды ему кто-то сказал: "Вот если бы ты жил при Александре, за одну строчку он бы подарил тебе Кипр или Финикию". И я считаю, продолжал историк, что лучшие из тогдашних мастеров появились не столько при Александре, сколько благодаря Александру¹.

Субъективный фактор оказывал огромное влияние на развитие государственно-правовой и иных сфер жизни общества не только в ранний период развития истории человечества, но и на всех последующих ее этапах.

¹ Плутарх. Об удаче и доблести Александра // Руф Квинт Курций. История Александра Македонского. М., 1993. С. 438.

Говоря, в частности, о воздействии правления Наполеона на развитие государства и права Франции и других стран, известный французский писатель, выразитель идеологии дворянства Ф. Шатобриан писал, что “Бонапарт велик не своими словами, речами и писаниями, не любовью к свободе, о которой он всегда очень мало заботился и которую даже и не думал отстаивать”. Он велик тем, что создал стройное государство, свод законов, принятых во многих странах, судебные палаты, школы, мощную, действенную и умную систему управления, от которой мы не отказались и поныне. Он велик тем, что возродил, просветил и благоустроил Италию. Он велик тем, что вывел Францию из состояния хаоса и вернул ее к порядку; тем, что восстановил алтари, усмирил бешеных демагогов, надменных ученых, анархических литераторов, нечестивых, вольтерьянцев, уличных говорунов, убийц, подвизавшихся в тюрьмах и на площадях, оборванцев, горланивших на трибуне, в клубах и у подножия эшафота, и заставил всех служить себе. Он велик тем, что укротил своевольную чернь, тем, что обязал солдат, бывших ему командирами или соперниками, подчиниться его воле и забыть прежнюю бесцеремонность. Более же всего велик тем, что сам создал себя, что сумел исключительно властью своего гения принудить к послушанию тридцать шесть миллионов подданных в эпоху, когда все иллюзии, окружавшие некогда трон, рассеялись. Он велик тем, что победил всех воевавших против него королей, что превзошел всех завоевателей, каких человечество знало раньше, тем, что десять лет творил чудеса, ныне с трудом поддающиеся объяснению¹.

Даже после своей смерти Наполеон, по словам его политического и идеологического противника Шатобриана, продолжал оказывать сложившимся о нем образом, сохранившейся о нем памятью огромное влияние на умы и сердца многих людей, политических деятелей и государственно-правовые институты.

Ныне Бонапарт уже не реальное лицо, констатировал автор, но персонаж, плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок. Это — Карл Великий и Александр, какими изображали их средневековые эпопеи. Этот фантастический герой затмит всех прочих и пребудет единственно реальным. Бонапарт — плоть от плоти абсолютной власти. Он правил нами деспотически — ныне столь же деспотически повелевает нами память о нем. “Деспотическая власть памяти даже сильнее: когда Наполеон был на троне, ему иной раз случалось терпеть поражение, ныне же все покорно склоняют голову под ярмо мертвеца. Он встал на пути грядущих поколений”.

“Какой военачальник теперь сможет прославиться? — вопрошал Шатобриан. — Разве мыслимо превзойти его на поле брани? Может ли у нас родиться свободное правительство, если он развращает”.

¹ Шатобриан Ф. Р. Указ. соч. М., 1995. С. 324—325.

тил сердца, отбив у них всякую тягу к свободе?" И тут же продолжал: "Никакой законной власти не удастся более изгнать из людских умов призрак узурпатора: солдат и горожанин, республиканец и монархист, богатч и бедняк — все, живут ли они во дворце или хижине, украшают свои жилища бюстами и портретами Наполеона; бывшие побежденные сходятся в этом с бывшими победителями"¹.

Данные поистине бесчисленные примеры, взятые из жизни и деятельности политических и общественных деятелей многих стран, а также из истории функционирования различных социальных слоев, классов и групп со всей очевидностью свидетельствуют о том, что субъективные факторы, наряду с объективными, всегда оказывали и продолжают оказывать на развитие государства и права, а вместе с тем и на развитие других сфер общественной жизни огромное влияние².

Это — не временный и не локальный, а единый, непрерывно протекающий, всеохватывающий, глобальный процесс. Его нельзя не учитывать не только при рассмотрении всемирной истории развития человечества как единого естественно-исторического процесса, но и при решении проблем типизации государства и правовых систем. Это — **во-первых**.

Справедливости ради, однако, следует отметить, что не все авторы разделяют данную точку зрения. Западный философ К. Поппер пытается доказать, например, что "единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой власти". Последнюю, по мнению исследователя, обычно возводят в ранг мировой истории.

Реальной всеобщей историей человечества, считает Поппер, если бы таковая была, должна была бы быть история всех людей, а значит — "история всех человеческих надежд, борений и страданий, ибо ни один человек не более значим, чем любой другой". Ясно, делает вывод автор, что такая реальная история не может быть написана. Мы должны от чего-то абстрагироваться, должны чем-то пренебрегать, осуществлять отбор. Тем самым мы приходим не к одной, а к множеству историй³.

Следуя данному выводу, необходимо было бы отказаться от идеи классификации и типизации государства и правовых систем, рассматривать их с заранее известным — нулевым результатом "в общем и целом, как государство и право вообще".

Точка зрения Поппера в подавляющем большинстве случаев не разделяется ни отечественными, ни зарубежными авторами. Преобладает мнение о всеобщности, непрерывности и глобальности

¹ Шатобриан Ф. Р. Указ. соч. С. 324.

² См.: Чистяков О. И. Введение в историко-правовые науки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1996. № 4. С. 5—6.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 312.

исторического процесса, в рамках которого протекает процесс развития государства и права, и осуществляется их типизация.

Во-вторых, при решении проблем типологии нельзя упускать из виду, что процесс развития государственно-правовой материи неразрывно связан с постоянным развитием социальной сущности, содержания и назначения государства и права, а также с коренным изменением основных принципов их организации и функционирования. Например, если в качестве одного из важнейших принципов рабовладельческого типа государства и права выступал принцип частной собственности на основные средства производства и на людей-рабов, то в качестве одного из основных принципов капиталистического типа государства и права выступает уже принцип формально-юридического равенства всех граждан перед законом. Одним из важнейших принципов феодального типа государства и права был принцип вассального подчинения, принцип соответствия объема и характера политической власти размерам на землю.

И, в-третьих, важно учитывать положение о том, что процесс перехода государства и права от одной ступени к другой, от одного типа государства и права к другому органически сочетает в себе элементы и непрерывности, эволюционности развития государственно-правовых явлений с элементами их дискретности, качественной скачкообразности, революционности.

Эволюционность развития государства и права, выступающая в виде постепенного накопления в них количественных и качественных изменений, и революционность развития, представляющая быстрое, скачкообразное качественное изменение государственно-правовых явлений, проявляются вовне как две взаимосвязанные, органически сочетающиеся друг с другом, взаимодополняющие друг друга стороны процесса их естественно-исторического развития.

Эволюционное развитие государства и права совершается, согласно сложившемуся в научной литературе мнению, в основном в рамках одного и того же типа данных явлений, в пределах одной и той же общественно-экономической формации. Революционное же развитие государства и права приводит к быстрому и вместе с тем качественно иному, коренному изменению их социально-классовой сущности, содержания типа государства и права, к другому, последующему типу, от одной общественно-экономической формации к другой.

Следует заметить, что ни в науке, ни в общественно-политической практике нет одинакового понимания "эволюции" и "революции". Например, в западной юридической и социологической литературе революция традиционно ассоциируется лишь с "быстрыми, неожиданными изменениями в социальной структуре или же в наиболее важных ее частях". Подчеркивается при этом, что ее формы зависят от "масштабов и скорости происходящих изменений" и что революции "могут сопровождаться или не сопровож-

даться беспорядками и временной дезорганизацией" общественной жизни¹.

В то же время в отечественной литературе революция ассоциируется не только с быстрыми, но и прежде всего с качественными изменениями в развитии явлений природы, общества или процесса познания. Особое внимание акцентируется на том, что революция выступает "как перерыв постепенности, качественный скачок", и этим она отличается от эволюции и реформы².

Эволюция в противоположность революции неизменно рассматривается как процесс медленных, длительных по времени, качественных изменений, происходящих в обществе, государстве, праве, окружающей среде. Это процесс изменений, "при котором каждая последующая стадия развития органически связана с каждой предшествующей", при котором "рост или развитие сочетается с непрерывностью и глубокой преемственностью"³.

В государственно-правовой теории и политической практике далеко не всегда проводится четкое различие между революционной и эволюционной формами различия государства и права. Более того, нередко одна форма (чаще всего реформистская, эволюционная) в политических и идеологических целях представляется в качестве другой — революционной. Это случается, как правило, тогда, когда стремятся подчеркнуть особую важность, придать большую, чем это есть на самом деле, значимость тем или иным политическим, правовым, социально-экономическим и иным реформистским преобразованиям, которые проводятся в той или иной стране.

Кроме того, нередко "революция", олицетворяющая собой смену типов государства и права, переход власти от одного правящего класса к другому, подменялся другим явлением и понятием под названием "переворот". Последний означает антиконституционный, чаще всего насильственный переход (захват) власти от одной части правящего класса к другой, от одной группы или фракции господствующей политической элиты к другой.

Переворот, независимо от его названия (военный, государственный, дворцовый и т. д.) не влечет за собой непосредственно смену типа или типов государства. Он не затрагивает глубинные, существенные пласты всего государственного организма. Переворот влечет за собой лишь частичные, нередко поверхностные изменения в государственном механизме и его деятельности. Имеются в виду, например, изменения, касающиеся формы правления государства, политического или государственного режима, ряда направлений внутренней и внешней политики.

В юридической и, отчасти, политологической литературе издавна сложилось мнение, что независимо от особенностей своего

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. Totowa, 1988. P. 259.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1121.

³ Там же. С. 1954; Webster's new Universal Unabridged Dictionary. N. J., 1983. P. 634.

существования и функционирования, государство, а вместе с ним и право, проходят исторически обусловленный путь развития от рабовладельческого типа к социалистическому. Между данными типами государства и права, соответственно, находятся феодальный и капиталистический типы. Такова схема.

Утверждается также, что процесс развития государства совершается по восходящей линии и что по характеру своему это необратимый процесс. Государственно-правовая практика не в полной мере подтверждает данный тезис. Она полностью подтверждает его лишь в первой части, где речь идет об общей тенденции развития государства по восходящей линии. Однако только частично это делается во второй.

Прогрессивное развитие государства или что одно и то же — развитие по восходящей линии проявляется в том, что по мере перехода государства от одного типа к другому, от одной его существенной характеристики к другой укрепляются демократические принципы его организации и деятельности, расширяются его социальные основы, увеличивается круг прав и свобод, которыми наделяются подданные и граждане государства. О развитии государства по восходящей линии свидетельствуют также и другие обстоятельства. А именно — совершенствование самого государственного механизма, расширение конституционно-правовых основ его деятельности, совершенствование механизма взаимосвязи и взаимодействия государства с обществом и различными социально-политическими институтами.

Что же касается необратимости процесса развития государства и права, последовательности смены их типов, то здесь нужно сказать следующее. Безусловно правы те ученые, которые утверждают, что как нельзя остановить естественно-историческое развитие общества, а вместе с ним — государства и права, как нельзя предотвратить их переход от одной, более низкой ступени к другой, более высокой, от одного типа к другому, поскольку это объективно обусловленный, детерминированный процесс, также нельзя повернуть вспять историю и перейти назад от любого из последующих этапов развития государства и права к их предшествующим этапам.

“Общество, — писали в связи с этим К. Маркс и Ф. Энгельс, — если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами...”¹

Данное теоретическое положение, касающееся необратимости процесса развития общества, государства и права, не подлежит никакому сомнению. Правильность его многократно была подтверждена самой жизнью, общественной и государственно-правовой практикой.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 10.

Однако данное положение нельзя абсолютизировать, ибо объективный, детерминированный характер развития общества, государства и права неравнозначен фатальному, заранее во всем predetermined характеру. В процессе развития человеческого общества, а вместе с ним государства и права имеет место, как известно, не только необходимость, но и историческая случайность, которая может привести в отдельных конкретных случаях к обратному движению, к торможению прогрессивного развития государства и права, к регрессу. Ряд примеров тому дает, в частности, фашизм, установление и существование которого в любой стране неизбежно связано с торможением процесса поступательного развития государства и права в данной стране, к застою в государственно-правовой жизни, к относительному движению вспять.

Недопустимость абсолютизации процесса необратимости в развитии государства и права подтверждается также и тем, что в последние годы в России, Польше и ряде других, называвших себя ранее социалистическими, государств после разрушения "коммунизма" проявилось не поступательное развитие государственно-правового механизма от "социалистического" к "посткоммунистическому", как это должно было бы вытекать из тезиса о необратимости процесса, а совсем иное, скорее — противоположное развитие¹.

Это подтверждается не только теоретическими установками и заявлениями пришедших к власти на волне "перестроечного" движения лидеров о необходимости пройти "обратный путь от социализма к капитализму", но и самой практикой государственно-правового и экономического строительства в этих странах.

Она была и есть такова, что вместо устремления в будущее, к поиску новых, отвечающих духу времени государственно-правовых и экономических систем, она опрометчиво обращается к невозвратно ушедшему прошлому, к переходу от мифического "развитого социализма" к давно сошедшему с исторической сцены дикому, раннему капитализму.

Молодой капитализм, который мы строим, по утверждению одного из новых государственных функционеров "никогда не будет прекрасным, упорядоченным и благостным строем. К нему надо идти постепенно. И новая буржуазия, она сначала будет такой, какая она есть. Как правило, в первую очередь спекулятивной, потому что никакие крупномасштабные вложения в производство эта буржуазия не станет делать, пока мы не создадим минимальный уровень стабильности. При темпах роста цен, составляющих десятки процентов в месяц, самое разумное поведение это, конечно, поведение спекулятивное"².

¹ Подробнее об этом см.: *Jane D. The Rise and Fall of State Socialism. Oxford, 1996. P. 188—201.*

² См.: Правда. 1993. 12 марта.

Следует заметить, что подобные воззрения на "будущее-прошлое" экономического, социально-политического и государственно-правового строя России, равно как и других восточно-европейских стран, разделяются далеко не всеми учеными — теоретиками и практиками. Преобладает иной, противоположный подход. Он же доминирует и во взглядах на правовую систему и на конституцию будущего строя.

Критически отмечая, что в процессе государственных и конституционных изменений, произошедших в странах Восточной Европы, государственные деятели устремляют свои взоры не в "пост-социалистический, а в досоциалистический период", многие западные авторы выражают в связи с этим сомнения в том, что создаваемые таким образом государственные структуры и конституции "смогут успешно справляться с современными проблемами". Помимо всего прочего дело заключается в том, утверждают они, что ни эти конституции и структуры, ни возглавляющие их лидеры, "многие из которых являются выходцами из старого управляющего класса", неспособны вобрать в себя и реализовать на практике новые, отвечающие духу времени, государственно-правовые идеи¹.

Разумеется, в этих условиях в отношении России и других бывших социалистических стран, по крайней мере временно, не приходится говорить не только о поступательном движении вперед, но даже о сохранении прежнего, достигнутого ими уровня экономического и социально-политического развития, а также о **реальных материальных** и иных гарантиях прав и свобод граждан.

Попытки же механического перенесения западного опыта, институтов и нормативно-правовых актов, как правило, заканчиваются весьма плачевно для большинства и ранее провозгласивших, а затем в одночасье отказавшихся от своей прежней идеологии социалистических стран.

В свете сказанного, в частности, весьма трудно не согласиться с мнением бельгийского профессора К. Малфлит о том, что зачастую западное законодательство просто не вписывается "в социально-экономические реалии России". Все то, что кажется в сфере правового регулирования правильным и не подлежащим сомнению с точки зрения Запада, пишет автор, "все то, что отвечает всем требованиям западной демократии и развитой рыночной экономики, далеко не всегда выступает в качестве идеального средства решения посткоммунистических правовых проблем"².

Говоря о содержании и назначении типологии государства и права, необходимо отметить, что это не умозрительная, оторванная от жизни и реальной действительности мыслительная операция. В

¹ Khotin J. Old and New Entrepreneurs in Today's Russia // Problems of Post-Communist. Jan. — Febr., 1996. P. 49—56.

² Malfliet K. Russia: Second-hand laws that do not fit // European Brief. Dec., 1994. P. 86—87.

процессе ее проведения ученые опираются на огромный фактический материал, накопленный различными юридическими и неюридическими науками и, в первую очередь, историей государства и права, политической наукой, социологией, конституционным правом и другими.

На основе изучения и обобщения данного материала устанавливаются и раскрываются объективные связи, существующие между государством и правом, с одной стороны, а также экономической и социальной структурой общества, с другой. Выявляются движущие силы процесса естественно-исторического развития государства и права, решающими из которых признаются материальные, производственные отношения (экономический базис), раскрываются закономерности развития и смены исторических типов государства и права. Тщательному анализу подвергается широко распространенное положение о том, что "античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества"¹.

В соответствии с различными степенями развития экономики и общества, с учетом закономерностей их поэтапного развития и функционирования, определяются соответственно степени развития или типы государства и права, а также закономерности их существования и функционирования. Существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость между типами и закономерностями развития экономики и общества, с одной стороны, и государства и права, с другой. Однако жесткой, прямолинейной связи и взаимозависимости между ними нет. Закономерности развития и смены одних типов государства и права другими, в общем и целом соответствуя закономерностям развития и смены различных типов экономического базиса и общества, вместе с тем имеют свои специфические особенности, свою относительную самостоятельность.

В чем социальный смысл и назначение процесса типологии государств и правовых систем? В общетеоретическом и политико-практическом плане значение процесса типологии заключается в следующем. Во-первых, в том, что вырабатываемые при этом идеи о типах государства и права дают ключ для правильного понимания процесса естественно-исторического развития рассматриваемых явлений и последовательного перехода их от одной качественной ступени к другой, от одного типа к другому. Смена исторических типов государства и права является одним из узловых, наиболее важных исторических моментов, без учета которых невозможно правильно понять ни развитие их сущности, ни социально-политическое содержание и назначение, ни изменение их форм, функций, места и роли в структуре политической системы общества.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 442.

Во-вторых, в том, что типология вооружает исследователя пониманием внутренней логики и закономерностей процесса исторического развития государства и права, выступает как основа научного предвидения будущего государства и права России, равно как и других стран.

В-третьих, в том, что процесс типологии государств и правовых систем позволяет органически сочетать исследование общих закономерностей развития государственно-правовых явлений, свойственных всем без исключения типам государства и права, с их особенностями, присущими лишь отдельным типам государства и права, изучение всего процесса естественно-исторического развития государства и права в целом с процессом развития его отдельных составных частей, конкретных исторических ступеней.

В-четвертых, в том, что в процессе типологии государств и правовых систем создаются все необходимые предпосылки и возможности для широкого обобщения, систематизации и анализа всего фактического и научного материала, который касается практически всех сторон процесса возникновения и развития общества, государства и права, их последовательного перехода от одной ступени к другой.

И, наконец, в-пятых, в том, что процесс типологии государств и правовых систем создает объективную основу для научного проникновения в глубинные слои процесса естественно-исторического развития государства и права, позволяет проводить четкое различие между научными и псевдонаучными государственно-правовыми теориями, дает возможность осуществлять государственно-правовое строительство в различных странах на остро научной, подтвержденной жизнью основе.

§ 2. Критерии типологии государств и правовых систем. Понятие типа государства и права

Типология государств и правовых систем должна производиться на строго определенной основе, в соответствии с подтвержденными самой жизнью, социально-политической практикой, **объективными критериями.**

В научной литературе высказано множество точек зрения по этому вопросу. Соответственно, было предложено не меньшее количество вариантов решения данного вопроса. Основной спор, уже в течение ряда столетий, ведется вокруг двух основных групп проблем, а именно — вокруг требований, которым должны отвечать предлагаемые критерии (критерий), а также вокруг видов данных критериев.

Что собой представляет **критерий классификации государств и правовых систем?** Какими чертами и особенностями он должен обладать? Каким основным требованиям он должен отвечать? Эти

и многие другие аналогичные им вопросы с неизбежностью возникают у любого исследователя, занимающегося вопросами типологии государств и правовых систем.

Это — ключевые, принципиально важные моменты, от решения которых целиком зависит не только каким будет процесс типизации или классификации государств и правовых систем, но и как будут выглядеть эти самые государственно-правовые типы.

Решая вопросы типологии, многие авторы высказывают вполне справедливо не подлежащие, как представляется, никакому сомнению мнения относительно того, что критерии типологии государств и правовых систем должны иметь объективный характер, всесторонне и адекватно отражать исследуемую государственно-правовую материю, вбирать в себя наиболее важные и в то же время типичные для государства и права, находящиеся на определенном этапе развития признаки и черты, в максимальной степени учитывать и отражать экономические, политические, социальные и иные условия, в которых функционируют государство и право.

Однако понятие "объективность", как и ее восприятие, далеко неоднозначны. Как показывает огромный, накопившийся веками опыт исследования государств и правовых систем, в качестве "объективных" критериев их классификации широко использовались географические и климатические факторы, степень сложности государств и правовых систем, характер их связанности с религией, степень свободы и независимости человека по отношению к государству, способ внутригосударственной организации и жизнедеятельности людей, уровень развития общей культуры и мировоззрения людей, способ производства материальных и духовных благ и характер их распределения, и др.

Например, известный французский философ **Жан Боден (1530—1596)** подразделял все народы, живущие на земном шаре, а следовательно, и все государства мира на три категории по географическому принципу (критерию) — южные, северные и средние. Южные народы, по мнению философа, превосходят все другие народы тонкостью и силой ума. Северные народы отличаются своей физической силой. Средние же — превосходят северян умом, но уступают в силе, а южан — превосходят по физической силе, но уступают в хитрости и изощренности.

Государство и право, как следует из рассуждений автора, впервые возникли у народов, проживающих в средней географической и климатической полосе. Здесь же проявилось гораздо большее умение людей управлять государством, чем где бы то ни было. В этой полосе возникали также самые сильные государства.

Географический критерий оценки государств и правовых систем и их типологии в различной степени использовался позднее Ш. Монтескье и другими авторами.

Своеобразную позицию по отношению к государственно-правовым явлениям их классификации занимал немецкий ученый,

юрист Г. Еллинек. Отстаивая так называемую дуалистическую теорию государства и права, пытавшуюся соединить юридическую концепцию государства и права с социологическим направлением в государствоведении и правоведении, Г. Еллинек отрицал **объективный характер государства и права**, а следовательно — **объективность критериев их типизации**.

По мнению автора, государство и право принадлежат лишь к сфере субъективного сознания и понимания. С одной стороны, они относятся к сфере сущего как феномены субъективного сознания, а с другой — к сфере должного¹.

Исходя из этого, Г. Еллинек выделяет (“конструирует”) **идеальный тип государства и эмпирический**. С точки зрения автора понятие типа государства и права “может быть сконструировано, прежде всего, как обозначение совершенного существа данного рода, мыслимого, по мнению Платона, как идея, лишь несовершенно проявляющаяся в индивидах, или, по Аристотелю, как активная, формирующая сила, создающая отдельные экземпляры рода. Это — понятие “идеального типа”, которое, как признается исследователь, занимало не только научную мысль, но и “средневековую схоластику, вплоть до наших дней”².

Идеальный тип государства — не есть нечто сущее, а лишь “долженствующее существовать”. Он является мерилom для оценки существующего государства и права. То, что соответствует этому мерилу, “имеет право возникнуть и существовать, что не соответствует ему — должно быть отвергнуто и упразднено”³.

Подразделяя **идеальный тип государства на два подвиды** — один из которых является продуктом “отвлеченной спекуляции” (возникает как утопия), а второй конструируется “по образцу существующих государств или их отдельных учреждений” — автор подчеркивает, что искать и находить идеальные типы государств является “глубокой и неотъемлемой потребностью человеческой природы, имеющей огромное практическое значение”⁴.

Практическая значимость идеального типа государства и права усматривается в том, что он выступает в качестве некоего эталона для подражания и совершенствования. Что же касается его теоретической значимости, то она фактически приближается к нулю. “Теоретически — научному познанию”, заключает Еллинек, идеальные типы государства и права “дают весьма мало”. Ибо объектом научных исследований служит и всегда будет служить сущее, а не должное, а именно — “тот мир, который уже дан, а не тот, который еще имеет быть созданным”.

¹ Подробнее об этом см.: История политических учений / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1983. С. 509.

² Еллинек Г. Указ. соч. СПб., 1908. С. 26.

³ Там же.

⁴ Там же.

Автор совершенно прав, когда утверждает, что как и "всякая спекуляция", представление об идеальном типе государства в конце концов основано на субъективных убеждениях и уже это, по существу своему, является объектом не науки, а самой обычной веры¹.

Идеальному типу государства и права в учении Еллинека противопоставляется эмпирический тип. Хотя он, так же, как и идеальный тип государства, имеет субъективный характер, является "таким соединением признаков явлений, которое вполне зависит от точки зрения, занимаемой исследователем", но в отличие от первого он не претендует на то, чтобы "представлять собою высшее, объективное бытие"².

Согласно весьма спорному и в немалой степени противоречивому суждению автора задача науки о государстве, поскольку объектом ее исследования не могут служить "исключительно отдельные государства", состоит в том, чтобы отыскать "эти эмпирические типы государственных отношений"³.

Наряду с идеальным и эмпирическим типами государства и права Г. Еллинеком выделялись также типы развития и типы существования государственно-правовых явлений или, что одно и то же — динамические и статические типы государства и права. Основным критерием для такого выделения служит степень динамизма в развитии государства и права, уровень изменений (или, наоборот), сменяющих друг друга государств и правовых систем.

Проводя подобную типологию государств и правовых систем, Еллинек, естественно, отдает себе отчет в том, что в чистом виде не существует и не может существовать ни одного из названных им типов. Чтобы избежать возможных недомолвок и противоречий автором, помимо всех прочих, вводится в оборот еще один так называемый средний тип. Он, по мнению автора, должен снять возможные противоречия в процессе типологии государственно-правовых явлений и удержать исследователей от излишнего увлечения ("уклонения") изучением одних типов в ущерб другим⁴.

В настоящее время предложенная Еллинеком типология государств и правовых систем, также как и выработанные им критерии ее проведения, не пользуются широкой поддержкой и вниманием. Они — в прошлом, в истории, и им отдается должное именно как прошлому, истории. В современной отечественной и зарубежной литературе имеют место совсем иные веяния. Соответственно, используется спектр других критериев и подходов.

Среди них, помимо ранее названных, выделяются также критерии, которые непосредственно связаны с социально-классовой

¹ Еллинек Г. Указ. соч. С. 27.

² Там же.

³ Там же. Против такого подхода к основной задаче науки о государстве раньше и сейчас выступают многие авторы. См., напр.: Schmidt R. Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1903. S. 837—839.

⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 30.

сущностью, содержанием, целями и назначением государства и права, характером и уровнем развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений, основными принципами организации и функционирования государства и права, и др.

Наиболее общим критерием типологии государств и правовых систем, широко использовавшихся в рамках теории государства и права и других наук, до недавнего времени считалась **общественно-экономическая формация**¹. Она представляет собой исторический тип общества, основывающийся на определенном способе производства и выступающий как важнейшая ступень поступательного развития человечества.

Каждая общественно-экономическая формация характеризуется определенным типом производственных отношений. Каждая из них имеет, наряду с мировой историей, свои особые, неповторимые законы возникновения и развития. Над экономическим базисом каждой общественно-экономической формации возвышается соответствующая надстройка в виде совокупности идей, теорий, взглядов, представлений, различных организаций и учреждений, а также системы возникающих между ними отношений. Каждой социально-классовой формации соответствует определенный исторический тип государства и права. Смена одной общественно-экономической формации другой знаменует собой смену системы производственных отношений — экономического базиса, возникающей на его основе надстройки, а вместе с тем соответствующего типа государства и права.

Руководствуясь данным критерием, его не следует, однако, абсолютизировать и считать единственно правильным, неким “всеобщим” критерием типизации государств и правовых систем. Ибо, во-первых, кроме него, как известно, существуют и другие, хотя и менее общие критерии типизации государства и права, комплексное использование которых помогает провести более четкую, строго обоснованную классификацию рассматриваемых явлений. А во-вторых, критерий, в соответствии с которым тип государства и права определяется только принадлежностью последних к той или иной общественно-экономической формации, нуждается в серьезных уточнениях. Ибо в мире всегда существовало и существует множество других, так называемых переходных государств и правовых систем, которые “не вмещаются” в рамки той или иной формации.

Из всего сказанного об общественно-экономической формации как критерия типизации (классификации) государств и правовых систем следует сделать вывод о том, что данный, общий по своему

¹ С началом перестройки и изменением идеологических и политических ориентаций в России данный критерий стал некоторыми теоретиками подвергаться сомнению. Однако, поскольку при этом не было выдвинуто других, более убедительных критериев, в научной литературе продолжают пользоваться по-прежнему именно данным критерием.

характеру критерий должен использоваться не только сам по себе, но и дополняться другими, менее общими, а точнее — частными критериями. Последние соотносятся с такими важнейшими сторонами и аспектами государства и права, как их сущность, содержание, политический режим и назначение.

При использовании данного критерия нельзя не учитывать также того, что в отечественной и зарубежной литературе, особенно за последние годы, он подвергался довольно активной и в ряде случаев обоснованной критике. Серьезной критике подвергалось учение об общественно-экономической формации как критерий типологии государств и правовых систем за претенциозность на абсолютную правильность и непогрешимость, за излишнюю идеологизированность и идеализированность в период существования Советского государства и других социалистических государств, за претензию на универсальность и некоторый схематизм, за недооценку разнообразия и специфичности связей и зависимостей в конкретных общественно-политических и экономических системах, за однолинейно-спрямленное понимание всемирно-исторического процесса, и др.¹

Нельзя не принимать во внимание также и тот факт, что предлагаемая типология государств и правовых систем с использованием общественно-экономической формации как критерия их классификации не является однозначно понимаемой и, соответственно, таким же образом применяемой.

В отечественной и зарубежной философской и социологической литературе используется несколько вариантов определения и применения данного критерия.

Наиболее распространенным и ставшим своего рода классическим вариантом использования общественно-экономической формации в качестве критерия типологии государств и правовых систем является так называемая **пятичленная схема деления всемирно-исторического процесса**, процесса развития общества и государства.

Согласно этой схеме выделяются пять общественно-экономических формаций (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая) и, соответственно, — четыре типа государств и правовых систем. Связывая существование государства и права с классовым обществом, сторонники этой концепции отрицают возможность их появления и функционирования при первобытнообщинном строе.

Наряду с данной схемой, в научной литературе в последние годы стала довольно широко применяться и **шестичленная схема деления всемирно-исторического процесса**. Особенность ее заключается в том, что к вышеназванным формациям, в основе которых лежит рабовладельческий, феодальный и иной способ производст-

¹ См.: Барулин В. С. Социальная философия. Ч. I. М., 1993. С. 239.

ва, добавляется еще так называемый **азиатский способ производства**. Он отражает весьма важные специфические особенности раннеклассового общества в странах Востока. Азиатскому способу производства, если следовать логике, должна соответствовать особая общественно-экономическая формация и, соответственно, свой особый тип государства и права. Данный вариант типологии государств и правовых систем особенно вызывал и вызывает среди специалистов в области философии, государства и права довольно разноречивые суждения и споры¹.

Спорными остаются также и другие варианты типологии государств и правовых систем. Однако, тем не менее, многие из них, олицетворяющие собой в целом **формационный подход** к процессу типологии государств и правовых систем, не только обсуждаются, но и применяются.

“Довольно широкое распространение в научной литературе за последние годы, наряду с формационным, получил также и **цивилизационный подход**. Суть его заключается в том, что вместо “общественно-экономической формации” как критерия типологии государства и права и других критериев предпринимаются попытки использования в качестве такового “цивилизации”.

Последняя выглядит весьма аморфно и неопределенно. Она, по справедливому замечанию исследователей, принадлежит к числу тех явлений и понятий, которые не поддаются сколько-нибудь строгому и однозначному определению. Если попытаться как-то объединить различные значения ее определения, то, очевидно, получим скорее “некий интуитивный образ, чем логически выверенную категорию”.

И все же за этим образом просматривается определенная реальность в виде целостности материальной и духовной жизни людей в определенных пространственных и временных границах².

Цивилизация, по мнению американского политолога С. Хантингтона, представляет собой “некую культурную сущность”. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины, замечает автор, все они обладают особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Исходя из этого, цивилизацию можно определить как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей.

Цивилизацию необходимо также определить, исходя из наличия общих черт индивидуального порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты и др. Цивилизация, делает вывод Хантингтон, это самый широкий уровень общности, с которой каждый человек сам себя соотносит. “Культурная самоидентификация

¹ См. об этом: Барулин В. С. Указ. соч. С. 233—237.

² Дилгенский Г. Г. “Конец истории” или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 23.

людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации"¹.

Аналогичную позицию в отношении определения цивилизации занимал известный английский ученый, историк А. Тойнби. По его мнению цивилизация есть не что иное, как определенный тип человеческих сообществ, вызывающий "определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев — словом, в области культуры"².

Из приведенных рассуждений и определений "цивилизации" совершенно очевидно, как вполне справедливо отмечается в специальной литературе, что хотя этот термин и понятие цивилизации имеет в современных социальных науках широкое хождение, но тем не менее он не имеет до сих пор строго определенного, фиксированного значения.

Термин "цивилизация", например, в некоторых западных толковых словарях и энциклопедиях употребляется в самых разных и далеко не всегда совпадающих друг с другом смыслах. В одних случаях он применяется к государству, которое называют цивилизационным, когда оно "пользуется хорошими манерами и обеспечивает за собой самоконтроль".

В других случаях "цивилизация" используется для характеристики определенной стадии развития человеческого общества. В третьих же случаях "цивилизация" применяется для характеристики определенного уровня развития общечеловеческой культуры. Например, говорят о европейской цивилизации, американской, древней ("ранней") цивилизации, современной цивилизации и др.³

Неоднозначность термина и понятия "цивилизация", его внутренняя противоречивость и разноплановость вкупе с аморфностью его содержания и неопределенностью делают на современном уровне исследования "цивилизации" весьма проблематичным его использование в качестве критерия типологии государств и правовых систем.

Трудно не согласиться с мнением известного русского ученого, историка О. И. Чистякова, который, касаясь данного вопроса, писал: "Для истории вообще и истории государства и права в частности характерна такая форма систематизации научного материала, как периодизация. В наше время колеблются устои привычной систематизации — по общественно-экономическим формациям и, соответственно, по типам государства и права. Прежняя четкая схема — рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое государство и право — заменяется другими категориями, строго говоря, исключаящими всякую периодизацию. Наиболее модным стал так называемый цивилизационный принцип. При нем общест-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 34.

² Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Сборник. М., 1995. С. 14.

³ The Encyclopedia Americana. Vol. 7. Danbury, 1989. P. 1—2.

ва и государства характеризуются по внешним признакам культуры, порой трудноуловимым. Вместе с тем большинство авторов используют маленькую хитрость: они подменяют прежние формации новыми "цивилизациями". Рабовладельческое общество становится античным, феодальное — средневековым, буржуазное — "современным" и т. д. Очевидно, что такое новшество мало что дает науке¹.

Не многое дают науке и попытки механического соединения цивилизационного подхода с формационным. Они появились в отечественной литературе в конце 80-х — начале 90-х годов, в период демократического бума в нашей стране, когда в теории и практике общественно-политической и государственно-правовой жизни исподволь ставилась революционная задача избавления от всего прошлого и уже в силу только одного этого — "старого" и создания или перенятия у западных соседей взамен этого чего-либо доселе слабо распространенного у нас, а значит — "нового".

Сказанное вовсе не означает отрицания какой бы то ни было методологической роли и значения в процессе типологии государств и правовых систем цивилизационного подхода. Больше того, это не означает также противопоставления формационного и цивилизационного подходов.

Несомненно, прав В. С. Барулин, когда утверждает, что цивилизационный подход не следует противопоставлять формационному. Мы полагаем, писал он, что трактовка формации К. Марксом по существу не является альтернативой цивилизационному подходу. Можно, конечно, спорить, какой подход является базовым, а какой его развитием, частным случаем. По нашему мнению, формационный подход является основополагающим. Но суть дела не в этом, а в их взаимной дополняемости².

Аналогичной позиции придерживаются и некоторые другие авторы, полагающие, что "сосуществование различных формаций и цивилизаций в одном синхронном срезе, их параллельное и пересекающееся развитие — неотъемлемая черта всемирно-исторического процесса"³.

С подобной постановкой вопроса можно согласиться, однако, при непременном условии, что цивилизационный, весьма далекий от обстоятельной, глубокой разработки подход отнюдь не подменяет ставшим за многие годы довольно продуктивного его использования формационный подход, а наоборот, творчески его дополняет и развивает. А кроме того, при условии, что использование того и другого подхода в качестве критерия типологии государств и правовых систем не закрывает путь к поиску и раскрытию других, аналогичных им или иных критериев.

¹ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 6.

² Барулин В. С. Указ. соч. С. 242.

³ Гуревич А. Я. Философия и историческая наука // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 20.

Последнее особенно важно в настоящий, **переходный период** для многих государств, совершающих “эволюционно-революционный” путь развития от одной формации и соответствующего ей типа государства и права к другой. Это происходит весьма наглядно и объективно, независимо от того, осознается ли данный процесс общественным мнением и временно стоящими у государственного руля политическими деятелями или не осознается, воспринимается ли он ими или, наоборот, отвергается.

В настоящее время для глубокого и всестороннего понимания процессов, происходящих в мире, весьма важным представляется не замыкаться в ограниченном кругу пусть даже самых проверенных и оправдавших себя подходов и идей, а идти дальше, открывая и закрепляя новые критерии типологии государств и правовых систем и подходы.

В этом плане довольно заманчивой по своей перспективности, хотя и не беспорной, является попытка новой трактовки и совершенствования учения об общественно-экономической формации, используемой в качестве критерия типологии государств и правовых систем. Такая попытка предпринималась отечественным исследователем В. Л. Иноземцевым в работе “К теории постэкономической общественной формации”. Автор предлагает расширить традиционное представление об общественно-экономической формации и, исходя из этого, изменить, соответственно, устоявшуюся типологию государств и правовых систем.

По мнению, подтвержденному ссылкой на работы К. Маркса как основателя формационной концепции, следует различать не пять общественно-экономических формаций, как это широко практикуется, а всего лишь три. А именно — **первичную**, или архаическую формацию, охватывающую собой весь первобытнообщинный строй и названную автором **общественной формацией**; **вторичную**, или **экономическую формацию**, охватывающую собой все общества, основанные на эксплуатации; и, наконец, **третичную**, или **постэкономическую формацию**, становление которой наблюдается ныне.

Согласно убеждению автора логика марксова исследования, “блестяще подтвержденная” на примере перехода человечества от первичной общественной формации ко вторичной, показывает, что единственно возможным вариантом описания современной нам исторической эпохи является рассмотрение ее в качестве периода становления основ третичной общественной формации, причем процесс такого становления выступает оборотной стороной процесса постепенного, эволюционного преодоления черт предшествующей, экономической, общественной формации¹.

Данная постановка вопроса, как и сама попытка совершенствования формационного подхода к рассмотрению процесса развития общества, а вместе с ним государства и права, несомненно,

¹ Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 189.

заслуживает определенного внимания и поддержки. За исключением, разумеется, ряда весьма категоричных, не в меру прямолинейных утверждений и формулировок, не допускающих иных взглядов и суждений. Имеются в виду утверждения типа "единственно возможный вариант" описания современной нам эпохи (их всегда — несколько, в зависимости от рассматриваемых сторон). Или — рассуждения относительно того, что постэкономическая общественная формация — это "последняя ступень общественного бытия человеческих существ". За ее пределами начинается историческая эпоха, на протяжении которой "человечество выходит за рамки социальности" и относительно которой любые футурологические прогнозы не представляются возможными¹.

Эти и иные подобные утверждения и формулировки невольно ассоциируются с бытовавшими в отечественной и зарубежной марксистской литературе положениями и коммунистической общественно-экономической формации и о самом коммунизме как о высшей, а следовательно, не только единственной в своем роде, но и последней фазе развития человеческого сообщества и социализма. Эти положения подверглись, как известно, ввиду их иллюзорности и утопичности, вполне справедливой и обоснованной критике.

Сказанное отнюдь не отрицает, а напротив, всячески предполагает широкое использование не только старых, традиционных, но и новых трактовок формационного критерия в процессе типологии государств и правовых систем, как, впрочем, и других научно обоснованных критериев. Важным условием при этом является их обоснованность и определенность.

Определившись с критериями типологии государств и правовых систем, необходимо определиться также с понятием самого типа государства и права.

В научной и учебной литературе он трактуется далеко неоднозначно. Однако общим для большинства трактовок "типа" государства и права, особенно в тех случаях, когда используется формационный критерий, является, во-первых, признание важности и нужности определения типа государства и права. Во-вторых, признание того, что тип — это не какое-либо отдельно существующее государство и право, а это — научная категория, некий собирательный образ реально существующих на данном историческом отрезке времени государств и правовых систем. В-третьих, эта категория создается не умозрительно, а складывается из совокупности наиболее важных, общих для всех этих государств и правовых систем признаков и черт. И в-четвертых, в процессе определения типа государства и права за основу берутся не формально-юридические, а прежде всего сущностные и содержательные признаки и черты.

¹ Иноземцев В. Л. Указ. соч. С. 202.

Исходя из сказанного, в качестве рабочего определения типа государства, а вместе с ним и права, можно взять дефиницию, в соответствии с которой исторический тип рассматривается как совокупность основных черт, свойственных государствам и правовым системам определенной общественно-экономической формации, выражающих их классовую сущность, содержание и их социально-классовое назначение¹.

Понятие типа государства и права, как и процесс типологии государств и правовых систем, не остаются неизменными. Вместе с конкретными, реально существующими государствами и правовыми системами, на основе которых (а точнее — на основе их общих, наиболее существенных черт) они создаются, тип государства и права, также как и процесс их типологии, постоянно развиваются и совершенствуются.

В силу этого, оперируя понятием типа государства и права, мы исходим из того, что это не окончательно сформировавшаяся своего рода “классическая” категория, а некая рабочая, постоянно изменяющаяся и развивающаяся категория.

Определившись с понятием типа государства и права, попытаемся ответить на вопрос — что же главное в каждом (рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом) типе государства и правовой системы? Что их отличает друг от друга и что их выделяет среди других государств и правовых систем?

Обратимся к рассмотрению первых из названных — рабовладельческого, феодального и капиталистического типов государства и правовых систем. Это исторически вполне определившиеся, четко отличающиеся друг от друга, проявившиеся в реальной жизни типы государства и права.

Что же касается социалистического типа государства и права, то уникальность его заключается в том, что будучи глубоко и обстоятельно разработанным теоретически, он никогда и нигде не был осуществлен практически. Предпринимавшиеся в нашей стране, а также в ряде других стран попытки построения социалистического общества, государства и права оказались неудачными. Соответственно, провозглашавшиеся принципы, не только формального, но и реального равноправия всех граждан, свободы их от эксплуатации и угнетения, всесторонней гарантии их прав и обеспеченности, принципы подлинного демократизма, конституционности и законности остались нереализованными.

Тот социализм, который провозглашался в СССР и других странах, называвших себя социалистическими, оказался на деле псевдосоциализмом.

¹ См.: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 287; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. Екатеринбург, 1996. С. 27.

§ 3. Рабовладельческое государство и право. Социально-экономическая основа и сущность рабовладельческого государства

Рабовладельческое государство является исторически первым типом государственной организации, возникшей на развалинах первобытнообщинного строя в силу разложения обществ на классы и возникновения первых противостоящих друг другу социальных сил в виде рабовладельцев и рабов. Наиболее древними рабовладельческими государствами были государства, образовавшиеся в конце IV — начале III тыс. до н. э. в Древнем Египте — Египетское царство, в долинах азиатских рек Тигра и Евфрата — Шумерийские государства, а также Ассирийское государство (III тыс. до н. э.), государства Индии и Китая (II тыс. до н. э.) и Хеттское государство (конец II тыс. до н. э.). Более поздними рабовладельческими государствами были государства Древней Греции и Древнего Рима, возникшие в бассейне Средиземного моря.

В своем развитии рабовладельческий строй, а вместе с ним государство и право проходят две основных стадии. Первая стадия ассоциируется с **древневосточным землевладением**. Среди ее наиболее характерных черт и особенностей отечественными и зарубежными учеными выделяются следующие. Наличие значительных остатков первобытнообщинного строя. Существование примитивных форм патриархального рабства и ведения хозяйства, при которых рабу разрешается иметь свое имущество и даже семью. Сохранение в течение длительного времени наряду с частной собственностью на рабов коллективного рабовладения (рабы, принадлежащие отдельным храмам, государству). Существование сельскохозяйственных общин, обусловленное суровыми климатическими условиями Востока и, как следствие этого, необходимость применения коллективного труда на строительстве ирригационных сооружений, при эксплуатации оросительных систем, разведении животноводства, возделывании сельскохозяйственных культур, при обработке земли. Будучи коллективным собственником земли, сельская община осуществляла ее куплю-продажу. В соответствии с установленными правилами она распределяла и перераспределяла ее между своими членами, решала основные вопросы более рационального использования земли.

Наряду с сельской общиной в странах Древнего Востока коллективными собственниками земли были государство и отдельные храмы. Частная собственность на землю, также как и на другие средства производства в этих странах не получила такого широкого развития как в других рабовладельческих государствах. По мере развития рабовладельческого строя в странах Древнего Востока право коллективной собственности общины на землю постепенно вытесняется правом коллективного землепользования.

Вторая стадия развития рабовладельческого строя — **период греческого рабовладения**. Эта стадия отличается более высоким уровнем развития рабовладельческого способа производства, полным отсутствием каких бы то ни было остатков первобытнообщинного строя, наиболее высокой степенью рабовладельческой государственной машины и права, более развитыми формами эксплуатации рабов и неимущих граждан, “образцами” беспощадного насилия и подавления масс.

Экономическую основу рабовладельческого государства составляла частная собственность рабовладельцев на средства производства и рабов. В условиях рабовладельческого строя впервые в истории развития человечества в наиболее резкой и обнаженной форме проявляется экономическое, политическое и социальное неравенство различных классов и слоев общества, полное, практически ничем не ограниченное господство одного класса — рабовладельцев и полное бесправие другого класса — рабов. На всех стадиях развития рабовладельческого государства рабы постоянно оставались на положении вещей, “говорящих орудий” и рассматривались не иначе, как производители материальных и иных благ. Раб, по общему признанию, не продавал свой труд рабовладельцу, также как вол не продавал своей работы крестьянину. Он раз и навсегда, вместе со своим трудом был продан своему господину.

В официальных документах и неофициальных повествованиях того времени о рабе и его судьбе говорилось так же, как и о любой вещи, продуктах, животных. “Хозяин осматривает скот, — читаем в одном из таких текстов, — устроит распродажу: продаст масло, если оно в цене; продаст вино, лишек хлеба, старых волов, порченую скотину... старого или болезненного раба; и если есть что лишнее, то продаст”. И далее хозяйская забота о рабе, как о скоте: “Рабам не должно житья плохо. Пусть не мерзнут и не голодают. Пусть хорошенько заставляют их работать...”¹

Основными способами установления рабства являлись такие, как захват мирных жителей чужих территорий и военнопленных с целью превращения их в рабов, продажа свободных людей или граждан в рабство за долги (в Древней Индии, в Риме — долговое рабство), обращение в рабов за совершение государственных или иных тяжких преступлений, и др.

Рабовладельцы и рабы составляли основу рабовладельческого общества, являлись основными, но отнюдь не исчерпывающими элементами социальной структуры данного общества, классами. Наряду с ними на протяжении всей истории существования рабовладельческого строя встречались различные, так называемые неосновные классы и социальные группы (слои свободных и полусвободных людей). В их числе можно назвать, например, крестьян-общинников и ремесленников в странах Древнего Востока (Вави-

¹ Цит. по: Сергеевко М. Е. Земледельцы древней Италии. Л., 1970. С. 29—30.

лон, Индия, Китай), торговых людей, вольноотпущенников и метеков — чужеземцев в Риме и Афинах, peregrinorum и колоннов в Римской империи и других.

Свободные и полусвободные слои рабовладельческого общества, в частности, ремесленники и мелкие землевладельцы постоянно разорялись и закабались крупными землевладельцами и ростовщиками. Их относительно дорогостоящий труд зачастую вытеснялся гораздо более дешевым и более распространенным трудом рабов. Будучи оторванными от земли и своих традиционных средств производства они, как правило, пополняли фактически бесправные и весьма многочисленные, особенно в рабовладельческом Риме и Афинах, ряды люмпен-пролетариата. Несмотря на то, что положение свободных и полусвободных слоев рабовладельческого общества в значительной мере отличалось от положения рабов, они наряду с рабами подвергались жестокой эксплуатации со стороны рабовладельцев и подавлялись рабовладельческим государством. Наиболее ярко это проявлялось, например, по отношению к такой категории свободных людей Римской Империи, как peregrini, в состав которых входили жители провинций Рима, не получивших римского гражданства, и римские граждане, подвергшиеся высылке за совершение преступлений, а также по отношению к колоннам, состоявшим в большинстве своем из формально полусвободных, но фактически накрепко привязанных к арендуемым ими земельным участкам (парцеллам), закабаленных крестьян. Ни на первую, ни на вторую социальные группы в полной мере не распространялось исконное римское право. Они постоянно находились в зависимом положении и подавлялись. Особенно тяжелым было положение колоннов, которые были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой. Они не были рабами, но и не считались свободными.

Рабовладельческое государство при этом, будучи по своей социально-классовой сущности организацией класса рабовладельцев, одним из важнейших звеньев механизма власти данного класса использовало все находящиеся в его распоряжении средства для оформления и укрепления экономического базиса рабовладельческого общества, для обеспечения устойчивости и защиты рабовладельческого общественно-политического строя, для удержания господства рабовладельцев над рабами, для обуздания и подавления свободной бедноты и рабов.

Каковы же были **основные функции и механизм рабовладельческого государства?**

Рабовладельческое государство в процессе своего существования осуществляло ряд свойственных ему внутренних и внешних функций. Каждая из них представляла собой одно из основных направлений деятельности данной организации, обусловленное его сущностью, социальным содержанием и назначением, а также стоящими перед ним ближайшими и конечными целями и задачами.

В числе **внутренних функций** следует назвать прежде всего **функцию создания и поддержания оптимальных условий для эксплуатации разоренных свободных масс и рабов**. В данной функции наиболее отчетливо проявляется эксплуататорский характер рабовладельческого государства и его отношение к экономическим интересам господствующего класса. Государство при этом, будучи собственником больших земельных угодий, копий, рудников и огромного количества рабов, не только создавало условия для эксплуатации масс со стороны господствующего класса, но и само выступало как эксплуататор. Наиболее ярко это проявлялось в Древнем Египте, где рабовладельческое государство на протяжении всей истории своего существования неизменно выступало, с одной стороны, как верховный собственник всей земли, обладающий правом в лице царя или фараона сбора налогов и привлечения к выполнению публичных работ, а с другой стороны, как прямой собственник значительного количества земли, недр, оросительных каналов, рабов.

Рабовладельческое государство Древнего Египта, наряду с другими древневосточными государствами, в целях поддержания экономики страны в условиях сурового, неблагоприятного для ведения сельского хозяйства климата, было вынуждено уделять значительное внимание организации общественных работ (организации эксплуатации) по строительству и постоянному использованию плотин, оросительных каналов, крупных ирригационных систем.

Важными внутренними функциями рабовладельческого государства были также **функция охраны рабовладельческой частной собственности, функция подавления сопротивления рабов и других угнетенных масс**. Необходимость осуществления данных функций вызывалась массовыми выступлениями рабов, многочисленными восстаниями свободных, но разоренных социальных групп и слоев, теми непримиримыми противоречиями и борьбой, которая непрерывно велась на протяжении всей истории существования рабовладельческого строя между рабами и рабовладельцами, бедными и богатыми, угнетенными и угнетателями. Наглядными примерами такой борьбы могут служить крупные восстания рабов и неимущих общинников в Египте (середина XVIII века до н. э.), восстание рабов и вольноотпущенников в Малой Азии (II в. до н. э.), крупнейшее восстание рабов под руководством Спартака в Риме (74—76 гг. до н. э.) и др.

Осуществляя функцию охраны рабовладельческой собственности и подавления сопротивления рабов и неимущих слоев, рабовладельческое государство широко использовало свойственные ему принудительные органы (армию, суды, полицию, тюрьмы), систему репрессивных по своему характеру правовых актов, а также различные, узаконенные формы устрашения и террора по отношению к рабам. В Спарте, например, с целью устрашения и удержания в подчинении угнетенными представителями господствующего класса

время от времени устраивались массовые убийства (криптии) наиболее сильных и непокорных илотов — государственных рабов. В Риме, согласно многократно применявшемуся закону, в случае убийства рабом господина подвергались казни все жившие или находившиеся в момент убийства под одной крышей с убийцей рабы. Исключение составляли лишь те рабы, которые приводили убедительные доказательства того, что оказывали своему господину помощь и защищали его с риском для собственной жизни. Жестоко и беспощадно расправлялись рабовладельцы с массами, оказывавшими неповиновение, с побежденными участниками восстаний — крестьянами-общинниками, вольноотпущенниками и рабами.

Широко и методически применялись господствующим классом в процессе повседневного угнетения и подавления масс, наряду с методами устрания, террора и физического уничтожения непокорных, и разнообразные средства их **духовного закабаления**. Особую роль при этом играла религия, освящавшая общественное неравенство, “узаконившая” рабство и насаждавшая ваглады, согласно которым физический труд является лишь уделом вольноотпущенников и рабов.

История развития рабовладельческого строя знала немало весьма разнообразных и значительно отличавшихся друг от друга религий. Однако все они, несмотря на свои особенности, неизменно проводили одну и ту же ярко выраженную в социальном плане линию, идеологически обосновывали и защищали эксплуатацию, отстаивали рабовладельческий экономический и социально-политический строй, призывали свободных граждан, вольноотпущенников и рабов к смирению перед рабовладельцами.

К **внешним** функциям рабовладельческого государства относятся такие направления его деятельности, которые связаны с **завоеванием, порабощением и ограблением других народов; обороной страны от внешних противников; управлением захваченных в результате ведений войн территорий; с установлением и поддержанием с другими государствами дипломатических, торговых и иного рода мирных связей**. Внешние функции рабовладельческого государства находились в неразрывной связи с внутренними функциями, ими дополнялись и подкреплялись. В зависимости от конкретно-исторических условий развития рабовладельческого общества, а также общественно-политической значимости событий (восстания рабов, войны и т. п.), имевших место в той или иной стране, внутренние и внешние функции рабовладельческого государства попеременно выдвигались на первый или последний план. Во время внутренних социальных потрясений более значимую роль, естественно, приобретали внутренние функции, в то время как при ведении захватнических или оборонительных войн на первый план выступали его внешние функции.

Внутренние и внешние функции осуществлялись с помощью специально созданных для этого органов, составляющих государст-

венный аппарат или механизм рабовладельческого государства. Составными частями этого механизма являлись: армия, полиция, судебные органы, органы государственной власти, административный и управленческий аппарат. Вся рабовладельческая государственная машина была призвана обеспечить безраздельное господство и эксплуатацию одной частью общества — классом рабовладельцев другой — свободных неимущих и рабов, закрепить и обеспечить охрану существующего общественно-политического и экономического строя, частной собственности на важнейшие средства производства и рабов, служить средством вытеснения и отстранения свободных и полусвободных слоев населения от участия в политической жизни общества, в решении государственных и общественных дел.

Главную роль в процессе решения наиболее важных задач, стоящих перед рабовладельческим государством, играли армия, полиция, флот и другие вооруженные формирования господствующего класса. Они составляли основу рабовладельческого государственного механизма и выступали в качестве важнейших средств захвата и покорения других народов, защиты своей территории от нападения извне, а также в качестве орудий подавления и угнетения свободных неимущих и рабов.

На ранних стадиях развития рабовладельческого строя государственный аппарат отличался своей относительной простотой, неразвитостью и слабостью. На более поздних этапах государственный аппарат неуклонно разрастался и укреплялся. Это было связано прежде всего с возникновением и развитием новых отраслей экономики и всего хозяйства, усложнением социальной структуры рабовладельческого общества, обострением антагонистических и неантагонистических противоречий, с усилением сопротивления угнетенных масс. По мере развития рабовладельческого общества значительно разрастались и усиливались вооруженные формирования господствующего класса, расширялась и укреплялась судебная система, четче определялся круг должностных лиц, складывалась система органов власти и управления, а также иных институтов и учреждений, входящих в механизм рабовладельческого государства. В древних Афинах, например, в период их развития в V—IV вв. до н. э. государственный механизм формировался из таких органов власти, суда и управления, как Совет пятисот (була), народное собрание, выборные должностные лица, занимавшиеся военными делами (стратеги, гиппархи, филархи и др.), государственным управлением (архонты — до реформы Клисфена в 509 г. до н. э.), судебными делами (члены суда присяжных — Гелизи), делами религиозных культов и др.

Рабовладельческий государственный аппарат формировался строго по классовому принципу. Высшие посты в военно-бюрократическом механизме рабовладельческого государства занимали представители господствующего класса, знать. На низшие ступени госу-

дарственного механизма допускались также представители других классов и социальных слоев общества. Например, полицейские наряды в древних Афинах формировались исключительно из рабов.

Огромную роль в деятельности государственного механизма многих рабовладельческих государств (Вавилон, Египет, Рим и др.) играли жрецы. Обладая несравнимой по тому времени силой воздействия на умы и поведение людей, они нередко обожествляли царей, императоров и фараонов, создавали религиозный культ главы государства и тем самым значительно укрепляли рабовладельческий государственный строй. Наряду с военачальниками, государственными чиновниками и другими представителями господствующего класса жрецы занимали привилегированное положение в обществе и считались весьма почитаемыми людьми. Неприкосновенность их личности и имущества, святость сохраняемых ими религиозных обычаев и ритуалов зачастую закреплялась в законах и строго охранялась государством.

Что собой представляло рабовладельческое право?

В неразрывной связи и взаимодействии с рабовладельческим государством находилось право. Оно представляло собой совокупность общеобязательных норм или правил поведения, направленных на регулирование системы общественных отношений в интересах господствующего класса. Основными задачами рабовладельческого права являлись: закрепление частной собственности рабовладельцев на средства производства и рабов, закрепление рабовладельческого общественного и государственного строя, различных форм господства класса рабовладельцев, узаконение существовавшего социального неравенства между различными группами и слоями свободных людей.

Социально-классовый характер рабовладельческого права наиболее ярко проявлялся в таких важнейших для того времени нормативно-правовых актах, как законы Солона в Афинах и Сервия Тулия в Риме, подразделявшие свободных людей в зависимости от размеров их собственности на различные группы и категории; законы Ману в Индии, закреплявшие имущественное неравенство и делившие все население страны в зависимости от их положения в социальной структуре общества на касты (варны) и др.

Полное бесправие рабов и открытое социальное неравенство среди свободных закреплялось также в ряде таких правовых памятников эпохи рабовладения, какими были Законы Хаммурапи — в Древнем Вавилоне, Законы XII таблиц — в Древнем Риме, так называемая “Книга Законов” (Фацзин) — в Древнем Китае, законы Драконта — в Афинах, и др.

В соответствии с Законами Ману в Индии, например, существовало “семь разрядов рабов” — раб, “захваченный под знаменем, раб за содержание, рожденный в доме, купленный, подаренный, доставшийся по наследству и раб в силу наказания”. Однако все они являлись собственностью рабовладельцев и были в равной мере

бесправными. В имущественном отношении бесправными в Древней Индии были также члены семьи собственника. “Жена, сын и раб, — говорится в законах Ману, — трое считаются не имеющими собственности; чьи они, того и имущество, которое они приобретают”.

О полном бесправии и зависимости рабов от их владельцев свидетельствуют также Законы Хаммурапи, царя Вавилона, правившего страной в XVIII в. до н. э. “Если раб скажет своему господину: “Ты не мой господин”, — указывается в них, — тот должен изблечить его как своего раба, и затем его господин может отрезать ему ухо”. “Если человек, — говорится в Законах Хаммурапи, — выведет за городские ворота раба дворца, или рабыню дворца, или раба мушкенума (то есть неполноправно свободного человека), или рабыню мушкенума, то его должно убить”. Такая же кара, имевшая своей основной целью полное закрепление рабов как составной части собственности за рабовладельцами, ожидала всякого, кто присвоит себе чужого раба, кто “укроет в своем доме беглого раба или рабыню, принадлежащих дворцу или мушкенуму, и не выведет их на клич глашатая”, и в других случаях.

Наибольшее развитие рабовладельческое право вообще и отдельные его институты, такие, например, как институт частной собственности, наследования, займа, залога, купли-продажи, хранения, обмена и др., в особенности, получили в Древнем Риме¹. Основными формами или источниками римского права были обычаи, зародившиеся еще в недрах первобытнообщинного строя и получившие общеобязательный характер в условиях рабовладельческого общества. На первоначальных стадиях развития Римского государства и права (вплоть до V в. до н. э.) обычаи выступали как единственные источники права и практически мало чем отличались от многих религиозных и нравственных предписаний.

На более поздних стадиях развития государства и права в Древнем Риме широкое распространение получили законы, которые представляли собой, согласно толкованию римских юристов, “то, что народ римский одобрил и постановил”. Законы коренным образом отличались от “плебейских решений”, принимаемых и одобряемых плебсом. Плебс не входил в понятие “римский народ” и в силу этого не участвовал в принятии законов.

Среди других правовых актов Древнего Рима выделялись эдикты магистратов, то есть публичные объявления правил, которые подготавливались и обнародовались магистратами при вступлении в должность. Согласно институциям римского юриста II в. н. э. Гая эдикты представляли собой “постановления и предписания тех лиц, которые имеют право их издавать. Право же издавать эдикты предоставляется магистратам римского народа: самое важное значение, однако, в этом отношении имеют эдикты двух преторов —

¹ См.: Хаостов В. М. Система римского права. М., 1996.

городского и pereгринского, юрисдикция которых в провинциях принадлежит их наместникам... ”

Важное значение в системе источников римского права имели “ответы правоведов”, то есть “мнения и суждения юристов, которым позволено было устанавливать и творить право”; императорские конституции в виде декретов — решений императора по судебным делам, поступившим к нему на рассмотрение, мандатов — инструкций императора должностным лицам, эдиктов, издаваемых и широко обнародуемых наподобие эдиктов магистратов, решений императора, рескриптов — ответов императора на юридические вопросы частных и должностных лиц — магистратов¹. Эдикты и мандаты действовали лишь в период пребывания у власти императора, издавшего их. Декреты и рескрипты сохраняли свою юридическую силу независимо от смены того или иного императора.

Римское право, достигшее своего наибольшего развития в период процветания рабовладельческой частной собственности, торговли и ростовщичества, оказало в последующем значительное влияние на процесс формирования и развития в различных странах гражданского права.

§ 4. Феодалное государство и право. Социально-экономическая основа и сущность феодального государства

Феодальный тип государства и права исторически приходит на смену рабовладельческому типу. Он возникает двумя основными путями. Первый — это путь постепенного разложения рабовладельческого экономического и социально-политического строя и зарождения в его недрах зачатков феодального строя. Этот процесс происходил во всех рабовладельческих государствах и общественно-политических системах. Второй — это путь постепенного развития, а затем разложения первобытнообщинного строя и возникновения на его основе феодального строя. По этому пути, в частности, шло развитие государства и права у восточных и западных славян. Оно было связано с превращением старейшин рода, военных вождей, всей родовой знати в крупных собственников земли и скота. В результате захвата общинных земель и скота, а также разорения и закабаления своих сородичей, родовая знать постепенно превращалась в земельную аристократию, а эксплуатируемые соплеменники — в полностью зависимых от них крестьян.

Одновременно с процессом разложения первобытного общества шел процесс превращения органов родового строя в органы феодального государства: родового военачальника или вождя — в короля, совета старейшин (там, где он сохранялся) — в совет прибли-

¹ См.: Новицкий И. Б. Римское право. М., 1993. С. 11—32.

женных монарха, ополчения, состоящего из соплеменников — в постоянно действующую дружину или армию.

Несмотря на разнообразие путей возникновения феодального строя у различных народов, в целом этот процесс заключался в одном и том же. А именно, с одной стороны, он состоял в образовании крупного землевладения и превращении светской и духовной знати в класс феодалов, а с другой — в разложении сельской общины и превращении свободных крестьян-общинников и несвободных землевладельцев, оставшихся от прежней формации, в феодально-зависимых от крупных землевладельцев либо от государства крепостных крестьян. Последние, в отличие от рабов, полностью отделавшихся, согласно действующему рабовладельческому праву, от всех средств производства, хотя и лишались права собственности на землю, однако, имели свое небольшое хозяйство, обладали правом личной собственности на некоторые сельскохозяйственные орудия труда.

Не будучи собственником земли, крепостной крестьянин владел домом, сельскохозяйственными постройками, инвентарем, выступал как непосредственный производитель материальных благ и как зависимый от помещика землепользователь. Остатки вырабатываемой им продукции, за исключением той, которая присваивалась феодалами, поступали в его собственность. Это создавало определенную заинтересованность крепостного крестьянства в результатах своего труда, вело, по сравнению с трудом рабов, к росту его производительности, указывало на то, что феодальный способ производства, а вместе с ним и весь феодальный строй, является более эффективным, исторически прогрессивным по сравнению с рабовладельческим способом производства и рабовладельческим строем.

Феодальная собственность на землю составляла материальную основу взаимоотношений и крепостных крестьян, основу экономической зависимости последних от первых. Эксплуатация крестьян помещиками осуществлялась путем взимания с них феодальной ренты. Существовало три основных формы или разновидности ренты: отработочная рента (барщина), при которой крепостной крестьянин должен был отработать на феодала определенное количество дней в неделю; натуральная (натуральный оброк), при которой крестьянин должен был отдавать феодалу определенное количество производимой им сельскохозяйственной продукции, а ремесленник — продукции своего ремесла, и денежная рента (денежный оброк), согласно которой крестьянин или ремесленник должны были уплачивать феодалу определенную сумму денег. Нередко отработочная рента сочеталась с денежной или натуральной рентой. Так, в соответствии с Законником сербского короля Стефана Душана (1349—1354 гг.) феодально зависимые крестьяне (меропхи) наряду с платой по числу душ ("Как плату платят и работу работают, так и землю да держат") обязаны были нести и другие повинности. "Меропхам закон по всей земле, — говорится в Законнике. — В

неделю да работают два дня помещику и да дают ему в год царский перпер и безвозмездно да косят ему сено один день и (обрабатывают) виноградник один день, а кто не имеет виноградника, да выполнят они ему другие работы один день”.

Наряду с экономическими формами эксплуатации и принуждения крепостных крестьян и ремесленников большое значение имело также их внеэкономическое принуждение, зачастую выражавшееся в различных формах прямого насилия. Некоторые из этих форм были закреплены в законодательстве. Согласно, например, Законам кнута (англосаксонская Правда первой половины XI в.) с целью удержания подчиненных в повиновении король “перед всеми людьми в Уэссексе” наделялся такими прерогативами, как “объявление (человека) вне закона, вторжение в жилище, установление застав на дорогах...” и др.

В соответствии с Кутюмами Бовези (Франция, XIII в.) сеньор имел право “обращать навеки в крепостных вместе с их семейством” крестьян, уклонившихся “без уважительных причин” от военных походов, насильно заставляя платить “брачный выкуп” и др. “Личная крепостная зависимость создавалась многими путями”, — подчеркивалось в кутюмах Бовези. Помимо насильственного закрепощения “многие отдавали себя и потомков своих и имущество свое святым... облагал себя повинностями по своей доброй воле”, “побуждаемые великим благочестием”; продавали себя и свою семью, “впадши в бедность”; “отдавали себя в крепостную зависимость для того, чтобы оградить себя от других сеньоров или от вражды, некоторыми людьми к ним питаемой”. Кроме того, “есть и другие способы приобретения (крепостных), ибо существуют земли, которые имеют свойство делать людей не дворянского рода мужчин и женщин, в случае, если они проживут на них один год и один день, крепостными тех сеньоров, под власть которых они проживают”.

Таким образом, в условиях феодалного строя экономическое принуждение органически сочеталось с внеэкономическим, прямым принуждением крепостных. Без этого невозможна была бы прочная власть феодалов.

Для удержания своего господства, “для сохранения своей власти, — отмечалось в связи с этим в литературе, — помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинение ему огромное количество людей, подчинил их известным законам, правилам — и все эти законы сводились в основном к одному — удерживать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство...”¹

В качестве политической организации господствующего класса феодалов-крепостников это государство было призвано осуществлять роль орудия подавления и угнетения масс — крепостных крестьян и ремесленников, охранять частную собственность фео-

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 39. С. 77.

далов на землю, служить в качестве одного из важнейших средств сохранения и укрепления их экономического и социально-политического господства. Социальную сущность феодального государства составляла, таким образом, ничем не ограниченная власть класса феодалов.

Какowymi были основные функции и механизм феодального государства?

Выполняя волю и интересы господствующего класса феодалов, крепостническое государство осуществляло ряд **внутренних и внешних функций**. Внутренние функции состояли в удержании крепостных крестьян в полной зависимости и подчинении классу феодалов; в закреплении и охране феодальной собственности на землю и другие средства производства; в идеологической обработке и духовном подавлении трудящихся масс; в организации и консолидации сил класса феодалов и регулировании отношений внутри господствующего класса; в создании наиболее благоприятных условий для осуществления господства и эксплуатации крепостных крестьян и ремесленников и других слоев населения.

Строгая иерархическая структура земельной собственности и производная от нее иерархическая система общественно-политической надстройки, вассальной зависимости одних, менее могущественных феодалов от других, более могущественных, позволяли феодальному государству даже при отсутствии строгой централизации обеспечивать охрану существующего экономического и социально-политического строя, сохранять социально-классовую солидарность нередко противоборствующих друг с другом феодалов, держать в повиновении и подавлять сопротивление огромной массы крепостных крестьян. Этому же в значительной степени способствовало почти безраздельное господство в духовной сфере жизни феодального общества церкви, осуществлявшей на протяжении многих веков управление образованием и культурой.

Внешние функции феодального государства соответствовали внешнеполитическому курсу господствующего класса, отражали характер его активности на международной арене, выступали как основные направления деятельности феодального государства во внешней среде. Эти функции состояли в захвате и ограблении чужих территорий, в установлении и поддержании торгово-экономических связей с другими государствами, а также в защите своей территории от нападения извне.

Действовавшее право, особенно в раннефеодальный период, практически не ограничивало феодалов в вопросах ведения захватнических войн и присоединения чужих территорий. При подготовке и ведении войн каждый феодал опирался на помощь, получаемую от своих вассалов в виде живой силы, денег или оружия. В целях предотвращения распрей в войске во время походов или дележе захваченной добычи Законник Стефана Душана особо предусматривал, например, что "в войске (на походе) да не бывает ссоры.

Если же двое поссорятся, да бьются они, а иной никто из воинов да не помогает им” и что “всяк да волен купить из военной добычи, приобретена ли она на царской (сербской) или в чужой земле”.

Становление и развитие феодального строя, переход его от одной стадии к другой соответственно отражался на функциях феодального государства и на характере его деятельности. В раннефеодальный период на стадии зарождения и формирования феодализма государство функционировало как средство формирования и утверждения феодального типа собственности, захвата чужих территорий и подавления сопротивления крепостных крестьян. В более поздний период — на стадии развитого феодализма государство направляло основные свои усилия на закрепление сложившегося способа производства, на охрану феодальной частной собственности, на ее приумножение путем ограбления других народов, на создание благоприятных условий для эксплуатации ремесленников и крепостных крестьян. И, наконец, в позднефеодальный период — на стадии разложения феодализма и появления зачатков капитализма, феодальное государство использовало все находящиеся в его распоряжении средства для задержания объективного процесса распада существующего экономического и социально-политического строя, для сохранения феодального способа производства и поддержания сложившейся системы эксплуатации.

Внутренние и внешние функции феодального государства осуществлялись с помощью органов, составляющих **государственный механизм**. Важнейшими составными частями его являлись армия, феодальные дружины, полиция, жандармерия, военно-административный и судебный аппарат. Характерной чертой феодального государства было объединение в одних руках земельной собственности и политической власти, аппарата управления хозяйством и отправления административных, фискальных, полицейских и судебных функций.

Сложный, непрерывно разраставшийся по мере развития феодального общества государственный механизм содержался за счет огромных налогов, различного рода штрафов, податей и пошлин, налагавшихся на ремесленников, городских жителей, за счет нещадной эксплуатации крепостных крестьян. Именно на них, по словам Энгельса, “ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры”.

Исключительно важную роль в период существования феодального государства играла церковь¹. Ее власть нередко приравнивалась к власти императора или короля. “Два меча предоставил бог земному царству для защиты христианства, — говорится, например, в связи с этим в памятнике феодального права Германии первой половины XIII века под названием “Саксонское зеркало”. —

¹ О роли религии см.: Основы религиоведения / Под ред. И. Н. Яблокова. М., 1994. С. 67—71.

Папе — духовный, императору — светский... Это значит: кто противится папе и не может быть принужден церковным судом, того император обязан принудить при помощи светского суда, чтобы был послушен папе. Точно так же и духовная власть должна помогать светскому суду, если он в этом нуждается".

Церковь обладала огромными экономическими и идеологическими средствами воздействия на образ мыслей и поведение людей. Она всячески насаждала и защищала религиозное мировоззрение, освящала феодальный строй, вела беспощадную борьбу со всякого рода отступлениями от церковных канонов и догматов — ересями. Борьба с ересями находила широкое отражение в феодальном праве. "И кто окажется еретиком, живи между христианами, — указывалось, в частности, в Законнике Стефана Душана, — да пожжется по лицу (заклеймится) и да изгонится. Кто не будет таить, и тот да заклеймится". "Если кто-либо приписывает Богу то, что ему не подобает, — говорилось в "Каролине", — или в своих речах отрицает то, что ему присуще, либо оскорбляет всемогущество Божье или Святой его матери Девы Марии, то он должен быть взят властями или судьей по долгу службы и посажен в тюрьму и подвергнут затем смертной казни, телесным или увечным наказаниям соответственно обстоятельствам и характеру богохульства и положению совершившего его лица".

Церковь подчиняла себе и держала под неусыпным контролем духовную жизнь миллионов людей, оказывала политическое и иное давление на глав государств, княжеств и правителей крупных областей путем угрозы отлучения их от церкви или запрета богослужения на управляемых ими территориях. В условиях раздробленности феодальных государств Европы церковь, обладая мощной, широко разветвленной организацией, выступала как сила, соединяющая воедино феодальное общество, его правящие круги.

Не случайно поэтому в политически важных законодательных актах и других документах того времени месту и роли церкви в жизни общества и его политической системе уделялось особое внимание. В качестве примера можно сослаться на "Великую хартию вольностей" (1215 г.) — один из основополагающих законов Англии, где говорится о подтверждении "Иоаном, Божьей милостью королем Англии" "за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целостности и своими вольностями неприкосновенными..."¹. Можно сослаться и на аналогичные акты и других стран.

Что собой представляло феодальное право?

Феодальное право выражало волю и интересы феодалов, обусловленные в конечном счете материальными условиями жизнедеятельности этого класса. Его основные задачи заключались в

¹ Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М., 1918. С. 68.

юридическом оформлении и закреплении феодальной собственности на землю и другие средства производства, в закреплении сложившейся системы эксплуатации и поддержания порядка, выгодного господствующему классу, в регулировании системы иерархических отношений, существовавших внутри господствующего класса, в обеспечении экономического, политического и духовного господства феодалов, в охране феодальной собственности и власти.

Опираясь на действующее право, господствующий класс жестоко подавлял любые попытки сопротивления своему господству, восстания, бунты, стихийные или организованные выступления против угнетения и насилия со стороны феодалов. "Если кто-либо в стране, городе, владении или области, — говорилось в связи с этим в "Каролине" — общеимперском законе Германии, принятом в 1532 году, — умышленно учинит опасный бунт простого народа против власти и это будет обнаружено, то соответственно тяжести и обстоятельствам его преступления он будет подлежать путем отсечения головы или сечению розгами и изгнанию из страны, края, судебной области, города или места, где он возбудил бунт".

Характерные черты и особенности феодального права заключались прежде всего в том, что оно носило ярко выраженный **сословный характер**, открыто закрепляло экономическое и социально-политическое неравенство в обществе, выступало как право — привилегия класса феодалов. Члены общества наделялись правами и свободами в зависимости от того, какое место в феодальной иерархии они занимали.

Привилегированным сословием являлись духовенство и дворяне. Значительно ограничивались в правах горожане. Лишены были своих элементарных прав, за исключением права иметь в своем владении домашний скот и инвентарь, необходимый для работы на феодалов, крестьяне. Они полностью выпадали из феодальной иерархии и фактически являлись бесправным сословием. "Следует знать, — говорилось, например, в Кутюмах Бовези, — что людям нашего века известны три состояния. Первое — это знатное. Второе — состояние свободных по происхождению людей, рожденных свободной матерью" и "третье состояние людей — крепостное".

"Между правами дворян и других свободных людей существует большая разница, так как дворянами называют тех, которые по прямой линии происходят от королей, герцогов, графов и рыцарей". Крепостные, будучи в целом зависимы от своих сеньоров (феодалов), тоже находились, согласно Кутюмам Бовези, в неодинаковом положении. "Ибо одни из крепостных так подчинены своим сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют (над ними) право жизни и смерти, могут держать их в заключении как им будет угодно — за вину или без вины — и ни перед кем не несут за них ответственности, кроме как перед Богом. С другими обращаются более мягко, ибо при их жизни сеньоры не могут ничего от них требовать, если только они не провинятся, кро-

ме их чинушей, рент и повинностей, обычно платимых ими за их крепостное состояние”.

Феодальное право неизменно выступало как право более сильного над менее сильным, как “**кулачное право**”. Оно оставляло широкий простор для произвола со стороны класса феодалов над крепостными крестьянами, практически не предусматривало никаких преград на пути угнетения и эксплуатации трудящихся масс. Феодальное право в открытой форме признавало в качестве источника права прямое насилие, поощряло захват чужих территорий, закрепляло и оправдывало внеэкономическое принуждение крепостного крестьянства.

Существование кулачного права не ограничивается историческими рамками феодализма. Оно в значительной мере сохраняет свою силу и в последующий период.

Характерной особенностью феодального права был партикуляризм, то есть, отсутствие единой системы права в масштабе всей страны и преобладание в нем местных обычаев и актов отдельных феодалов, раздробленный характер права. Феодальное право не знало деления на отрасли и институты права. Составными его частями были крепостное право, обеспечивавшее полное подчинение крепостных крестьян феодалам; городское право, закреплявшее правовой статус купечества, ремесленников и других слоев городского населения; каноническое, церковное право, занимавшее значительное место в системе феодального права и регулировавшее отношения не только между служителями церкви, но и между остальными членами феодального общества, и др.

Роль канонического права была велика особенно в тех странах, где господствующая религия возводилась в ранг государственной. Творцами канонического права были служители религиозных культов. Римско-католическая церковь, например, наделяла полномочиями творить право “на земле” Римского Папу. Большую роль в процессе создания и применения канонического права играли также высшие церковные сановники — кардиналы, церковные соборы, созывавшиеся папами, как правило, из высших представителей духовенства для решения наиболее важных и зачастую спорных религиозных вопросов, и религиозные трибуналы. Новый и Ветхий Заветы, отдельные институты римского права, религиозные догматы и учения (Учения двенадцати апостолов и др.). Широко используя каноническое право, церковь стремилась решать не только “небесные”, но и мирские дела. Наиболее распространенными рычагами ее воздействия были индульгенции — отпущения мирских грехов, интердикты — запреты на проведение богослужений в непокорных областях, а иногда и государствах, отлучения от церкви, ставившие преступивших религиозные каноны лиц вне церковного лона и обрекавшие их души “на вечные мучения”, и др.

Наряду с каноническим правом большую роль в жизни различных слоев феодального общества играли также **городское и крепостное право**.

По мере развития феодального общества, сопровождавшегося ростом товарно-денежных отношений, феодальное право отличалось все большим восприятием основных положений римского права (рецепция). Римское право содержало в себе ряд готовых, проверенных на практике институтов и норм, регулировавших товарно-денежные отношения.

Наибольшее распространение рецепция римского права получила в правовых системах Германии, Франции, Италии и других стран. Так, например, в раннефеодальном памятнике права под названием "Салическая правда" (Франкское государство, рубеж V—VI вв.) довольно обстоятельно говорилось о таких правовых институтах, как имущественное право, обязательственное право, выкуп, заем и др. "Если кто свободный или нет, — говорилось, в частности, в разделе "Об обязательстве", — даст другому обязательство, тот, кому дано обязательство, по истечении 40 ночей или установленного между ними срока должен явиться к его дому в сопровождении свидетелей и с тем, кому надлежит произвести оценку имущества. И если должник не пожелает выплатить по обязательству, он, сверх обозначенного в обязательстве долга, присуждается к уплате 15 сол". И дальше: "Но если он будет упорно отказываться от уплаты по обязательству, кредитор должен призвать его на суд...¹

Аналогичные положения, свидетельствующие о влиянии римского права на феодальное, содержатся и в других актах раннефеодального периода и более позднего права.

Феодальное право отличалось большим разнообразием форм. В силу застойного характера общества преобладающей формой феодального права вплоть до периода абсолютизма был **обычай**. В условиях раздробленности стран на отдельные княжества, герцогства и т. п. феодальное право состояло большей частью из местных обычаев и велений отдельных феодалов. В феодальном праве Франции насчитывалось, например, более 3000 систем местного обычного права (кутюмов).

Широкую известность приобрели, в частности, Великие кутюмы Нормандии (1275 г.), Кутюмы Бовези, представлявшие собой собрание сложившихся обычаев в графстве Бове (северо-восточная часть Франции) и другие правовые обычаи. С их помощью регулировались самые разнообразные общественные отношения, касающиеся власти суверена (короля), сеньора (барона, графа), положения крепостных крестьян, городских коммун, различных судебных инстанций, порядка наследования имущества различными сословиями, применения доказательств в уголовном и гражданском процессах, и др. Примечательным является то, что в некоторых кутюмах с целью поднятия их авторитета и повышения действенности содержится сравнительная оценка собранных в них обычаев. "Наш

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. С. 82—83.

обычай”, — говорится, например, в Кутюмах Бовези, — более мягок в отношении к крепостным, нежели во многих других странах, ибо во многих других странах сеньоры могут распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных, когда и как им угодно, а также принуждать их вечно жить на своих землях. В Бовези же с ними обращаются более человечно, ибо при условии уплаты своим сеньорам положенных обычаем ренты и специального налога, собираемого с каждой семьи, они могут идти служить и вне юрисдикции своих сеньоров”.

Большое значение для развития феодального права имели частные **сборники обычаев** и описания судебной практики (например, сборник обычаев Бовуази — во Франции, Саксонское и Швабское Зерцало — в Германии), договоры между отдельными феодалами, между королями и феодалами, между городами и феодалами и т. п.

В качестве одного из наиболее ярких примеров установления и поддержания договорных отношений внутри господствующего класса феодалов может служить упоминавшаяся уже Великая Хартия вольностей (*Magna Charta*). Она была принята в 1215 году и отражала борьбу основных социальных группировок, борьбу английских феодалов в начале XIII в. против королевской власти за расширение своих прав и привилегий. Хартия содержала ряд статей, определявших характер новых вассальных отношений, устанавливавшихся между королем и английскими баронами: “Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или другое свободное содержание, чем та, какая следует с него”; ограничивавших судебную власть, финансовые и некоторые другие права короля: “Ни мы, ни наши чиновники не будем захватывать ни земли, ни дохода с нее за долг, пока подвижности должника достаточно для уплаты долга...”, “ни щитовые деньги, ни пособие не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего, если это не для выкупа нашего из плена и не для возведения в рыцари первородного сына нашего и не для выдачи первым браком замуж дочери нашей первородной, и для этого должно выдать лишь умеренное пособие...”

Важной особенностью Великой Хартии вольностей было то, что она не только ограничивала власть короля, но и устанавливала контроль (в лице комитета из 25 баронов) за соблюдением содержащихся в Хартии положений. Для того, чтобы всеми “пожалованными” со стороны короля правами и привилегиями бароны “пользовались прочно... и нерушимо на вечные времена, — говорится в связи с этим в ст. 61 Хартии, — создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей Хартией нашей подтвердили...”

На более поздних стадиях развития феодального общества и в особенности в период абсолютизма широкое распространение получили **писанные законы** (царские указы, королевские ордонансы и т. п.), **сборники** уголовного и уголовно-процессуального законодательства (например, Соборное уложение 1649 г. — в России), **кодексы законов** (например, кодекс законов Германии, названный по имени императора Карла V "Каролиной"), и другие виды нормативно-правовых актов. Несмотря на разнообразие форм выражения и проявления, феодальное право неизменно оставалось на всех этапах своего развития одним из важнейших средств проведения в жизнь воли и интересов господствующего класса феодалов. В этом заключается его социально-классовая сущность и назначение.

§ 5. Капиталистическое государство и право. Социально-экономическая основа и сущность капиталистического государства

На исторической арене капиталистическое государство и право появились в результате буржуазных революций, покончивших с феодальным экономическим и социально-политическим строем. Объективные и субъективные предпосылки буржуазных революций создавались в недрах феодального общества. На стадии зрелости и заката феодальной общественно-экономической формации весьма быстро складывались капиталистические производственные отношения и вместе с тем усиливались социально-экономические и политические противоречия между исторически восходящим классом буржуазии и продолжавшим удерживать политическую власть классом феодалов.

После победы буржуазной революции, завершившейся коренной ломкой феодальных производственных отношений, захватом политической власти буржуазией и широким использованием ею модернизированного, применительно к новым условиям, феодального государственного механизма, установилось соответствие политической структуры нарождающегося буржуазного общества его экономической структуре. Это убедительно было доказано буржуазно-демократическими революциями в Англии, Франции и других странах, в результате которых буржуазия стала не только экономически, но и политически господствующим классом.

Экономической основой буржуазного государства с момента его появления стала капиталистическая система хозяйствования и частная собственность на наиболее важные орудия труда и средства производства. Частная собственность объявлялась священной и неприкосновенной. На ее охрану и защиту было направлено в конечном счете все конституционное и текущее законодательство.

Такое же положение сохраняется и при современном капитализме. "Собственность и право наследования, — говорится в связи

с этим, например, в Основном законе (Конституции) ФРГ от 23 мая 1949 г. — гарантируется. Содержание и пределы их устанавливаются законами... Отчуждение может производиться только согласно закону и на основании закона, регулирующего порядок и размеры возмещения”.

Кроме права собственности важнейшими “материальными” признаками капитализма, составляющими экономическую основу этого строя, в западной политической и социологической литературе называются следующие. Наличие конкуренции, “осуществляемой прежде всего ради получения прибыли собственниками”. Содействие техническому и технологическому прогрессам. Развитие узкой специализации, особенно в сфере финансовых операций. Рост мощных национальных и транснациональных корпораций. Периодическое возникновение экономических спадов (депрессий). Осуществление правительством лишь частичного контроля над частным сектором. Возникновение и развитие сильных рабочих организаций, “обеспечивающих повышение статуса и влияния рабочего класса” и др.¹

Частная собственность, обладание ею является основой, мериллом экономической свободы при капитализме. В свою очередь, экономическая свобода служит фундаментом политической, социальной и личной свободы человека. Чем больше собственности в руках того или иного лица или группы лиц, тем больше гарантируется осуществление провозглашаемых в конституциях и обычных законах их прав и свобод, включая право на труд, на отдых, на образование и др. И наоборот.

Примечательны в этом отношении выводы известного германского ученого, знатока буржуазного конституционного права Конрада Хессе. В книге “Основы конституционного права ФРГ”, выдержавшей более десяти изданий, он писал: “Для безработного постановка вопроса о профессиональной свободе является бесполезной. Свобода получения образования и свободный выбор учебного заведения значимы для тех, кто обладает достаточными средствами для того, чтобы получить желаемое образование, и кто имеет возможность поступления в эти учебные заведения. Гарантии права собственности имеют реальное значение лишь для собственников, неприкосновенность жилища — лишь для тех, кто им обладает”².

Основным источником появления и последующего накопления собственности является трудовая деятельность, а также эксплуатация человека человеком, угнетение широких слоев трудящихся масс со стороны господствующих слоев, хищническое присвоение ими результатов чужого труда.

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. P. 32.

² Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 112.

Важным источником частной и государственной капиталистической собственности является национализация, а затем денационализация нерентабельных предприятий и даже отдельных отраслей промышленности, требующих для своего развития значительных и долгосрочных капиталовложений. По мере того, как национализированные предприятия или отрасли набирают силу за счет государственных средств и начинают приносить доход, власть имущие нередко ставят вопрос о возвращении их в частные руки, о денационализации.

Наметившаяся после Второй мировой войны тенденция роста масштабов огосударствления производства в развитых капиталистических странах ведет, как правило, к усилению процесса концентрации собственности и власти в руках финансово-промышленного капитала, к поляризации отношений собственности, к обострению противоречий между широкими слоями трудящихся масс и обладателями огромных капиталов.

Социальная структура буржуазного общества, на основе которой строится и функционирует капиталистическое государство независимо от этапов его развития, в укрупненном плане представляется обычно как совокупность двух основных, по природе несовместимых друг с другом классов — буржуазии и пролетариата.

Однако в более детализированном виде она выступает одновременно и как система входящих в него промежуточных слоев населения, обладающих своими особенностями. К таковым относятся социальная прослойка — интеллигенция, а также множественность различных внутриклассовых групп. Довольно значительную часть населения составляют так называемые полупролетарии, то есть лица, являющиеся, с одной стороны, объектом эксплуатации и наемного труда, а с другой — сами использующие чужой труд на принадлежащих им на праве частной собственности мелких предприятиях. В западной социологической и политологической литературе социальная структура общества традиционно рассматривается как некое целое, состоящее из следующих трех основных частей-классов: высший, средний и низший (рабочий). Каждый класс включает в себя всех тех лиц, которые обладают относительно равным уровнем дохода, имеют одинаковый социальный статус, пользуются в обществе сходным социальным престижем.

Высший класс или "класс досуга" (leisure class), как его нередко называют, состоит из тех представителей общества, которые сосредоточивают в своих руках огромные богатства страны, имеют самый высокий доход, не занимаясь при этом непосредственно каким бы то ни было производительным трудом. Материальной основой такого "привилегированного положения могут быть полученное наследство, дивиденды от земельной или иной собственности, специальные привилегии"¹.

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. P. 175.

Средний класс включает в себя лиц со средним доходом. В их числе: мелкие и средние собственники (буржуа), мелкие бизнесмены, ученые "с достойным доходом", высокооплачиваемые чиновники, преуспевающие фермеры и др.¹

Наконец, низший или "рабочий класс" состоит из таких групп населения, которые обладают весьма низким социальным статусом, низкими доходами и соответствующими им жизненными условиями².

В социальной структуре общества, как и в государственном механизме доминирующее положение неизменно занимает высший класс. Именно он определяет характер и природу своего государства, его внутреннюю и внешнюю политику, основные направления его деятельности.

Для осуществления своей власти высший класс создает целую систему различных социально-политических институтов в виде политических партий, государства, общественных организаций. Главное место среди них занимает государство.

Среди всех других институтов капиталистическое государство выделяется, во-первых, наличием у него таких важных средств властвования, как огромная вооруженная армия, разведка, контрразведка, полиция, тюрьмы, жандармерия. Они придают реальную силу господствующей элите. Без них практически было бы невозможно осуществление экономической и политической власти этого класса, составляющего меньшинство общества, над подавляющим большинством.

Во-вторых, к числу специфических черт и особенностей, свойственных капиталистическому государству, следует отнести обладание им такими мощными экономическими, политическими, идеологическими и правовыми рычагами воздействия на систему общественных отношений и институтов, которые позволяют ему занимать в структуре политической системы буржуазного общества одно из главнейших, ведущих мест³.

По мере того, как возрастают экономические, политические, идеологические и иные потенции этого государства во всех сферах жизни общества, в частности, в сфере производства, распределения и потребления материальных и духовных благ, оно все больше превращается в важнейший экономический фактор, выступает в роли крупной экономической и социально-политической силы. Сосредоточивая в своих руках помимо государственного бюджета огромное количество промышленных, транспортных и других производственных предприятий, а также широкую сеть торговых, кредитных, научно-исследовательских и иных учреждений, капитали-

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. P. 193.

² Ibid. P. 340.

³ MacCormick N. Beyond the Sovereign State // The Modern Law Review. 1993. T. 1.

стическое государство в настоящее время выступает в политической и экономической системе общества одновременно в качестве крупного производителя, покупателя и потребителя, в качестве собственника материальных и духовных благ и средств, крупного банкира и кредитора, в качестве монополиста производимых им товаров и оказываемых его соответствующими органами различных социальных услуг.

В-третьих, специфической чертой и особенностью капиталистического государства является его способность выступать по отношению к различным фракциям господствующего класса и их организациям в качестве так называемого "совокупного капиталиста", исходящего в своей повседневной деятельности не из интересов и непосредственных целей отдельных капиталистов или монополий, а руководствующегося их "суммарными" целями и интересами.

На государство как на "идеального совокупного капиталиста" возлагаются такие разнообразные по своему характеру, но одинаковые по своей социально-классовой сути и содержанию задачи, как: а) "нивелировка", сглаживание внутриклассовых противоречий и различий, существующих между различными частями господствующего класса — буржуазии; б) сведение разрозненных, а зачастую противоречащих друг другу интересов различных фракций буржуазии к некоему общему знаменателю; в) в определении общих, стратегических целей и перспектив дальнейшего развития господствующего класса и его ближайших союзников; г) обеспечение с помощью всех находящихся в распоряжении государства средств непрерывного развития капиталистической экономики, укрепления и дальнейшего совершенствования политической системы общества, повышение эффективности официальной идеологии и др.

Что собой представляет **буржуазное право**?

В неразрывной связи с капиталистическим государством находится право. Оно представляет собой систему общеобязательных норм или правил поведения, выражающих прежде всего волю и интересы господствующих кругов.

Выступая в качестве важнейшего рычага или средства воздействия государства на общественные отношения и институты, право служит укреплению базиса капиталистического общества, закреплению системы использования наемного труда, освящению и утверждению капиталистического общественного и государственного строя. С помощью права господствующий класс закрепляет частно-капиталистическую систему хозяйства, защищает свою власть от посягательств со стороны других классов, обеспечивает свое экономическое и социально-политическое господство.

Буржуазное право ставит превыше всего и охраняет капиталистическую собственность на землю, недра, водные ресурсы, основные орудия труда и средства производства. Об этом свидетельствуют многочисленные нормативно-правовые акты, принятые в

различных странах на разных этапах развития капитализма. Так, еще в Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции 29 августа 1789 года, говорилось о том, что право собственности наряду с другими правами и свободами выступает как одно из "естественных и неотъемлемых прав человека", что "собственность есть право неприкосновенное и священное" и что "никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения".

Буржуазное право в отличие от феодального отвергает деление общества на сословия и все связанные с ними привилегии. На место ленного, церковного и иного подразделения феодального права в условиях капитализма появляется частное и публичное право. **Частное право**, вбирающее в себя такие отрасли права как гражданское, семейное, торговое и другие, направлено на регулирование общественных отношений, отражающих и обеспечивающих частные интересы индивидуальных собственников или отдельных объединений. **Публичное право**, складывающееся из конституционного, административного, уголовного, бюджетно-налогового и других отраслей права, регулирует отношения, обеспечивающие общеклассовые (публичные) интересы буржуазии, трактуемые нередко как общегосударственные, общенациональные и им подобные интересы¹.

Основными формами или источниками буржуазного права являются: законы, нормативные акты (правительственные декреты, ведомственные приказы, решения, постановления, инструкции и т. п.), издаваемые исполнительными государственными органами, правовые договоры, правовые обычаи и прецеденты.

Законы представляют собой нормативно-правовые акты, принятые высшими органами государственной власти (конгрессом — в США, парламентом — в Великобритании, Национальным собранием — во Франции, Бундестагом — в Германии и т. п.) или путем проведения референдумов и направленные на регулирование наиболее важных общественных отношений. Среди законов, подразделяющихся на конституционные и обыкновенные, особо выделяются первые. Основные причины такого выделения заключаются в следующем. Во-первых, конституционные акты выступают не только как сугубо юридические, но и как политические и идеологические документы. Конституции капиталистических государств отражают и закрепляют сложившееся в обществе соотношение сил, а также характер взаимоотношений, выражающих интересы общественно-политических институтов.

Во-вторых, конституции закрепляют, создают политико-правовые гарантии и охраняют экономическую, социально-политиче-

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995.

скую и духовную власть господствующих кругов, привилегированное положение общественно-политических институтов капитала.

В-третьих, буржуазные конституции и развивающиеся основные конституционные положения текущее законодательство фиксируют структуру политической системы капиталистического общества, ее экономические, социально-политические и идеологические основы, наиболее важные принципы организации и деятельности политической системы.

В-четвертых, конституции капиталистических государств призваны способствовать последовательному упорядочению и развитию системы организаций буржуазии, повышению их роли и эффективности. Закрепляя систему сложившихся в обществе экономических, социально-политических и иных отношений, государственный и общественный строй, конституции буржуазных государств тем самым должны создавать определенные предпосылки не только для стабилизации внутриклассовых (между различными фракциями господствующего класса), но и в известной мере межклассовых взаимосвязей, для последующего развития опосредствованных ими общественно-политических институтов.

Значительное место в системе источников буржуазного права занимают в настоящее время **нормативные акты**, издаваемые или санкционируемые различными органами исполнительной власти. Данное явление, наблюдающееся во всех без исключения высокоразвитых капиталистических странах, отражает процесс значительного усиления в последние десятилетия исполнительной власти и относительного ослабления, утраты своего первоначального конституционного назначения законодательной власти. Высшие органы государственной власти, обладающие исключительным правом на издание законов, нередко передают в порядке уступки часть своих законодательных полномочий правительству, благословляя тем самым его на принятие актов, фактически имеющих силу закона. Передача законодательных полномочий центральному исполнительному органу в лице правительства или другим исполнительным органам получила название "**делеги́рование**". А совокупность актов, изданных в порядке реализации исполнительными органами новых, законодательных функций получила название **делеги́рованного законодательства**.

Делегирование законодательства может осуществляться формально-юридическим или фактическим путем. В первом случае издается специальный закон о передаче определенных законодательных полномочий от парламента к правительству, а во втором — законодательные полномочия к исполнительным органам переходят без принятия каких бы то ни было уполномочивающих актов. В конституциях некоторых капиталистических государств, принятых в послевоенный период, содержатся специальные статьи, предусматривающие возможность делегирования законодательства. В качестве примера может служить конституция Испании 1978 г.,

прямо предусматривающая в ст. 82, что "Генеральные Кортесы могут передавать правительству полномочия принимать акты, имеющие силу закона" и что "законодательная делегация должна быть представлена специальным уполномочивающим законом, когда речь идет о выработке детализированных актов, и простым законом, когда речь идет о переработке нескольких текстов в один".

Практика делегирования законодательства, как правило, уменьшает роль представительных органов в области правотворчества. Она находится в явном противоречии с провозглашенными буржуазией на ранних стадиях развития капитализма демократическими принципами парламентаризма и конституционализма.

Наряду с названными формами или источниками буржуазного права важное значение имеет **прецедент**. Будучи известен еще рабовладельческому праву, прецедент представляет собой определенное действие или решение вопроса, которое впоследствии, при аналогичных обстоятельствах, рассматривается как некий эталон, образец¹.

Прецеденты подразделяются на административные и судебные. Последние выступают в виде судебных решений, рассматриваемых как обязательные образцы при вынесении последующих решений по аналогичным делам судами одних и тех же или более низких инстанций. Наибольшее распространение судебный прецедент как источник права нашел в правовых системах Англии, Австралии, Канады, США и ряда других стран.

§ 6. Социалистическое государство и право

Теоретические основы социалистического государства и права были заложены в трудах основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса и развиты в произведениях В. И. Ленина, а также в документах коммунистических партий и научных исследованиях ученых, стоящих на марксистско-ленинских позициях.

С момента своего зарождения марксистское учение о государстве и праве вообще и о социалистическом государстве и праве в особенности подвергалось резким нападкам и критике со стороны представителей различных политических течений и идеологий. Подвергается оно им и в настоящее время. Это вполне естественно и понятно, если исходить из многократно подтвержденного жизненного тезиса о том, что любое учение о государстве и праве всегда отражает определенные, нередко весьма противоречивые политические взгляды и интересы, а также несовместимые друг с другом политические ценности и амбиции².

¹ См.: Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985.

² На критике марксизма и "советизма" выросли целые поколения западных "советологов" и "кремленологов". Функционируют многочисленные специализированные институты и их филиалы. Издаются книги и журналы. Одним из таких изданий был журнал "Проблемы коммунизма", выходящий в настоящее время под названием "Проблемы посткоммунизма" ("Problems of Post-Communism").

Марксистское учение о социалистическом государстве и праве в отличие от других учений и доктрин практически не было полностью реализовано ни в одном из ранее существовавших или ныне существующих государств. В СССР и во многих других странах, называвших себя социалистическими, предпринимались попытки реализации идеи социалистического государства и права. Однако в силу многих объективных и субъективных причин они оказались безуспешными. Вместо социалистического государства и права, какими они представлялись в марксистской доктрине, были созданы их суррогаты, псевдомарксистские институты государства и права.

Марксисты всех оттенков и направлений говорят о научности и прогрессивности развиваемых ими идей о социалистическом государстве и праве. Их политические и идеологические оппоненты, естественно, утверждают обратное.

Однако, независимо от оценок и подходов к изучению марксистского учения о социалистическом государстве и праве, основные его постулаты и исходные положения остаются следующими.

Первое. Социалистическое государство и право, согласно марксистской теории, возникают **не эволюционным путем**, путем постепенного перерастания буржуазного государства в социалистическое, а **путем** совершения социалистической **революции**. Ближайшей целью коммунистов, говорилось в "Манифесте Коммунистической партии", является "ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти". А "первым шагом в рабочей революции" является "превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии"¹.

В работах классиков марксизма-ленинизма обстоятельно разработана теория социалистической революции — ее цели, формы осуществления, основные направления, методы. Еще в ранних произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса развивались, например, идеи о необходимости соблюдения последовательности и непрерывности социалистической революции. Наши интересы и наши задачи, писали они, заключаются в том, "чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти"².

В более их поздних работах проводилась мысль о необходимости использования в процессе осуществления социалистической революции различных — мирной и немирной — форм. Восстание было бы безумием там, доказывал, в частности, Ф. Энгельс, "где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем". И далее: Мы, "ниспровергатели", гораздо больше "преуспева-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 437, 438, 444.

² Там же. Т. 7. С. 261.

ем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота"¹.

Используя марксистский тезис о непрерывности революции, В. И. Ленин разработал доктрину о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. "От революции демократической, — писал он, — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию"².

Второе. Важной закономерностью и одновременно предпосылкой становления и развития социалистического государства и права, согласно марксистской доктрине, является **слом старой государственной машины, уничтожение буржуазного государственного аппарата.**

Все перевороты, писал в связи с этим К. Маркс, лишь усовершенствовали старую государственную машину "вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе"³.

Развивая эту мысль, В. И. Ленин убеждал, что "революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он **разбил эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины**"⁴.

На вопрос, как это сделать и все ли в старом государственном аппарате нужно разбивать, Ленин отвечал, что к слову старого, буржуазного аппарата нужно подходить строго дифференцированно, разнопланово. Дело в том, что в каждом буржуазном государстве, наряду с преимущественно-угнетательскими органами и институтами в виде армии, полиции, жандармерии и пр., которые подлежат немедленному слому, есть также такие органы, которые связаны с банками и синдикатами, выполняют учетно-регистрационные функции. "Этого аппарата разбивать нельзя и не надо"⁵.

Третье. Сущностью нового государства, функционирующего в переходный от капитализма к социализму период, является **диктатура пролетариата.** Данному положению в марксистской теории придается настолько важное, принципиальное значение, что с ним напрямую связывают принадлежность к марксизму или оппортунизму.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17 С. 635; Т. 22. С. 546.

² Ленин В. И. Указ. соч. Т. 11. С. 222.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 206.

⁴ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 33. С. 114—115.

⁵ Там же. Т. 34. С. 307.

Марксист лишь тот, писал В. И. Ленин, “кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма”¹.

Что представляет собой диктатура пролетариата и что она означает? Если перевести это “историко-философское понятие” на более простой язык, разъяснял В. И. Ленин, то она означает то, что “только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов”². Диктатура пролетариата “есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся”³.

Четвертое. В своем становлении и развитии социалистическое государство, а вместе с ним и право, согласно марксистской теории, проходит несколько этапов или ступеней эволюционного изменения.

В советской и зарубежной марксистской литературе длительное время велись споры о количестве проходимых этапов, их последовательности, сущности и содержании каждого из них — их качестве, наконец, о соотношении каждого этапа в развитии государства с соответствующими этапами в развитии общества.

Возобладала и получила достаточно широкое распространение, а затем и официально закрепились в СССР точка зрения, согласно которой вновь создаваемое после совершения социалистической революции государство проходит следующие этапы в своем развитии: этап существования государства диктатуры пролетариата, этап функционирования собственно социалистического государства и, наконец, этап развития общенародного государства.

Каждый из этих этапов в развитии государства и права соотносился с соответствующим этапом в развитии общества. А именно — этап существования государства диктатуры пролетариата соотносился с **переходным от капитализма к социализму этапом в развитии общества**. Этап функционирования собственно социалистического государства и права отражал **особенности этапа развития собственно социалистического общества**. И наконец, этап развития общенародного государства соотносился с **этапом существования и функционирования развитого социалистического общества**.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 33. С. 34.

² Там же. Т. 39. С. 14.

³ Там же. Т. 38. С. 377.

Данная концепция развития социалистического государства и права, находящаяся в неразрывной связи с теорией становления и развития социалистического общества, получила свое прямое отражение в конституционных актах социалистических стран и в их текущем законодательстве. Так, в Конституции СССР 1977 года утверждалось, что “выполнив задачи диктатуры пролетариата, Советское государство стало общенародным”. Одновременно указывалось на то, что в обществе произошли огромные изменения, и оно превратилось в “развитое социалистическое общество”, в “общество зрелых социалистических общественных отношений”.

Характерными особенностями общенародного государства являются: выражение интересов не только рабочих, крестьян и интеллигенции, но и “трудящихся всех наций и народностей страны”; сохранение им классовой сущности; развитие “подлинной” демократии в условиях нового общества и государства; усиление роли Коммунистической партии и др.

Пятое. Формой правления социалистического государства, согласно марксистскому мировоззрению, является республика. Касаясь данного вопроса, Ф. Энгельс писал: “Маркс и я в течение сорока лет без конца твердили, что для нас демократическая республика является единственной политической формой...”, однако она, “как всякая другая форма правления определяется своим содержанием”¹.

В переводе на язык политической практики это означает, что для социалистического государства приемлемой формой правления является лишь та республика, которая служит интересам трудящихся масс и которая, следовательно, наполняется социалистическим содержанием. Что же касается всех иных, несоциалистических форм, в частности, республиканской формы буржуазного государства, то она, по словам Энгельса, “также враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от форм проявления этой враждебности)”. В силу этого, делался вывод, “принимать ее за форму по существу социалистическую или доверять ей, пока она во власти буржуазии, социалистические задачи — это ничем не обоснованная иллюзия”².

Развивая идеи о республиканской форме правления социалистического государства применительно к России, В. И. Ленин признавал в качестве таковой лишь Советы. На первых этапах развития государства это были “Советы рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху”³, а на последующих — Советы народных депутатов и Советы депутатов трудящихся.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 287.

² Там же. Т. 39. С. 184.

³ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 31. С. 117.

Что же касается **формы государственного устройства**, то, согласно марксистской политической концепции, предпочтение отдавалось **унитарному государству**, построенному на основе принципа демократического централизма. При этом, как утверждал, в частности, В. И. Ленин, демократический централизм "не только не исключает местного самоуправления с автономией областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а напротив, необходимо требует и того и другого"¹.

Выдвигая на первый план унитарное государство, теоретики марксизма-ленинизма в то же время не отрицали возможности существования при определенных условиях и **федеративной формы социалистического государства**. В практическом плане попытки реализации федеративной формы организации государства предпринимались в СССР, Югославии и России.

Шестое. В неразрывной связи и взаимодействии с социалистическим государством находится право. Оно является средством решения стоящих перед государством ближайших и стратегических задач.

Согласно марксистской концепции **сущность права** заключается в том, что оно выражает волю и интересы господствующего класса. Если государство, по мнению основоположников научного коммунизма, "есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы", та "форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри страны — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы". Право есть то средство, с помощью которого эти интересы, трансформируясь в государственную волю, проводятся в жизнь.

На первых этапах становления и развития социалистического общества государство и право, в соответствии с марксистской доктриной, выражает интересы рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. На этапе развитого социалистического общества — интересы всего народа.

Седьмое. Государство и право, согласно марксистскому пониманию, не являются вечными и неизменными явлениями. По мере развития классового общества и постепенного отмирания классов государство и право как классовые институты и явления также отмирают.

Особенность марксистского представления о государстве и праве, в отличие от других представлений, заключается в том, что оно связывает напрямую с классами не только процесс возникновения и развития государственно-правовых институтов, но и процесс их отмирания.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 24. С. 144.

Последнее не следует понимать вульгарно, как искусственно формируемый или насильственный процесс. Это, с марксистской точки зрения, естественный процесс, обусловленный такими же процессами развития экономики, общества, а вместе с ними — государства и права. Нам не следует подхлестывать, искусственно форсировать данный процесс, подчеркивал В. Ленин. Мы вправе говорить "лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания"¹.

Что требуется для отмирания государства и права? Какие условия для этого необходимы? Отвечая на эти вопросы, сторонники марксизма указывают прежде всего на необходимость создания соответствующих материальных, социальных и иных условий, ведущих к стиранию классовых различий, а также — к формированию высокого уровня общественного сознания. Весьма важным является, в частности, научить людей работать на общество "без всяких норм права", без всяких принуждений; создать все необходимые условия для того, чтобы "основные правила человеческого общежития" со временем стали для всех людей привычкой².

Эта благородная по своей природе, но утопическая цель освободить будущее человечество от государства и права, от любых форм государственно-правового давления и принуждения, сделать всех в высшей мере сознательными и свободными объявлялась не только в теории, но и ставилась на практике. В Конституции СССР 1977 г. (в преамбуле) объявлялось, например, что "высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление".

Развитое социалистическое общество объявлялось "закономерным этапом" на пути построения бесклассового общества, а общественное государство и право, согласно марксистским теоретическим разработкам, считались важными вехами на пути отмирания государства и права.

Это была теория, развивавшаяся в нашей стране и других, называвших себя социалистическими, странах в течение ряда десятилетий. Однако зачастую практика была иной. Закрепляя, например, в Конституции СССР 1936 г. за советскими гражданами широкий круг прав и свобод, предоставляя их гражданам теоретически, государственная власть действовала совершенно по-иному, практически. Политические репрессии конца 30-х гг., ссылки, незаконные осуждения тысяч невинных людей свидетельствуют о глу-

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 33. С. 96.

² Там же. С. 95, 102.

боком противоречии в этот период социалистической государственно-правовой теории и практики.

Столь же далекой от марксистской теории была проводившаяся в нашей стране и других странах в последующие годы практика государственно-правового строительства по ряду весьма важных направлений. Она касалась, например, природы и характера общенародного государства и права, которые теоретически объявлялись институтами всех слоев и классов общества, а практически находились в руках правящих кругов; государственного устройства Советского государства, которое теоретически считалось федеративным государством, а на деле всегда оставалось унитарным, и др.

Глава VI. Государственный аппарат

§ 1. Понятие государственного аппарата

Государственный аппарат представляет собой систему органов, с помощью которых осуществляется государственная власть, выполняются основные функции, достигаются стоящие перед государством на различных этапах его развития цели и задачи. Аппарат является важнейшим составным элементом любого государства. С его помощью осуществляется управление государственными и, отчасти, общественными делами.

По мере развития общества это "управление", а вместе с ним и государственный аппарат непрерывно усложняются и совершенствуются.

Наиболее бурного развития данный процесс достиг в последние столетия. "Государственная деятельность, — справедливо отмечалось в связи с этим в дореволюционной (1917 г.) литературе, — начинаясь с простого, примитивного господства, развивается до большого многообразия форм, до законодательной, судебной, административной, полицейской, фискальной, финансовой и культурной деятельности, чего и не предполагали даже величайшие политические мыслители древности". Недавно еще считавшиеся достаточными категории — законодательство, суд и управление — уже сегодня не в состоянии исчерпать всей деятельности государства. Само управление теперь "разветвляется на множество отраслей", среди которых выделяются "общественная безопасность, общественное благосостояние, пути сообщения, торговля, почта и телеграф, общественные работы, санитарное дело, образование, культ, защита интересов рабочих и т. д.¹

Наряду с усилением "разветвления" управления в качественном, а чаще в количественном отношении растет и государственный аппарат. Умножается число людей-чиновников, непосредственно не производящих материальных или духовных благ, а занимающихся исключительно делами осуществления власти и управления. "Человеку, изучающему структуру и работу государственных учреждений, — не без юмора писал в связи с этим известный английский сатирик-публицист Сирил Паркинсон, — этот экскурс покажет, что чиновники в той или иной степени подвержены размножению". Данный тезис он проиллюстрировал на примере британского адмиралтейства, число управленческого персонала в котором год от года продолжало расти, в то время как число моряков, которыми они "управляли", продолжало постепенно уменьшаться. Так,

¹ Гумплович Л. Указ. соч. С. 267.

если в 1914 г. — подмечал автор, — на 146 тыс. моряков приходилось 3249 чиновников, то в 1928 г. на 100 тыс. моряков приходилось уже 4558 чиновников. В 1935 г. адмиралтейский штат чиновников вырос до 8118 чел., а в 1945 г. — до 33788 чел. Подобный процесс наблюдается и в настоящее время. Причем не только в одной какой-либо стране, а во многих индустриально развитых и развивающихся странах¹.

В основе построения и функционирования государственного аппарата любой страны лежат объективные и субъективные факторы. Они предопределяют наиболее важные особенности его внутреннего строения, структуры, характера, форм и методов деятельности, в значительной мере способствуют соединению его различных составных звеньев в единую систему.

Аппарат любого государства — это не механическое соединение его отдельных органов, а их четко организованная, строго упорядоченная целостная система. В число факторов, оказывающих решающее воздействие на функционирование и постоянное развитие государственного аппарата как единой, целостной системы, входят: общность экономической основы различных государственных органов и организаций — системы хозяйства и различных форм собственности на средства производства; единство политической основы государственных органов, организаций и учреждений; наличие в некоторых странах единой официальной идеологии; морально-политическое и идейное единство различных частей общества; наличие общих принципов построения и функционирования различных государственных органов — составных частей государственного аппарата; общность конечных целей и задач, стоящих перед различными государственными органами и организациями.

К числу факторов, во многом предопределяющих функционирование госаппарата как единой системы, следует отнести также такие, которые связаны с обеспечением всех его звеньев единими организационными, финансовыми, а при необходимости и принудительными средствами, общей направленностью их деятельности на проведение политической линии и выражение интересов всего общества, правящего класса или классов, отдельных социальных слоев.

Понятие государственного аппарата — весьма емкое и многогранное. Его недопустимо отождествлять с другими, тесно связанными с ним, но неравнозначными по своему логическому объему и содержанию понятиями, в частности, с понятиями системы диктатуры класса и политической системы общества.

Соотносясь с "государственным аппаратом", данные понятия тем не менее неидентичны ему. Так, если понятием системы диктатуры класса и понятием политической системы общества охватывается весь комплекс самых различных по своему характеру госу-

¹ Паркинсон С. Законы Паркинсона. М., 1989. С. 14.

дарственных и негосударственных органов и организаций, принимающих участие в политической жизни страны и в осуществлении государственной власти, то понятием государственного аппарата охватывается лишь система государственных органов. Понятия системы диктатуры класса и политической системы общества являются, таким образом, более емкими и широкими, чем понятие государственного аппарата.

Аналогично в научной и учебной литературе зачастую решается вопрос о соотношении понятия *государственного механизма* и *государственного аппарата*. Государственный механизм рассматривается как совокупность различных государственных органов, организаций, вооруженных сил, материальных средств государственной власти, а государственный аппарат ограничивается лишь системой государственных органов.

Наряду с данной точкой зрения имеются и другие мнения, в соответствии с которыми "государственный механизм" и "государственный аппарат" представляются как идентичные понятия¹. Государственный механизм в таких случаях нередко именуется государственным аппаратом в широком смысле слова, а система государственных органов — аппаратом в узком смысле слова.

Независимо от того, какой смысл вкладывается в понятие и содержание государственного аппарата, его важнейшими и неотъемлемыми частями неизменно выступают **государственные органы**. В научной и справочной литературе они понимаются неодинаково. Например, в одних случаях под госорганом понимается "учреждение, выполняющее определенные задачи в той или иной области общественной жизни (здравоохранения, образования и др.)"². В других случаях государственный орган рассматривается как "составная часть механизма государства, имеющая в соответствии с законом собственную структуру, строго определенные полномочия по управлению конкретной сферой общественной жизни и органически взаимодействующая с другими частями государственного механизма, образующими единое целое"³. В третьих же случаях государственный орган трактуется как "определенным образом организованная группа людей, действующая в соответствующей сфере, в рамках своей компетенции и участвующая в реализации определенных государственных функций"⁴.

Имеются и другие, в той или иной мере отличающиеся друг от друга, определения понятия государственных органов. Однако не в них сейчас дело. Они отражают различные взгляды и подходы к одному и тому же явлению, именуемому госорганом, и, несомненно, имеют полное право на свое существование.

¹ Хропанюк В. Н. Указ соч. М., 1993. С. 100—101.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 945.

³ Хропанюк В. Н. Указ соч. С. 105.

⁴ Теория государства и права / Отв. ред. А. И. Денисов. М., 1980. С. 250.

Важно отметить другое. А именно, что государственные органы, независимо от их понимания и толкования, заполняют собой все содержание и формируют всю структуру государственного аппарата. От каждого из них, взятого в отдельности или вместе с другими государственными органами, — от уровня их развития, четкости определения сферы деятельности и компетенции, упорядоченности их взаимоотношений между собой и с негосударственными органами и организациями, входящими в качестве структурных элементов в политическую систему общества, — в значительной степени зависят уровень развития и эффективность действий государственного аппарата¹.

Каждый государственный орган представляет собой относительно самостоятельное, структурно обособленное звено аппарата, создаваемое государством в целях осуществления строго определенного вида деятельности. Каждое такое звено наделено соответствующей компетенцией и опирается в процессе реализации своих полномочий на организационную, материальную и принудительную силу государства.

Специфическими признаками, отличающими государственные органы от негосударственных, являются следующие: а) формирование их по воле государства и осуществление ими своих функций от имени государства; б) выполнение каждым государственным органом строго определенных, установленных в законодательном порядке видов и форм деятельности; в) наличие у каждого государственного органа юридически закрепленных: организационной структуры, территориального масштаба деятельности, специального положения, определяющего его место и роль в государственном аппарате, а также — порядка его взаимоотношений с другими государственными органами и организациями; г) наделение государственных органов полномочиями государственно-властного характера.

Наличие последних является наиболее существенным признаком государственного органа. В совокупности с другими признаками они позволяют провести достаточно четкое различие между государственными органами, с одной стороны, и государственными организациями (предприятиями и учреждениями), а также негосударственными органами и организациями — с другой.

Практическое выражение государственно-властные полномочия находят в издании государственными органами от имени государства юридически обязательных нормативных и индивидуальных актов, в осуществлении ими наблюдения за строгим и неуклонным соблюдением требований, содержащихся в данных актах, в обеспечении и защите этих требований от нарушения путем применения мер воспитания, убеждения, разъяснения и поощрения,

¹ Алегин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М., 1997. С. 122—164.

а в необходимых случаях — также мер государственного принуждения.

В состав каждого государственного органа, представляющего собой в практическом плане, по образному выражению В. И. Ленина, “ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного”, входят лица, являющиеся непосредственными исполнителями возложенных на него полномочий, и лица, технически обеспечивающие выполнение его функций и полномочий. В его составе имеются также особый технический аппарат, особые материально-технические средства (“материальные придатки” государственной власти). К нему примыкают различные, находящиеся в его ведении управления, организации и учреждения.

Будучи составными частями одного и того же государственно-аппарата, органы любого государства отличаются друг от друга порядком своего образования, видами выполняемой ими государственной деятельности, характером и объемом компетенции, особенностями исполнения возложенных на них полномочий, формами и методами осуществления ими государственных функций.

§ 2. Структура государственного аппарата

Под структурой государственного аппарата понимается его внутреннее строение, порядок расположения составляющих звеньев аппарата, их соотношение. Структура всегда указывает, из чего складывается госаппарат, какова субординация его составных частей, каковы принципы его организации и функционирования.

В любой стране сложившийся государственный аппарат выступает как единая целостная (общая) система, которая состоит из ряда частных систем. В качестве последних выступают однородные по своим функциям, внутреннему строению, непосредственным целям, видам выполняемой деятельности различные государственные органы.

Наиболее важными частными системами современного государственного аппарата являются следующие: система органов государственной власти, система органов государственного управления, система судебных органов и система органов прокуратуры¹. Каждая из первых трех названных систем является носителем соответствующей государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной.

В научных кругах иногда говорят и пишут о четвертой ветви власти — средствах массовой информации. Однако это — образное выражение. Средства массовой информации не являются носителями какой-либо официальной власти. Таковыми их называют в

¹ См. подробнее: Гущенко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. М., 1995.

силу того, что они оказывают очень сильное, нередко решающее влияние на массы. Они играют исключительно важную роль в формировании общественного мнения, в создании положительного или, наоборот, отрицательного образа правящей элиты или отдельных лиц.

Среди авторов, занимающихся проблемами государственной власти и аппарата, нет единого мнения о том, каким должен быть госаппарат, как должны соотноситься между собой различные ветви государственной власти, а следовательно, и их носители — государственные органы. Должны ли они быть равны между собой или должна существовать их определенная соподчиненность, субординация?

Высказывается точка зрения, согласно которой все ветви государственной власти и их носители должны находиться в совершенно одинаковом положении, уравнивать друг друга. В странах с тоталитарным или авторитарным режимом усиленно насаждается идея о том, что исполнительная власть, а вместе с ней и ее носители, должны доминировать в структуре госаппарата.

Однако, как показывает исторический опыт, реализация подобной концепции приводит не к демократии, а к диктатуре. Об этом свидетельствует, в частности, политическая практика фашистской Германии, Италии и ряда иных стран.

Еще в середине XVIII в. известный французский просветитель Ш. Монтескье предупреждал в связи с этим в своей работе "О духе законов" (1748 г.), что когда одному и тому же лицу или одному и тому же составу должностных лиц предоставлены вместе законодательная и исполнительная власти, тогда нет свободы, потому что можно опасаться, что монарх или сенат будут создавать тиранические законы, чтобы тиранически исполнять их. Нет также свободы, если судебная власть не отделена от законодательной или исполнительной. Если бы она была соединена с исполнительной властью, судья обладал бы достаточной силой, чтобы сделаться угнетателем.

Другой подход к решению проблемы соотношения государственных властей и их носителей заключается в том, что на первый план выступает государственная власть, источником которой является народ.

Во всех демократических странах эта концепция получила всеобщее признание. Политическая практика подтвердила жизнеспособность и гуманность данной идеи, развитой еще в XVII в. английским философом-материалистом Дж. Локком.

В своем знаменитом произведении "Два трактата о правлении" (1690 г.) Локк писал: "Хотя в конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, то есть ради сохранения общества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются и должны подчиняться, все же законодательная власть представляет собой лишь

доверенную власть, которая должна действовать ради определенных целей, и поэтому по-прежнему остается у народа верховная власть устранять или заменять законодательный орган..."¹.

Что же собой представляет каждая из частных систем государственных органов, входящих в общую систему — государственный аппарат?

1. Основным значением органов законодательной власти (представительных органов) является **законодательная деятельность**. В демократических государствах они занимают центральное место в структуре госаппарата. Представительные органы государственной власти подразделяются на высшие и местные. К **высшим органам государственной власти** относятся парламенты. Одной из их важнейших функций является принятие законов.

Выделяя особую роль парламентов в политической жизни общества и государства, конституции некоторых государств специально указывают не только на то, что "парламент является высшим органом государственной власти", но и на то, что он является "единственным законодательным органом государства"².

Конституции других государств, в этих же целях, обращают внимание на то, какие по характеру нормы или правила должны содержаться в принимаемых парламентом законах. Так, например, действующая конституция Франции устанавливает, что в законах могут содержаться правила, касающиеся "гражданских прав и основных гарантий, предоставленных гражданам для пользования публичными свободами"; обязанностей, накладываемых "национальной обороной лично на граждан и на их имущество"; "гражданства, состояния и правоспособности лиц, семейных отношений, наследования и дарения"; определения "преступлений и правонарушений, а также налагаемых за них наказаний"; уголовного судопроизводства, амнистии, "создания новых судебных установлений и статуса судей" и др.³

Сосредоточивая в себе законодательные функции, парламент нередко передает часть из них другим, подконтрольным ему органам, делегирует их. Возникающая в результате этого система актов носит название **делегированного законодательства**.

Разумеется, идеальным, строго конституционным считалось бы такое положение, когда законодательная власть оставалась бы исключительно привилегией законодателей, непосредственно подотчетных избирателям. Это было бы справедливым в отношении любого современного государства. Однако в реальной жизни все обстоит далеко не так.

Государственная Дума и Совет Федерации России, Конгресс США, Парламент Англии, Национальное Собрание и Сенат Фран-

¹ Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М., 1988. С. 349.

² Конституция Японии 1947 г. Ст. 41.

³ Конституция Французской Республики 1958 г. Ст. 34.

ции, равно как и высшие законодательные органы других государств зачастую вынуждены в силу самых разных причин, включая периодическую перегруженность данных органов правотворческой работой, поручать подготовку и принятие тех или иных обычных актов правительству, отдельным министерствам и ведомствам.

Так, например, в Великобритании полномочиями по изданию правовых актов парламентом наделяются министры короны, органы местного управления, независимые корпорации, англиканская церковь, частные компании, Комиссия и Совет Европейских Сообществ¹. Каждый из этих органов и организаций может принимать, изменять или отменять правовые акты не иначе, как с санкции — по поручению или с разрешения парламента. Таким путем сохраняется и поддерживается “суверенитет” высшего законодательного органа в правовой сфере.

Следует отметить, что несмотря на монопольное положение в области правотворчества, высший законодательный орган, особенно в парламентских странах, подвержен довольно сильному воздействию со стороны правительства. Иногда правительство сосредоточивает в своих руках всю или почти всю законодательную инициативу и оказывает огромное влияние на все направления деятельности парламента.

Что же касается президентских республик, то в них парламента в формально-юридическом плане зачастую более независим. Он, как правило, не может быть распущен президентом. Законодательная инициатива принадлежит прежде всего депутатам. Однако и в этом случае исполнительная власть в лице президента имеет много путей воздействия на парламента.

Так, например, согласно Конституции США президент обладает правом вето на принимаемые Конгрессом акты. Он может выступить с инициативой созыва специальных сессий Конгресса. Президент периодически представляет Конгрессу “сведения о состоянии Союза и предлагает на его усмотрение такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными”. Он имеет право “с совета и согласия” верхней палаты Сената “заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов; “с совета и согласия” Сената назначать послов и иных полномочных представителей, консулов, судей Верховного Суда, а также “других должностных лиц Соединенных Штатов...”².

Наряду с высшими органами государственной власти в каждой стране имеются **местные органы**. Они называются по-разному. Но цель и назначение их сходны: осуществление государственной власти и управление на местах.

¹ Гарнер Д. Великобритания. Центральное и местное управление. М., 1984. С. 96.

² Конституция США. Ст. II. Разд. 2.

Так, согласно Конституции России 1993 г., "органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения"¹. Они могут также наделяться законом "отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств"².

2. Система органов исполнительной власти осуществляет в различных государствах **исполнительно-распорядительную деятельность**. Исполнительная деятельность органов государственного управления проявляется в том, что они выступают как непосредственные исполнители требований, содержащихся в актах органов государственной власти и вышестоящих органов государственного управления. Распорядительная деятельность этих органов выражается в том, что они принимают меры и обеспечивают путем издания своих собственных актов (распоряжений) выполнение подчиненными им органами и организациями данных требований. Всю свою деятельность органы государственного управления должны осуществлять на основе законов и во исполнение законов.

В пределах своей компетенции органы государственного управления наделяются необходимой для их нормального функционирования **оперативной самостоятельностью**. На них возлагаются весьма ответственные задачи по правовому регулированию и руководству различными сферами жизнедеятельности общества и государства. Эти задачи, равно как место и роль органов управления в государственном аппарате, закрепляются в конституционных и обычных правовых актах. Так, согласно Конституции Франции, правительство "руководит внутренней и внешней политикой, гражданской и военной администрацией и обороной страны. Оно осуществляет исполнительную власть в соответствии с Конституцией и законами" (ст. 97).

Согласно Конституции Швеции правительство, помимо обычных своих полномочий может принимать "постановления о предписаниях" по вопросам, касающимся охраны жизни, личной безопасности граждан, "пребывания иностранца в государстве", ввоза и вывоза товаров, валюты или "других средств производства, средств связи, кредитов, хозяйственной деятельности, оформления строев, предприятий, планировки застроек", охраны природы и окружающей среды и др. (§ 7 гл. 8).

В соответствии с Конституцией РФ на правительство, призванное осуществлять исполнительную власть (п. 1 ст. 110), возлагаются также самые разнообразные функции и полномочия. Среди них: разработка и обеспечение исполнения федерального бюджета:

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ст. 132.

² Там же.

проведение на всей территории России единой финансовой, кредитной и денежной политики; осуществление управления федеральной собственностью; осуществление мер по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики страны, и др.¹

В зависимости от сложности задач и территориального масштаба деятельности органы государственного управления подразделяются на центральные и местные. К **центральным** относятся те органы государственного управления, деятельность которых распространяется на всю территорию страны или на территорию государств — субъектов федерации. Это — правительства, именуемые в большинстве стран кабинетами или Советами министров, министерства, государственные комитеты, специальные, находящиеся при Советах министров ведомства.

К **местным** органам государственного управления относятся органы, деятельность которых ограничивается рамками одной или нескольких административно-территориальных единиц (края, провинции, области, района, города и т. п.). В их число входят исполнительные комитеты местных органов власти, муниципалитеты, их отраслевые отделы и управления, администрации фабрик, заводов, других предприятий и учреждений.

В зависимости от характера, объема и содержания полномочий органы государственного управления подразделяются на органы общей, отраслевой и специальной (функциональной) компетенции.

Органы **общей компетенции** (например, Советы министров, исполкомы) объединяют и направляют работу по руководству всеми отраслями или большинством отраслей государственного управления.

Органы **отраслевой и специальной (функциональной) компетенции** (министерства, различные государственные комитеты, отделы исполкомов, специальные ведомства) осуществляют руководство лишь отдельными отраслями государственного управления.

Ведущую роль в системе органов государственного управления выполняют **правительства**. Они являются высшими исполнительными и распорядительными органами государств и возглавляют всю систему органов государственного управления. В соответствии с конституционными и иными актами на правительство возлагаются задачи по общему руководству экономикой и социально-культурным хозяйством страны, разработке и осуществлению государственных бюджетов, по защите интересов государства, охране собственности и общественного порядка, по обеспечению и защите прав и свобод граждан, обеспечению государственной безопасности, осуществлению общего руководства строительством вооруженных сил и др.

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 114.

3. Важное место в структуре государственного аппарата занимает **система судебных органов**, основной социальной функцией которых является осуществление правосудия.

Подобно тому, как представительные органы и органы управления являются носителями соответственно законодательной и исполнительной властей, система судебных органов выступает в качестве носителя судебной власти. Это положение закрепляется в конституциях и обычных законах ряда современных государств.

Так, например, в Конституции Испании (1978 г.) говорится, что "судебная власть исходит от народа и осуществляется от имени короля судьями и магистратами, которые являются независимыми, несменяемыми, ответственными и подчинены исключительно закону" (п. 1 ст. 117). В Конституции ФРГ (1949 г.) прокламируется, что "судебная власть вверяется судьям; она осуществляется Федеральным Конституционным судом, федеральными судами, указанными в настоящем Основном законе, и судами земель" (ст. 92).

Статус носителя одной из трех — судебной — властей обеспечивает органам правосудия весьма важное место в государственном механизме наряду с другими органами.

Структура судебных органов в разных странах неодинакова. Именуются они также по-разному. В Китайской Народной Республике, например, — это Верховный народный суд, местные народные суды, "военные суды и другие специальные народные суды". В США национальная судебная система состоит из Верховного Суда США, Верховных судов штатов, окружных судов, апелляционных судов, военных трибуналов и других судов. Конституция США в связи с этим устанавливает, что "судебная власть Соединенных Штатов осуществляется Верховным Судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом" (ст. III, разд. I).

Однако, несмотря на особенности структуры и другие различия судебных органов разных стран, у них много сходства в целях и задачах, которые перед ними ставятся и конституционно во всех государствах, именующих себя демократическими, провозглашаются. Много общего у них в социальных функциях, содержании деятельности, конституционных принципах их организации и функционирования.

Так, например, в конституционных актах подавляющего большинства современных государств в той или иной форме провозглашается принцип независимости судей, самостоятельности судов в решении любых, в пределах установленной юрисдикции, вопросов. "Народные судьи в пределах, установленной законом, осуществляют правосудие самостоятельно, без вмешательства со стороны административных органов, общественных организаций и отдельных лиц", — отмечается, в частности, в Конституции КНР (ст. 126).

В большинстве конституций современных государств закрепляется принцип гласности судопроизводства, открытости судебного

разбирательства. Например, Конституция Испании, запрещая деятельность каких бы то ни было чрезвычайных трибуналов, имеющую, как правило, закрытый характер, одновременно устанавливает, что "судебное разбирательство является открытым", "преимущественно устным, особенно по уголовным делам" (ст. 120).

Разумеется, данный, равно как и другие принципы организации и деятельности судебных органов не следует абсолютизировать. Конституционная теория далеко не всегда совпадает с конституционной практикой. Нередко в деятельности судебных органов многих стран имеют место грубейшие нарушения провозглашаемых конституционных положений.

Кроме того, в самих конституциях довольно часто устанавливаются в отношении данных принципов некоторые ограничения. Так, Конституция Испании, провозглашающая открытость судебного разбирательства, делает тут же оговорку — "за исключением предусмотренных процессуальными законами случаев" (ст. 120). Конституция Японии устанавливает: "Если суд единогласно решает, что гласность представляет опасность для публичного порядка или морали, разбирательство может вестись при закрытых дверях" (ст. 82).

Аналогичные положения содержатся в конституционных актах многих других стран.

4. **Значительную роль в государственном механизме ряда стран играет система органов прокуратуры.** Прокуратура призвана осуществлять надзор за точным и единообразным исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. "Прокуратура без ущерба для функций, осуществляемых другими органами, — говорится, например, в Конституции Испании (ст. 124), — имеет своей задачей способствовать отправлению правосудия в целях защиты законности, прав граждан и общественных интересов, охраняемых законом, в силу своих обязанностей или по ходатайству заинтересованных лиц, а также наблюдение за независимостью судов и соблюдением общественного интереса".

Органы прокуратуры осуществляют также надзор за соблюдением законности в работе органов дознания и предварительного следствия, при рассмотрении дел в судах, в местах заключения, при исполнении наказаний и других мер принудительного характера, назначаемых судами.

Правовую основу деятельности органов прокуратуры разных стран составляют нормы, содержащиеся в конституциях и специальных актах, регулирующих порядок организации и деятельности прокуратуры. Согласно Конституции России, определяющей структуру, порядок формирования и принципы деятельности прокуратуры, "полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом"¹.

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 129.

§ 3. Основные принципы организации и деятельности государственного аппарата

Под принципами организации и деятельности государственного аппарата следует понимать наиболее важные, ключевые идеи и положения, лежащие в основе его построения и функционирования. Они раскрывают социально-классовую сущность, социальное содержание и назначение, основные цели и задачи государственного аппарата. Принципы организации и деятельности государственного аппарата разрабатывались, обосновывались и претворялись в жизнь в процессе всей многовековой деятельности государственных госаппаратов многих стран, приживались и развивались. Другие, относящиеся чаще всего к процессу организации и деятельности государственных аппаратов отдельных стран, по мере происходящих изменений отпадали.

Так, например, совсем до недавнего времени, а именно — до распада СССР в советской политико-юридической теории и практике в качестве наиболее важных принципов организации и деятельности государственного аппарата считались следующие: принцип партийного руководства; подчинение аппарата политике; принцип широкого участия масс в управлении делами общества и государства, в деятельности государственного аппарата; принцип демократического централизма; гласности; социалистической законности; интернационализма и социалистического федерализма (применительно к социалистическим федеративным государствам); принцип равноправия национальностей; научного планирования, координации, учета и контроля деятельности аппарата и др.

Однако после распада СССР и кардинальных изменений, произошедших в государственном механизме России за последние годы, многие из этих принципов полностью себя исчерпали. Вместо них официально стали декларироваться другие, отвечающие новым экономическим и социально-политическим условиям жизни общества.

Вместе с тем независимо от особенностей отдельных государств и происходящих в них изменений в организации и деятельности госаппаратов разных стран имеются **общие принципы**. Это не означает, разумеется, что они всегда не только формально провозглашаются, но и полностью реализуются. Трудно назвать государство, в котором бы все или хотя бы основные принципы организации и деятельности госаппарата не только декларировались теоретически, но и полностью реализовывались бы практически. Однако, тем не менее, общие принципы, а точнее — общие требования, предъявляемые к процессу организации и деятельности госаппаратов разных стран, существуют и в той или иной мере реализуются.

Среди такого рода принципов следует назвать принцип оптимальности построения и функционирования госаппарата, принцип эффективности его действия, законности и конституционности, вы-

сокого профессионализма государственных служащих, соблюдения высоких этических требований членами парламентов и чиновниками, их полной политической лояльности и др.

Данные и другие им подобные принципы находят свое законодательное закрепление в конституционных актах и в специальных законах. Издание последних иногда предусматривается в конституциях. Нередко конституции содержат прямые ссылки на специальные законы.

Так, например, Конституция Греции в разделе "О правительстве", указывая на то, что "правительство образуется Советом министров, включающим премьер-министра и министров", одновременно предусматривает, что должен быть издан специальный закон, который "устанавливает правила о составе и деятельности Совета министров". И далее: "Закон определяет статус заместителей министров и министров без портфеля, государственных секретарей, которые могут обладать правом быть членом правительства, а также положение постоянных государственных секретарей администрации" (ст. 81).

Не имея возможности рассмотреть все или хотя бы самые важные принципы организации и деятельности госаппарата, остановимся на раскрытии лишь некоторых из них.

Одним из таких принципов является принцип **законности и конституционности** организации и деятельности госаппарата. Следует заметить, что, обладая не только юридическим, но и политическим характером, законность и конституционность выступают как основной метод функционирования различных государственных органов и организаций. Применительно к деятельности государственного аппарата разных стран законность и конституционность означают осуществление всех свойственных государственным органам и должностным лицам функций в строгом соответствии с действующей конституцией, обычными законами и подзаконными актами, согласно установленной в законодательном порядке компетенции.

Принцип законности и конституционности означает также обеспечение строгого и неуклонного исполнения подчиненными им органами, организациями и учреждениями действующих нормативно-правовых актов, борьбы с коррупцией, а также со всякого рода нарушениями прав и свобод граждан, общественных организаций, трудовых коллективов.

Следует заметить, что законности и конституционности как явления и понятия вне связи с конкретным обществом и государством не существует. Это абстракция. Законность и конституционность всегда соотносятся с определенными типами государства и права, с определенным характером и уровнем развития общества.

Исходя из этого, в отечественной и зарубежной научной литературе законность и конституционность рассматривают, как правило, не вообще, а применительно к рабовладельческому, феодаль-

ному, капиталистическому и социалистическому типам государства и права.

Несмотря на то, что социалистический ("коммунистический") тип государства и права практически не состоялся, в юридической и, отчасти, политологической литературе вопросы (социалистической) законности и конституционности получили, пожалуй, наиболее обстоятельное теоретическое обоснование.

Исходные положения и требования социалистической законности были разработаны В. И. Лениным в ряде работ и особенно в известном письме для Политбюро "О "двойном" подчинении и законности". В последующем они были развиты в специальной научной литературе. В числе таких положений следует назвать положение о единой для всей территории страны, для всех органов и организаций, должностных лиц и граждан законности, о том, что "законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей Федерации Советских республик".

Заслуживает внимания также положение о соответствии законности и целесообразности в решении государственных и общественных дел, о необходимости подчинения "местной прокурорской власти только центру" и сохранения за прокуратурой права и обязанности "опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда"¹ и др.

Основу любой законности и конституционности составляют конституции различных государств, а также законы, принятые в их развитие. Наличие четкого, хорошо развитого, отвечающего непрерывно изменяющимся и все более возрастающим требованиям практической жизни законодательства является принципиально важным и необходимым условием последовательного укрепления законности и конституционности в деятельности как отдельных государственных органов, так и всего государственного механизма в целом.

Строгое и неуклонное соблюдение законности и конституционности должно быть неременным требованием, принципом деятельности не только государственных, но и негосударственных органов, учреждений и организаций. Конституция России, равно как и конституции других государств, закрепляет положение, согласно которому все государственные органы, государственные и общественные организации, должностные лица обязаны соблюдать конституцию и все изданные на ее основе и в ее развитие законы. Все партийные органы и организации, равно как и все политические и общественные движения также обязаны действовать в рамках конституции и других законов.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 45. С. 198, 201.

В числе важнейших принципов организации и деятельности госаппаратов разных стран, наряду с принципами-требованиями оптимальности их построения, эффективности функционирования, политической лояльности, законности и конституционности, огромное значение имеют принципы-требования, касающиеся *высокого профессионализма государственных служащих* разных рангов, а также соблюдения ими соответствующих этических норм.

Проблемы *профессионализма и этики государственных служащих* практически всегда стояли и стоят на повестке дня с момента образования любого государства. Они всегда остаются весьма острыми проблемами. Вокруг них постоянно велись жаркие, нескончаемые споры.

Одна из причин этого состоит в том, что от профессионального и этического уровней чиновников, особенно высших рангов, во многом зависит характер деятельности, стиль и уровень эффективности самого госаппарата, состояние дел в обществе и государстве. Вполне понятно поэтому, что чиновничество всегда находилось под критическим оком широких слоев населения.

Другая причина подобных споров состоит в том, что нигде в мире и никогда чиновничество вполне сознательно и добровольно не признавало свое профессиональное или этическое несовершенство. Естественно, что самый благоприятный для себя образ оно пытается создавать и у "опекаемого" им населения. И, кстати, как было подмечено исследователями разных стран, далеко не всегда безуспешно.

В связи с этим вскоре после Второй мировой войны знаменитый английский памфлетист, великий знаток психологии и нравов бюрократии Сирил Паркинсон писал: "Подросткам, учителям и авторам пособий по истории государственных учреждений и политике кажется, что мир сравнительно разумен. Они думают, что люди свободно выбирают своих представителей из тех, к кому питают особое доверие. Они полагают, что самые умные и самые дельные из этих избранных становятся министрами. Они воображают, как заправили промышленности, свободно выбранные акционерами, облачают деловой ответственностью тех, кто проявил себя на более скромной работе. Все это бодро утверждается или тихо подразумевается во многих книгах". Но тем же, заключает автор, "кто хоть как-то знает деловую жизнь, предположения эти смешны. Высокий совет благородных мудрецов существует лишь в мозгу учителя, и потому бесполезно напоминать иногда о правде"¹.

Подбор и расстановка в структуре госаппарата безупречных в профессиональном и этическом плане государственных служащих с неизбежностью предполагает выработку и применение в процессе отбора соответствующих *средств и критериев*. В их числе — анкетирование, собеседование, прохождение определенных тестов и сдача

¹ Паркинсон С. Указ. соч. С. 10.

экзаменов, проверка на лояльность правящему режиму в некоторых странах (В США, например) с помощью "детектора лжи", определение и соблюдение разнообразных — политических, идеологических, медицинских (состояние здоровья) и иных требований — критериев, соответствие которым является обязательным для занятия той или иной государственной должности.

Обыгрывая данный процесс в художественном плане, С. Паркинсон не без юмора и сарказма замечает: если вам нужно, допустим, подобрать подходящую кандидатуру премьер-министра, то первым делом вы должны установить, какими свойствами он должен обладать. "В разных случаях эти свойства разные, но все же их надо записать и на их счет договориться". Предположим, вам кажется, что свойства эти: 1) энергия, 2) смелость, 3) патриотизм, 4) опыт, 5) популярность и 6) красноречие. Однако, любой соискатель найдет их у себя. Конечно, можно усложнить дело, уточнив требования; 4) опыт в укрощении львов и 6) умение красноречиво говорить по-китайски, но это не наш путь.

Мы ведь хотим, чтобы нужные качества проявлялись не иначе, как в высшей степени, другими словами, чтобы лучший соискатель был самым энергичным, смелым, патриотичным, опытным, популярным и красноречивым в стране. Такой человек — один, и он-то нам и нужен. Значит, надо составить объявление так, чтобы всех других исключить.

Выйдет примерно следующее: требуется премьер-министр. Рабочие часы — с 4 утра и до 11.59 вечера. Соискатель должен выдержать три раунда с чемпионом в тяжелом весе (в перчатках). По достижении пенсионного возраста (65 лет) — мучительная смерть во имя родной страны. Если соискатель знает парламентскую процедуру лишь на 95%, он будет физически уничтожен. Если он соберет меньше 75% голосов при проверке популярности по методу Гэл-лапа, он также будет уничтожен. Кроме того, соискатель должен обратиться с речью к съезду баптистов и склонить их к изучению рок-н-ролла. В случае провала — будет уничтожен. Явиться в спорт-клуб (с черного хода) 19 сентября в 11.15. Перчатки предоставляют-ся; кеды, майка и шорты — свои.

Заметьте, делал соответствующий вывод автор, это объявление моментально освобождает от хлопот, связанных с анкетами, справками, фотографиями, рекомендациями и списком. Если все написать как следует, придет только один соискатель и сможет сразу или почти сразу приступить к работе. А если не придет никто? Значит, надо написать иначе. В чем-то мы завысили требования¹.

От того, как, каким образом, в соответствии с какими требованиями-критериями производится отбор соискателей на ту или иную государственную должность, в дальнейшем зависит эффективность

¹ Паркинсон С. Указ. соч. С. 22—23.

их работы, коэффициент их полезности (по С. Паркинсону — “коэффициент бесполезности”) для государства и общества.

Учитывая важность и постоянную актуальность принципов профессионализма и этики государственных служащих, этим вопросам всегда уделялось значительное внимание не только в научной литературе, но и на официальном уровне. Во многих странах это стало особенно заметно после Второй мировой войны.

В чем это проявилось? Прежде всего в разработке и принятии в ряде стран кодексов чести и поведения государственных служащих, в принятии специальных законов и других нормативных актов, регулирующих деятельность и характер поведения государственных чиновников, и др.

В США, например, еще в 1958 г. Конгресс принял резолюцию, устанавливающую Кодекс поведения всех без исключения федеральных государственных служащих. Позднее были приняты и другие аналогичные акты. Это, в частности, Исполнительный приказ Президента США (1990 г.), обновленный Акт об этике поведения государственных служащих США (1978 г.), Кодекс этического поведения членов Сената Конгресса США (1977 г.) и Кодекс этического поведения членов Палаты представителей Конгресса США (1977 г.).

Что предписывают госчиновникам эти акты? О чем они говорят? И какова их роль?

Обратимся к Исполнительному приказу Президента США от 17 октября 1990 г. Прежде всего этим актом были введены в действие обязательные для всех чиновников исполнительной власти США “Общие принципы этического поведения членов правительства и служащих”.

Далее. Всем федеральным чиновникам предписывалось сделать все возможное, чтобы “добиться полной убежденности каждого гражданина США в честности и искренности усилий феодального правительства”. Наконец, членам кабинета и всем остальным государственным служащим строго предписывалось постоянно уважать и неукоснительно соблюдать фундаментальные принципы этической службы в том виде, как они изложены в приказе.

В чем же конкретно заключаются эти принципы и к чему они сводятся? В чем их смысл и каково их содержание? Отвечая на эти вопросы, следует заметить, что по своему существу данные принципы представляют довольно конкретные юридические и морально-этические требования, предъявляемые к чиновникам высшего ранга и к рядовым государственным служащим.

Вот примеры некоторых из них, которые оказались бы далеко не лишними применительно и к отечественной государственной службе.

Один из принципов-требований гласит, что госслужбу следует рассматривать как такую сферу деятельности, из которой исключаются “какие бы то ни было личные или иные финансовые инте-

рессы, препятствующие добросовестному выполнению" госчиновниками своего служебного долга.

Государственные служащие "не должны участвовать в финансовых операциях, при проведении которых предполагается использование закрытой правительственной информации или использование такого же рода информации в личных целях".

Служащим категорически запрещается в какой бы то ни было форме "поощрять подношения или принимать подарки" от любых лиц или группы лиц, добивающихся от них совершения каких-либо официальных действий, имеющих вместе с ними какие-либо общие дела или осуществляющих деятельность, регулируемую со стороны госоргана, в котором работают эти служащие. Не разрешается также принимать подарки и от тех лиц, интересы которых в значительной степени зависят от выполнения или невыполнения этими служащими своих должностных обязанностей.

В целях обеспечения высокого уровня доверия к правительственным кругам со стороны населения, госслужащим США вменяется в обязанность не только проявлять лояльность к конституции страны, праву и этическим принципам, но и "всячески избегать таких действий, которые могли бы быть истолкованы как их нарушение".

В этих же целях государственным служащим США предписывается "самым честным образом исполнять свой служебный долг". Не брать на себя никаких, выходящих за рамки их компетенции обязательств. Не давать каких бы то ни было обещаний, связывающих правительство. Все вопросы решать объективно и справедливо. Не отдавать никаких "предпочтений отдельным лицам или частным организациям". Строго использовать свое служебное положение лишь в государственных, но не в личных целях.

Помимо названных можно привести еще ряд других принципов-требований, свидетельствующих о стремлении администрации США не только к приобретению, но и к сохранению в глазах широких слоев населения высокого престижа федерального и местного чиновничества, усилению доверия к нему со стороны простого человека, обывателя, обеспечению твердой поддержки со стороны общества всех проводимых им "мероприятий".

Дальновидность выработки и введения в действие такого рода принципов-требований в конечном счете заключается в том, чтобы в максимальной степени "приблизить" госаппарат к обществу, сократить неизбежный для любой страны разрыв между ними, представить "среднему американцу" любого, даже самого высокого ранга администратора не иначе "как своего парня", близкого ему человека.

В самом деле, кто из простых смертных не проникнется если не уважением, то хотя бы добрым расположением к чиновному человеку, которому строжайше вменяется в обязанность (естественно, "ради каждого члена общества и всей страны") не только сохра-

нять, но и защищать федеральную собственность, бережно использовать ее в оговоренных законом государственных целях.

Разумеется, было бы наивным идеализировать практику применения принципов-требований к госслужащим и исходить из того, что они всегда и во всем одинаково применимы и эффективны. Многочисленные примеры, обзор и обобщение практики применения данных принципов в США и других странах показывают, что не все здесь, как и в самой жизни, складывается просто.

Из новой и новейшей истории Соединенных Штатов известно, например, какие грандиозные интриги и скандалы, связанные с коррупцией чиновничества, вымогательством, взяточничеством и другими неблагоприятными делами "слуг народа" время от времени удивляли и потрясали не только эту страну, но и весь мир.

Означает ли это, однако, что "Общие принципы этического поведения членов правительства и служащих США" в социальном плане бессмысленны, а в юридическом — неэффективны? Нет, разумеется. Как показывает практика, они, при всех их недостатках, известной неполноте и несовершенстве в любом случае устанавливают не только правовые, но и морально-этические рамки поведения госчиновников всех рангов, выступают в качестве серьезного барьера на пути возможных с их стороны злоупотреблений, оказывают вполне реальное профилактическое, сдерживающее на них влияние.

Именно поэтому такого рода акты и принципы весьма полезны не только для американской государственной жизни и госаппарата, но и для общественно-политической и государственной жизни других стран.

Глава VII. Форма государства

§ 1. Понятие формы государства

Форма государства является непосредственным выразителем и носителем его сущности и содержания. Каковы сущность и содержание (функции) государства, такова в конечном счете будет и его форма.

Исследовать государство с точки зрения его **сущности** означает выявить, волю и интересы каких слоев общества, групп, классов оно в первую очередь выражает и защищает. Рассматривать государство под углом зрения **содержания** означает установить, как и в каких направлениях оно при этом действует. Изучать же государство с точки зрения его **формы** — это значит, в первую очередь, изучать его строение, его основные составные части, внутреннюю структуру, основные методы установления и осуществления государственной власти.

Формы государства, также, как его сущность и содержание, никогда не оставались и не остаются раз и навсегда установленными, неизменными. Под влиянием множества экономических, социально-политических, идеологических и иных факторов они всегда изменялись и развивались. Постоянно менялось и представление о них. Справедливым является утверждение Л. Гумпловича о том, что “учение о различии государств или о государственных формах” является “столь же шатким и неустановленным, как и определение понятия государства”¹.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что за всю историю развития государства и права были высказаны десятки, если не сотни различных мыслей и суждений по вопросу о формах государства. Предлагались самые различные подходы и варианты решения данной проблемы. Еще в Древней Греции и Риме философы и юристы высказывали разнообразные, порою весьма противоречивые мнения и суждения по поводу того, что следует понимать под формой государства, какие формы государства существуют, чем они отличаются друг от друга.

Один из величайших мыслителей античности Платон исходил, например, из того, что идеальной формой правления “идеального государства” как государства “лучших и благородных” является “законная власть немногих” — аристократия. Кроме того, им выделялась и рассматривалась “законная монархия” — царская власть и “незаконная” — олигархия.

Платон создал целое учение о динамике государственной жизни и смене, в силу испорченности человеческой природы, ее форм.

¹ Гумплович Л. Указ. соч. С. 221.

Идеальное государство и его аристократическая форма, согласно этому учению, не вечны. Государство может деградировать и, соответственно, в этом же направлении изменять свои формы.

Аристократия, приводящая к появлению частной собственности на землю и превращению свободных людей в рабов, может вырождаться в так называемую **тимократию**. Последняя, представляющая собой критско-спартанский тип государства, господство наиболее сильных воинов, может постепенно превращаться в **олигархию**. Олигархия же, как строй, основанный на имущественном цензе и власти немногих богатых, — в **демократию**. Наконец, демократия, как власть народа и для народа, в силу опьянения последнего свободой сверх меры, в “неразбавленном виде” может вырождаться в свою противоположность — **тиранию**. Это — самая худшая форма государства, при которой безраздельно господствуют произвол, насилие, бесправие широких масс. Глава государства — тиран, захватывает власть от имени народа и как “ставленник народа”.

О многообразии форм государства развивал свои взгляды и **Аристотель** — ученик Платона и вместе с тем его критик. Рассматривая форму государства как систему, олицетворяемую верховной властью в государстве, Аристотель определял ее в зависимости от числа властвующих (один, немногие или большинство), как монархию, аристократию или политию-демократию. Эти формы государства считались им “правильными”, ибо в них просматривалась общая польза правителей. Каждая из данных “правильных” форм могла легко исказиться и превратиться в соответствующие “неправильные” формы — тиранию, олигархию или охлократию. “Неправильные” формы использовались правителями, по мнению Аристотеля, лишь в личных целях.

Традиции древнегреческой мысли в исследовании форм государства развивались и в Древнем Риме. **Цицерон** (106—43 гг. до н. э.), например, выделял, в зависимости от числа правителей, три простые формы государства (царскую власть — монархию, власть оптиматов — аристократию, а также народную власть — демократию) и смешанную форму.

Когда верховная власть находится в руках одного человека, писал он, мы называем такую форму государства “царской властью”. Когда она находится в руках у выборных лиц, то говорят, что “эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа”.

Для того, чтобы предотвратить ту или иную простую форму государства от искажения и вырождения, великий римский оратор и государствовед предлагал использовать смешанную форму, складывающуюся в результате выделения и смешения положительных качеств всех вышеназванных простых форм.

Учения и отдельные идеи, касающиеся форм государственного устройства и правления, развивались не только в Древней Греции и Риме, но и в других странах. Причем не только на ранних и средних стадиях существования и развития человеческой цивилизации, но и во все последующие столетия и годы.

Значительное внимание исследованию форм государства уделяется в современной отечественной и зарубежной литературе. Разумеется, среди авторов-современников, также как и среди их древних предшественников, нет единого взгляда и представления о понятии, видах и содержании форм государства. Высказываются разные точки зрения, различные подходы к определению понятия и содержания формы государства.

Традиционным, например, для отечественного государственоведения и правоведения 60—70-х гг. было представление о форме государства как институте, складывающемся из формы правления и формы государственного устройства. В более поздний период, вплоть до настоящего времени, в научной литературе утвердилось мнение, согласно которому форма государства состоит из формы правления, формы государственного устройства и государственного режима. Данное мнение является преобладающим не только в отечественной, но и в зарубежной литературе.

Что собой представляет каждая из составных частей формы государства?

Форма правления рассматривается как организация государства, включающая в себя порядок образования высших и местных государственных органов и порядок взаимоотношений между ними. Формы правления в значительной мере различаются в зависимости от того, осуществляется ли власть одним лицом или же она принадлежит коллективному выборному органу. В первом случае имеет место монархическая форма правления. Во втором — республиканская.

При монархической форме правления источником государственной власти, согласно действующим законам, является монарх. При республиканской — выборный государственный орган. История и современность знают различные виды монархий и республик. Они в значительной степени зависят от типов государств, а также от условий их возникновения и функционирования.

На современном этапе развития общества и государства монархии бывают двух видов — дуалистические и парламентарные. Характерной особенностью дуалистической монархии является формально-юридическое разделение государственной власти между монархом и парламентом. Исполнительная власть находится непосредственно в руках монарха. Законодательная — у парламента. Последний, однако, фактически подчиняется монарху.

Парламентарная монархия отличается тем, что статус монарха формально и фактически ограничен во всех сферах осуществления государственной власти. Законодательная власть полностью

принадлежит парламенту. Исполнительная — правительству, которое несет ответственность за свою деятельность перед парламентом. Участие монарха в формировании правительства чисто символично. Примерами парламентарной монархии могут служить Англия, Голландия, Швеция и др.

Современные республики бывают двух видов: президентские, характерной особенностью которых является соединение в руках президента полномочий главы правительства и государства, и парламентарные. Особенностью последних является довольно слабая власть президента. Характерным для парламентарной республики является также наличие должности премьер-министра, который выполняет одновременно функции главы правительства и лидера правящей партии или партийной коалиции.

Примером президентской республики могут служить Аргентина, Бразилия, Россия, США и др. Парламентарной — Греция, Италия, Германия и др.

В России президентская республика отличается чрезвычайно сильной властью президента. Согласно Конституции 1993 г. президент как глава государства определяет основные направления внутренней и внешней политики страны, решает узловые кадровые проблемы, представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях, назначает выборы в Государственную Думу, распускает ее в случаях и порядке, предусмотренных Конституцией, назначает референдум, обладает правом законодательной инициативы. Президент также подписывает и обнародует федеральные законы, издает указы и распоряжения, ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации, подписывает ратификационные грамоты, решает вопросы гражданства и многие другие жизненно важные для всего общества, государства и отдельных граждан вопросы.

Форма государственного устройства представляет собой внутреннее строение государства, его деление на составные части — административно-территориальные единицы, автономные политические образования или суверенные государства. Она отражает также характер соотношения государства в целом и отдельных его частей.

Существуют две основных разновидности форм государственного устройства. Наиболее простая из них — **унитарное государство**. Это — единое государственное образование. Государство при этом делится лишь на административно-территориальные части. Для такого государства характерно существование общих для всей страны высших органов государственной власти и управления, единой судебной системы и конституции. Унитарными государствами являются Англия, Франция, Италия, Венгрия, Монголия и др.

Более сложной формой государственного устройства является **федерация**. Федеративное государство состоит из ряда других государств или государственных образований — членов федерации

(штатов, кантонов, союзных или автономных республик и др.). Каждое из них имеет свое административно-территориальное деление. Наряду с существованием и деятельностью общих для всей федерации высших органов государственной власти и управления, на территории каждого из них действуют также свои собственные высшие и местные органы государственной власти и управления. Аналогично обстоит дело с конституцией и другими федеральными законами, с судебными, прокурорскими и иными органами.

Одной из важнейших, хотя и менее распространенных по сравнению с другими формами государственного устройства, является **конфедерация**. Она представляет собой объединение или союз государств, при котором государства, образующие конфедерацию, полностью сохраняют свою самостоятельность, имеют свои собственные органы власти, управления и правосудия. Для координации совместных действий государства — члены конфедерации создают объединенные органы. Последние функционируют лишь в строго определенных сферах и преследуют строго определенные — экономические, политические, военные или иные цели.

Конфедерация нередко рассматривается как промежуточное звено на пути движения государств к образованию федерации. В настоящее время конфедерацией в формально-юридическом плане считается Швейцария. Хотя фактически она является федерацией. Признаки конфедерации имеются и в Содружестве Независимых Государств (СНГ).

Помимо принадлежности к тому или иному типу, а также наличия определенных форм правления и государственного устройства, государства отличаются друг от друга своими **режимами**. *Под государственным режимом понимается совокупность используемых стоящими у власти группами, классами или слоями методов и способов осуществления государственной власти.*

Государственный режим является наиболее динамичной составной частью формы государства, чутко реагирующим на все наиболее важные процессы и изменения, происходящие в окружающей экономической и социально-политической среде, в соотношении социально-классовых сил. Государственный режим в значительной мере индивидуализирует форму государства. Он выступает в качестве важнейшей составной части политического режима, охватывающего собой не только государство, но и все другие элементы политической системы общества.

О характере режима, существующего в той или иной стране, могут свидетельствовать разнообразные факторы. Однако наиболее важными из них являются следующие: способы и порядок формирования органов государственной власти, управления и правосудия; порядок распределения между различными госорганами компетенции и характер их взаимоотношений; степень реальности прав и свобод граждан; роль права в жизни общества и в решении государственных дел; место и роль в государственном механизме ар-

мии, полиции, контрразведки, разведки и других аналогичных им структур; степень реального участия граждан и их объединений в государственной и общественно-политической жизни, в управлении государством; основные способы разрешения возникающих в обществе социальных и политических конфликтов и др.

Политическая практика полностью подтвердила справедливость тезиса о том, что стоящий у власти слой или класс, в частности, буржуазия "во всех странах неизменно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Вторым методом — метод "либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д."¹ В зависимости от того, какой из этих методов осуществления государственной власти в той или иной стране выступает на первый план, различают два основных вида государственных режимов: авторитарный (антидемократический) и демократический (либеральный).

Авторитарный режим характеризуется ликвидацией или значительным ограничением прав и свобод граждан, запрещением оппозиционных партий и других организаций, ограничением роли выборных государственных органов и усилением роли исполнительно-распорядительных органов, сосредоточением огромных властных полномочий в руках главы государства или правительства, сведением роли парламента и других органов государственной власти до положения сугубо формальных институтов.

Логически завершенной и наиболее опасной формой авторитарного режима является фашизм. **Фашистский режим как крайняя форма авторитарного режима** полностью ликвидировал в 30—40-х гг. в ряде западных стран буржуазно-демократические права и свободы, уничтожил все или почти все оппозиционные организации и учреждения, выдвинул на первый план и широко использовал террористические методы правления. Широкая социальная база была создана в основном за счет мелкой, жаждающей власти и богатства буржуазии, отчасти — средней буржуазии и обманутых слоев рабочего класса, крестьянства.

Появление фашистских режимов является показателем резкого обострения социально-классовых противоречий внутри общества, кризиса политической власти господствующего класса, свидетельством того, что правящая элита не в состоянии больше обеспечить свое господство лишь либерально-демократическими методами. Она вынуждена под угрозой утраты государственной власти прибегать к широкому использованию террористических методов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 67.

Ярким примером тому могут служить фашистские режимы, существовавшие в довоенный период в Германии и Италии.

Характерными чертами фашистских режимов в этих странах были следующие. Сочетание репрессивных методов правления с широкой социальной и политической демагогией по поводу защиты прав неимущих слоев. Официально насаждаемый через средства массовой информации антикоммунизм и антисемитизм. Прикрытие антинародной политики лозунгами заботы о благе народа. Постоянно проводимая на государственном уровне "охота на ведьм" — коммунистов и "всех иных", не согласных с проводимой фашистскими лидерами политикой. Повседневная опора правящих кругов на армию, полицию и другие репрессивные органы. Непререкаемая власть вождя — фюрера, дуче, ставших "богами" фашистской Германии и Италии.

Кроме названных существует ряд и других особенностей фашистских режимов. Одной из важнейших среди них является абсолютное доминирование исполнительной власти над законодательной. Диктатура исполнительной власти устанавливается повсеместно под предлогом проведения "кардинальных реформ", борьбы за "единство нации", за установление подлинной демократии, торжество законности и справедливости.

Деятельность парламентских структур при этом полностью парализуется и политически нейтрализуется. Представительная власть народа заменяется властью политиканствующей клики. Парламент практически лишается своей традиционной компетенции — творить законодательство.

Согласно, например, Закону о ликвидации бедственного положения народа и государства, принятому 23 марта 1933 г. в Германии, вся законодательная деятельность была фактически закреплена за правительством. Оно наделялось полномочиями принимать любые законы без какой-либо санкции парламента (Рейхстага). При этом допускалось, что такие законы могли и не соответствовать конституции. Международные договоры не нуждались более в ратификации парламента. Канцлер наделялся исключительными прерогативами на разработку и внесение на рассмотрение правительства проектов законов. Последние вступали в силу на следующий день после их утверждения.

Характерными признаками буржуазно-демократического режима являются следующие: конституционное провозглашение и частичное осуществление социально-экономических и политических прав граждан и их организаций, существование ряда политических (в том числе оппозиционных) партий, выборность и сменяемость центральных и местных органов государственной власти, официальное признание принципа буржуазно-демократической законности и конституционности, принципа разделения властей и др.

§ 2. Формы рабовладельческого государства

Будучи едиными по своей сущности, социальному содержанию и назначению, рабовладельческие государства отличались друг от друга значительным разнообразием методов государственного управления (политических режимов) и **форм**. Причины такого разнообразия коренились в различных конкретно-исторических условиях возникновения и развития каждого в отдельности рабовладельческого государства, в различном соотношении политических сил, степени остроты социальных противоречий, в неодинаковом уровне развития производительных сил в той или иной стране, различных географических, климатических и иных условиях существования того или иного государства.

Основными формами правления рабовладельческого государства являлись: монархия, аристократическая республика и демократическая республика.

Характерными особенностями **рабовладельческой монархии** являются жесткая централизация и концентрация всей государственной власти в руках наследственного монарха, сосредоточение всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти у единоличного главы государства.

Рабовладельческие монархии имели свои разновидности. Одной из таких разновидностей рабовладельческой монархии была восточная **деспотия**. Форму деспотии имели многие государства Древнего Востока (Вавилон, Египет, Индия и др.). Существование этой формы было обусловлено необходимостью создавать и поддерживать в порядке ирригационные сооружения, длительным сохранением в странах Древнего Востока общинного хозяйства, существованием коллективной собственности на воду, землю, на часть рабов. Созданию и укреплению деспотической власти во многом способствовало то обстоятельство, что во время ведения войн царь или фараон нередко становился во главе войска, обожествлялся и считался, например, в Древнем Египте богом, сыном бога солнца Ра. В Древнем Вавилоне царь выполнял роль верховного отправителя религиозных культов. Его власть рассматривалась как власть, исходящая от верховных божеств.

Царь или фараон выступал как крупный собственник. В его собственности находились огромные земельные угодья, многочисленные ирригационные сооружения, здания, рабы. Выполняя функции единоличного правителя, роль верховного руководителя ирригационными сооружениями и всем хозяйством страны, царь связывал как высший собственник в стране воедино все звенья политического и хозяйственного механизма страны. Постоянно опорой во всей деятельности царя был огромный военно-бюрократический аппарат, армия, полиция, чиновничество, жрецы. Последние, широко используя ограниченность сознания масс, скованность их традициями первобытнообщинного строя и сильную подверженность

их влиянию со стороны родоплеменной знати и вождей, усиленно насаждали и развивали культ фараона или царя.

Власть монарха в условиях Восточной деспотии формально представлялась неограниченной. Однако, в действительности она была ограниченной интересами и влиянием военно-чиновничьей знати и жрецов¹. В Древнем Вавилоне власть деспота в значительной мере ограничивались властью и влиянием крупной торговой знати. В истории Древнего Египта и ряда других государств Древнего Востока нередко были случаи организации заговоров и свержения фараонов, пытавшихся проводить политику, не соответствующую воле и интересам верхушки рабовладельческого класса, знати и жрецов.

В большинстве рабовладельческих государств Древнего Востока ограничение власти царя носило не формально-юридический, а фактический характер. Лишь в некоторых из них оно нашло свое отражение в законодательстве. Примером правового ограничения власти царя могут служить Законы Ману, составленные в Индии в период между II в. до н. э. и II в. н. э. В них прямо предписывалось царю держать в страхе своих подданных, налагать "неустанно наказание на заслуживающих его", "охранять подданных", проявлять "крайнее старание в обуздании воров", ибо "от обуздания воров его слава возрастает, и страна процветает", принимать на себя "обязательство по исполнению драхмы", то есть по выполнению проявил добродетельного поведения человека, соответствующее занимаемому им положению, "ежегодно заставлять простой народ, живущий в стране (самостоятельным) промыслом, платить нечто, называемое налогом". "Царь, который по неразумению беспечно мучает свою страну, — говорится в Законах Ману, — немедленно лишается вместе с родственниками страны и жизни".

От восточной деспотии значительно отличалась **монархическая форма** правления рабовладельческого государства Древнего Рима. Она возникла в 27 г. до н. э. и существовала вплоть до 476 г. н. э. В своем развитии эта форма прошла два этапа: этап принципата (с 27 г. до н. э. и до 284 г. н. э.) и этап домината (с 284 г. н. э. до 476 г. н. э.) На первом этапе шел процесс становления и развития монархической формы рабовладельческого Рима, сочетающийся с процессом постепенной утраты своего значения республиканских учреждений, а на втором — процесс ее разложения, выступающий как следствие процесса разложения самого рабовладельческого общества и государства и зарождения новых, феодальных отношений.

В отличие от восточных деспотий монархическая форма рабовладельческого Рима основывалась на гораздо более развитых рабовладельческих производственных отношениях. От республикан-

¹ См.: История государства и права зарубежных стран / Отв. ред. О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова. М., 1996. С. 14—17.

ской формы правления (509—27 гг. до н. э.) к монархической римское государство шло через переходные формы правления — военные диктатуры. Отличительной особенностью монархической формы рабовладельческого Рима было существование на первых стадиях ее развития наряду с монархическими институтами ряда республиканских институтов и учреждений. На более поздних стадиях развития рабовладельческого общества (III в. н. э.) в Риме установилась и длительное время функционировала высоко централизованная военно-бюрократическая монархия. Ее основной опорой на всех этапах развития неизменно оставалась армия.

Рабовладельческая аристократическая республика существовала в Риме в период с VI по I в. до н. э. С точки зрения экономического и социально-политического развития римского общества и соответствующих изменений, имевших место в государстве и праве, данный отрезок времени подразделяется на две составные части: период становления и упрочения республики (VI—IV вв. до н. э.) и период ее расцвета и упадка (III—I вв. до н. э.). Органами государственной власти в Римской республике формально считались народные собрания, которые были правомочны принимать решения, имеющие юридическую силу. Однако эти собрания не обладали правом законодательной инициативы, а могли лишь принимать или отклонять предложения магистратов — должностных лиц, выбираемых из представителей класса рабовладельцев и уполномочиваемых на выполнение функций в области судопроизводства и управления.

К тому же решения народных собраний нуждались некоторое время в утверждении **Сенатом**. Последний состоял из представителей крупной земельной, торговой и военной аристократии, избирался недемократическим путем — консулами, а с IV в. до н. э. — цензорами, составлявшими списки сенаторов. Сенат сосредоточивал в себе важнейшие государственно-властные прерогативы. Он обладал значительными полномочиями в различных сферах государственной деятельности. В области **законодательной**, помимо утверждения законов, принятых собраниями, Сенат обладал в ряде случаев правом полной отмены или временного приостановления действия законов. В **административной** области он обладал полномочиями на издание общих распоряжений, касающихся укрепления общественного порядка, внутренней и внешней безопасности государства, религиозных культов, вопросов войны и мира. В области **финансовой** деятельности Сенат имел право распоряжаться государственной казной, составлять планы государственных и военных расходов, устанавливая обычные и дополнительные налоги. В случаях обострения социальных противоречий, угрожавших устоям рабовладельческого общества, или в случаях нападения на страну извне, Сенат имел право на учреждение диктатуры и предоставление **чрезвычайных** полномочий должностному лицу — диктатору.

Рабовладельческая демократическая республика, классическим примером которой было Афинское государство, отличалось тем, что в формировании ее высших государственных органов принимали участие не только представители господствующего класса рабовладельцев, но и свободные граждане. В Афинах сложились также демократические принципы замещения должностей: выборность, подотчетность, сменяемость и другие. Выборы проводились путем голосования в народном собрании или использования жребия.

Высшим органом государственной власти Афинского государства было Народное собрание. К его ведению относился широкий круг вопросов. Оно принимало законы и издавало постановления по ряду частных проблем, решало вопросы войны и мира, заключало или расторгало договоры и союзы с другими государствами, рассматривало заявления о государственных преступлениях и выступало в качестве судебной инстанции. На деятельность Народного собрания значительное влияние оказывал высший орган управления государственными делами — Совет пятисот. Наряду с другими представительными органами Афинского государства он избирался на один год. Совет пятисот подготавливал законопроекты, а также другие документы, относящиеся к ведению Народного собрания, распоряжался финансами государства, делал заключения по ряду законодательных предложений; контролировал деятельность должностных лиц, проводил решения, принятые Народным собранием, в жизнь¹.

Порядок формирования и деятельности Народного собрания и других государственных органов несомненно свидетельствует о демократизме Афинского государства. Однако это был весьма ограниченный, узкоклассовый демократизм. Он полностью исключал от участия в общественно-политической жизни женщин, всех граждан, не достигших двадцатилетнего возраста, бывших рабов — вольноотпущенников и других членов Афинского общества.

§ 3. Формы феодального государства

Важную роль в процессе существования и функционирования феодального государства играет его форма. Так же, как и у других типов государства, она распадается на три части: форма правления, форма государственного устройства и политический режим.

Наиболее важной составной частью формы феодального государства является форма правления. В силу этого в научной и учебной литературе ей обычно и уделяется наибольшее внимание.

Что собой она представляла в условиях феодализма? Какие разновидности форм управления были присущи феодальному го-

¹ Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 101—150, 233—282.

сударству? История свидетельствует, что наиболее распространенной формой его правления была монархия. В отдельных, довольно редких случаях имела место аристократическая республика.

Монархическая форма правления в условиях феодализма имела свои разновидности. В соответствии с этапами развития феодального строя выделялась феодальная монархия, сословно-представительная и абсолютная монархия. В ряде европейских стран раннефеодальная монархия существовала в период с VI по IX в., сословно-представительная монархия в период с X по XV в. и абсолютная — в период с XIV по XIX в.

Раннефеодальная монархия соответствовала периоду становления и первоначального развития феодального строя. Ее отличительными чертами и особенностями являлись: слабость центральной королевской власти; наличие в каждой стране самостоятельных или полусамостоятельных государств, княжеств или герцогств; слабая связь и практическая независимость крупных феодалов от центральных государственных органов. В политической и общественной жизни феодальных государств строго проводился принцип иерархического подчинения. Согласно ему низший слой феодальной знати (зачастую называемый рыцарством) находился в непосредственном подчинении у среднего (баронов во Франции, например). А средний, в свою очередь, — в непосредственной зависимости у высшего слоя (графов, князей, герцогов). Высший слой класса феодалов выступал в качестве вассала самого короля. Каждый феодал находился в вассальной зависимости лишь от своего непосредственного сеньора и был полностью свободен по отношению ко всем другим. Относительно самостоятельными, внутренне замкнутыми, имеющими свои собственные обычаи, судебные органы и дружины выступали также владения отдельных феодалов или домены. Взаимоотношения между феодалами строились по формуле "вассал моего вассала — не мой вассал". За нарушение королевского покровительства или отношений вассалитета между средними и низшими слоями феодалов виновные подвергались штрафам и другим наказаниям.

Во многих феодальных государствах, находившихся на ранней стадии развития, например, в ряде англосаксонских государств и во Франции королевская власть в течение длительного времени была выборной. За убийство короля предусматривалась такая же мера наказания, как и за убийство архиепископа. Наиболее важные государственные дела король рассматривал с участием "совета мудрых" (витанагемота), который состоял из представителей светской и духовной знати. Власть французских королей, формально являвшихся верховными сеньорами, в течение ряда веков (X—XII вв.) фактически осуществлялась лишь на ограниченной территории их собственной сеньории или домене. Королевская власть в значительной степени ограничивалась властью крупных феодалов,

не желавших даже юридически признавать ее и постоянно выступавших против усиления ее влияния.

Сословно-представительная монархия соответствовала в основном периоду расцвета феодального экономического и социально-политического строя. В Англии, например, сословно-представительная монархия существовала в период с XIII в. по XIV в., во Франции — с XIV по XV в., в Польше — с XIV по XV в. Характерной особенностью данной формы правления феодального государства было значительное усиление (во Франции, Польше, России и других странах) центральной государственной власти, сосредоточение в руках монарха основных рычагов управления государственным делами, опора его не только на крупное дворянство, но и на широкие слои городского населения, а также на мелкое и среднее дворянство.

В условиях феодальной раздробленности сам факт существования и последующего усиления центральной государственной власти имел исторически прогрессивное значение. Монархическая власть была представительницей "порядка в беспорядке", представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства.

В условиях сословно-представительной монархии наряду с относительно сильной властью монарха, опиравшегося на мощную армию и широко разветвленный полицейский аппарат, существовали различные представительные органы. Они формировались из представителей духовенства, зажиточных слоев городского населения, дворянства и обладали широкими полномочиями. В России такими органами были земские соборы, в Англии — парламент, в Польше — общегосударственный вольный сейм, во Франции — Генеральные штаты и т. д. Сословно-представительные органы в известной степени ограничивали власть монарха, который вынужден был считаться с мнением и решениями входящих в них представителей духовенства и дворян.

В качестве одного из примеров подобного ограничения может служить издание в 1357 г. дофином (наследником французского престола) Карлом под давлением Генеральных штатов Франции "Великого мартовского ордонанса". Издание его обуславливалось особыми, неблагоприятными для всего класса феодалов Франции и особенно для французского короля обстоятельствами, вызванными парижским восстанием (1356—1358 гг.), а также разгромом французской армии в Столетней войне, и рассматривалось как значительная уступка со стороны французского короля сословно-представительному органу — Генеральным штатам.

В ордонансе, в частности, говорилось о том, что данный акт, "изданный после собрания трех сословий королевства Франции", содержит в себе "многие постановления по разным вопросам". Среди них "постановления" об "исправлении и уничтожении" "таких больших недочетов, от которых страдает государство"; об устране-

нии от государственных дел тех лиц, которые “так дурно управляли государством” и привлечении к решению этих дел “хороших честных людей, сведущих, рачительных и верных”; о необходимости установления такого порядка, при котором бы дофином Карлом “и другими судьями и должностными лицами государства впредь отправлялся, поддерживался и охранялся правый и справедливый суд, а всякие притеснения, вымогательства и незаконные поборы, которые взыскивались в прежнее время с народа всевозможными способами и путями, займами, правом захвата, соляным налогом и другими обложениями, а также порчей монеты и иначе, впредь были совершенно прекращены”.

Абсолютная монархия образовалась и функционировала в период упадка и разложения феодализма и возникновения в недрах феодального общества зачатков капитализма. Она была последней формой существования феодальных государств.

Существование абсолютной монархии соответствует периоду завершения процесса формирования высокоцентрализованных феодальных государств. В Англии, например, — этот период длился с начала XVI до первой половины XVII в., во Франции — с начала XVI до конца XVIII в., в Германии — с начала XVII до конца XVIII в., в России — это был период существования Российской Империи при Петре I и Екатерине II.

Абсолютная монархия характеризуется чрезмерным усилением единоличной власти монарха и значительным ослаблением или полной утратой прежней роли сословно-представительных органов. Монарх сосредоточивает в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти. Он устанавливает полный контроль над всей территорией страны, обладает правом наложения и взыскания всякого рода пошлин, налогов, штрафов, содержания постоянной армии и принудительного призыва на военную службу, правом произвольного назначения на государственные должности и смещения, вынесения окончательных судебных приговоров или помилования.

Сохраняющиеся некоторое время в условиях абсолютизма сословно-представительные органы превращаются в сугубо формальные, оказывающие очень слабое влияние на государственную жизнь учреждения. Таковым был, например, сохранившийся в государственной структуре Франции после роспуска Генеральных штатов Парижский парламент. Несмотря на свое претенциозное название данный орган не имел ни законодательных, ни управленческих, ни даже совещательных полномочий. Он обладал лишь регистрационными функциями в отношении указов короля, а также (согласно королевскому эдикту 1641 г.) полномочиями наряду с учрежденными трибуналами “давать правосудие нашим подданным”. В специальном “Эдикте, запрещающем парламентам вмешиваться в государственные дела и администрацию” (1641 г.), король строжайше запрещал “нашему парижскому парламенту и прочим нашим три-

буналам" брать в свое ведение дела, "которые могут касаться государства, администрации и правительства". "Эти дела, — указывал король в своем эдикте, — мы оставляем исключительно за нашими преемниками, если только мы не дадим им нашими грамотами власти и специального поручения, сохраняя за собой право спрашивать мнение нашего парламента относительно государственных дел в тех случаях, когда мы сочтем это полезным для блага нашей службы".

Своеобразной формой феодального государства была **аристократическая республика**. Она существовали лишь в отдельных странах и при этом распространялась на небольшую, относительно замкнутую территорию. В качестве примеров таких республик могут служить торгово-промышленные республики, существовавшие в некоторых городах России (Великий Новгород и Псков), Италии (Венеция, Флоренция) и др.), Нидерландах, Германии и др.

Высшими органами власти и управления республик были городские советы, в состав которых входили в основном представители городской знати. Важнейшие рычаги власти и управления при республиканской форме правления феодального государства находились в руках богатой верхушки городского населения — духовенства, купцов, богатых ремесленников, помещиков-феодалов. Советы ведали всеми делами городов-республик — военными, торговыми, ремесленными и др.

Каждый город-республика имел все свое: войско, во главе которого нередко стоял приглашенный князь; городские трибуналы, ведавшие судебными делами; управленческий аппарат, обычаи и законы, территорию, суверенную власть и денежную систему. В Новгороде и некоторых других городах-республиках существовали также свои вече — собрания всех свободных горожан, на которых обсуждались и решались многие вопросы организации внутренней жизни и деятельности всего города-республики. Однако решающее слово в управлении государственными делами неизменно принадлежало Советам феодальной аристократии в лице духовенства, купечества, зажиточных ремесленников и бояр.

§ 4. Формы капиталистического государства

В зависимости от конкретно-исторических условий своего возникновения и развития капиталистические государства облакаются в различные **формы** правления и государственного устройства, а также имеют различный политический, а точнее — государственный режим. Изменение форм капиталистического государства и методов осуществления государственной власти свидетельствует о приспособлении господствующих кругов к изменяющимся услови-

ям жизни капиталистического общества, новому соотношению социально-классовых сил, к изменяющейся экономической и социально-политической среде.

Формы правления буржуазного государства выступают как система или способ организации государственной власти, отличающиеся друг от друга источником государственно-властных полномочий государственных органов, порядком формирования и функционирования органов государственной власти, характером их субординации, принципами их взаимоотношений между собой и с населением.

Капиталистическому государству свойственны две основные формы правления: конституционная монархия и буржуазная республика. Различие между этими формами определяется в конечном счете тем, каково положение главы государства — монарха и президента. В буржуазных монархиях глава государства, как правило, наследственный и его власть в формально-юридическом смысле считается независимой от любой иной власти, любого государственного органа или населения. Напротив, в буржуазных республиках глава государства избирается на определенный срок и его власть считается юридически зависимой, производной от власти парламента или избирателей.

Конституционная монархия возникает в тех странах, где буржуазия, в силу различных конкретно-исторических причин, не сразу приобретает экономическое и социально-политическое господство, идет на компромисс с дворянством, делит с ним государственную власть. Конституционная монархия является результатом эволюции абсолютной монархии, при которой верховная власть принадлежит всецело и неограниченно царю, результатом приспособления данного феодального института к изменившимся условиям, к интересам нового господствующего класса — буржуазии.

Проводя экономические и социально-политические преобразования феодального общества на свой лад, возглавляя антифеодальную революцию, буржуазия, однако, как новый, восходящий по сравнению с феодалами класс, зачастую ограничивается осуществлением лишь половинчатых мер, довольствуется лишь частичными экономическими и социально-политическими изменениями в обществе.

При этом она испытывает панический страх не только и даже не столько перед частично сохраняющим свои позиции в экономической и социально-политической структуре общества классом феодалов-крепостников, сколько перед трудящимися слоями общества, перед пролетариатом. В этом заключается одна из причин того, что буржуазия в ряде случаев, с учетом сложившегося в обществе соотношения сил, предпочитает либеральную по своему характеру конституционную монархию.

Конституционная монархия делится на два вида: **парламентарную** и **дуалистическую**. В **парламентарных монархиях**, являющихся наиболее распространенными формами монархии в настоящее время, правительство формируется партией, получившей во время выборов большинство голосов в парламенте, или партиями, располагающими вместе большинством голосов. Лидер партии, обладающей большинством депутатских мест, становится главой правительства. Власть монарха является весьма ограниченной во всех сферах государственной жизни и деятельности и, прежде всего, в законодательной и исполнительной. Причем ограничение это имеет не формально-юридический, а фактический характер. Господствующие слои рассматривают конституционную монархию как своего рода резервное средство воздействия на трудящиеся массы, дополнительное средство защиты своих интересов в случае предельного обострения социально-классовых конфликтов.

При конституционной монархии законы принимаются парламентом и утверждаются монархом. Однако данная прерогатива монарха как и большинство других его полномочий имеет формальный характер. В силу сложившейся практики и конституционных обычаев монарх не отказывается в подписании принятых парламентом законопроектов.

Правительство, согласно конституционным положениям, несет ответственность не перед монархом, а перед парламентом. Существование парламентарной монархии является свидетельством полной победы буржуазии над феодалами в данной стране. В настоящее время парламентарная монархия существует в Великобритании, Бельгии, Голландии, Дании, Швеции и ряде других высоко развитых в промышленном отношении капиталистических стран.

В **дуалистических монархиях** правительство формируется независимо от партийного состава в парламенте и не несет парламентской ответственности. При данной форме правления власть носит двойственный (дуалистический) характер. Она юридически и фактически разделена между правительством, формируемым и ответственным перед монархом, и парламентом. Наследственный монарх выражает интересы класса феодалов, тогда как парламент представляет интересы класса буржуазии. Существование дуалистической монархии свидетельствует о слабости буржуазии в данной стране, о ее вынужденном делении государственной власти с феодалами. Дуалистическая монархия существовала в кайзеровской Германии (1871—1918 гг.), в Эфиопии, Иране и других странах.

Высшей формой правления буржуазного государства считается **республика**. Она выступает как законченная в формально-юридическом смысле, наиболее прогрессивная и демократическая фор-

ма правления. Буржуазная республика подразделяется на два основных вида: парламентарную и президентскую республику.

Отличительными чертами **парламентарной республики** являются: верховенство парламента; ответственность правительства за свою деятельность перед парламентом, а не перед президентом; формирование правительства на парламентской основе из числа лидеров политических партий, располагающих большинством голосов в парламенте; избрание главы государства либо непосредственно парламентом, либо специальной коллегией, образуемой парламентом. В парламентарной республике глава государства не играет сколько-нибудь существенной роли среди других государственных органов. Правительство формируется и возглавляется премьер-министром. Парламентарные республики в настоящее время существуют в Австрии, ФРГ, Италии, Швейцарии и других странах.

Президентская республика характеризуется такими признаками, как соединение в руках президента полномочий главы государства и правительства, отсутствие института парламентской ответственности правительства, внепарламентский метод избрания президента и формирования правительства, ответственность правительства перед президентом, сосредоточение в руках президента огромной политической, военной и социально-экономической власти; отсутствие у парламента права на объявления вотума недоверия правительству. Наиболее типичными примерами президентской республики могут служить США и Франция. Президентскую республику иногда именуют дуалистической республикой, подчеркивая тем самым факт сосредоточения сильной исполнительной власти в руках президента, а законодательной — в руках парламента.

В отличие от форм правления **формы государственного устройства** указывают на характер отношения государства как целого с его различными составными частями, выступающими в виде субъектов федерации или административно-территориальных единиц.

По форме государственного устройства капиталистические государства подразделяются на унитарные и федеративные. **Унитарное государство** представляет собой единое централизованное государство, состоящее из различных административно-территориальных единиц (округов, кантонов, дистриктов и т. п.) и не имеющее в своем составе других государств или государственных образований. К унитарным государствам относятся Англия, Франция, Италия, Швеция, Япония и другие.

Для унитарного государства характерно наличие единой системы центральных органов власти и управления, единой конституции, построенной на ее основе системы права, гражданства. Округа, кантоны и другие административно-территориальные единицы

не обладают даже относительной политической самостоятельностью, а осуществляют лишь административные функции.

Федеративное государство в отличие от унитарного выступает как союз двух или более государственных образований (штатов, земель, провинций, кантонов и т. п.), каждое из которых обладает определенной юридически очерченной и закрепленной политической самостоятельностью, имеет, наряду с федеральными органами, систему своих собственных законодательных, исполнительно-распорядительных и судебных органов, свою конституцию, соответствующую общенациональной конституции, систему права и т. д.

Подавляющее большинство федераций строится не по национальному, а по территориальному, национально-территориальному признакам, на основе географических и иных особенностей.

Глава VIII. Функции государства

§ 1. Понятие и классификация функций государства

Научное познание государства любого исторического типа обязательно предполагает рассмотрение его функций, представляющих собой важнейшие качественные характеристики и ориентиры не только собственно государства как особой организации публичной власти, но и общества в целом.

Функции государства — это основные направления внутренней и внешней деятельности государства, в которых выражаются и конкретизируются его классовая и общечеловеческая сущность и социальное назначение.

В этом определении выделены наиболее существенные признаки функций государства.

1. Функции государства непосредственно выражают и предметно конкретизируют его классовую и общечеловеческую сущность. Их содержание учитывает классовые, групповые (корпоративные), национальные и частные интересы членов общества.

2. В функциях государства воплощается и раскрывается его активная служебная роль как важнейшей части надстройки по отношению к своему базису, реализуется разносторонняя практическая деятельность внутри страны и на международной арене.

3. Функции государства возникают и развиваются соответственно его историческим задачам и целям. Государство выполняет свое социальное назначение посредством осуществления соответствующих ему функций, представляющих собой устойчиво сложившиеся основные направления его деятельности.

4. В функциях государств различных исторических типов проявляются и объективируются присущие им особенности и закономерности развития, динамика социально-экономических, политических и духовных преобразований в жизни общества.

В связи с тем, что государство выполняет множество функций, содержание которых весьма разнообразно, необходима их научная классификация.

Рассмотрим некоторые основания (критерии) такой классификации.

Наиболее общими критериями отграничения одной функции от другой являются: во-первых, *особенности объекта государственного воздействия*, своеобразие тех общественных отношений, на которые государство воздействует в процессе своей деятельности; во-вторых, *обусловленная последними специфика содержания каждой функции*, то есть более или менее однородных, близких друг к другу видов государственной деятельности.

В зависимости от того, в какой сфере общественной жизни — внутренней или внешней — осуществляются те или иные функции государства, разрешению каких задач они служат — внутривнутриполитических или внешнеполитических — они подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние функции государства — это, например, экономическая, экологическая, функция развития культуры, науки и образования. К внешним функциям относятся: оборона страны, обеспечение мира и поддержка мирового порядка и т. д.

Среди внутренних и внешних функций государства различаются функции основные и неосновные.

Основные функции — это наиболее общие, важнейшие направления деятельности государства по осуществлению коренных стратегических задач и целей, стоящих перед ним в определенный исторический период.

Основным функциям государства присущ ряд общих черт.

Во-первых, в них наиболее выпукло проявляется классовая и общечеловеческая сущность государства, его социальное назначение. Достаточно сопоставить, например, такие направления деятельности государства, как, с одной стороны, налаживание средств связи, обеспечение ремонта и строительства дорог, работы транспорта, участие в международных конвенциях о защите растений от болезней, борьба с эпидемиями и др., с другой стороны, экономическая, социальная деятельность государства, осуществляемая им охрана прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка, оборона страны и др.

Во-вторых, в отличие от многочисленных государственных функций, осуществляемых, как правило, специально предназначенными для этого органами (например, здравоохранение, социальное обеспечение, высшее образование, финансовая деятельность, дипломатия, внешняя торговля и т. д.), основные функции относятся к деятельности государства в целом, выполняются, хотя и в разной мере, всеми или многими звеньями государственного аппарата.

В-третьих, с точки зрения своего содержания и структуры основная функция носит комплексный, собирательный характер, требует системного анализа. Она воплощает сосредоточение усилий государства на одном из решающих, генеральных направлений его внутренней или внешней деятельности. Ее объектом является широкий круг обладающих известным сходством общественных отношений в какой-то определенной большой области социальной жизни.

Сообразно с этим основные функции государства группируют по наиболее важным направлениям государственного воздействия на общественные отношения множество других его функций, именуемых *неосновными функциями*. Последние, будучи составными структурными частями основных функций, представляют собой направления деятельности государства по выполнению его задач в конкретной, и в этом смысле более узкой сфере общественной жизни.

Необходимо помнить, что термин "неосновные функции" условный. Его употребление правомерно лишь постольку, поскольку помогает выделить из множества различных государственных функций более широкие по объему и общие по содержанию основные функции государства.

Важно подчеркнуть, что основная функция — не конгломерат, а определенная, проникнутая внутренним единством и целеустремленностью система многочисленных направлений деятельности государства. Эта система отличается от составляющих ее элементов.

От основных и неосновных функций государственных органов следует ограничивать функции органов государства, то есть реализацию компетенции, прав и обязанностей отдельных органов в соответствии с их местом и назначением в государственном механизме и политической системе общества.

Осуществление основных функций государства по своему содержанию есть непрерывный процесс реализации многочисленных неосновных государственных функций и функций отдельных государственных органов. Соотношение между указанными разновидностями государственных функций отражает диалектику общего, особенного и единичного в деятельности государства.

Рассмотрение понятия основных функций государства требует ответа и на вопрос об их взаимодействии с его задачами и принципами деятельности.

Задачи и функции государства — явления соотносимые, тесно взаимосвязанные, но не совпадающие. Их нельзя ни противопоставлять, ни отождествлять.

В задачах государства определяются его социальное назначение, историческая миссия в тот или иной исторический период.

Задачи государства имеют исходное значение по отношению к его функциям, являются их ближайшей непосредственной предпосылкой. В задачах концентрируется и преломляется воздействие экономики и политики на развитие функций государства.

В свою очередь, функции государства представляют собой средство реализации, выполнения его задач. Задачи государства воплощаются в жизнь посредством осуществления его функций.

Не следует также смешивать функции государства с принципами его формирования и деятельности.

Некоторые авторы¹ относят, например, к числу функций современного Российского государства обеспечение народовластия, видят основное назначение такой функции в осуществлении государством посредством представительных и иных органов власти волеизъявления народа по руководству обществом. В действительности же обеспечение народовластия, развитие демократии представляет собой не какую-то отдельную функцию нынешнего Рос-

¹ См.: Морозова Л. А. Функции Российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 103—104.

сийского государства, а один из закрепленных в главе 1 Конституции Российской Федерации основных принципов его организации и деятельности, одну из основ конституционного строя. Этот и другие принципы Российского государства пронизывают все его функции, оказывают активное воздействие на их развитие, лежат в основе выполнения каждой из них.

В процессе исторического развития государства в его функциях происходят изменения: одни из них отпадают, другие — углубляются и видоизменяют свое содержание, третьи — возникают вновь. Но во всех случаях они обуславливаются свойственными определенной исторической эпохе экономической и социально-классовой структурой общества, сущностью государства и его социальным назначением. Поэтому функции конкретного государства должны рассматриваться с учетом его принадлежности к определенному типу государства.

§ 2. Основные внутренние функции

Россия переживает один из важнейших этапов развития своей государственности, правовой каркас которого очерчен в принятой путем референдума 12 декабря 1993 г. Конституции. Данный этап начался переходным периодом осуществления коренных политических, социально-экономических и духовных преобразований, формирования основанного на рыночной экономике гражданского общества и демократического социального правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью. С выполнением этих задач непосредственно связано изменение и развитие функций Российского государства по сравнению с периодом до прекращения существования СССР.

Рыночная реформа заметно ограничила пределы и видоизменила механизм воздействия государства на экономические отношения, создала условия для развития частной собственности и свободного предпринимательства, привела к разгосударствлению экономики. Демонтаж административно-командной системы устранил монополию государственного руководства экономикой, свойственную хозяйственно-организаторской функции социалистического государства, расчистил дорогу рыночным отношениям. В обстановке экономической независимости система уравнительного распределения материальных благ перестала соответствовать новым экономическим отношениям, превратилась в сдерживающий фактор их развития. В связи с этим отпала необходимость в функции государственного контроля за мерой труда и мерой потребления. В новых условиях существенно изменилось и вместе с тем осложнилось содержание хозяйственно-организаторской, культурно-воспитательной и других внутренних функций, ранее выполнявшихся Совет-

ским государством; в одну из основных превратилась функция сбора налогов.

Соответственно возникла необходимость внести уточнения как в саму систему функций, так и в их названия. В современный период *Российскому государству присущи следующие основные внутренние функции*: экономическая; социальная; развития культуры, науки и образования; налогообложения и взимания налогов; экологическая; охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка.

Экономическая функция. В ней наиболее полно проявляется современная роль государства в области хозяйствования. В основе этой функции лежит жизненно необходимая реальная рыночная реформа, призванная коренным образом трансформировать экономический механизм России.

За прошедшие годы уже обозначились некоторые важные элементы рыночных отношений: экономическая свобода, право собственности, работающие рынки товаров и услуг. Вместе с тем возникла необходимость поиска оптимальных способов участия государства в экономических процессах, налаживания эффективного государственного регулирования, совместимого с рыночными механизмами. В этом главная особенность экономической функции современного Российского государства по сравнению с хозяйственно-организаторской функцией Советского государства по всеобъемлющему руководству экономикой.

Сегодня экономическая функция охватывает такие направления государственной деятельности, как структурная перестройка российской экономики, при которой будет производиться только продукция, жизненно необходимая человеку, государству, мировому рынку; преимущественная поддержка стратегических, высококонкурентных на мировом рынке и социально значимых для России производств; демонополизация производства; реальная поддержка производителей, в том числе малого предпринимательства; целенаправленная инвестиционная политика; отстаивание интересов российских компаний на внутреннем и мировом рынке; продолжение приватизации; реформа экономического механизма аграрного сектора и прежде всего обеспечение права частной собственности на землю; постепенное снижение темпов инфляции и торможение роста цен; приостановка спада производства; формирование современной системы расчетов и начало глубокой реформы Центрального банка и т. д.

Особое место в правовом обеспечении осуществления экономической функции принадлежит новому Гражданскому кодексу Российской Федерации. С принятием его в полном объеме создана всеобъемлющая правовая основа рыночной экономики, общества цивилизованных собственников, экономической свободы человека, партнерских отношений между гражданином и государством.

Социальная функция. Она проистекает из предпосылки, что, как записано в ст. 7 Конституции, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Содержание этой функции многозначное: в государстве охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развивается система социальных служб; устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Социальная функция государства направлена на смягчение и преодоление таких издержек нынешнего переходного периода, как бедность, углубление неравенства и рост безработицы; на стабилизацию уровня жизни населения и более равномерное распределение бремени экономических трудностей между различными группами населения.

Правовому обеспечению социальной функции служат закон РСФСР о государственных пенсиях, Семейный кодекс РФ, законы РФ “О страховании”, “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”, указы Президента Российской Федерации “О неотложных мерах по обеспечению здоровья населения”, “О социальной защите инвалидов в РФ”, “О мерах по восстановлению сбережений граждан РФ” и др.

Функция развития культуры, науки и образования. Эта функция сложилась вместо ранее осуществлявшейся культурно-воспитательной функции со свойственным ей доминированием монопольной государственной идеологии. В отличие от прежней нынешняя функция развития культуры, науки и образования зиждется на признании Конституцией Российской Федерации (ст. 13) идеологического многообразия, согласно которому никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Статьей 44 Конституции каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, охрана интеллектуальной собственности.

Содержание этой функции сегодня составляет разносторонняя государственная поддержка развития культуры — литературы, искусства, театра, кино, музыки, живописи, архитектуры и т. д.; физической культуры и спорта; радио, телевидения и других средств массовой информации; сохранение историко-культурных памятников, исторических комплексов, заповедных территорий, архивов, музеев, библиотек.

В содержание данной функции входят также: государственная поддержка развития науки, ее естественной интеграции в но-

вые рыночные условия; создание благоприятных условий для творческой деятельности научных коллективов и для свободной состязательности различных школ и направлений; поддержка приоритетного развития фундаментальных теоретических исследований и принципиально новых технологий; эффективное использование как образовательного, так и научного потенциала высшей школы, развитие интеграции науки и высшего образования; меры по улучшению работы общеобразовательной школы.

Правовую основу осуществления данной функции составляют Основы законодательства РФ о культуре, Закон РФ "Об образовании" (с изменениями и дополнениями), указы Президента Российской Федерации "О государственной поддержке Российского фонда культуры", "О некоторых мерах по усилению государственной поддержки науки и высших учебных заведений РФ" и др.

Экологическая функция, или функция охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Объективным фактором, вызывающим необходимость такой основной государственной функции, является развитие научно-технической революции и ее последствия для человека. Имея огромные блага для людей, НТР одновременно с тем неизбежно связана с многократно возросшим вовлечением окружающей природной среды в общественное производство, что, в свою очередь, вызывает разного рода негативные последствия в экологических системах; ведет к загрязнению воздуха и водных источников, повышенной радиации, создает угрозу растительному и животному миру, здоровью и жизни человека. В этих условиях проблема экологии вышла на передний план не только в пределах отдельной страны, но и в глобальном, международном масштабе, превратилась в проблему спасения земли, сохранения человечества.

Основное содержание экологической функции составляют государственное управление и координация деятельности в области охраны окружающей среды, регулирования природопользования, обеспечения экологической безопасности, оздоровления и улучшения качества окружающей среды.

Ведущая роль в осуществлении экологической функции принадлежит Министерству природных ресурсов РФ и Государственному Комитету РФ по охране окружающей среды.

Вместе с ними в выполнении этой функции, применительно к своему профилю, участвуют Министерство по атомной энергии, Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Комитеты Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству, по рыболовству, по стандартизации, метрологии и сертификации и другие ведомства.

С помощью законодательства государство устанавливает правовой режим природопользования, берет на себя обязательства перед своими гражданами по обеспечению нормальной среды обита-

ния. Основными нормативными актами, регулирующими данную сферу отношений, являются Конституция Российской Федерации и законы Российской Федерации "Об охране окружающей среды", "Основы лесного законодательства", "О недрах", "Об экологической экспертизе", "О радиационной безопасности населения" и др.

Функция налогообложения и взимания налогов. Это направление деятельности государства охватывалось ранее более общей, хозяйственно-организаторской функцией.

В новых условиях развития России в силу возрастания роли, значительного расширения объема и усложнения содержания данная функция, будучи тесно связанной с экономической, вместе с тем выделилась в одну из самостоятельных основных функций. Ее содержание составляют формирование и пополнение казны, прежде всего государственного бюджета, как федерального, так и субъектов Федерации, а также муниципального бюджета за счет всех видов налогов, в том числе налога на прибыль предприятий, основанных на всех формах собственности, налога на добавленную стоимость, акцизов, подоходного налога с граждан и т. п., а также предусмотренных законом финансовых сборов, пошлин и платежей.

Базовым нормативным актом выполнения рассматриваемой функции выступает Закон Российской Федерации "Об основах налоговой системы РФ". В нем определены виды налогов, объекты налогообложения, права, обязанности, ответственность налогоплательщиков и т. д. Контроль за исполнением данного закона возложен на Государственную налоговую службу и Федеральные органы налоговой полиции, которые проверяют правильность исчисления налогов, своевременность их уплаты, выявляют налоговые правонарушения и преступления.

Кроме того, они призваны обеспечивать соблюдение законодательства гражданами, занимающимися предпринимательской деятельностью, выдавать лицам, осуществляющим индивидуальную трудовую деятельность, патенты и регистрационные удостоверения.

Нынешние кризисные явления в экономике с особой остротой поставили перед рассматриваемой функцией задачу оптимального сбора налогов в казну. Однако одновременно с этим, по мере стабилизации обстановки, все полнее и целенаправленнее должно проявлять себя и такое важное назначение налоговой функции, как ее регулирующее воздействие на экономику.

Функция охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка. В современных условиях существенные изменения и развитие претерпели каждый из неразрывно связанных между собой составных компонентов содержания этой триединой функции.

Конституция Российской Федерации (ст. 2), признав человека, его права и свободы высшей ценностью, впервые закрепила защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве обязанности

государства. Тем самым охрана и развитие политических, экономических, социальных, культурных, личных прав и свобод граждан составляют смысл деятельности всех законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти.

Новым моментом в содержании данной функции является также то, что согласно ст. 8 Конституции в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Сообразно с этим прежде всего должна осуществляться равная правовая защита всех форм собственности.

В современной обстановке возросло значение охраны правопорядка, предусматривающей обеспечение режима законности, предупреждение и сокращение правонарушений.

С учетом опасных тенденций в динамике роста и структуре преступности, представляющей угрозу национальной безопасности России, главное в охране правопорядка сегодня — это обуздание преступности.

В последнее время предприняты меры по концентрации усилий государства на этом важном направлении, подготовлена Федеральная программа борьбы с преступностью на ближайшие годы.

Особое место в правовом обеспечении борьбы с преступностью призван занять новый Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 1 января 1997 г. Важная роль в этом принадлежит также законам РФ "О прокуратуре РФ" (новая редакция), "Об оперативно-розыскной деятельности", указам Президента Российской Федерации "О защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности", "О мерах по усилению борьбы с терроризмом" и др.

Неотложной мерой укрепления правовой основы обеспечения борьбы с преступностью является принятие новых Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации.

§ 3. Основные внешние функции

В течение последнего времени изменилась не только Россия, но и весь мир. Ушли в прошлое глобальная конфронтация и прямая угроза ядерной войны.

Соответственно существенные изменения претерпели основные внешние функции Российского государства. Одни из них отпали (функции взаимопомощи и сотрудничества с социалистическими странами, помощи развивающимся государствам и народам), другие — получили дальнейшее, адекватное новым условиям развитие (функции в области обороны страны, борьбы за мир), третьи — возникли вновь (функции сотрудничества со странами СНГ, интеграции в мировую экономику).

Последовательное продвижение национальных интересов через открытость и сотрудничество в международных отношениях, обеспечение благоприятных условий для внутреннего развития и продолжения реформ — таковы задачи внешней политики Российского государства в современный период. Сообразно этому оно осуществляет следующие *основные внешние функции*: оборону страны; обеспечение мира и поддержание мирового порядка: сотрудничество и укрепление связей со странами СНГ; интеграцию в мировую экономику и сотрудничество с другими странами в решении глобальных проблем.

Функция обороны страны. Несмотря на улучшение международной обстановки, у России еще немало внешнеполитических проблем. Сохраняется возможность неблагоприятных для нее геополитических изменений, в первую очередь, связанных с возможностью расширения НАТО на Восток. Не исчезли очаги локальных конфликтов у российских границ.

Соответственно одно из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Российского государства — обеспечение его военной безопасности.

Согласно этой функции Вооруженные Силы РФ предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории России, а также для выполнения задач в соответствии с ее международными договорами.

Оборона страны, формирование и функционирование Вооруженных Сил России, других войск и воинских формирований, привлекаемых к обороне, осуществляются в соответствии с Конституцией Российской Федерации и ее законами по военным вопросам, пакет которых пополнился новым Федеральным законом "Об обороне". Данный Федеральный закон определяет основы и организацию обороны России, полномочия органов федеральной власти, функции органов государственной власти субъектов РФ, организаций и их должностных лиц, права и обязанности граждан России в области обороны, силы и средства, привлекаемые для обороны, ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в сфере обороны, а также другие касающиеся обороны нормы.

Функция обеспечения мира и поддержки мирового порядка. Приоритеты в деятельности Российского государства по обеспечению мира — это недопущение новой глобальной войны — горячей или холодной, укрепление обязательного для всех режима нераспространения оружия массового уничтожения и новейших военных технологий, повышение контролируемости международной торговли оружием при соблюдении российских коммерческих интересов в этой области, введение в действие Договора СНВ-2 и Конвенции о запрещении химического оружия.

Один из приоритетов многосторонней российской дипломатии — укрепление ООН, принятие такой модели реформирования этой организации, которая превращала бы ее в самый надежный и всеобъемлющий институт международного сотрудничества в целях обеспечения мира.

Россия все более уверенно занимает принадлежащее ей по праву место в мировой политике. Встречи глав семи ведущих стран мира постепенно становятся встречами "восьмерки" с равновесным участием России. Важным событием стало ее принятие в Совет Европы.

В силу своего потенциала, геополитического положения и влияния Российское государство несет особую ответственность за поддержание стабильности и порядка в современном многосложном мире. Сообразно этому одно из предназначений Вооруженных Сил Российской Федерации состоит в проведении операций с целью поддержания мира по решению Совета Безопасности ООН или в соответствии с международными обязательствами. Правовому обеспечению этой стороны рассматриваемой внешней функции служит Федеральный закон "О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности". Не менее важной формой участия России в преодолении возникающих в мире межнациональных и иных вооруженных конфликтов является соответствующая дипломатическая деятельность.

Функция сотрудничества и укрепления связей со странами СНГ. Эта новая основная функция возникла у Российского государства в связи с тем, что с образованием Содружества Независимых Государств отношения с новыми независимыми государствами на границах России, всемерное развитие СНГ поставлены во главу угла внешней политики России. Это — сфера особой ответственности и особых взаимных интересов России и ее соседей.

Вместе с тем здесь таятся и новые проблемы для России. Очаги конфликтов вблизи ее границ, затяжной кризис экономики, да и самой государственности в ряде стран СНГ создают серьезную угрозу безопасности нашей страны.

Осуществляя рассматриваемую функцию, Российское государство выступает за укрепление содружества прежде всего по линии формирования экономического союза, общего рынка СНГ, системы коллективной безопасности, совместной охраны границ; комплексного решения проблемы соблюдения на всей территории бывшего СССР международно признанных стандартов в области прав человека и национальных меньшинств, гражданства и защиты переселенцев, заботы о россиянах, оказавшихся за пределами Российской Федерации; создания единого информационного пространства.

Наглядным выражением новых моментов, перспектив и тенденции развития данной функции являются такие документы, как:

Договор о Союзе Республики Беларусь и России, Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях.

Функция интеграции в мировую экономику и сотрудничества с другими странами в решении глобальных проблем. В самостоятельную основную функцию данное направление деятельности Российского государства сложилось лишь в последний период его развития.

Новый характер международных связей открыл благоприятные возможности для более эффективной реализации интересов России в области экономики, торговли, бизнеса, научно-технического сотрудничества посредством ее интеграции в мировую экономику. Действуя в этом направлении, Россия вступила в основные международные экономические организации, заключила Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом. В настоящее время ведется работа по налаживанию на основе принципа партнерства полнокровного взаимодействия с США, с государствами Западной Европы, с большинством которых подписаны двусторонние документы, со многими государствами азиатско-тихоокеанского и других регионов. Важным фактором интеграции России в мировую экономику стало снятие ограничений на ее внешнеэкономические связи.

Внедрение России в мировую экономику привело к реконструированию всего механизма ее внешнеэкономической деятельности, посредством которой отечественный рынок тесным образом связывается с мировым. Устранена монополия государства во внешнеэкономических связях.

Изменение внешнеэкономической политики потребовало соответствующего правового обеспечения. В этих целях были приняты такие нормативно-правовые акты, как Закон РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности", Закон РСФСР "Об иностранных инвестициях в РСФСР", законы Российской Федерации "О валютном регулировании и валютном контроле", "О государственных внешних заимствованиях РФ и государственных кредитах, предоставляемых РФ иностранным государствам, их юридическим лицам и международным организациям", "О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы" и др.

Важной стороной данной функции является также сотрудничество России с другими странами мирового сообщества в решении глобальных проблем, затрагивающих интересы каждого народа и человечества в целом. Это — проблемы освоения космоса и безопасности планеты, защиты мирового океана, охраны растительного и животного мира, борьбы с эпидемиями и наиболее опасными болезнями, предотвращения и ликвидации последствий крупных производственных аварий, катастроф.

§ 4. Формы осуществления функций государства

В правовой литературе под формами осуществления функций государства понимаются: *во-первых*, деятельность основных звеньев механизма государства, специфические виды государственной деятельности в отличие от деятельности негосударственных организаций; *во-вторых*, однородная по своим внешним признакам деятельность органов государства, посредством которой реализуются его функции.

Согласно первому критерию основными формами осуществления функций государства являются: 1) законодательная; 2) управленческая (исполнительная); 3) судебная; 4) контрольно-надзорная.

Законодательная деятельность заключается в издании представительными и законодательными органами законов, обязательных для исполнения всеми государственными органами, общественными объединениями, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами.

Согласно Конституции РФ правом издавать федеральные законы наделено Федеральное Собрание — парламент России.

Управленческая или исполнительная деятельность представляет собой основанную на законах оперативную, повседневную реализацию органами исполнительной власти (государственного управления) функций государства в сферах развития экономики и культуры, социального обеспечения и здравоохранения, транспорта и связи, охраны общественного порядка и обороны страны и т. д.

Судебная деятельность охватывает реализацию функций государства путем осуществления правосудия всеми звеньями судебной системы страны.

Контрольно-надзорная деятельность — это выполнение функций государства посредством действия всех разновидностей государственного надзора и контроля за законностью. Особое место в системе этих средств занимает прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, осуществляемый Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами.

Каждая из названных форм с учетом свойственных ей способов и средств служит целям реализации функций государства.

Научное и практическое значение данной классификации состоит в том, что она способствует изучению и совершенствованию разделения труда между отдельными звеньями механизма государства по выполнению его функций, тесно соотносится с принципом разделения властей.

Наряду с изложенной в науке получила распространение имеющая не меньшую теоретико-практическую значимость *классификация, критерием которой является однородная по своим внешним признакам деятельность органов государства по осуществлению его функций*. Она служит выяснению того, как механизм

государства осуществляет его функции, *каким образом* государство использует право для выполнения своих задач и функций. Сообразно этой классификации в работе всех звеньев механизма государства различается деятельность *правовая и чисто фактическая* или, как представляется более целесообразным ее называть — *организационная*.

Деление форм осуществления функций государства на правовые и организационные не означает умаления или тем более отрицания первостепенной организующей роли права в общественной жизни. Правовые формы всегда являются организационными. Однако далеко не все организационные формы — правовые.

Под правовыми формами осуществления функций государства понимается однородная по своим внешним признакам (характеру и юридическим последствиям) деятельность государственных органов, связанная с изданием юридических актов. Соответственно этому к правовым формам реализации функций государства относятся правотворческая деятельность и правоприменительная деятельность, которая, в свою очередь, подразделяется на оперативно-исполнительную и правоохранительную.

Правотворческая деятельность — это форма осуществления функций государства путем издания нормативных актов, издания или санкционирования, изменения или отмены юридических норм.

Правоприменительная деятельность — это деятельность государственных органов по выполнению законов и подзаконных нормативных актов путем издания актов применения права. В правоприменительной деятельности, как отмечалось, выделяются оперативно-исполнительная и охранительная.

Оперативно-исполнительная деятельность представляет собой связанную с повседневным разрешением разносторонних вопросов управления делами общества властную, творческую исполнительно-распорядительную работу государственных органов по осуществлению функций государства путем издания актов применения норм права, служащих основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

Правоохранительная деятельность — это форма осуществления функций государства посредством властной оперативной работы государственных органов по охране норм права от нарушений, защите предоставленных гражданам субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей.

В результате правоохранительной деятельности издаются акты применения норм права (постановления следователей, протесты и представления прокуроров, приговоры и решения судов и т. п.). Специфика этих актов в том, что они служат целям профилактики преступлений и иных правонарушений, восстановления нарушенного права, реализации юридической ответственности лица, совершившего правонарушение, а следовательно, во всех случаях, —

охране прав личности, защите интересов граждан и общества в целом.

От правовых форм функционирования государства отличаются *чисто фактические или организационные формы* реализации его функций, которые заключаются в однородной по своим внешним признакам деятельности государства, не влекущей за собой юридических последствий. В то же время формы организационной, фактической деятельности так или иначе реализуются в пределах определенного правового урегулирования, на основе выполнения требований законности.

Выделяются следующие организационные формы деятельности государственных органов по осуществлению функций государства; а) организационно-регламентирующая; б) организационно-хозяйственная; в) организационно-идеологическая.

Организационно-регламентирующая деятельность — это оперативная текущая организационная работа по решению тех или иных конкретно-политических задач, технико-организационному обеспечению функционирования различных звеньев государственного механизма.

Организационно-хозяйственная деятельность — это оперативно-техническая, текущая хозяйственная работа (экономическое обоснование, контрольно-ревизионная деятельность, бухгалтерский учет, статистика, организация снабжения, сбыта и т. п.) по материальному обеспечению выполнения различных государственных функций.

Организационно-идеологическая деятельность — это повседневная оперативно-разъяснительная, воспитательная работа по обеспечению выполнения различных функций государства (например, разъяснение издаваемых законов и иных нормативных актов; формирование общественного мнения; работа средств массовой информации и т. д.).

Глава IX. Государство, право и экономика

§ 1. Соотношение государства и экономики в исторически разных социальных системах

Вопрос о соотношении государства и экономики практически существовал всегда, с тех пор как появилось первое государство и будет существовать до тех пор, пока будет существовать государство. Это один из “вечных” вопросов, который каждый раз по-новому встает перед каждой новой государственной организацией как на начальных стадиях ее возникновения и становления, так и на последующих этапах ее развития.

Естественно, он по-разному встает и перед каждым типом государства. Совершенно иначе он решается применительно, скажем, к рабовладельческому и феодальному государству. При этом дело заключается не только и даже не столько в разном уровне развития экономики, сколько в ее разном типе и характере. Экономика, существовавшая наряду с рабовладельческим государством и соотносившаяся с ним, с неизбежностью предполагала наличие полностью бесправной и полностью зависимой от государства огромной массы людей — рабов. Экономика же феодального общества и государства ориентировалась на полубесправный крепостной труд.

Решение проблем соотношения государства и экономики может осуществляться на двух разных уровнях и рассматриваться в двух планах: **общетеоретическом и прикладном, практическом.**

Рассмотрение проблем соотношения государства и экономики на **общетеоретическом уровне** означает выявление общих закономерностей их развития, взаимосвязи и взаимодействия, независимо от их типов и характеров; выявление и изучение свойственных им на разных стадиях и этапах истории тенденций эволюции; решение традиционного вопроса о приоритетности, а точнее — первичности и вторичности государства и экономики по отношению друг к другу.

В отечественной и зарубежной научной литературе вопрос о соотношении государства и экономики на **общетеоретическом уровне** решался и решается далеко неодинаково. В одних случаях первенство отдается экономике перед государством и политикой. В других, наоборот, — государству и политике перед экономикой. В третьих же случаях в отношениях между государством и экономикой усматривается некий паритет. Считается, что государство способно оказывать на экономику такое же воздействие, как и экономика на государство.

Наиболее острые и продолжительные споры традиционно возникали и продолжают вестись вокруг первой позиции, исходящей,

с одной стороны, из относительной самостоятельности государства как составной части политической структуры ("политики") по отношению к экономике и экономики — к государству, политике, а с другой — из приоритетного положения экономики перед государством и политикой.

Данная точка зрения, изложенная в наиболее полном виде в многочисленных трудах классиков марксизма-ленинизма и их последователей, не без основания именуется марксистской. Дореволюционные отечественные и зарубежные критики нередко именовали ее не "марксизмом", а "экономическим материализмом", добавляя при этом "восполняющие" пробелы в аргументации — термины "вульгарный", "догматический" и пр.¹

Современные ее критики избегают подобных эпитетов, но не упускают возможности поговорить о "заидеологизированности" концепции, разделяемой их оппонентами, о ее ненаучности, сомнительности вытекающих из нее выводов и пр. "В качестве преимущества марксистско-ленинского подхода к решению экономических вопросов, — говорилось в одном из курсов лекций по теории государства и права, — неизменно называлась его научность. Однако факт заидеологизированности теории и методологии делал сомнительным в научном отношении любые выводы рекомендации"².

Авторы этого суждения несомненно правы, когда говорят о "заидеологизированности" данной теории или подхода к решению проблемы соотношения государства и экономики. В мире еще не было и нет такой политической, экономической или социологической теории, которую можно было бы отнести в разряд незаидеологизированных.

Однако они весьма далеки от истины, когда, вопреки общеизвестным историческим фактам, в категорической форме утверждают, что "любые выводы и рекомендации", следовавшие из данной теории или подхода, были сомнительными в научном отношении. Более чем полувековой опыт доминирования и широкого использования данной теории в практической деятельности СССР и других стран, таких, как Китай, превратившихся в исторически короткий срок из слаборазвитых в высокоразвитые в промышленном и технологическом отношении страны, отвергает эти и другие им подобные суждения.

Разумеется, можно и нужно спорить с теми положениями теории первенства экономики над государством и политикой, которые абсолютизируют экономический фактор, пытаются объяснить все происходящие в обществе явления и события лишь экономическими причинами, отождествляют "социальное" с "экономическим", и пр. Но нельзя оспаривать то, что было многократно подтверждено

¹ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 100—109.

² Теория государства и права. Курс лекций. Уфа, 1994. С. 65.

самой жизнью, многовековой историей развития человеческого общества и в этом смысле стало очевидным. А именно — что экономическое развитие в конечном счете, в общем и целом, определяет собой основные тенденции и направления политического, идеологического, духовного развития общества, а не наоборот.

Появление рабского труда обуславливают собой с неизбежностью появление рабовладельческого государства, труда крепостных крестьян и ремесленников — возникновение феодального государства, наемного труда рабочих — капиталистического государства. Именно так совершается экономическое и государственное развитие, а не наоборот.

Конечно, процесс взаимосвязи и взаимообусловленности государства и экономики нельзя представлять упрощенно, как некий прямолинейный, односторонний процесс. Это весьма сложный, многосторонний процесс, на который оказывают влияние не только экономические, но и политические, духовные, идеологические, национальные, этнические и многие другие, выходящие за рамки прямых взаимоотношений государства и экономики, факторы. Обратное воздействие государства на экономику играет при этом чрезвычайно важную роль.

“Экономическое движение, — отмечалось в связи с этим в марксистской литературе, — в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью”¹.

В каком направлении “политическое движение”, олицетворяемое в значительной мере государством и правом, может обратное воздействовать на экономику, на “экономическое движение”? Отвечая на этот вопрос в одном из писем к К. Шмидту, Ф. Энгельс пояснял: политическое движение в лице государств, а точнее — государственной власти может действовать на экономику в тройном направлении. А именно — государственная власть может действовать в том же направлении, что и экономическое развитие — тогда развитие идет быстрее. Государственная власть может действовать и в противоположном направлении — тогда она рано или поздно терпит крах. Наконец, она может в определенных направлениях ставить преграды экономическому развитию и толкать его в других направлениях — тогда результат такого воздействия может быть в конечном счете адекватен одному из предыдущих.

Помимо названных могут существовать и другие, например, “промежуточные” направления воздействия государственной власти на экономику. Не в них, однако, дело. Суть рассматриваемого положения состоит в том, что оно не только детализирует и развивает, но и подтверждает правильность тезиса о первенстве экономики в ее взаимоотношениях с государством и политикой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 417.

Естественно, в теории, обосновывающей первенство экономики перед государством и политикой, немало белых пятен и негативных моментов. Но в ней немало и "ценных сторон" по признанию ее критиков. В целом она достоверна, адекватно отражает действительность, дает правильное представление о взаимоотношениях государства и экономики, о происходящих в обществе процессах.

Признавая наличие "ценных сторон" у рассматриваемой концепции, один из дореволюционных критиков проф. Михайловский И. В. писал, что когда "экономический материализм" подчеркивает важность экономического начала в истории, в государстве и праве, он утверждает истину, но когда он отрицает самостоятельность других фактов, "он сугубо неправ". Действительно, вся духовная жизнь человечества нуждается в *материальной* основе, невозможна без этой основы¹.

Итак, резюмировал автор, "часть истины экономического материализма заключается в том, что в числе других факторов истории культуры находится и экономический фактор, на который до сих пор недостаточно обращали внимания". И тут же продолжал: "Экономический материализм прав еще и в другом отношении. Несомненно, что человеческие потребности, заботы о добывании средств к жизни носят особый, преобладающий характер", ибо прежде чем думать о какой бы то ни было духовной жизни, человек должен пить, есть, одеваться, иметь жилище". Невозможно жить "человеческой жизнью тому, кто вынужден работать физически в ужасной обстановке более двенадцати часов в сутки, чтобы не умереть с голоду. Такой человек в конце концов потеряет облик человеческий, какими бы духовными богатствами он ни обладал". Отсюда, делался автором окончательный вывод, "огромная важность экономической обстановки в жизни человечества"².

Проблема соотношения государства и экономики может и должна рассматриваться не только в общетеоретическом, но и в сугубо прикладном, практическом плане применительно к выяснению и решению какого-либо конкретного вопроса, достижению конкретной цели, определению характера взаимоотношений того или иного конкретного государства с соответствующей ему конкретной экономикой.

Рассмотрение данной проблематики в прикладном, практическом, так же как и в общетеоретическом плане задача весьма сложная и многоаспектная. Ее решению посвящена огромная научная и популярная литература. Однако тема по-прежнему остается актуальной. Причин для этого существует много. Главные из них применительно, например, к современному российскому государству, праву и экономике — обобщение и использование зарубежного и

¹ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 108.

² Там же. С. 109.

отечественного опыта для определения оптимальных путей и форм их взаимодействия.

Исходными посылками при этом, так же как и при рассмотрении проблем соотношения государства и экономики в исторически различных социальных системах, являются следующие.

Первое. Государство и экономика — это сложные, многогранные явления, охватывающие, соответственно, не только сферу политической и материальной жизни общества, но и оказывающие огромное влияние на все другие его сферы. Бытующее в отечественной и зарубежной специальной литературе мнение о том, что государство — это “чисто” надстроечное, а экономика — “чисто” базисное явление, в данном случае не “срабатывает”. Исторический опыт показывает, что государство в любой общественной формации является одновременно субъектом самых разнообразных — экономических, политических, социальных, идеологических и иных отношений и в этом смысле оно — не только надстроечное или уже — политическое, но и экономическое, идеологическое и иное явление. Экономика также, оказывая влияние на другие сферы жизни общества, выступает как многогранное явление. И так — во всех без исключения странах.

В практическом плане это означает, что соотношение государства и экономики следует проследивать не только в сфере политики и экономики, но и в других сферах жизни общества.

Второе. При рассмотрении соотношения государства и экономики следует обратить внимание прежде всего на факторы, обуславливающие характер этого соотношения в различных исторических условиях, и на пределы взаимного влияния государства на экономику и экономики на государство. В условиях существования различных социальных систем они далеко не одинаковы.

В практическом плане это означает, что более эффективным и оправданным для использования накопленного опыта в современной России было бы изучение характера соотношения государства и экономики не вообще, а применительно к конкретной исторической эпохе и стране, к строго определенной социальной системе. Особое значение при этом имеет опыт США, Великобритании, Франции, Японии и других высокоразвитых в промышленном отношении стран.

Третье. Соотношение государства и экономики в любой стране и социально-политической системе — это не пассивный, а весьма активный процесс. Это — двусторонний процесс их взаимосвязи и взаимодействия, где каждая из сторон в зависимости от сложившихся обстоятельств может играть определяющую или определяемую роль. Однако ведущее значение в конечном счете принадлежит экономике.

И четвертое. При анализе проблем соотношения государства и экономики в исторически разных социальных системах в практическом плане (для решения аналогичных проблем применительно к

современной России) более целесообразным представляется идти не по традиционному пути, предполагающему изучение государства и экономики от рабовладельческого государства и права вплоть до наших дней, а по иному пути. А именно — по пути их классификации и исследования в зависимости от степени развития в стране рыночной структуры.

В соответствии с данным критерием, исключительно в практических целях — целях исследования рыночных отношений и характера взаимосвязи и взаимодействия государства и экономики в исторически разных социальных системах последние весьма условно можно подразделить на следующие три группы:

а) системы, в которых полностью или почти полностью отсутствуют традиционные рыночные элементы;

б) системы с зарождающимися рыночными отношениями, идущие по пути становления рыночных институтов;

в) системы с высокоразвитой рыночной экономикой.

Для каждой из выделенных групп социальных систем характерны свои специфические взаимоотношения между государством и экономикой, свои формы и методы взаимодействия, свои принципы взаимосвязи, пределы влияния друг на друга. Теоретически и практически это свойственно для любой из имевших место в истории развития человечества, для ныне существующих или только что зарождающихся социальных систем.

Исторический опыт России и других стран со всей очевидностью свидетельствует о том, что в мире нет общей модели, некоего шаблона или образца во взаимоотношениях государства и экономики, пригодных для всех без исключения социальных систем. Есть лишь общие закономерности, исторические тенденции и общие принципы развития характера взаимосвязи и взаимодействия государства и экономики.

Что же касается конкретных типов взаимоотношений государства и экономики, то они складываются или в рамках каждой отдельно взятой социальной системы или же в пределах вышеназванных групп социальных систем.

Характерными особенностями взаимоотношений, возникающих между государством и экономикой, в пределах первой группы социальных систем, в которых отсутствуют традиционные рыночные отношения, являются следующие.

Во-первых, несомненное доминирование государственной собственности перед всеми формами собственности. Статья 2 Конституции СССР 1977 г., например, как и соответствующие статьи конституций бывших союзных республик, рассматривая государственную собственность как "общее достояние всего советского народа", достаточно четко определяла, что эта форма собственности является "основной формой социалистической собственности". В этой же статье закреплена положение, в соответствии с которым "в исключительной собственности государства находятся: земля, ее не-

дра, воды, леса", а так же провозглашалось, что государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, также "другое имущество, необходимое для осуществления задач государства".

Аналогичные положения, законодательно закрепляющие доминирующую роль государства и государственной собственности перед иными формами собственности, содержатся в конституциях и некоторых других стран. В частности, в Конституции КНР (ст. 7) констатируется, что государственный сектор экономики — "сектор хозяйства, основанный на социалистической общенародной собственности", является "руководящей силой в народном хозяйстве" и что "государство гарантирует укрепление и развитие государственного сектора экономики".

В Основном законе Китая, так же как и в Конституции СССР, признавались различные формы и негосударственной собственности. Однако им неизменно отводилась подчиненная роль. Доминирующая роль государственной собственности как одна из важнейших особенностей характера взаимоотношений государства и экономики в "нерыночных" социальных системах предопределяет собой и все другие его особенности.

Во-вторых, важной особенностью отношений государства и экономики, существующих в пределах рассматриваемой группы социальных систем, является их жесткая "привязанность" друг к другу, отсутствие гибкости и, как следствие, долговременной стратегической устойчивости и эффективности.

Жесткая связь государства и экономики имеет позитивное значение лишь в чрезвычайных ситуациях (война, катастрофа в национальном масштабе и пр.), когда требуется в кратчайшее время максимальная концентрация всех имеющихся в стране ресурсов, политических, экономических и духовных сил. В условиях же обычной, повседневной жизни на современном этапе развития общества такая жесткая связь чревата утратой динамизма, инициативы и эффективности в развитии государства и экономики. Она предопределяет в перспективе неизбежность возникновения застойных тенденций, а также "перелив" кризисных явлений из государственной сферы в экономическую, и наоборот.

В-третьих, к числу особенностей, характерных для взаимоотношений государства и экономики, существующих в рамках "нерыночных" социальных систем, следует отнести также чрезмерную централизацию экономических рычагов в руках государства, а точнее — правительства, сосредоточение всего механизма управления экономикой в центральных правительственных структурах. Как следствие всего этого — неизбежное разбухание аппарата управления экономикой, рост бюрократизма, усиление начетничества и

падение профессионализма, необоснованный рост затрат на содержание многочисленной армии чиновничества. Данные негативные явления особенно четко проявляются и развиваются в больших по территории, населению и народнохозяйственным комплексам странах.

В-четвертых, весьма характерным для взаимоотношений государства и экономики рассматриваемых социальных систем является строго плановый характер экономики в масштабе страны и на локальном уровне, а также детально-жесткая регламентация их на всех уровнях. Следует отметить при этом, что план нередко приобретает нормативно-правовой характер, а последствиям его соблюдения или, наоборот, нарушения, придается юридическое значение.

В-пятых, отношения между государством и другими субъектами экономических связей строятся не на партнерской основе, а на основе прямого указания — подчинения. Над так называемыми либеральными методами управления экономикой преобладают авторитарные методы. Взаимоотношения между государственными и экономическими структурами регулируются в первую очередь, соответственно, не с помощью норм гражданского или коммерческого, а административного и иных ему подобных по характеру отраслей права.

Помимо названных особенностей, свойственных взаимоотношениям государства и экономики в условиях "нерыночных" социальных систем, есть и другие не менее важные особенности. Они свидетельствуют о полном административно-командном подчинении экономических структур государственным структурам, об отсутствии у них значимой для их нормального существования и развития самостоятельности и автономности.

Несколько иная картина просматривается во взаимоотношениях государства и экономики, существующих в пределах **переходных от верыночных к рыночным социальным систем**. Типичные примеры — современная Россия, некоторые другие государства СНГ, называвшие себя социалистическими до недавнего времени прибалтийские республики и страны Восточной Европы.

Наиболее существенными чертами и особенностями этих систем являются:

а) постепенное изменение характера взаимоотношений государственных органов и экономических структур в сторону партнерских;

б) утрата монополии государства и государственной собственности над экономикой и иными формами собственности;

в) изменение методов государственного воздействия на экономические отношения;

г) постепенное вытеснение административных методов руководства и рычагов воздействия на экономику финансовыми и им подобными средствами;

д) резкий отход правительственных структур от плановости в развитии экономики и неизбежное возникновение при этом неупорядоченности и даже хаотичности;

е) последовательная переориентация экономических и государственных структур с общенациональных приоритетов на свои собственные финансовые и иные интересы, на прибыль как основной движущий фактор в их становящихся партнерских отношениях;

ж) усиление роли налогов и налоговой полиции как государственного средства финансового воздействия государственных структур на общество и на экономические структуры;

з) быстрое возрастание финансовой, гражданской, коммерческой, налоговой, банковской и иных, непосредственно связанных с развитием экономики, отраслей права в общей системе права.

Несмотря на то, что в переходный период экономическая сфера деятельности государства постепенно сужается, в целом его роль в регулировании данного процесса не должна снижаться. Государство не может и не должно отказываться от регулятивных средств воздействия на экономику, от управления процессом перехода от нерыночных к рыночным отношениям.

Основные направления экономической деятельности государства в данный период с неизбежностью должны сводиться к следующему: выработке общей, в масштабе всей страны, внутренней и внешней экономической политики; правовому обеспечению возникающих рыночных отношений; определению круга и правового статуса субъектов экономических отношений; выработке социальной политики и действенных средств защиты экономических и иных интересов населения; запрещению и пресечению нарушающих закон средств ведения хозяйства и коммерции; созданию наиболее благоприятных условий для развития отечественного производства, защиты его от недобросовестной конкуренции и протекции его от вытеснения более развитым зарубежным капиталом; регламентация порядка разрешения возникающих в сфере экономики споров и установление юридической ответственности за нарушение законодательства.

Характерные особенности взаимоотношений государства и экономики в условиях существования исторически сложившейся третьей группы рыночных социальных систем заключаются в следующем:

а) установление преимущественно партнерских отношений между государственными и рыночными структурами;

б) минимальное вмешательство государства в экономику, уровень которого для каждой страны является, как правило, различным;

в) органичное сочетание административно-правовых с финансовыми и иными "либеральными" средствами воздействия государства на экономические отношения;

г) сосредоточение в руках государства лишь минимальных, объективно необходимых для его нормального существования и функционирования материальных средств;

д) полное сосредоточение в руках государства финансовой и налоговой систем;

е) доминирование частной собственности над государственной и всеми другими формами собственности.

О характере взаимосвязи и взаимодействия государства и экономики в условиях рыночных отношений существует огромная научная литература. В силу этого нет необходимости останавливаться здесь на освещении данного вопроса.

§ 2. Государственное регулирование экономики: понятие и пределы

При рассмотрении проблем соотношения государства, права и экономики важное место занимает проблема механизма государственного воздействия или государственного регулирования экономики. Данная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

В отечественной и зарубежной специальной литературе рассмотрению ее всегда уделялось особое внимание. И это не случайно, ибо от того, как понимается, а главное, как применяется механизм государственного регулирования экономики, во многом зависят результаты его деятельности, результаты экономического развития страны.

Сравнивая между собой механизмы государственного воздействия на экономику различных социальных систем и разных стран, нельзя не видеть их существенного различия. Если, например, в социально-политических системах с высокоразвитыми рыночными отношениями преобладает косвенное вмешательство государства в экономику путем правового регулирования деятельности негосударственных органов и организаций — юридических лиц, то в социально-политических системах со слабо развитыми или вообще неразвитыми рыночными отношениями в силу объективных и субъективных причин доминирует прямое государственное вмешательство в экономику, преобладают различные формы непосредственной деятельности государства в сфере экономики.

Ярким примером непосредственного воздействия государства на экономику в современном мире может служить государственно-правовая практика Китая. В действующей Конституции КНР в связи с этим особо закрепляется, что государство:

а) “неуклонно повышает производительность труда и эффективность экономики”;

б) “развивает производительные силы общества” путем повышения активности и технического уровня трудящихся, распростра-

нения передовой науки и техники, совершенствования систем управления экономикой и управления предприятиями, "осуществления различных форм социалистической ответственности, улучшения организации труда";

в) "неуклонно проводит в жизнь режим экономики, ведет борьбу против расточительства";

г) рационально распределяет средства накопления и потребления, учитывает государственные, коллективные и личные интересы;

д) на основе развития производства постепенно улучшает материальную и духовную жизнь народа;

е) на основе социалистической собственности "осуществляет плановое хозяйство";

ж) охраняет право собственности граждан на законные доходы, сбережения, жилище и "другую законную собственность";

з) с помощью "всесторонне сбалансированных хозяйственных планов и вспомогательной роли рыночного регулирования" гарантирует пропорциональное, гармоничное развитие народного хозяйства и др.¹

В данном, равно как и в других аналогичных случаях, мы имеем дело с преобладающим прямым вмешательством государства в сферу экономики, с прямым его воздействием на экономику. Государство при этом выступает не только в роли регулятора, но и в качестве непосредственного субъекта, участника экономических отношений. Оно не только устанавливает, но и своими непосредственными действиями осуществляет содержащиеся в издаваемых им актах установки. Государство выступает, таким образом, одновременно и как исполнитель и как регулятор разнообразных отношений, возникающих в сфере экономики.

Разумеется, государство проявляется таким же двояким образом и во всех случаях, практически при любой общественно-политической системе. Однако степень его регулятивной и непосредственно экономической деятельности, соотношение той и другой далеко не всегда бывает одинаковой.

Что же собой представляет **государственное регулирование экономики**?

Согласно устоявшемуся мнению государственное регулирование экономики воспринимается как одно из проявлений (функций) государственного управления. Основной смысл и его содержание заключаются в **установлении и обеспечении государством общих правил поведения (деятельности) субъектов общественных отношений** и корректировке их в зависимости от изменяющихся условий.

Однако только этим не исчерпывается данная функция государственного управления. Она включает в себя также всесторон-

¹ Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 26—27.

ний контроль за выполнением требований, содержащихся в нормах права, регулирующих те или иные общественные отношения; координацию и установление общего направления деятельности участников соответствующих отношений; всестороннюю защиту их законных интересов и прав; **определение и нормативное закрепление приоритетов** в проводимой в сфере экономики государственной политике; установление **порядка заключения государственных контрактов (договоров), порядка регистрации, лицензирования и т. п.**

В качестве **субъектов** государственного регулирования экономики традиционно выступают органы государственной власти и управления. В странах общего права (Англия, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.), где судебный прецедент рассматривается в качестве источника права, субъектами государственного регулирования экономики могут выступать также и суды.

Общепризнанными правовыми формами государственного регулирования экономики соответственно выступают законы, подзаконные и судебные акты.

Законы всегда имеют приоритетное значение. Россия в этом плане не является исключением, однако, с двумя оговорками. Первая. Зачастую, не законы, а указы Президента, **согласно сложившейся практике**, имеют приоритетное значение в ряде сфер жизни общества и экономики, включая процессы акционирования, приватизации и др. Весьма важным является то, чтобы эта практика всегда строго согласовывалась с ч. 3 ст. 90 Конституции РФ, гласящей, что "указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам" и что Президент только в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами "определяет направления внутренней и внешней политики государства".

Вторая оговорка заключается в том, что в России судебные прецеденты пока не являются правовыми формами государственного регулирования. Они постепенно создаются Конституционным Судом, и требуется время для того, чтобы его решения стали признаваться в качестве источников права.

Во всех странах действенными, хотя и весьма традиционными инструментами государственного регулирования экономической и других сфер жизни общества являются налоги, пошлины, стандарты, госзаказы, всевозможные тарифы и пр., которые в обязательном порядке трансформируются в те или иные нормативно-правовые акты, в различные правовые формы.

С помощью данных средств государственного воздействия решаются не только вопросы пополнения государственного бюджета, финансирования различных государственных программ, содержания госаппарата, армии, полиции и других государственных институтов, но и вопросы дотирования нерентабельных, но жизненно необходимых для общества и государства сфер промышленности и

сельского хозяйства, выделения и содержания приоритетных сфер экономики, перелива капитала из одной, менее приоритетной сферы экономики в другую, более приоритетную сферу и др.

Путем использования данных средств решаются также вопросы привлечения или, наоборот, ограничения притока в экономику страны иностранного капитала. Например, в России, законодательные и исполнительно-распорядительные органы российского государства приняли ряд нормативно-правовых актов, направленных на широкое привлечение в страну различных товаров из-за рубежа и иностранных инвестиций.

Среди этих актов следует выделить Основы законодательства об иностранных инвестициях в СССР от 5 июля 1991 г.; Закон "Об иностранных инвестициях в РСФСР" от 4 июля 1991 г.; Постановление Правительства Российской Федерации "Об активизации работы по привлечению иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации" от 29 сентября 1994 г.; Указ Президента Российской Федерации "О мерах по обеспечению условий реализации инвестиционных соглашений" от 6 ноября 1995 г.; и др.

С помощью этих и иных, им подобных актов, направленных на создание благоприятных условий деятельности иностранных инвесторов в России, в законодательном порядке закрепляется их правовой режим, который, согласно Закону об иностранных инвестициях (ст. 6) "не может быть менее благоприятным, чем режим для имущества, имущественных прав и инвестиционной деятельности юридических лиц и граждан РСФСР, за изъятиями, предусмотренными настоящим законом"; определяются объекты иностранных инвестиций и пути их осуществления; провозглашаются государственные гарантии защиты иностранных инвестиций.

В числе последних особо выделяются гарантии от принудительных изъятий (национализации, конфискации и реквизиции) иностранных инвестиций; от незаконных действий государственных органов и их должностных лиц; гарантии от изменения законодательства, ухудшающего условия инвестирования; гарантии беспрепятственного перевода за границу платежей иностранных инвесторов после уплаты ими соответствующих налогов и сборов; гарантии использования платежей в российской валюте иностранными инвесторами на территории России и другие.

Закрепляя правовой статус иностранных инвесторов и создавая широкие гарантии их повседневной деятельности, российский законодатель, как об этом говорится в Законе об иностранных инвестициях в России, направляет свои усилия "на привлечение и эффективное использование в народном хозяйстве Российской Федерации иностранных материальных и финансовых ресурсов, передовой зарубежной техники и технологий, управленческого опыта". Средством достижения этих целей могут служить лишь традиционные для всех стран, привлекающих в свою экономику иностранные инвестиции, материальные, финансовые, трудовые (дешевая

рабочая сила) и другие им подобные рычаги. Особую роль при этом играют благоприятные таможенные пошлины, льготные налоговые ставки, иные заниженные платежи.

Говоря о механизме государственного регулирования экономики, нельзя не обратить внимания на различные уровни государственного регулирования. В условиях федеративного государства, каковым является Россия, это прежде всего регулирование на уровне федерации и отдельных субъектов Федерации.

Весьма важными в этом отношении являются ст. 71 и 73 Конституции РФ, устанавливающие предметы ведения Российской Федерации и отдельных субъектов федерации. Довольно противоречивой по своим последствиям и неопределенной по характеру выглядит ст. 72 Конституции РФ о совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Такие ее положения, касающиеся государственного регулирования экономики, как "разграничение государственной собственности" (п. "г"), "вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами" (п. "в"), "координация международных и внешне-экономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации" (п. "о") и другие вносят путаницу во взаимоотношения между Центром и субъектами Федерации, порождают неопределенность, а в ряде случаев и хаос.

Складывающаяся же практика заключения на основе ст. 72 Конституции РФ договоров о разграничении полномочий между федерацией в целом и субъектами федерации не в полной мере отвечает требованиям современного федерализма. К тому же сугубо в юридическом плане такая практика порождает двусмысленность, имея в виду, что договоры на уровне глав государств или правительств обычно заключаются между суверенными, независимыми государствами, в рамках конфедерации, но не федерации, каковой является Россия.

В западной юридической, а еще больше — социально-экономической и политической литературе и практике вопросам государственного регулирования экономики уделяется значительное внимание. Следует обратить внимание прежде всего на то, что современные теоретические модели государственного регулирования экономики в западных странах подразделяются на два вида, в зависимости от основного субъекта, определяющего политику регулирования.

Первая группа моделей исходит из того, что регулирующий орган (парламент, правительство и т. д.) играет центральную роль в процессе определения политики регулирования. Согласно этой точке зрения основные особенности регулирующего органа, оказывающие решающее влияние на выработку политики — это узкопрофессиональный подход, специализированность, предпринимательский образ действий и т. п.

Вторая группа моделей исходит из того, что регулирующий орган находится под решающим воздействием или господством "окружающей" среды. Согласно этому взгляду определяющими факторами политики регулирования экономики являются группы интересов, парламентские комитеты, различные экономические группы и комиссии, формирующие "окружающую" среду.

Оба эти взгляда, конечно же, характеризуются неполнотой, взаимосвязаны друг с другом и взаимно дополняют друг друга. Поскольку политика регулирования является совместным продуктом как государственной бюрократии, так и "окружающей" среды, модели формирования политики органом регулирования должны определяться и объясняться не единичными, а множественными факторами.

Государственное регулирование экономики на Западе рассматривается в теории и на практике обычно в неразрывной связи с социальным, а точнее — социально-экономическим регулированием. Последнее предпринимается исключительно в целях обеспечения безопасности граждан, их здоровья, трудовой занятости и решения других социальных задач.

Предпринимаются также попытки выделения "чисто" экономического регулирования, касающегося проблем себестоимости производимых товаров, их рыночных цен, проникновения на рынок товаров, конкуренции и пр.

В зависимости от конкретных целей государственное регулирование экономики, а вместе с ней и социальной сферы в западных источниках классифицируется следующим образом.

Экономическое регулирование. Оно подразделяется на регулирование с общими и частными целями. Экономическое регулирование с общими целями направлено на принятие антимонопольных мер, на предотвращение концентрации экономической мощи в одних руках, на недопущение недобросовестных торговых операций и т. д. Экономическое регулирование с частными целями направлено на решение таких относительно определенных задач, как поддержка приоритетных отраслей экономики, участие в нерентабельном производстве, поддержка мелкого бизнеса, защита сельскохозяйственного производства, рыболовства, развитие новых технологий и т. п.

Социальное регулирование преследует цель страхования жизни и здоровья граждан, охраны окружающей среды, предотвращения нарушений общественного порядка, оптимизации рекламы как показателя соответствия стандарту качества продуктов (защита потребителя), усиления безопасности производства, стабилизации и развития системы переобучения рабочих кадров, содействия благосостоянию населения и т. д.

В зависимости от форм государственного регулирования в западной литературе выделяются два его вида: политическое регулирование и так называемое "законодательно-административное"

регулирование. Под “законодательно-административным” регулированием понимается практическая деятельность государственных органов по администрированию системы управления путем издания различных нормативных актов, а под политическим — государственное регулирование в области политики. Каждый из этих видов подразделяется в свою очередь на ряд направлений государственного регулирования.

Так, “законодательно-административное регулирование” подразделяется на такие направления, как законодательное регулирование предпринимательской деятельности; регулирование различных видов подготовительных процессов в предпринимательстве; регулирование рыночных отношений с помощью антимонопольного законодательства; регулирование, связанное с землепользованием отдельных лиц и организаций; административное регулирование цен; вмешательство государства в управление негосударственными предприятиями; регулирование всевозможных торговых операций; и др.

Политическое регулирование в зависимости от конкретной экономической ситуации в западной академической литературе подразделяется на такие направления, как специальный контроль над предпринимательской деятельностью государственных органов; регулирование посредством чрезвычайных экономических мер; регулирование посредством установления дополнительных налогов с предприятий; регулирование через обычные налоговые инспекции; и др.

Помимо сказанного в зарубежной научной литературе выделяются различные виды государственного регулирования в зависимости от функций предпринимательской деятельности. Среди них:

- регулирование, связанное с “входом и выходом на рыночные отношения” (установление юридического лица, разрешение на виды предпринимательской деятельности, закрытие предприятий);
- регулирование процесса строительства заводов, фабрик и т. д.;
- регулирование производственной деятельности (производственное оборудование и производственный процесс, объем производства, технология производства, цена, показатель качества и упаковка продукта и др.);
- регулирование торговых операций (цена, количество, условия ликвидации задолженностей, торговые партнеры, район торговых операций, метод торговых операций и т. д.);
- регулирование транспортировки и хранения товаров;
- регулирование, связанное с управлением кадрами и трудом (занятость, зарплата, благосостояние, обучение и переподготовка кадров и др.);
- регулирование, связанное с управлением финансами (создание фондов, использование фондов, управление финансами и налоговая деятельность, управление регистрацией на бирже ценных бумаг и др.).

Государственное регулирование в сфере экономики, равно как и в других сферах, имеет свои пределы. Они обусловлены как объективными, так и субъективными факторами.

Среди субъективных факторов следует выделить прежде всего общественные, групповые, государственные, индивидуальные и иные интересы. Осуществляя повседневное воздействие на экономику, государство не может не считаться с этим многообразием интересов, в той или иной мере не учитывать их. Помимо всего прочего это неизбежно привело бы к угрожающему самому существованию государственной власти отрыву государства от общества, утрате им социальной основы и опоры, к неизбежному в конечном счете кризису государственной организации.

Разумеется, учитывая интересы различных социальных слоев и групп, интересы правящих кругов и всего общества, государство не может не считаться с тем, что в любом обществе, каким бы развитым или, наоборот, отсталым оно ни было, всегда существовали и существуют, как минимум, две противоположные друг другу социально-политические тенденции, отражающие определенные общественные настроения и интересы, — тенденция к непрерывному развитию и совершенствованию и тенденция к сохранению в прежнем состоянии государственного и общественного строя, тенденция к застою.

Первую из них обычно называют прогрессивной, иногда — революционной, а вторую — консервативной, реакционной. Органическое сочетание их, максимальный учет отражающихся в данных тенденциях общественных настроений и интересов создает необходимую устойчивость государственному механизму, порождает определенный социальный баланс.

В тех же случаях, когда государство в силу каких-то причин неспособно учитывать в равной мере данные тенденции, создавать проводимой им внутренней и внешней политикой необходимый для его нормальной жизнедеятельности социальный баланс, оно неизбежно будет находиться в постоянном кризисном состоянии, постепенно будет терять устойчивость и способность адекватно отвечать на вызовы со стороны окружающей его экономической и социально-политической среды.

Анализируя подобные ситуации, М. Ориу писал еще в начале XX века, что хотя единственной целью государственного режима должна быть “свобода в ее гражданской и политической форме”, однако путь к ней весьма узок, “дорога вырисовывается постепенно, пролагается с трудом, и не следует удивляться тому, что много людей и даже народов блуждают, отыскивая этот путь”. Революционный дух, продолжал автор, “влечет направо и стремится, главным образом, к власти, к организующей силе, к устойчивости. В нашу эпоху споров эти две различные тенденции стали систематическими доктринами, которые вследствие своего антагонизма дела-

ют состояние кризиса перманентным и через известные промежутки времени вызывают кровавые конфликты¹.

В числе **объективных факторов**, оказывающих решающее влияние на определение пределов государственного вмешательства в экономику, в первую очередь необходимо указать на экономические, социальные, политические и иные условия, при которых осуществляется процесс регулирования экономики; характер доминирующих в обществе экономических отношений (жестко-централизованные, плановые, рыночные, смешанные и пр.); уровень развития общества, государства, права и экономики; объективно существующие технико-юридические возможности и пределы; существующие в обществе традиции, обычаи, обыкновения и пр.

§ 3. Собственность как экономическая и правовая категория

При рассмотрении проблем соотношения государства и экономики важное значение имеет институт или категория собственности. Исследованию ее в отечественной и зарубежной литературе традиционно уделяется значительное внимание. Главная причина этого состоит в том, что категория собственности имеет огромное значение не только в теоретическом, но и в практическом плане.

В системе отношений, возникающих в различных сферах жизни общества, отношения собственности занимают особое положение. Они неизменно доминируют над всеми другими общественными отношениями.

Собственность в реальной жизни представляет собой многогранное явление. Соответственно, таким же многоаспектным является и отражающее его понятие. Наиболее важными его гранями или проявлениями выступают экономическая и правовая грани. В научной литературе совокупность основных признаков и черт, характеризующих институт собственности с экономической стороны, называют экономической категорией. Совокупность же его особенностей, характеризующих институт собственности в юридическом аспекте, называют правовой категорией.

Собственность как экономическая категория проявляется в виде отношений между людьми по поводу различных средств, а также продуктов производства; по поводу материальных благ — их беспрепятственного пользования, владения и распоряжения.

Важно отметить, что собственность как экономическая категория — это не сами по себе средства производства или их продукты, это также не отношение отдельного человека или группы людей к средствам производства и их продуктам, а это отношение между людьми по поводу средств производства и производимых ими материальных благ.

¹ Оруу М. Указ. соч. М., 1929. С. 725.

Рассматривая собственность как экономическую категорию, К. Маркс, а вслед за ним и многие другие авторы предлагали исследовать понятие собственности в двух смыслах — широком и узком. В широком смысле под собственностью понималась вся совокупность производственных отношений, существующих в пределах той или иной общественно-экономической формации или отдельного общества. В узком смысле собственность представлялась как совокупность материальных отношений по поводу отдельной вещи или вещей.

Содержание этих отношений проявляется в свободном владении, пользовании и распоряжении материальными благами, имуществом, отдельной вещью или вещами. Под владением понимается фактическое обладание той или иной вещью, материальными средствами и благами, нахождение их у конкретной группы лиц или же у отдельного лица. Пользование представляет собой потенциальную, беспрепятственную возможность или же реальное извлечение полезных свойств из отдельной вещи или многих находящихся в собственности вещей. Распоряжение означает определение собственником судьбы принадлежащей ему вещи, самостоятельное решение вопроса о ее изменении, прекращении ее существования или отчуждении.

В повседневной жизни и материальном обращении используется, как правило, понимание собственности не в широком, а в узком смысле слова. Это характерно не только для отечественной теории и практики, но и для зарубежной. Последнее проявляется, в частности, в тех определениях собственности, как принадлежащих лицу или лицам "исключительных прав на землю, здания, различные средства производства, деньги, товары и т. п.", которые бытуют в современной зарубежной литературе¹.

Собственность как экономическая категория неразрывно связана с собственностью как правовой категорией. Исследование последней означает рассмотрение собственности, анализ ее особенностей и черт не только с экономической, но и с правовой точки зрения.

Круг проблем, которые возникают при рассмотрении собственности как правовой категории, включает в себя прежде всего проблемы, связанные с понятием, сущностью и содержанием права собственности, субъектами и объектами права собственности, формами собственности, их правовым режимом, условиями и порядком приобретения и прекращения права собственности, изменениями правового режима собственности, бременем содержания и риском случайной гибели собственности, проблемами ответственности и защиты права собственности. Это основной, но далеко не полный перечень, круг проблем, которые возникают или могут возникнуть в связи и по поводу права собственности.

¹ Dictionary of Sociology and Related Sciences. Totowa, New Jersey, 1988. P. 238.

В юридической научной и учебной литературе **право собственности** обычно определяется как система или совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу собственности как экономической категории: по поводу владения, пользования и распоряжения различными средствами производства и материальными благами.

Своими корнями современное понимание и толкование права собственности уходит в древне-римское право. В нем впервые были четко обозначены основные черты и особенности данного, чрезвычайно важного правового института.

Для обозначения права собственности в республиканском Риме, как это следует из специальных источников, пользовались термином *dominium*. Дословно он означал в экономическом плане "собственность", а в правовом — "общее правовое господство лица над материальной вещью".

Термин *dominium* обычно дополнялся словами *ex iure Quiritium*, то есть по праву квиритов, римских граждан. Этими дополнениями подчеркивался тот факт, что право собственности (главным образом на землю) первоначально принадлежало всему римскому народу, а затем в виде права частной собственности — отдельным римским гражданам. Право квиритской собственности было недоступно для перегринов-чужеземцев, свободных граждан другого государства, праву которого они подчинялись, и не распространялось на провинциальные, лежащие за пределами Рима земли¹.

В римском праве устанавливались и закреплялись основные характеристики права собственности, которые используются и в настоящее время. Речь, в частности, идет о том, что любая собственность — это прежде всего есть:

- а) **прямое**, "непосредственное правовое отношение лица к вещи";
- б) **полное**, то есть "самое широко мыслимое право на вещь, которой собственник может распоряжаться как угодно";
- в) **исключительное** право, суть которого заключается в том, что "собственник может исключить все третьи лица из воздействия на вещь и, наоборот, на одну вещь может существовать только одно право собственности;
- г) **абсолютное** право в том смысле, что оно возникает "в принципе и первоначально без каких-либо ограничений", а впоследствии собственнику также дозволено все то, что не запрещено законом";
- д) **единое** право над материальной вещью, имея в виду, что оно "охватывает сразу все возможные распорядительные права на вещь". Данное право не является арифметической суммой всех существующих и возможных юридических прав. Собственник, резюмировалось в римских источниках, "не может иметь на вещь иное право, кроме права собственности"².

¹ См.: Новицкий И. Б. Указ. соч. М., 1993. С. 88—89.

² Борталек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 113.

Эти и другие им подобные постулаты права собственности имели огромное значение для стабилизации и развития экономической системы Древнего Рима. Непреходящее значение они имели во все последующие годы и столетия. Аналогичную роль они играют и в наши дни.

Правовой режим собственности первоначально создавался с помощью норм гражданского (гражданского) права. По мере развития данного института в определении и закреплении его правового статуса все большую роль играли и другие правовые институты и отрасли права.

Например, во всех без исключения современных государствах основополагающее значение имеет конституционное право. Оно создает правовую базу, фундамент для всего последующего развития законодательства, касающегося собственности. Кроме того, конституционное право (и это особенно важно для современной России) в ряде стран указывает на пределы осуществления различных форм собственности, и в особенности частной собственности, а также направляет процесс реализации права собственности в русло общественных потребностей.

Так, действующая Конституция Японии особо подчеркивает, что "право собственности определяется законом, с тем, чтобы оно не противоречило общественному благосостоянию. Частное право может быть использовано в публичных интересах за справедливую компенсацию" (ст. 29). Конституция Италии, указывая, что "собственность может быть государственной или частной", закрепляет, что "частная собственность признается и гарантируется законом, который устанавливает способы ее приобретения, а также пределы частной собственности с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех" (ст. 42).

Современное конституционное право России и, в частности, Конституция РФ 1993 г., в отношении собственности лишь констатирует, что в РФ признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и другие формы собственности и что земля и другие природные ресурсы могут находиться как в частной, государственной, муниципальной, так и в иных формах собственности (п. 2 ст. 8; п. 2 ст. 9).

Что же касается социальной функции, прямой ориентации частной и иных форм собственности в России на удовлетворение общественных потребностей, то это представляется необходимым законодательно решить уже в недалеком будущем. Это относится в первую очередь к частной собственности на землю, на природные ресурсы и пр., к которой в общественном сознании значительной части населения России выработалось стойкое предубеждение.

Для нормального развития рыночных отношений в нашей стране и избежания чрезмерных социальных обострений крайне важно в отношении частной собственности избежать двух крайностей. С одной стороны — излишне сильной, детальной регламентацией, мешаю-

щей ее развитию, а с другой — ее чрезмерно слабого, социально неориентированного правового опосредствования.

Укоренившийся в общественном сознании миф о том, что в индустриально развитых странах частная собственность и рынок несовместимы с правовой регламентацией и служат исключительно частным, эгоистическим интересам, объективно сдерживает развитие рыночных отношений, создает препятствие на пути совместного развития различных форм собственности.

На пути нормального развития рыночных отношений и самой экономики создают искусственные препятствия помимо всего прочего еще два других сложившихся мифа. А именно: 1) рыночная экономика — абсолютный антипод плановой, даже в оптимальной мере централизованной экономики; и 2) в России или любой иной стране особенно в переходный период возможно равенство всех форм собственности.

Следование первому постулату чревато искусственным дроблением единой экономической системы, существующей в пределах каждой страны, на отдельно взятые составные части, непредсказуемостью в ее развитии, полной стихией и нескоординированностью. Сохранение элементов планирования экономики, единого для всей страны механизма правового регулирования, сохранение элементов ее централизации и координации является объективно необходимым для России и других стран, имеющих огромную территорию и весьма разношерстную, искусственно раздробленную после распада СССР, экономику.

Следование второму тезису — о равенстве всех форм собственности — создает иллюзию об их одинаковом экономическом и юридическом содержании, равном правовом статусе, одинаковых источниках формирования и развития всех форм собственности и т. п. В действительности это не так.

Например, в госсобственности может находиться и действительно находится любое имущество, включая то, которое согласно п. 2 ст. 129 ГК РФ изъято из оборота или ограничено в обороте (п. 1 ст. 129 ГК)¹. Принадлежность этого имущества, скажем, к частной собственности, весьма проблематична. Требуется специальное разрешение государства. Другой пример. Государственная собственность может создаваться и развиваться за счет таких источников, как пошлины, реквизиция и т. п. В отношении других форм собственности это исключено.

Вывод: фактическое неравенство различных форм собственности как экономических категорий неизбежно, соответствующим образом сказывается на них и как на правовых категориях. Учет данного положения при определении правового статуса различных форм собственности имеет принципиально важное теоретическое и практическое значение.

¹ Гражданский кодекс РФ. Часть 1. М., 1995. П. 1—2 Ст. 129.

В теоретическом, а главное — в практическом плане важно глубоко осмыслить и использовать в процессе правового регулирования положение, высказанное в научной литературе, о том, что в реальной действительности существует лишь **одно право собственности с единым, одинаковым для всех форм собственности набором правомочий (содержанием), у которого могут быть лишь различные субъекты.**

При рассмотрении собственности как правовой категории применительно к России, равно как и в отношении других стран, весьма важным представляется также иметь в виду тот факт, что правовой статус собственности определяется в основе своей **с помощью законов, а не подзаконных актов.** В п. 3 ст. 112 ГК России в связи с этим не случайно подчеркивается, что особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им в зависимости от того, в чьей собственности оно находится, **“могут устанавливаться лишь законом”.** Законом определяются также виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Аналогичные положения содержатся в законодательстве и некоторых других стран.

Установления правового статуса собственности с помощью законов, несомненно, способствует ее стабилизации, создает необходимые условия для ее дальнейшего развития, позволяет заблаговременно исключить необоснованные различия в возможностях разных собственников — участников единого оборота.

Теоретически и практически важно также обратить внимание на то, что именно с помощью законов, а не подзаконных актов определяется как сам правовой режим собственности, так и его отдельные составные части. Применительно к российскому законодательству это касается, в частности, таких его составных частей, как определение и правовое закрепление понятия, видов субъектов и объектов собственности, видов и форм собственности, порядка приобретения и прекращения права собственности, проблем юридической ответственности, проблем юридической ответственности, возникающих в связи и по поводу права собственности, и др.

Необходимо также указать как на позитивный фактор на то, что в российском законодательстве даже понятие и содержание права собственности определяется с помощью закона. Так, в п. 1 ст. 209 ГК РФ указывается на традиционную для российского законодательства и законодательства некоторых других стран триаду содержания права собственности, в соответствии с которой собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Весьма характерно дополнение к данному определению, согласно которому собственник вправе **по своему усмотрению совер-**

шать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц (п. 2 ст. 209 ГК). Собственник вправе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им права владения, пользования и распоряжения имуществом, оставаясь при этом собственником.

Принципиальная важность данного дополнения заключается в том, что оно не только подчеркивает специфику, юридические особенности права собственности и исключительный характер правомочий собственника, но и наполняет право собственности реальным юридическим содержанием.

Дело в том, что правом владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом может не только собственник, но и, по его поручению, другое лицо. Однако **только собственник** может это делать **исключительно по своему усмотрению**, независимо от всех других лиц.

Только собственник может владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом **самостоятельно, руководствуясь лишь своими** собственными экономическими и иными интересами. Именно в этом — в исключительном и всеобъемлющем характере полномочий собственника, как многократно подчеркивалось уже юристами, в независимости его имущественного и правового положения от других лиц и заключается юридическая специфика данного права — права собственности.

Реальная юридическая власть, которой должен наделяться и которая должна гарантироваться собственнику в законодательном порядке, заключается не просто в правомочиях собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, а делать это **лишь по своей собственной воле и желанию**, имея при этом реальную возможность отстранять от него при необходимости всех других, мешающих осуществлению права собственности, лиц. Только такой подход законодателя к праву собственности и правомочиям собственника может обеспечить не только закрепление, но и дальнейшее развитие собственности как экономической и правовой категории, а вместе с тем и развитие рыночных отношений. Для России это в настоящее время имеет решающее значение.

Аналогично обстоит дело также с законодательным решением теоретически, а главное — практически важных проблем **правового разграничения различных**, в особенности государственной и негосударственных **форм собственности**, а также с решением проблем перехода, преобразования легитимным путем одной формы собственности в другую.

В настоящее время в действующем законодательстве России предусмотрен в основном переход от государственной и муници-

пальной собственности в частную. Из законодательной практики других стран, как правило, следует, что значительное внимание уделяется и легитимному оформлению обратного процесса. Это касается прежде всего жизненно важных для всего общества и государства, но нерентабельных, постоянно находящихся на государственных дотациях отраслей экономики или отдельных предприятий. Россия в этом отношении, особенно в настоящее время, в переходный период, далеко не является исключением из данного правила.

Решение законодательным путем проблем приватизации и реприватизации усиливает институт собственности с правовой точки зрения, делает процесс развития собственности как экономической и правовой категории более гибким, предсказуемым и эффективным.

Глава X. Государство в политической системе общества

§ 1. Понятие политической системы общества

Категория “политическая система общества” сравнительно недавно, но прочно вошла в научный оборот. Основопологающие идеи о политической системе общества были сформулированы в теории российского государства на рубеже 60—70-х годов. В последнее время наука добилась существенных успехов в развитии теории политической системы и в анализе ее практики. Осуществляется разработка общих вопросов, углубляются научные представления о целостности этого образования, анализируются элементы политической системы, исследуются политические партии, политические нормы, политический режим, политическая идеология, особенности прямых и обратных связей с социальной средой, социальным окружением системы.

“Молодость” понятия политической системы проявляется в отсутствии устоявшегося, общепринятого подхода к его трактовке и применению. Наиболее распространено представление о политической системе как об инструменте, механизме принуждения, власти в по-разному понимаемых социально значимых целях: интеграции, адаптации общества и т. п. Тем самым на политическую систему в той или иной мере переносится понятие государства. Политическая система есть механизм преобразования идущих от общества социальных импульсов в политические решения и действия. Но как различить, где механизм, а где окружающая его социальная среда? И, наконец, почему именно “политическая система”, а не “политическая организация” или “политический механизм”?

Как и многие другие, понятие “политическая система” пришло из социологии. Не делая экскурсов в давнюю историю политико-правовой мысли со ссылками на Аристотеля, Платона или Гоббса, уподоблявших общество живому организму — органической системе, назовем Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, в работах которых присутствует ряд категорий социальной теории системы, такие, как институт, функция, регулятивная система общества, политическое управление. Однако свои концептуальные очертания понятие “политическая система” обрела в работах американских исследователей Д. Истона и Г. Алмонда.

Общеизвестно, что в окружающем нас мире существует множество систем. С точки зрения науки кибернетики системами являются различные агрегаты (автомобиль, например), а также процессы, явления (игра в бильярд, язык, галактика). Социальная форма движения материи вызывает к жизни социальные системы (об-

щественно-экономическая формация, класс, государство, мораль, партия, трудовой коллектив и т. д.). Главная особенность социальных систем — их связь с волевой деятельностью людей и их различных объединений.

Эволюция социальных систем ведет к их усложнению, приобретению завершенных форм. Движение системы заключается в стремлении к целостности, оно состоит в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность.

Политическая система общества — это сложное, многогранное явление, анализируемое специалистами в различных областях государства и права, социологии, философии и т. п. В частности, ученые в области теории государства и права исследуют ее с помощью системного и структурно-функционального анализа, с точки зрения ее относительной статичности и непрерывной динамики, соотношения политической системы общества как целого с ее отдельными элементами, прежде всего выясняя место и роль государства в этом образовании, его новые качества, особенности, грани как структурного элемента.

В философско-правовой литературе имеется ряд определений системы, под которой понимается упорядочение определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования.

Следовательно, важными особенностями системы являются наличие в ней интегральных качеств, не свойственных образующим ее частям, и ее относительная самостоятельность, которая, однако, не исключает ее связи с внешней средой.

Под структурой понимается способ связи элементов в целостное системное образование как совокупность устойчивых отношений между элементами. Таким образом, система — это целостное единство элементов и структуры, структура — это способ упорядочения элементов, характеризующийся устойчивостью.

При рассмотрении вопросов развития политической системы российского общества следует опираться на цивилизованную, демократическую идею о самоуправлении. Ее главное содержание заключается в обеспечении реального, практического участия все большей массы народа в управлении, разработке, обсуждении, принятии и осуществлении социально-экономических решений.

Политическая система связана с особой сферой деятельности людей — политикой, которая отражает область взаимоотношений между классами, социальными группами, коллективами, личностями — по поводу государственной власти.

С марксистской точки зрения, существуют взаимные связи политической системы общества с его экономическим базисом. Состо-

купность производственных отношений составляет экономическую структуру, общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка.

Рассматривая политическую систему общества, следует подчеркнуть, что в ее основе лежат политические отношения, политика, которая формируется в государственно-организованном обществе в соответствующих формах, но на первых порах она характеризуется неразвитостью, хотя уже с появлением государства возникают первые формальные и неформальные жреческие объединения. Ошибочно мнение, будто партии — феномен нового времени. Они существовали испокон веков, хотя, может быть, в другом облике. В Древних Афинах соперничали партия Перикла и партия Алкивиада, демократы и аристократы. Партия братьев Гракхов в Древнем Риме могла именовать себя народной, а противостоящая ей партия Суллы — патрицианской. Неважно, что у этих партий не было членских билетов и секретарей ЦК. В основных своих проявлениях они мало чем отличались от нынешних. И проблемы у них были сходные: борьба за лидерство в руководящей группе, потеря боевитости вследствие бюрократизации, сложности с формулированием программы, поисками социальной базы, привлечением на свою сторону избирателей и т. д. Аристотель упоминает о трех партиях: горы, равнины, прибрежная часть. В процессе эволюции политической системы усилилось влияние церкви на ее функционирование, что отразилось в известном противоборстве сторонников светской власти папы и сильной королевской власти (партия гвельфов и гибеллинов).

Политическая система — это универсальная управляющая система государственно-организованного общества, компоненты которой связаны политическими отношениями и которая в конечном счете регулирует производство и распределение социальных благ на основе использования государственной власти крупными социальными общностями.

Для того чтобы правильно определить структуру политической системы, необходимо найти критерии отбора ее элементов. Основными требованиями в данном случае будут их внутренняя упорядоченность (организационный критерий) и политическая направленность деятельности (политический критерий), которая должна быть выражена нормативно в соответствующих уставах, программах, положениях, отражающих цель создания политической организации, ее социальное назначение, основную сферу деятельности, характер ее основных задач и функций, особенности их реализации, специфические принципы организации и деятельности и т. п. (программный критерий).

Особо следует подчеркнуть значение второго критерия, который для того или иного института политической системы означает: во-первых, способность выражать политические интересы определенного класса, группы или любой иной социальной общности; во-

вторых, быть участником политической жизни и носителем политических отношений; в-третьих, иметь непосредственное или опосредованное отношение к государственной власти — ее завоеванию, организации или использованию, причем необязательно в форме взаимодействия с государственными органами, но и противостоя им; в-четвертых, руководствоваться в своей повседневной деятельности политическими нормами или правилами, сложившимися в недрах политической жизни той или иной страны.

В зависимости от этого критерия к числу собственно политических организаций относят: государство, все политические партии, отдельные общественные организации. Характерный их признак — прямая связь с политикой, а непосредственной задачей их создания и функционирования является достижение определенной политической цели, которая обязательно закрепляется в уставах и заключается в формировании и осуществлении внутренней и внешней политики на разных этапах развития общества, в политическом и идеологическом воздействии (воспитании) на различные существующие в обществе слои и классы, в проведении политических интересов господствующих кругов и отчасти всего общества в целом.

К несобственно политическим организациям относятся такие, которые возникают и развиваются не в силу непосредственно политических, а в силу экономических и других причин. Это профсоюзные, кооперативные и иные организации, которые свою деятельность осуществляют в производственной, социально-бытовой, культурной и иных сферах жизни общества, причем они не закрепляют в своих уставах задач активного воздействия в политических целях на государственную власть. Это, разумеется, не означает понижения роли и значения несобственно политических организаций в политической системе общества, ибо речь идет лишь об отсутствии доминирующего политического аспекта в их деятельности, а не в отрицании его как такового.

Отдельную группу составляют организации, имеющие в своем содержании лишь незначительный политический аспект. Они возникают и функционируют на основе индивидуальных склонностей и интересов того или иного слоя людей (общества филателистов, нумизматов, автолюбителей и т. п.). Политический оттенок они приобретают лишь как объекты воздействия на них со стороны государственных и иных политических органов и организаций, но отнюдь не как субъекты — носители политической власти и соответствующих политических отношений.

Третий критерий — программность — дает возможность определить степень участия той или иной организации в политической жизни страны, зафиксировать ее политические цели и задачи, а следовательно, включить в политическую систему общества.

Существуют различные подходы в исследовании политической системы, однако, несмотря на их многообразие, представляется, что

она выступает сложным комплексом отношений между классами, нациями, другими социальными группами и общностями, личностями и их политическими институтами.

Институциональный подход заключается не только в определении и выделении формирующих политическую систему (организацию) общества институтов, но и в анализе элементарно-структурных, субъектно-институциональных и отчасти формально-юридических сторон.

Функциональный подход связан с рассмотрением политической системы с точки зрения направлений ее деятельности, особенностей протекания политического процесса и реализации политического режима как системой в целом, так и ее отдельными институтами или группами институтов.

Регулятивный подход отражает особенность функционирования политической системы общества на основе политических норм всей системы нормативного регулирования (обычаев, традиций, принципов, воззрений, норм права, морали, корпоративных норм и т. п.). Идеологический подход отражает особенность взглядов, идей, представлений тех или иных исследователей на проблему бытия политической системы общества, направлен на формулирование конкретной политической теории. Коммуникативный подход представляет собой анализ политической системы с позиции системообразующих связей и отношений между различными ее институтами.

В качестве самостоятельного следует выделить личностный подход при исследовании политической системы, тем более, что в философском понимании первичным элементом системы считается человек, сущность которого есть совокупность всех общественных отношений. Личность в политической системе выступает в различном политико-правовом состоянии.

Функционирование любой системы (экономической, политической, социальной, правовой и т. п.) в конечном счете определяется человеком. Люди формируют политическую систему и участвуют в реализации ее возможностей, они же составляют и то гражданское общество, которому воздействие этой политической системы предназначено, поэтому на ее характере, типе, формах влияния всегда лежит отпечаток культуры, традиций, психологии людей.

Мыслители прошлого исходили из политичности людей, отмечали их огромную роль как субъектов политики. Личности органически присуще политическое измерение. Еще Аристотель писал, что человек по природе своей — существо политическое; кто по тем или иным причинам живет вне государства, тот или сверхчеловек, или существо, недоразвитое в нравственном отношении. Отметим, что в современном цивилизованном обществе политика осуществляется для людей и через людей.

В литературе нет единого мнения о понятии политической организации общества. Однако следует подчеркнуть, что развитие понятия политической системы общества, ее теории особенно ин-

тенсивно происходило именно на основе существующей уже теории и понятия политической организации общества.

Утверждая, например, что правильное научное толкование и применение категории "политическая система" позволяет не только преодолеть трудности, которые возникли в связи с исследованием политической организации общества, но и свести в единый комплекс все основные категории и понятия, характеризующие политическую жизнь общества, некоторые авторы считают, что политическая система как явление и как понятие шире политической организации общества.

Политическая система общества аккумулирует, сводит воедино как политические институты и отношения, складывающиеся прежде всего в виде политических организаций, учреждений (государственных и общественных), так и практику политической жизни. Политическая же организация общества определяет его политическое устройство, взаимосвязь политических институтов и учреждений. Иными словами, политическая организация общества дает преимущественно институционную характеристику политической системы.

Основным содержанием понятия политической организации общества является совокупность государственных и общественных учреждений, составляющих институционально-организационную структуру его политической жизни. В данном случае главными объектами исследования выступают политические учреждения и организации, выполняемые ими задачи, характер и содержание их деятельности, взаимоотношения между ними, выражение ими интересов классов, слоев и социальных групп и т. д.

Таким образом, сторонники более широкого понимания политической системы (Ф. М. Бурлацкий, И. П. Ильинский) подчеркивают, что политическая организация общества является наиболее существенным элементом политической системы, поскольку именно через политические организации происходит выдвижение основных целей и задач общества и определение политической линии, формирование политических и правовых норм, мобилизация всего общества.

Среди авторов, разделяющих подобное представление о содержании политической системы и о ее соотношении с политической организацией общества, имеются некоторые расхождения во взглядах. Одни из них политическую систему общества полностью отождествляют с его политической сферой, считая, что последняя объединяет политические отношения (политическую деятельность) и организацию общества, которая выступает по отношению к первым как их материальный результат. В других случаях авторы, определяющие политическую систему как совокупность политических отношений, существующих в определенном классовом обществе, и их носителей — классов, наций и т. д., а также классовых организаций, представляющих и защищающих интересы отдельных классов и социальных групп, считают, что понятие политиче-

ской системы классового общества близко к понятию политической надстройки над данным экономическим базисом.

На наш взгляд, включение в содержание политической системы общества наряду с различными политическими отношениями и носителей этих отношений — классов, наций и т. д. — необоснованно, ибо это неизбежно приведет к неправомерному смещению политической системы общества с социальной структурой или с социально-политической организацией общества.

Вторая точка зрения (например, Н. Н. Разумовича) заключается в рассмотрении политической системы в качестве составной части политической организации общества. Утверждается, что необходимость использования для охраны и развития исторических завоеваний трудящихся государственной власти, государства предполагает существование политической системы как части политической организации общества.

Третья группа исследователей (Е. М. Чиркин, Ю. А. Тихомиров, М. Н. Марченко) придерживается мнения, что понятие политической системы тождественно понятию политической организации общества.

В целом уважая позиции авторов различных точек зрения, следует, по всей видимости, присоединиться к первой из них и рассматривать политическую систему в широком смысле слова как категорию, более богатую, включающую как политическую организацию общества, так и все иные проявления политической жизни.

Понятием “система” обычно охватывается по меньшей мере следующее: 1) множественность элементов; 2) их взаимосвязь и взаимодействие (а это, естественно, не исключает их автономии); 3) целостный характер всего многообразия составных элементов системы; 4) связь системы со средой.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение.

Политическая система общества — это совокупность взаимосвязанных государственных, общественных и иных организаций, призванных развивать организационную самостоятельность и политическую активность личностей в процессе реализации ими политической власти.

В современных условиях политическая система призвана обеспечить эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие граждан в государственной и общественно-политической жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом, согражданами.

§ 2. Место и роль государства в политической системе

Огромную теоретическую и практическую значимость, особенно в современных условиях, имеет рассмотрение проблемы, свя-

занной с определением соотношения политической системы общества и государства, выявление экономических и социально-политических факторов, влияющих на определение его места и роли в политической системе общества.

Следует сразу же оговориться, что государство нельзя отождествлять с политической системой, его следует рассматривать в качестве важной составной части этой системы, входящей в нее не как совокупность разрозненных органов, а как целостный институт.

В отечественной и зарубежной литературе исследованию вопросов, касающихся различных сторон внутренней организации и деятельности государства, уделяется значительное внимание. Государство обстоятельно изучается в различных направлениях: в структурном и функциональном плане, с точки зрения его статики и динамики, с позиции философских категорий формы, содержания, сущности. Однако при этом нередко остается без внимания ряд вопросов, непосредственно связанных с функционированием государства как составного элемента политической системы общества. Рассмотрение государства в этом ракурсе позволяет охарактеризовать государственный механизм через опосредуемые им политические отношения и тем самым дает возможность более точно определить место и роль государства в политической системе общества.

В системе институтов властеотношений выделяется особое звено, которым выступает государство. Опыт показал, что для современного общества, руководящегося принципами гуманизма и демократии, государство является наиболее удобной и приемлемой системой органов и институтов власти. Однако в некоторых случаях центральным институтом власти может быть церковь, партия, армия. Но в любом случае не существует политики без институтов власти, как центра интеграции, дифференциации, медиации. Без институтов, элиты возможны только самоуправление, для большого общества это равносильно анархии¹.

Государство выступает как особое звено в структуре политической системы общества. Его роль и место в этой системе не отождествляется с ролью и местом, с одной стороны, правящей партии, а с другой — иных звеньев этой системы.

Государство не просто самое массовое политическое объединение граждан, а объединение всех без исключения граждан, всех членов общества, находящихся в политико-правовой связи с государством, независимо от классовой, возрастной, профессиональной и иной принадлежности. Государство есть выразитель их общих интересов и мировоззрения. Следовательно, с деятельностью государства, с осуществлением государственного управления связаны реальные и самые широкие возможности для всех граждан участвовать в политической жизни общества. Идея участия каждого че-

¹ Белов Г. А. Политология. Учеб. пособие. М.: Наука, 1994. С. 11.

ловека в решении общих дел, ответственности каждой личности за судьбу государства, общества в целом нашла свое конкретное выражение в целом ряде законов, Декларации прав и свобод человека и гражданина.

В юридической литературе встречается понимание государства как основы политической системы. Следует присоединиться к точке зрения М. Н. Марченко, что государство не выступает, да и не может выступать в качестве основы или главного структурного элемента политической системы. Рассмотрение государства в качестве основы привело бы к смешению его с такими разнопорядковыми явлениями, какими представляются действительные экономические, социальные, идеологические основы политической системы.

Место и роль государства в политической системе общества определяются следующими основными моментами:

— государство играет немаловажную роль в совершенствовании общества как собственника основных орудий и средств производства, определяет основные направления его развития в интересах всех и каждого;

— государство выступает организацией всех граждан, представляет общество в целом; только им и от его имени принимаются властные решения, касающиеся всех членов общества и обязательные для выполнения каждым. Это, собственно говоря, основная форма политической интеграции общества на строго ограниченной территории, подчиненной определенному виду политического господства. Государство является носителем власти, юрисдикция которого распространяется на всю территорию страны. Государство, говоря словами Гегеля, есть действительность субстанциональной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть "в себе и для себя разумное". Это субстанциональное единство — абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членом государства. С этой точки зрения правовое государство призвано обеспечить условия для жизнеспособности и функционирования гражданского общества, основных его институтов, принципов и ценностей. Оно, по сути дела, не что иное, как политическая организация гражданского общества:

— государство располагает специальным аппаратом управления и принуждения;

— государство располагает разветвленной системой юридических средств, позволяющих использовать различные методы убеждения и принуждения. В правовых актах законодательно закрепляются основные политические принципы, нормы и процедуры, определяются допустимые границы и возможности политической деятельности как правящих, так и оппозиционных структур;

— государство обладает суверенитетом, является его главным субъектом, основным источником реализации политической власти.

Вокруг него объединяются все остальные составляющие. Если партии и другие институты представляют интересы и позиции тех или иных категорий и группировок граждан в политической системе, то государство выражает всеобщий интерес;

— государство обладает единством законодательных, управленческих и контрольных функций, это единственная полновластная организация в масштабе всей страны.

Негосударственные организации такими свойствами и функциями не обладают. Они решают локальные по содержанию и объему задачи в строго определенной сфере общественно-политической жизни.

Таким образом, не противопоставляя государство как “особое звено” в политической системе общества всем другим объединениям, не приуменьшая его роли в системе иных демократических организаций, следует еще раз подчеркнуть, что понятия главного и особого звена (элемента) в структуре политической системы не являются идентичными. Роль главного звена, охватывающего своей организующей и направляющей деятельностью активность всех структурных элементов, выполняет личность, в то время как особым звеном является государство.

Государство относится к числу собственно политических организаций. Таким образом, будучи оснащенным специальным аппаратом принуждения и подавления с соответствующими “вещественными придатками” в виде тюрем и иных принудительных учреждений, государство выступает как главная сила в руках политических сил, стоящих у власти, как главный проводник их воли и интересов в жизнь, как важнейшее средство осуществления политической власти.

§ 3. Государство и общественные организации

При рассмотрении вопроса о месте и роли государства как особого звена в политической системе общества важное значение имеет раскрытие характера взаимосвязей, возникающих между ним и общественными организациями.

Во взаимоотношениях государства и общественных организаций отражается общность их конечных целей и задач, единство принципов построения и функционирования, их подлинный демократизм, возникновение всех государственных и негосударственных объединений по воле народных масс, постоянная опора на их творческую инициативу и поддержку.

Укрепление и развитие общности и единства всех государственных и общественных организаций — свидетельство дальнейшего развития демократии, обеспечивающей активное участие всех членов общества в управлении как государственным, так и общественными делами, если будут успешно преодолеваются противо-

речия между государством и общественными организациями. Взаимоотношения между ними строятся по-разному в зависимости от места и роли тех или иных общественных формирований, от характера их деятельности, от стоящих перед ними целей и задач. Это — сотрудничество, взаимопомощь, координация, руководство со стороны государства деятельностью некоторых общественных организаций, определение общего направления их деятельности, надзор и т. д. При этом сохраняется внутренняя самостоятельность общественных организаций, их относительная независимость в решении вопросов на основе принципов самоуправления и самостоятельности.

Говоря о взаимоотношениях государства и общественных организаций, нужно всегда помнить, что это отношения двусторонние. Большинство из них опосредуется соответствующими нормами права, приобретаая в зависимости от этого различный характер (государственно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой и т. д.). Некоторые отношения еще не имеют правового выражения, что, естественно, требует дальнейшего совершенствования законодательства об общественных организациях, их правовом статусе, исследования вопросов по таким направлениям, как границы вмешательства государства в деятельность общественных организаций, правотворчество общественных организаций, его природа, природа уставов общественных организаций, общественные организации как субъекты права, как носители прав и обязанностей, как участники различного рода правовых отношений и т. д.

Правовое закрепление различных сторон деятельности общественных организаций и их взаимоотношений с государством способствует их укреплению и развитию, стабилизации их связи с государственными органами, раскрытию всех заложенных в них потенциальных возможностей.

В России, например, общественные организации участвуют в выработке и реализации политики государства. Они непреременные участники всех политических кампаний, в том числе таких, как всенародное обсуждение проектов законов и других вопросов, выборы депутатов, народных заседателей. Общественные организации делегируют своих представителей в состав целого ряда государственных органов. Многие вопросы жизни общества, его политической системы решаются органами государства с учетом их мнения или совместно с общественными организациями. Последние участвуют в контроле за деятельностью государственных органов, в лице своих фракций и депутатов имеют право законодательной инициативы в Государственной Думе.

Следует отметить, что общественные организации действуют в рамках правового режима, установленного государством, которое как главная властвующая и организующая сила призвано обеспечить нормальную деятельность всех негосударственных организаций в рамках их уставных задач, способствовать их развитию и

совершенствованию. Прежде всего это выражается в предоставлении конституционного права гражданам на объединение в общественные организации, использование ими широких политических свобод: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Права и законные интересы общественных организаций находятся под охраной государственных органов (суда, прокуратуры и др.), оказывающих содействие в реализации некоторых их решений.

Взаимоотношения государства с профсоюзами, молодежными организациями, творческими союзами строятся при отсутствии государственного руководства, тогда как деятельностью таких общественных организаций, как потребительская кооперация, ряд добровольных обществ, государство руководит. Но это не означает какого-то ни было "включения" общественных организаций в систему государственного аппарата. Общественные организации это не "филиалы" государства, а самостоятельные звенья политической системы, имеющие свои самостоятельные функции, свое социальное назначение. Все задачи должны решаться путем сочетания мероприятий по государственной линии и по линии различных общественных организаций, причем действуют они не изолированно, а в тесном контакте и при постоянной взаимной поддержке.

Так, например, Российский Союз Молодежи — самостоятельная общественно-политическая организация, которая вовлекает своих членов в практическое управление государственными и общественными делами, формирует поколение всесторонне развитых людей. Молодежные организации пользуются правом широкой инициативы в обсуждении и постановке перед соответствующими организациями вопросов работы предприятий, учреждений, принимают непосредственное участие в их решении, особенно, если они касаются труда, быта, обучения и воспитания молодежи.

К сожалению, до недавнего времени профсоюзы, кооперация, творческие объединения (писателей, художников, архитекторов и т. п.), которые в других условиях могли бы служить базой для развития гражданского общества, полностью лишались самостоятельности, входя в официальные структуры в качестве "рычагов" или "приводов", а человек, индивид оказался встроенным в эти структуры в качестве "винтика". Его статус как гражданина с определенным Конституцией объемом прав и свобод мало чего стоил на деле, из процесса строительства нового общества была исключена его суть — личность как важнейшая историческая ценность.

Надо отметить, что возникающие в российской действительности общественные организации и движения учитывают в своей политической деятельности фундаментальные человеческие ценности. Наряду с политическими партиями они служат дополнительными каналами выражения интересов и мнений, формулирования требований в адрес правительства. В силу своей внутренней структуры они были и остаются практической лабораторией, так как повышают политическую восприимчивость и потенциал граждан,

формируют политических лидеров, готовят их к участию в большой политике и вообще стимулируют тягу индивида к демократии. Но самое важное, пожалуй, в том, что такие автономные организации встают на путь изначального стремления государственной власти к распространению и централизации своего господства, к выходу из-под контроля общества. В этом смысле они призваны обеспечить альтернативные каналы оглашения политических взглядов, контроль за законодательной и исполнительной властью.

Отсутствие демократического контроля управляемых над управляющими мастерски описано Д. Оруэллом в антиутопиях "1984" и "Скотный двор", когда все равны, но одни, "более равные", чем другие, заставляют большинство населения за гарантированный минимум потребления расплачиваться полной утратой личной свободы.

В юридической литературе нет единого понимания, являются ли трудовые коллективы звеном (компонентом), составным элементом политической системы общества. Отметим в этой связи интересное положение специальной главы о коллективных правах граждан, содержащееся в проекте Конституции России, разработанном коммунистами, согласно которому государство обязано обеспечить гражданам право петиций, право законодательной инициативы, право на забастовку, право трудовых коллективов на самоуправление, свобода деятельности профсоюзов, права потребителей и т. д. Не останавливаясь подробно на рассмотрении этого вопроса, следует, по всей видимости, присоединиться к точке зрения тех авторов, которые считают, что трудовые коллективы — звено (компонент) политической системы, включаются в нее, так как выступают активными субъектами политической жизни, участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел.

Следует согласиться с мнением профессора З. Млынаржа о том, что недооценка политической роли трудовых коллективов могла бы с течением времени отомстить за себя так же, как недооценка проблематики национальностей и их политической роли. Если они не будут иметь возможности проявить себя как субъект официальной политической системы, то в случае нарастания социальной напряженности могут выйти на политическую сцену спонтанно (в виде массовых забастовок, демонстраций, стачконов, новых профсоюзных организаций и т. п.). Существенной чертой развития политической системы должен быть поиск способа, путей и форм, которые позволят трудовым коллективам обрести статус реального субъекта политической системы, снять не только проблему экономического, но и политического отчуждения работника¹.

Конституционное закрепление трудовых коллективов в качестве составного элемента политической системы свидетельствует о

¹ Млынарж З. Трудовой коллектив как субъект политической системы // Коммунист. 1990. № 18. С. 32—42.

ее дальнейшей демократизации. Такое понимание политической системы, которое охватывает своими рамками не только собственно политические институты — государство, политические партии, общественные организации, — но также и трудовые объединения граждан, было характерно для прошлого этапа развития российского общества, так как в системе демократии, в ее развитии видное место принадлежало трудовым коллективам, позволяющим вовлечь в управление общими делами каждого работника. Прежде всего именно здесь практически решались (или, наоборот, не решались) задачи, выдвигаемые правящей коммунистической партией, переводились на язык практики планы экономического и социального развития, задачи повышения эффективности, интенсификации производства, происходила идейная и нравственная закалка человека. Демократия не замыкается лишь рамками политических отношений: она охватывает и такую важнейшую сферу общественной жизни, как производительный труд. Поэтому интересы классов, социальных слоев и профессиональных групп населения проявляются и разрешаются не только через собственно политические учреждения, но и через другие социальные институты, к числу которых относится и трудовой коллектив. Действительно, трудовой коллектив выступает как первичная ячейка не только хозяйственного, но и политического организма. Это положение, естественно, влекло за собой признание трудового коллектива субъектом политической системы общества.

Трудовой коллектив выступал в политической системе в качестве своеобразного субъекта, так как в нем можно было удачно увидеть всю политическую систему в миниатюре. Решающее значение, которое придавалось трудовому коллективу, было обусловлено именно его своеобразием как первичной ячейки социально-политического организма. В условиях изменяющегося российского общества роль трудовых коллективов в производственной, общественной и государственной жизни снижается, уменьшаются возможности для активного участия его работников в управлении предприятиями, учреждениями, организациями, в осуществлении общественного самоуправления. Функционирование личности в трудовом коллективе проявляется в различных аспектах: как члена трудового коллектива, как члена партий, как члена различных общественных организаций. Да и сам принцип построения общественных организаций был основан преимущественно на производственно-территориальном признаке. Личность как член общественных организаций через трудовой коллектив, возглавляемый администрацией предприятия, учреждения, выступающий как сумма действий личностей, до сих пор все-таки участвует в обсуждении и решении государственных и общественных дел.

“В недалеком прошлом, теперь, кажется, уже безвозвратно, на таком корпоративно-государственном принципе была построена по сути дела вся советская государственно-общественная система.

В ней каждое предприятие, учреждение, институт, организация представляли своего рода корпорацию, и через нее индивидуум не только искал и находил себя как личность, приобретал общественно значимую профессию и нравственные ценности, но и приобщался к общегосударственным делам. В истории российского государства именно благодаря этому факту советский период несомненно представлял высшую степень достижения единения индивидуального и общего, которую ему вряд ли удастся достичь еще раз, если, конечно, не произойдет чего-то экстраординарного¹.

Трудовой коллектив, выступая основной политической ячейкой общества, объединяет самых разных людей. Именно в нем на началах сотрудничества и взаимопомощи формируются и закрепляются общественные отношения, создаются материальные и духовные богатства, обеспечивается единство и взаимообусловленность личных и общественных интересов. Здесь, в трудовом коллективе, осуществляется привлечение и активное участие личности в управлении государственными и общественными делами, человек формируется как личность. Рост политической сознательности трудящихся, их культурного и профессионального уровня, совершенствование управления и хозяйствования в свою очередь создают предпосылки для расширения прав трудовых коллективов и усиления их ответственности перед обществом.

Таким образом, взаимосвязь, взаимодействие и единство частей, составляющих политическую систему общества, осуществляется посредством личности, ее творческой, преобразующей деятельности, что отвечает задачам широкого, неуклонного, постоянного и эффективного в высшей степени участия каждого гражданина в управлении государственными и общественными делами.

Стабильность демократического функционирования политической системы российского общества может гарантироваться только в том случае, если будет основана на политической культуре компромисса и консенсуса. Причем последнее вполне совместимо с конфликтом, противоборством и не требует "поступаться принципами", отказываться от определенной позиции. Главное — найти общие подходы к решению вопросов, в том числе затрагивающих конфликтную ситуацию.

В этом большая роль отводится личности, носителю политического и правового сознания, культуры, воли, свободы и ответственности, ее умению формировать индивидуальные и групповые интересы, реализовать их через государство и за пределами его деятельности, создавать различные ассоциации по интересам, политические партии, профсоюзы, объединения потребителей и производителей, чья деятельность направлена на более эффективное правовое обеспечение потребностей гражданского общества.

¹ Поздняков Э. А. *Философия государства и права*. М., 1995. С. 122.

§ 4. Нормативная основа политической системы общества

Политическая система общества как и любая иная система имеет свою экономическую, политическую, социальную, идеологическую и нормативную основы. Последние представляют собой соответствующий — экономический, политический и иной базис, на котором собственно возникает и развивается политическая система.

Что собой представляет нормативная основа? Из чего она состоит и какова ее роль?

Прежде всего нужно отметить, что нормативная основа выступает в качестве важнейшей формы регулирования политических отношений, обеспечивающих определенный уровень общественной организованности, стабильности и устойчивости как политических институтов, так и всей системы в целом.

Следует подчеркнуть, что в отечественной и зарубежной научной литературе нет единого мнения ни о месте и роли нормативной основы в политической системе, ни о ее содержании.

Пытаясь учесть многообразие социальных норм по содержанию и видам, одни авторы говорят, например, о таких слагаемых нормативной системы, как право, нормы общественных организаций (прежде всего уставные), различные нормы "государственной и общественной жизни". Другие авторы относят к числу элементов нормативной основы нормы права, нормы, вырабатываемые общественными организациями, партийные решения, политические традиции и обычаи, нормы морали, этику политической жизни. Наконец, третья группа авторов причисляет к нормативной основе политические принципы и нормы, правовые нормы, политические традиции, "эталоны политического поведения" или "типичные реакции на политические события".

Как видно из вышесказанного, несмотря на расхождения во мнениях по поводу содержания нормативной основы, все авторы, тем не менее, сходятся в одном, а именно — что неременным атрибутом нормативной основы являются социальные нормы. От них, собственно, происходит и само название этой основы.

Однако все ли социальные принципы и нормы следует рассматривать в качестве слагаемых нормативной основы? В научной литературе однозначного ответа на данный вопрос нет. Наряду с высказываниями, например, о необходимости отнесения к нормативной основе всех без исключения правовых норм, в некоторых работах проводится мысль о том, что в качестве одного из слагаемых нормативной основы может выступать только часть правовых норм, а именно — нормы, связанные с осуществлением власти. Бесспорно, есть все основания для такой постановки и решения вопроса.

Предметом регулирования слагаемых нормативной основы являются политические отношения, возникающие в политической системе либо в процессе прямого осуществления политической власти,

либо по поводу ее. Политический аспект содержания принципов и норм должен выступать и выступает в качестве одного из важнейших критериев "включения" их в нормативную основу¹.

В реальной действительности существует, однако, целая группа социальных принципов и норм, не имеющих прямых связей с политической системой общества. Примером могут служить нормы семейного, трудового, гражданского права, принципы и нормы морали, традиции, обычаи, регулирующие неполитические по своему характеру и содержанию отношения. Влияние таких принципов и норм на политическую жизнь осуществляется не прямо, а через их взаимосвязь с системой политических принципов и норм, то есть опосредованно.

Нормативная основа политической системы общества выступает, таким образом, как весьма сложное образование, состоящее из следующих компонентов: 1) правовые принципы и нормы, имеющие политическое содержание; 2) принципы и нормы, содержащиеся в актах партийных органов и общественных организаций; 3) политические традиции; 4) политические обычаи; 5) принципы и нормы морали (нравственности). Рассмотрим некоторые из них.

Важнейшей составной частью нормативной основы являются **правовые принципы и нормы политического характера**.

В правовую форму облекаются не только отношения между различными звеньями государственного механизма и внутри отдельных его структурных частей, но также самые разнообразные связи между элементами политической системы, которые реализуются в различных сферах взаимосвязи и взаимодействия государства с другими элементами — составными частями политической системы общества. Правовой характер такого рода связей позволяет учитывать интересы государства, с одной стороны, и политических партий, общественных организаций, политических движений, играющих фактически роль политических партий (Движение демократических реформ — в России, "Саюдис" — в Литве, "Солидарность" — в Польше), с другой.

В законодательном порядке во всех без исключения странах закреплена политико-правовая база деятельности политической системы. Зафиксированы различные формальные и фактические принципы ее существования и функционирования: полновластие народа, демократизм, плюрализм, строгая законность и конституционность и пр. Посредством права принципам функционирования политической системы придается "всеобщее значение", обеспечивается установление "условий, имеющих силу для всех". Но это — теория. Практика же зачастую свидетельствует об обратном.

Важнейшими актами нормативной основы политической системы общества являются **конституции**. В них отражаются и за-

¹ В отдельных работах, посвященных вопросам политической системы, предпринимаются попытки выделения политических норм в самостоятельный вид (Политические системы современности. М., 1978. С. 14).

крепляются не только юридические, точнее — правовые основы политической системы и самого общества, но и его экономический, социальный, духовный и политический строй. В силу этого конституции должны рассматриваться, соответственно, не только в “чисто” правовом или материальном, но и во всех других, отражающих различные стороны — политической, духовной, идеологической и иных сфер жизни общества аспектах.

Разумеется, что одну из важнейших ролей при этом играет их юридический и политико-идеологический аспект. В зависимости от его содержания и форм проявления в государственно-правовой теории и практике западных стран давно и не без оснований выделяются и анализируются две группы конституций. Это — старые, традиционные конституции государств, принятые в первоначальные периоды активного конституционного правотворчества на Западе, и новые, или точнее, — относительно новые конституции, принятые после Второй мировой войны.

К первой группе западных конституций можно отнести Конституцию США, конституции Норвегии (1814 г.), Бельгии (1832 г.), неписанную Конституцию Великобритании, Люксембурга (1868 г.), Швейцарии (1847 г.) и др. Ко второй группе конституций следует отнести Конституцию Италии (1947 г.), Основной Закон ФРГ (1949 г.), конституции Греции (1952 г. и 1975 гг.), Японии (1947 г.) и других высокоразвитых в экономическом отношении государств.

Первая группа конституций отражала и защищала послефеодальный, раннекапиталистический строй и его успешную эволюцию на последующих этапах. Особняком в этом плане стояли и стоят конституции Англии, Австрии (1920 г.), Ирландии (1937 г.) и некоторых других государств.

В то же время вторая группа конституций отражала и закрепляла, судя по их характеру, содержанию и времени издания, в основном лишь общественные отношения, институты и учреждения, сложившиеся на более поздних этапах развития капитализма, после Второй мировой войны. Проводя разносторонний анализ данных конституций, некоторые отечественные ученые вполне резонно отмечают, что в настоящее время позволительно говорить о “некотором новом качестве”, которым характеризуются, хотя и в неравной мере, все послевоенные конституции. В своей конструкции они дают нечто вроде модели конституции развитого капиталистического буржуазно-демократического государства второй половины нашего века”¹.

Характерными штрихами данной модели конституции можно считать восстановление в тех странах, где господствовали фашистские или профашистские режимы, буржуазно-демократических прав и свобод; повсеместное усиление в системе государственного меха-

¹ Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Основные институты. Т. 2. М., 1987. С. 31.

низма западных стран роли и влияния исполнительно-распорядительных органов; все более настойчивое стремление власть имущих к представлению существующих западных конституций не только в виде актов государства, каковыми они всегда были и являются на самом деле, но в виде совместных актов "общества и государства"; известное усиление "социализации", политизации и идеологизации современных западных конституций¹.

В чем последнее проявляется? Говоря об усилении "социализации" современных западных конституций, следует обратить внимание прежде всего на то, что по сравнению с предшествующими им конституционными актами значительно больше и детальнее касаются таких проблем, как проблемы эмансипации женщин; гарантированности прав и свобод граждан; их, хотя и нередко декларированного, но тем не менее конституционно закрепленного политического и социального равноправия; проблемы охраны окружающей среды; обучения подрастающего поколения; урбанизации и многие другие.

Идеологизация современных западных конституций выражается в неизменном стремлении законодателя закрепить в ней свои "нейтральные" взгляды на окружающую политическую и правовую действительность, представить в виде равных сторон власть имущих и неимущих, внушить населению мысль о том, что существующее государство — это не орган выражения и защиты интересов прежде всего господствующих слоев и классов, каковым оно является на самом деле, а орган выражения интересов всего общества, "государство всех и для всех".

Конкретными примерами идеологизации ныне действующих на Западе конституций может служить Конституция Франции 1958 г., провозглашающая Францию светской, демократической и социальной республикой и утверждающая, что национальный суверенитет, а следовательно, и власть принадлежит народу, который осуществляет их через своих представителей, а также посредством референдумов. В соответствии со ст. 2 Конституции девизом Французской Республики является: "Свобода, Равенство и Братство", а ее принципом — "правительство народа, по воле народа и для народа".

Можно было бы согласиться с официальными французскими утверждениями и многочисленными заверениями, что столь привлекательные по своему демократическому характеру и потенциалу конституционные положения не только провозглашаются, но и реализуются, если бы политическая жизнь, политическая практика этой страны хотя бы время от времени полностью подтверждали их. Дело в том, что политический строй и политический режим, установленные еще в 1958 г. во Франции при непосредственном участии и доминировании на политической арене страны генерала

¹ Современное буржуазное государство и право. С. 31—35.

Шарля де Голля, единоличный стиль его руководства продолжает и поныне оказывать на выработку политического курса страны и на процесс принятия политических решений немаловажное влияние.

Политизированный характер западных конституций находит свое конкретное выражение в том, что с помощью норм, содержащихся в этих основополагающих правовых документах, а также в актах, изданных на их основе и в развитие, опосредствуется в конечном счете вся сеть политических институтов, политических связей и отношений, существующих между различными институтами, система исторических, национальных и политических традиций, политико-правовых ценностей, включающих в себя значительное число принципов, лозунгов, правил, политических заклинаний, заповедей и т. д.

Стремясь подчеркнуть, например, политизированный характер конституции США и ее значимость для развития политической системы американского общества, некоторые западные политологи и социологи не случайно называют ее не иначе, как "политической конституцией", "собранием социально-политических верований и обрядов американского общества", "специальным инструментом в руках политических деятелей и их близких друзей, нюансы которого правильно понимаются и адекватно толкуются далеко не многими людьми"¹.

Изучение конституций США и других западных государств, рассматриваемых в качестве своеобразных "рамок политического общества, организованного через право и с помощью права", — делается в связи с этим выводом, — должно быть составной частью "предмета политической науки и государства", имеющей дело с "различными типами человеческой ассоциации", материальными и политическими интересами граждан, основными сферами и направлениями деятельности государства, с экономической и социально-политической активностью отдельных индивидов и различных социальных групп.

Нормы права, содержащиеся в конституциях и других юридических актах, являются весьма важными, но не исчерпывающими составными частями нормативной основы политической системы общества. Ибо право, как известно, не может регулировать все политические отношения в обществе. Оно имеет свои пределы. Право не может, например, регулировать внутривнутрипартийные и другие им подобные отношения. В силу этого механизм социального регулирования политических отношений дополняется другими социальными принципами и нормами (моралью, принципами и нормами, содержащимися в актах партийных органов и общественных организаций, традициями, обычаями).

Но это не значит, что другие социальные принципы и нормы (мораль особенно) не могут регулировать те же отношения, что и

¹ См.: *Strong C. Modern Political Constitution. L., 1986. P. 3—4.*

право. Действие этих, неправовых норм может носить (и зачастую носит) дополнительный, субсидиарный характер по отношению к праву. Сам факт смешанного регулирования различных отношений, возникающих между элементами политической системы того или иного общества, дает основание говорить о согласованности их действий, о гибкости и упорядоченности процесса регламентации политических процессов. Известно, что чрезмерная жестокость в регламентации постоянно меняющихся политических и других отношений чревата негативными последствиями, вредна и неэффективна.

Составной частью нормативной основы являются **принципы и нормы, содержащиеся в актах партийных органов и общественных организаций, регулирующие отношения между партийными и общественными организациями, партиями и государством, государством и общественными организациями.**

Нормы, создаваемые политическими партиями и общественными организациями, можно условно подразделить на нормы "внутреннего" и "внешнего" действия.

Нормы, регулирующие отношения внутри организации, их издавшей, являются нормами "внутреннего" действия или корпоративными нормами. Нормы же, регулирующие отношения между организациями, их издавшими, и другими элементами политической системы, являются нормами "внешнего" действия.

Политические нормы "внешнего" действия, содержащиеся в уставах, программах, других актах общественных организаций, могут быть как рекомендательными, так и императивными. Рекомендательные нормы выражаются, как правило, в форме предложений, пожеланий и не имеют обязательного характера. Императивным нормам в некоторой степени присущи такие признаки и черты, как властность и общеобязательность содержащихся в них предписаний. Механизм действия этих норм в значительной степени зависит от того, насколько выраженные в них идеи теоретически обоснованы, оправданны, а следовательно, насколько они будут поддержаны общественным мнением, играющим огромную роль в реализации содержащихся в них требований.

Большое значение имеют политические нормы, содержащиеся в уставах и других основополагающих актах общественных организаций. С их помощью создается формальное единство, целостность общественной организации, фиксируется создание в ней единой власти, "превращение авторитета идей в авторитет власти".

Нормы уставов общественно-политических организаций в СССР, а также в некоторых других бывших социалистических странах содержания ряда положений, согласно которым марксистско-ленинские партии признавались в качестве руководящей и направляющей силы общества. Эти же положения находили свое закрепление также в уставных нормах КПСС, других партий, определяющих их отношения с молодежными и иными объединениями.

Уставные нормы закрепляли права и обязанности членов данной организации. Причем необходимо отметить тесную взаимосвязь и взаимозависимость конституционных и уставных прав и обязанностей, вытекающих из интересов личности и государства.

Важными составными частями нормативной основы политической системы являются **политические традиции и обычаи**. Они являются разновидностью общесоциальных традиций и обычаев, среди которых выделяются исторические, национальные, культурные, бытовые и иные. Политические, так же, как и все другие традиции и обычаи, имеют такие общие черты, как преемственность, повторяемость, относительная устойчивость, эмоциональность. Традиции и обычаи — близкие друг к другу явления социальной жизни, однако не тождественные.

В научной и публицистической литературе, по общему правилу, традициям и обычаям придается большое значение. Однако, имеют место случаи и ничем не оправданного принижения роли традиций как регулятивного института, неправомерного ограничения сферы действия обычаев, исключения их из области политики и отведения им роли лишь в быту, в семье и т. д.

Между тем именно в области политических отношений действует немало обычаев и традиций взаимного общения групп людей, классов, государственных и общественных организаций. Среди политических обычаев и традиций многих стран можно выделить такие, например, как существование политической оппозиции, наличие многопартийности, построение государственного механизма на основе принципа разделения властей и др.

Для политических традиций и обычаев характерным является наличие наглядно-эмоциональных средств их сопровождения, которые придают им большую выразительность, а следовательно и эффективность действия их как регуляторов. Политические традиции и обычаи содействуют стабилизации общественных отношений, повышению уровня упорядочения общества, поступательному развитию политической системы.

Одной из особенностей политических традиций и политических обычаев является их тесная связь с государством, с политической жизнью. Эта связь обусловлена тем, что в политических обычаях и традициях нередко находят свое выражение суть политики государства, которое заинтересовано в их развитии, закреплении, придании им в определенные периоды правового характера или наоборот.

В ряде случаев обычаи и традиции сочетаются с нормами права. Право либо санкционирует их, либо отвергает, либо молчит (так называемое квалифицированное молчание права). Это не означает, разумеется, что обычаи и традиции носят подчиненный характер, как утверждают некоторые авторы, ссылаясь на случаи возник-

новения коллизий между правом и обычаем, когда первенство или приоритет остается за правом. Это естественно в силу того, что за правом стоит государство. Цепочку взаимоотношений между нормами обычаев, традиций и права можно проследить от обычая и традиции к норме права, а от нее — к новым обычаям и традициям.

Во многих странах сложившиеся политические традиции закрепляются законодательно. Так, например, в британском Акте о министрах короны 1937 г. официально закрепляется оппозиция. Этим же Актом лидеру оппозиции устанавливается даже постоянное жалование. Настоящий Акт определяет, кто может рассматриваться в качестве лидера оппозиционной партии.

Лидер оппозиции, устанавливает закон, — это “член Палаты общин, который является в ней лидером партии, находящейся в оппозиции Правительству Его Королевского Величества и имеющей наибольшую численность в палате”.

Если возникает сомнение, предусматривает Акт, “какая партия является или была в течение такового времени оппозиционной партией Правительству Его Королевского Величества, имеющей наибольшую численность в Палате общин, или возникает сомнение, кто является или являлся в какое-то время лидером этой партии в Палате, то вопрос об этом должен быть разрешен в соответствии с настоящим Актом Спикером Палаты общин, и его решение, заверенное им в письменной фирме, будет окончательным”.

Политические обычаи и традиции не ограничиваются какой-либо узкой сферой политической жизни или какой-либо частью политической системы. Они действуют практически во всех областях осуществления политической власти. Так, политические обычаи выступают как конкретизированные нормы поведения различных организаций — структурных элементов политической системы в области отношений по поводу проведения избирательных кампаний, самих выборов и т. д. Объясняется это тем, что они складываются на основе фактических политических отношений, в силу их многократного повторения. Их существование обусловлено и тем, что обычаи выступают в роли своеобразных средств организации исполнения правовой нормы, сочетаются с ней и тесно переплетаются.

Традиции же охватывают главные, существенные политические отношения. Они не предусматривают детальную регламентацию, как обычаи. Сферой деятельности политических традиций и обычаев является круг отношений, связанных с осуществлением государственной власти, с формированием представительных органов — государственных и общественных, осуществлением общественного контроля за их деятельностью, с реализацией прав и свобод граждан.

В нормативной основе политической системы общества особое место занимают нормы морали, нравственности. Предъявляя к уча-

стникам отношений более широкие требования, чем другие социальные нормы, они тем самым возлагают дополнительные обязанности на субъектов политических отношений.

В принципах и нормах морали отражаются основные общественные обязанности, а также осознание личностью своего общественного значения. Обладая особой гибкостью, принципы и нормы получают возможность регулировать политические отношения самостоятельно и не совпадать с принципами и нормами права, с нормами общественных организаций.

Для нормативной основы политической системы общества особенно важно то, чтобы политические нормы основывались на нормах и принципах общечеловеческой морали, которая пронизывала бы их содержание и определяла их черты. Проникновение морали в политику означает, что они должны образовать единую морально-политическую основу социального управления. Однако в практической политической жизни подавляющего большинства современных государств такое проникновение далеко не всегда случается. Мораль нередко расходится не только с политикой, но и с правом.

Глава XI. Государство и личность

§ 1. Общество, личность, государство

Характер взаимоотношений государства и личности является важнейшим показателем состояния общества в целом, целей и перспектив его развития. Невозможно понять современное общество и современного человека без изучения многообразных отношений людей с государством.

Личность — это индивидуально определенная совокупность социально значимых свойств человека, проявляющихся в отношениях между людьми. Понятие личности, личностные характеристики отдельного человека органически связаны с обществом, его особенностями. **Общество** — это исторически развивающаяся система отношений между людьми, продукт взаимодействия людей в процессе их совместной жизнедеятельности. Общество и личность — взаимообуславливающие друг друга явления, существующие лишь в неразрывном единстве.

Положение личности в обществе предопределено и обусловлено не только ее собственной активностью и способностями и тем более не только физической и духовной принадлежностью носителя личностных свойств к человеческому роду. Основные параметры и черты этого положения заданы и воспроизводятся исторически конкретным, исторически неповторимым общественным организмом в целом, содержащим в себе влияние и роль всех общественных явлений и атрибутов. К числу таких безусловных реалий общества уже на протяжении более пяти тысячелетий относятся, в частности, и государственно-правовые явления.

Фактическое положение человека, масштаб его свободы выражаются, прежде всего, в материальных и духовных возможностях и обязанностях, количество, качество и пределы которых составляют содержательную характеристику состояния конкретной личности. Возможности и обязанности практически возникают у человека лишь как результат сложного взаимодействия конкретных людей, личности и общества. Именно этим предопределены серьезные различия в правовом, материальном, социальном положении в целом между людьми. В зависимости от времени, исторического, географического, политического пространства, объективных и субъективных факторов общественной жизни существенно разнятся между собой основные показатели состояния личности. Поэтому даже одни и те же права и свободы человека, например, право на жизнь и право на свободу, в условиях современной Европы по своему содержанию принципиально отличаются от тех же прав периода Вто-

рой мировой войны или же эпохи диктатуры пролетариата в России.

В государственно-организованном обществе в системе факторов, определяющих положение человека, именно государству принадлежит исключительно важная роль. Значение государства обусловлено его относительной независимостью и значительной самостоятельностью по отношению к человеку и обществу, теми рычагами воздействия на общественные отношения, которыми оно монопольно располагает.

Государство — это не только особым образом организованный разряд людей, систематически занимающийся управлением и принуждением. Государство — это также и внутреннее устройство общества, особый вид организации человеческого общества как целого, обеспечивающий территориальное, юридическое и политическое единение населения. Государственная организация выступает как официальный, уполномоченный представитель всего общества. В силу этого отношения между человеком и обществом носят преимущественно государственно-правовой характер, поскольку от имени общества выступает государство.

В силу принципа суверенности государственной власти любой человек в пределах территории государства подпадает под его юрисдикцию, то есть становится адресатом исходящих от государства общеобязательных предписаний. Устойчивая связь человека с конкретным государством обычно находит свое выражение в институте гражданства (в республиках) или подданства (в монархиях). Суть гражданства и подданства, несмотря на некоторые различия между ними, едина (формально подданство означает личную преданность человека монарху). Она выражается в наличии устойчивой политико-правовой связи между отдельной личностью и государством. Эта связь означает юридическую принадлежность лица конкретному государству, приобретение личностью человека специфических качеств гражданина государства, наличие круга взаимных прав и обязанностей граждан и государства, а также защиту гражданина государством внутри страны и за ее пределами. Гражданин — это личность в ее отношении к государству и праву. Качества гражданина становятся важной чертой, характеризующей положение человека в обществе. Состояние в гражданстве является юридическим и морально-политическим основанием для личности исполнять обязанности гражданина, пользоваться правами и свободами, установленными государством для своих граждан.

Соотношение личности и государства может быть весьма различным. В обществе, где господствуют идеалы справедливости, гуманизма, демократии, люди стремятся гармонизировать отношения между отдельной личностью и обществом в целом, чьи интересы и призвано представлять государство. Государство рассматривается как необходимое средство согласования интересов различных социальных групп, личности и общества, как организация, под-

чиненная общественным интересам и контролируемая обществом. Человек, его основные права и свободы рассматриваются как конечная цель вмешательства государства в общественную жизнь и одновременно являются пределом такого вмешательства.

Идеи гармонизации отношений личности и государства находят выражение, в частности, в теории и практике правовой государственности. Для правового государства характерны не только безусловная связанность всех социальных субъектов, включая государство, законом, но и идейное, законодательное и организационное признание государством незыблемости основных прав и свобод человека, их преимуществ перед иными общественными и государственными установлениями. Другой общепризнанной чертой правовой государственности является установление и строгое следование принципу взаимной ответственности государства и личности. Этот принцип проявляется, прежде всего, в установлении государством законодательных ограничений своей активности по отношению к личности и обществу, в принятии государством конкретных обязательств, направленных на обеспечение интересов граждан, в наличии реальных мер ответственности должностных лиц государства за неисполнение их обязанностей перед обществом и личностью. В свою очередь, свобода личности в правовом государстве не является абсолютной, поскольку она ограничена и регламентирована правом, интересами и правами других лиц. От человека требуется соблюдение всех правовых установлений и исполнение каждым его обязанностей перед государством и обществом.

§ 2. Государство и правовой статус личности

Законодательно установленные и взятые в единстве права, свободы и обязанности личности составляют ее **правовой статус**. Правовой статус является сердцевиной нормативного выражения основных принципов взаимоотношений между личностью и государством. По своей сути он представляет систему эталонов, образцов поведения людей, поощряемых и защищаемых от нарушений государством и, как правило, одобряемых обществом.

Права личности в структуре правового статуса — это формально-определенные, юридически гарантированные возможности пользоваться социальными благами, официальная мера возможного поведения человека в государственно-организованном обществе.

Права личности как права гражданина конкретного государства (также как свободы и обязанности) являются частью объективных права, то есть определенной разновидностью правовых норм в рамках системы действующего права и одновременно это — субъективные права, поскольку они принадлежат отдельным гражданам как субъектам права. **Субъективные права личности** — это те конкретные правомочия, которые возникают у человека как у ин-

дивидуально-определенного субъекта права на основе норм объективного права. Другими словами, это те юридические возможности конкретного человека, которые непосредственно вытекают из общих, абстрактных правил поведения, установленных законодателем.

Нормативному установлению государством тех или иных прав личности обычно предшествуют соответствующие материальные и идеологические предпосылки как необходимые условия практической реализации этих прав. Однако нередко бывает и так, что соответствия между юридическими правами как определенным **долженствованием** и фактическими условиями их использования нет. В таком случае права личности могут существовать только на бумаге, не превращаясь в реальную возможность пользования социальными благами. Правовые возможности — это тоже социальные возможности, определенная их разновидность. Тем не менее не всякая юридическая возможность есть также фактическая возможность пользования предусмотренными ею социальными благами. Здесь возможны противоречия как проявление несовпадения “ложного” и “сущего”. Это связано с тем, что, во-первых, любая юридическая норма объективно не тождественна фактической социальной возможности, ею предоставляемой, и, во-вторых, юридическое, уже по субъективным причинам, не всегда совпадает по своему содержанию и смыслу с фактическим положением дел. В то же время значение правовой нормы, как правило, велико даже в тех случаях, когда ее содержание существенно расходится с реальностью. Ведь правовая норма может быть выражением не только фактических возможностей, но и выступает как необходимое средство “перевода” потенциальных возможностей (которые могут появиться лишь при определенных условиях в будущем) в возможности фактические, наличные. Например, законодательное провозглашение в России права всех граждан страны на здоровую и благоприятную окружающую природную среду не означает, к сожалению, того, что каждый гражданин уже имеет фактическую возможность жить и работать в таких условиях. Однако наличие данной юридической нормы позволяет заинтересованным гражданам и организациям требовать от государства ее обеспечения, а последнее обязано принимать все меры по защите прав граждан, что практически может привести к желаемому результату. В частности, в соответствии с указанным правом граждане могут требовать в административном или судебном порядке отмены решений о размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, эксплуатации экологически вредных объектов, могут ставить вопрос о привлечении к ответственности виновных юридических лиц и граждан, предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан экологическими правонарушениями.

Нетождественность юридического и фактического хорошо видна также и на примере реализации гражданами права на образование.

Используя юридическую возможность получения высшего образования (поступление на учебу в вуз, бесплатный процесс обучения и др.), они далеко не всегда полноценно реализуют фактические возможности получения качественного образования (как из-за нерадивости студента, так и, не исключено, по причине невысокого уровня учебного процесса).

Юридические права не сводятся к одностороннему проявлению воли управомоченного лица, поскольку их реализация предполагает исполнение корреспондирующих им обязанностей, необходимо возникающих в связи с предоставлением прав у самого государства, а также у других граждан и организаций. Исполнение обязанностей может быть как активным, так и пассивным; как обязанностью совершить определенное действие в связи с возникновением и реализацией права, так и обязанностью воздержаться от действий, способных нанести ущерб правам управомоченного субъекта. В случае же ущемления прав граждан государство обязано принять меры к их защите и восстановлению.

Обязанности государства, возникающие в связи с предоставлением прав и свобод своим гражданам, находят свое выражение в совокупности зафиксированных в законе различных гарантий, то есть тех условий и возможностей, которые государство обязуется создать и предоставить гражданам для практического осуществления ими своих прав и свобод.

Нормативно определенные государством **свободы личности** — это практически те же права гражданина, имеющие некоторые особенности. Предоставляя свободы, государство делает акцент именно на свободном, максимально самостоятельном самоопределении человека в некоторых сферах общественной жизни. Оно стремится к самой минимальной регламентации поведения граждан, обеспечивая их свободы прежде всего невмешательством, как своим собственным, так и со стороны всех иных социальных субъектов. В частности, законодательство определяет свободу совести как право каждого человека исповедовать любую религию, либо не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные, нерелигиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Согласно этому определению никто не вправе указывать, какой именно выбор следует сделать человеку, никто не может ограничить его. И только сам гражданин решает, как, в каких формах реализовать принадлежащую ему свободу совести.

С понятием и содержанием прав и свобод тесно связаны законные интересы личности. **Законные интересы личности** — это юридически значимые и юридически оправданные притязания человека на социальные блага, не охватываемые непосредственным содержанием прав и свобод граждан. Законные интересы защищаются государством, законом наряду с правами и свободами. В отличие от прав и свобод содержание законного интереса не определено конкретно законодателем. Это связано с тем, что правовые нормы

неспособны заранее предусмотреть все возможные жизненные ситуации и, соответственно, не могут и не должны детально регламентировать развивающиеся и возникающие впервые притязания человека на социальные блага. На практике при определении и защите законных интересов граждан государственные органы обычно прибегают либо к аналогии права и закона, либо к расширительному толкованию правовых норм.

Важной особенностью прав, свобод, законных интересов личности является то, что характер их воплощения в жизнь в огромной степени определяется личностным отношением к ним их носителей. От субъекта права требуется проявление хотя бы минимума активности, а нередко и настойчивости. В частности, такие политические права граждан, как право на свободу объединения, право на проведение митингов, демонстраций, предполагает проявление значительной активности и организованности субъектов этих прав.

Юридические обязанности личности — это установленные и гарантированные государством требования к поведению человека, официальная мера должного поведения. Юридические обязанности являются необходимым средством воздействия на общественные отношения.

Права и обязанности личности объективно взаимосвязаны между собой. В демократическом обществе взаимосвязь и единство прав и обязанностей проявляются через их взаимообусловленность, а также равенство основных прав и обязанностей. Взаимосвязь и единство прав и обязанностей есть выражение согласования интересов личности, государства, общества. Надлежащее исполнение каждым человеком своих гражданских обязанностей является необходимым условием и гарантий осуществления прав, свобод и законных интересов других граждан, обеспечивает интересы государства и общества. Исполнение обязанностей рассматривается как юридическое и моральное основание для человека требовать от других граждан, организаций и государства обеспечения его собственных прав и притязаний. В частности, конституционной обязанностью российских граждан является требование соблюдать Конституцию и законы, уважать права и свободы других лиц, нести установленные законом другие обязанности.

Так же как права и свободы, юридические обязанности подразделяются на конституционные (основные) и на обязанности, возникающие на основе норм текущего законодательства.

Понятие «юридические обязанности» тесно связано с понятием юридической ответственности личности. Юридическая ответственность личности прежде всего состоит в обязанности лица претерпевать меры государственного воздействия на совершение противоправных и виновных поступков, за неисполнение или ненадлежащее исполнение юридических обязанностей.

Правовой статус, имеющий **общий** характер и распространяющийся на всех граждан страны, обычно получает нормативную кон-

кретизацию применительно к отдельным категориям и группам граждан. На этой основе складываются **специальные** правовые статусы различных категорий населения. Например, можно выделить правовой статус военнослужащих, правовой статус депутатов и другие.

§ 3. Правовой статус и фактическое положение человека

Правовой статус, будучи составной частью системы права, выступает в качестве относительно самостоятельного регулятора общественных отношений. С помощью правовых установлений государство не стремится просто продублировать, воспроизвести в юридической форме существующую реальность. И в этом нет никакой общественной потребности. Государство может лишь воздействовать и неизбежно воздействует на социальные процессы, в том числе посредством правовых установлений. Это воздействие может привести и приводит к прогнозируемым социальным результатам. При этом государство способно создавать те или иные общественные последствия лишь в определенных пределах и, главное, не само по себе, не произвольно, а только во взаимодействии с другими объективными и субъективными факторами общественной жизни. Поэтому было бы неверным утверждение, что государство дарует права и свободы, поскольку быть или не быть тем или иным из них в конечном счете зависит не только от государства. В то же время государство является одним из безусловных факторов, определяющих практическое наличие и реализацию прав и свобод человека. Причем роль государства в системе факторов, формирующих положение человека в обществе, практически всегда очень высока, а в зависимости от конкретно-исторических условий может быть и решающей.

Определяя правовое положение человека, государство необходимо считается (в большей или меньшей степени) с тем, что правотворчеству и закону, как его результату, предшествуют возникающие в самой жизни тенденции и потребности правового регулирования. Для того, чтобы быть эффективными, действенными, стабильными, правовые установления должны основываться на реальности, так или иначе учитывать потребности и закономерности социально-экономического и духовного развития общества, нести в себе единство должного и возможного.

Сам же эффект правового воздействия может выражаться в расширении, ограничении, предоставлении или ликвидации социальных возможностей и обязанностей для конкретных лиц. В отличие от природы, где превращение потенциальной возможности в действительность происходит стихийно, в обществе превращение возможного в действительное происходит не стихийно и не автома-

тически. Потенциальные, объективно обусловленные обществом возможности становятся наличными, фактическими возможностями лишь в процессе их опосредования многочисленными субъективными факторами общественного развития, и в том числе государством. Истории известны многочисленные примеры того, когда даже самые элементарные, реальные возможности, сложившиеся в обществе, оставались нереализованными именно в силу влияния субъективных факторов общественного развития — от религии и морали до государства и политической системы. Например, диктаторские, тоталитарные государственно-правовые режимы оказались способны в течение десятилетий лишить политической, экономической и духовной свободы миллионы людей даже в развитых странах. А отсутствие некоторых политических прав у женщин во многих исламских государствах легко объясняется именно особенностями религиозной, духовной жизни. Во всех странах объективные возможности прямо или косвенно опосредуются государством. Например, право на свободу объединения ограничивается, а физическая и экономическая свободы практически упраздняются государством в отношении лиц, допустивших серьезные нарушения действующего законодательства.

Правовой статус по отношению к фактическим возможностям и обязанностям личности, обусловленным обществом в целом, не может быть рассмотрен в качестве следствия или их юридической копии. Правовой статус находится во взаимодействии с фактическим общественным положением людей. Социальный статус, конечно, является ведущей стороной этого взаимодействия, поскольку является первопричиной возникновения и существования правового статуса. Однако любое взаимодействие характеризуется взаимными изменениями взаимодействующих сторон. Правовой статус при определенных условиях оказывает собственное воздействие на общественные отношения, в большей или меньшей степени корректируя их.

С точки зрения потребностей и интересов индивида в практически-функциональном плане правовой статус следует понимать как систему гарантируемых государством прав, свобод и обязанностей личности, выступающей в качестве суммы юридических возможностей, условий (а при нормальном развитии общества в целом и правовой действительности в частности — это в значительной степени реальные, наличные возможности и фактические условия) для удовлетворения тех или иных притязаний личности, и, следовательно, выполняющих роль юридического, специфического средства для удовлетворения этих притязаний.

Поэтому содержание собственно правового статуса, изменение и развитие его формулировок — это относительно самостоятельная и в большинстве случаев очень важная проблема. Ведь качество, характер и специфика этих положений — особенно с учетом при- даваемого многими общественными, политическими и государст-

венными системами приоритетного и исключительного значения основным правам и свободам индивида, составляющим практически всегда сердцевину его юридического статуса — способны во многом предопределять характер фактического положения человека в обществе, могут иметь важные практические последствия в процессе удовлетворения индивидами своих материальных и духовных потребностей и интересов.

При этом следует иметь в виду и то, что хотя бы минимальное внешнее, номинальное и фактическое несоответствие (в той или иной степени) между юридическим и объективным социальным положением людей является своего рода необходимостью и закономерностью существования и развития правового статуса. Поскольку по гносеологическим и субъективно-ценностным причинам любой субъект правотворчества, любой законодатель в принципе не может действительно адекватно отразить фактическое положение индивидов в правовых нормах — тем более, что такая задача перед ним в качестве основной никогда не стоит и не ставится, а общественная жизнь несоизмеримо богаче и сложнее возможностей правовой формы и юридической техники. В то же время — и это надо особо отметить — в демократических, социальных государственно-правовых системах они имеют постоянную тенденцию к внешнему совпадению, фактическому соответствию, органической логической взаимосвязи. В чисто техническом, практически-прикладном отношении правовой статус неизбежно должен несколько “опережать” фактическое социальное положение индивидов не только на момент своего возникновения, но и на относительно длительный период после своего появления. И не только по той причине, что общественная жизнь уже завтра может “перерасти” в свои юридические формы и требуется некоторый “запас” юридического пространства на будущее (а ежедневный их пересмотр и изменение — дело сложное и ненужное), но главным образом потому, что в социальной жизни существуют противоречивые, различные тенденции. Ее динамизм отнюдь не всегда означает прогрессивное развитие и движение по восходящей линии в соответствии с наиболее справедливыми, гуманными и т. п. ориентирами. Регрессивные процессы и тенденции обычно дают о себе знать. Они, естественно, в первую очередь, сказываются на фактическом положении индивидов. В этих случаях правовой статус личности, оставаясь с юридической точки зрения неизменным, может в известном смысле “подтягивать до своего уровня” социальное положение людей.

В этом смысле значение правового статуса личности, и прежде всего в свете формирования социального правового государства, действительно должно быть велико. Тем более, что отрицательные с точки зрения интересов большинства граждан процессы могут быть связаны и собственно с деятельностью государства, государственного аппарата, — которая, однако, может и должна быть в той или иной степени скорректирована, “исправлена” в том числе и право-

вым статусом, его требованиями — возможно с опорой на общественное мнение, а в случае необходимости и на относительно независимую и самостоятельную судебную власть.

Характерной чертой правового статуса, в основе которого лежат конституционные права, свободы и обязанности граждан, является его относительная стабильность, неизменность. Именно это качество правового статуса в сопоставлении с несравнимо более динамичной и изменчивой общественной жизнью позволяет ему играть немаловажную роль, особенно в тех случаях, когда в обществе происходят отрицательные, регрессивные процессы. Правовой статус, оставаясь неизменным и олицетворяя собой определенный уровень общественного развития, может препятствовать развитию негативных тенденций в социальном положении людей. Ведь составляющие его права, свободы и обязанности должны быть обеспечены государством вне зависимости от особенностей переживаемого страной периода. Например, в 1992 году инфляция и общее ухудшение экономического положения России привели к тому, что размеры выплачиваемых пенсий и пособий нетрудоспособным гражданам оказались крайне малы. Требования же части второй ст. 56 Конституции России 1978 г. (в редакции 1992 г.), в соответствии с которой пенсии и пособия должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума, вынуждали государство неоднократно определять и пересматривать содержание понятия “прожиточный минимум”, изыскивать необходимые средства для достижения максимально возможного соответствия размера пенсий и пособий прожиточному минимуму.

§ 4. Система прав и свобод личности

В современном мире существуют различные правовые идеи, теории, доктрины, господствует разнообразие правопонимания. В той же степени многообразие воззрений присуще проблематике прав и свобод человека, его взаимоотношений с государством. Различие подходов обусловлено различными интересами их представителей, особенностями духовной, культурной жизни, историческими традициями, обычаями, интеллектуальным многообразием и другими причинами.

Сам факт многообразия правопонимания свидетельствует о том, что с точки зрения содержания в “чистом виде”, как таковых, безусловно объективных и общепризнанных прав и свобод человека не существует. Реальностью являются лишь предствления, суждения, взгляды, теории о том, что такое права человека, а также основанные на них политические, юридические, моральные и иные нормы. Взгляды и нормы опосредуют, воздействуют на складывающиеся и развивающиеся в обществе материальные и духовные возможности и обязанности людей. В этом смысле права человека (или

права личности) изначально возникают, существуют, развиваются лишь в качестве важнейшего элемента правосознания и сознания в целом различных социальных субъектов, стремящихся придать своим представлениям значение правильного, правового, правдивого, справедливого и соответственно этому проявляющихся практически во всех нормативно-регулятивных системах, а также в идеологии, философии, науке, в культуре в целом.

Поэтому фактически существующие и возникающие социальные возможности людей признаются, трактуются в качестве тех или иных прав человека только в значении "должного" и главным образом — в противовес объективно возможным и объективно существующим иным представлениям, интерпретациям, предпочтениям. Ибо без этого определенного противопоставления, без необходимости истолкования социальных возможностей и обязанностей с позиции должного, справедливого, идеального и т. д., без некоторого минимума противоречия, антиномии — вопрос о правах человека утратил бы самостоятельную социальную значимость, а точнее, в исторической ретроспективе никогда бы ее не приобрел. И, строго говоря, только при этих условиях возможны были как появление самой идеи прав человека, понятия "права человека", так и сохранение и повышение актуальности их истолкования в дальнейшем.

В то же время многообразие подходов к правам человека и праву не умаляет возможности и необходимости выработки и признания определенного минимума общечеловеческих, общедемократических требований к правовому и социальному положению человеческой личности. Его реализация должна быть обеспечена всегда и везде, вне зависимости от социально-политических, экономических, культурных и иных особенностей конкретной страны. Этот минимум, в качестве основных прав и свобод человека, должен и может быть начальной точкой отсчета суммарного возрастания добровольно признанных всем мировым сообществом непререкаемых ценностей.

При этом во всех случаях все-таки следует помнить о том, что это действительно лишь часть прав и свобод человека и проблема прав человека не может быть сведена только к обеспечению наличия указанного минимума. Ведь за "рамками" остается множество других, часто не менее важных для людей прав и свобод, а роль и значение тех или иных из них могут резко возрастать в зависимости от развития конкретно-исторической ситуации в стране, и, соответственно, они, по существу, могут приобретать значение основных прав и свобод. Не менее важно иметь в виду и то, что этот минимум как бы универсальных ценностей в полном объеме признают далеко не все государства мира и тем более не все обеспечивают их фактическое наличие и реализацию.

Наиболее оформленное и концентрированное выражение правопонимание находит в конституционном и текущем законодательстве государств.

Впервые формальное, законодательное выражение представления о правах человека получили в 1776 году в Конституции американского штата Вирджиния, а затем в Билле о правах 1791 г., который представлял собой десять поправок к Конституции США 1781 г. В 1789 году во Франции была принята Декларация прав человека и гражданина, оказавшая огромное влияние на политическое, правовое и духовное развитие многих стран мира. Важной особенностью этих документов является подразделение в них прав, принадлежащих человеку на две категории: права человека в собственном смысле слова, присущие ему от рождения, рассматриваемые как естественные, неотчуждаемые и зависимые от государства; и права гражданина, которые установлены государственной властью, людьми (позитивное право). Такому различению придавалось особое нравственное, идеологическое, а также юридическое значение, имеющее важные последствия. Любой человек провозглашался в качестве обладателя некоторого минимума наиболее важных для него прав и свобод независимо от своей государственной, национальной, религиозной и т. п. принадлежности. Основным смысл такой постановки вопроса состоял в том, чтобы государство признало права человека в качестве высшей ценности, ни при каких обстоятельствах не посягало на них, безусловно обеспечивало бы их практическую реализацию — главным образом за счет собственного невмешательства, ограничения своей активности по отношению к автономии, свободе индивида, как бы очередной, огражденной указанными правами. Государство также должно было обеспечить соответствие прав гражданина государства правам человека, поскольку именно в последних выражены высшая истина и справедливость, продиктованные самой природой и даже божественным замыслом.

Самой же разработанной и распространенной является классификация прав и свобод в соответствии с предварительным выделением наиболее важных сфер общественной жизни, в которых возникают и реализуются права и свободы. Другими словами, это подразделение прав и свобод по их социальному назначению. По этому основанию выделяют четыре большие группы прав и свобод: политические, социально-экономические, личные, культурные.

При этом грань, проводимая между этими группами прав и свобод, достаточно условна, поскольку все они характеризуют единую, целостную систему общественных отношений. А многие конкретные права и свободы одновременно могут быть отнесены к двум различным категориям прав.

Политические права и свободы личности — это возможности человека в государственной и общественно-политической жизни, обеспечивающие его политическое самоопределение и свободу, участие в управлении государством и обществом. К ним относятся: право на объединение; свобода митингов, шествий, демонстраций; право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления; право на равный доступ к любым

государственным должностям; право участвовать во всенародных обсуждениях и голосованиях (референдумах) и другие. Например, важнейшее политическое право, каким является право на объединение (свобода ассоциаций), означает возможность свободного создания политических и иных организаций, добровольность вступления и выхода из них. Ограничения этого права незначительны и строго регламентированы законом, а спорные вопросы создания и деятельности объединений разрешаются только в судебном процессе судебными органами.

Личные права и свободы — это возможности человека, ограждающие от незаконного и нежелательного вмешательства в его личную жизнь и внутренний мир, призванные обеспечить существование, своеобразие и автономию личности.

Все права, принадлежащие человеку, в равной степени являются личными. Тем не менее в узком смысле слова под личными правами понимается лишь часть прав, непосредственно защищающих личную жизнь и свободу каждого человека. К ним относятся: право на жизнь; право на личную неприкосновенность; право на уважение, защиту чести и достоинства; свобода совести; право на неприкосновенность жилища; право на свободу передвижения и выбор места жительства и другие. Например, содержание права на неприкосновенность личности раскрывается в определении исключительных условий, при которых возможны ограничение и лишение свободы, в установлении строжайшего запрета насилия, пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, в добровольности медицинских, научных и иных опытов в отношении здоровья человека, в реализации презумпции невиновности. Презумпция невиновности означает, что обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого, а доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы.

Социально-экономические права и свободы — это возможности личности в сфере производства и распределения материальных благ, призванные обеспечить удовлетворение экономических и тесно связанных с ними духовных потребностей и интересов человека. К числу социально-экономических прав и свобод относятся: право на труд, право на отдых, право на социальное обеспечение, право на жилище, право наследования и другие. Например, право на отдых состоит в том, что всем без исключения работающим по найму в государственных, общественных или частных организациях гарантируется ограниченная законом продолжительность рабочего времени, еженедельные выходные дни, а также оплачиваемый ежегодный отпуск и некоторые другие условия, обеспечивающие естественную потребность человека в полноценном отдыхе.

Культурные права и свободы — это возможности человека пользоваться духовными, культурными благами и достижениями, принимать участие в их создании в соответствии со своими склонностями и способностями. К числу таких прав относятся: право на пользование достижениями культуры; право на образование; свобода научного, технического и художественного творчества и некоторые другие.

Аналогично различению общего и специального правового статуса различают также общие и специальные права личности. **Общие** права принадлежат в равной степени всем гражданам, вне зависимости от социальной, профессиональной и иной принадлежности. Таковы практически все конституционные права — избирательные права, право на труд, право на образование, право на защиту чести и достоинства и другие. В системе общих прав личности ведущим началом обычно является принцип равноправия всех граждан. **Специальные** права — это особые права, отражающие специфику различных групп населения, дополняющие и развивающие общие права и не противоречащие им. Например, права военнослужащих, пенсионеров, депутатов, молодежи и т. д. В свою очередь специальные права могут быть подразделены по видам в зависимости от степени их конкретизации, например, можно выделить права депутатов местных представительных органов, права военнослужащих внутренних войск и т. д.

Простейшей классификацией является подразделение всех прав и свобод на **конституционные** или **основные**, то есть установленные и гарантируемые Основным законом страны, и на права свободы, предусмотренные текущим законодательством.

Практический опыт показывает, что существует единство, взаимосвязь и взаимозависимость всех видов прав и свобод. В этом смысле иерархическое построение прав и свобод, подчеркивание приоритета одних прав перед другими малопродуктивны, трудно согласиться также с концепциями, обосновывающими абсолютное преимущество политических и личных (гражданских) прав, вплоть до полного отрицания социально-экономических прав и свобод. Ведь без определенного минимума социально-экономических прав наличие многих политических и личных прав и свобод ставится под вопрос. Это обстоятельство учитывают одобренные абсолютным большинством стран мира важнейшие международно-правовые документы по правам человека, рассматривающие социально-экономические права наравне с другими правами и свободами человека.

§ 5. Международно-правовое сотрудничество государств и проблема прав человека

Значительным прогрессом в развитии мирового сообщества в XX веке явилось понимание ценности человеческой личности, ее достоинства в неразрывной связи с необходимостью обеспечения

минимальных гарантий существования и свободного развития индивида. Практическим выражением этого стало стремление передовой мировой общественности определить общечеловеческий минимум прав и свобод, который был бы обеспечен любому человеку и в любой стране. Основным средством утверждения этих прав и свобод стали разработка и принятие соответствующих международно-правовых документов, обязательных для исполнения государствами, добровольно признавшими их юридическую, политическую и моральную силу.

В 1945 году был принят Устав ООН, провозгласивший в качестве одной из целей этой организации осуществление международного сотрудничества в гуманитарной сфере, поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам всех людей без исключения. Этот документ явился политическим и юридическим фундаментом для последующего сотрудничества суверенных государств и народов в области прав и свобод человека. Другим важным документом явилась Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. Декларация определила минимальный объем прав и свобод, которым должен обладать любой человек в политической, экономической, социальной и культурной сферах общественной жизни. Дав перечень конкретных прав, создатели Декларации провозгласили некий общечеловеческий минимум прав и свобод, исходя из своего понимания уровня развития человеческой цивилизации в целом. Декларация не является юридически обязательным документом и имеет характер рекомендации всем народам и государствам мира. Тем не менее ее практическое значение очень велико. Именно на основе Декларации и в развитие ее положений в последующем были приняты юридически обязательные международные документы по правам человека. Самыми значительными из них являются Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах. Оба пакта приняты в 1966 году и вступили в силу, в том числе для СССР и России, в 1976 году. В настоящее время действуют и многие другие международные соглашения по правам человека.

Для воплощения в жизнь внутри государства юридических норм, содержащихся в международных соглашениях по правам и свободам человека, необходима не только трансформация их содержания во внутреннее законодательство страны, но и, прежде всего, требуется проведение соответствующей социально-экономической политики, направленной на создание условий для фактического осуществления содержащихся в них требований. В противном случае ценность международно-правовых норм о правах человека остается минимальной, а соответствующее государство, не обеспечивающее условий для реализации прав и свобод, должно оцениваться государствами-участниками соглашения как уклоняющееся от взятых на себя обязательств.

Международное сотрудничество в области прав человека не сводится только к выработке и принятию соответствующих документов и к необходимости перевода содержащихся в них норм во внутреннее законодательство стран-участниц соглашений. Такое сотрудничество необходимо и в дальнейшем в целях успешного выполнения государствами принятых на себя обязательств и осуществления международного контроля за их выполнением. В этих целях созданы специальные международные органы, призванные активно содействовать осуществлению соглашений по правам человека. Процесс же формирования международно-правовых принципов и норм по правам человека продолжается и сейчас.

Все сказанное выше не означает того, что права личности (или некоторые из этих прав) непосредственно производны исключительно от международного сотрудничества и международного права. Действительные права людей, при всех условиях, остаются все-таки продуктом конкретного общественного организма. Само по себе международно-правовое регулирование положения человека в обществе может иметь большое значение и играть существенную роль в решении проблемы прав личности. Но при этом оно всегда является производным, вторичным по отношению к внутренней жизни данного общества, его государственной организации и политической системе в целом, поскольку всегда опосредованно, с одной стороны, суверенной волей государства, а с другой — его социально-экономическими, политическими, культурными и другими особенностями. В этом смысле никакое право не может быть привнесено извне, помимо общества и государства.

В то же время в современном мире резко возросла взаимосвязь и взаимозависимость суверенных государств друг от друга, отдельного государства от всего мирового сообщества в целом. В этих условиях отдельные права и свободы могут возникать и реализовываться во все большей степени под воздействием внешних для конкретного общества и государства факторов и, в частности, под воздействием международно-правовых принципов и норм, выработанных практикой международного сотрудничества.

Глава XII. Механизм социально-юридического обеспечения прав человека

§ 1. Понятие и структура механизма социально-юридического обеспечения прав человека

Права человека — это гарантированные демократическим обществом возможности для каждого индивида, его сообщностей на достойный уровень жизни, эффективную социальную систему охраны и защиты от произвола государства в соответствии с установленными международными и национальными стандартами и процедурами.

Права человека относятся к числу “вечных тем”, которыми занимались мыслители различных эпох: от древнейшего мира до настоящего времени. Проблема прав человека сравнима лишь с проблемой экологии. Как в центре внимания охраны и защиты окружающей среды находится человек, его жизнь, здоровье, его права на нормальные, благоприятные условия обитания, так и в системе ценностей гражданского общества человек — высшая ценность, нуждается в охране и защите от произвола государственной власти.

В России на сегодняшний день нет глубокого осмысления концепции обеспечения прав человека и гражданина, системы правозащитной деятельности. В любом случае на соблюдении прав человека отрицательно сказывается отсутствие теоретической разработки, подобной механизму осуществления прав и свобод личности.

В юридической литературе категория “механизм” рассматривается с различных точек зрения: “механизм правового регулирования”, “механизм правотворчества”, “механизм формирования правомерного поведения”, “юридический механизм управления”, “механизм правового воспитания”, “механизм реализации личных конституционных прав и свобод граждан”, “общий механизм действия права”, “социальный механизм уважения к праву”, “механизм действия правовой системы”, “социально-психологический механизм поступка” и т. д.

Термин “социально-правовой механизм обеспечения прав человека” не получил широкого распространения в науке: не определены понятие, содержание, объект и цели социального регулирования, а также эффективность и перспектива развития. На подобное “забвение” имелись объективные причины. Во-первых, до 60-х гг. в этом не было ни теоретической, ни практической необходимости. Советская юриспруденция не признавала теорию естественного права, а права человека служили для КПСС средством идеологических спекуляций. Во-вторых, отечественное правоведение вполне

удовлетворялось правовым механизмом охраны и защиты личности (читай: гражданина — А. М.) в различных его модификациях, например, “механизм конституционного регулирования общественных отношений”, “конституционный либо обобщенно, охранительный механизм обеспечения прав и свобод граждан”, “механизм защиты субъективных прав”, “механизм реализации личных прав и свобод”. Нередко под механизмом охраны и защиты прав личности понимались гарантии: материальные, политические, идеологические, юридические, организационные, оперативные.

Последний аспект толкования механизма обеспечения прав и свобод личности интересен тем, что социальная и юридическая стороны четко разграничивались, но термин “социальный” более подразумевался, нежели присутствовал в научном языке. Правда, это вовсе не означало, что он не использовался юристами во взаимосвязи с категорией “механизм” вообще. Так, авторами монографии “Личность и уважение к закону” (изданной в 1979 г.) правильно ставился вопрос о важности разработки социального механизма формирования уважения к праву. Они последовательно утверждали идею о том, что решать поставленную задачу возможно лишь путем выявления социальных факторов, постоянного видения человека со всем многообразием его запросов и потребностей¹, так как только его интересами в материальной и духовной сферах определяется конечная цель охранительных, защитных и воспитательных мероприятий.

Термин “социальный” в сочетании с “механизмом охраны и защиты прав человека и гражданина” использовался юристами и при рассмотрении его психологических аспектов. Е. А. Лукашева пишет, что “установление системы гарантий не обеспечивает автоматического осуществления прав и свобод, их реализации. В этом процессе важная роль принадлежит психологическому механизму, выступающему в качестве регулятора поведения субъекта его деятельности”².

В аналогичном плане исследует понятие “социальный механизм”, правда, применительно к механизму обеспечения законности Н. Л. Гранат, утверждая, что теоретическая конструкция механизма укрепления законности может рассматриваться в нескольких ракурсах: собственно правовом, социальном, психологическом и др. Социальный и психологический аспекты существуют и действуют “до” закона и правовой системы в целом, параллельно с ними и “после” них³. Вряд ли есть необходимость доказывать, что данный вывод автора непосредственно относится к характеристике механизма социально-юридического обеспечения прав человека, ибо есте-

¹ См.: Личность и уважение к закону. Социологический аспект. М., 1979. С. 24.

² Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. М., 1967. С. 72.

³ Органы внутренних дел в механизме формирования правового государства. Уфа, 1991. С. 50.

ственно-правовая концепция говорит сама за себя. Кроме того, не будет ошибкой утверждение, что словосочетание "социальный механизм" вместо "социально-юридический механизм" более точное, поскольку юридические средства — часть социальной системы регулирования и воздействия на общественные отношения, в том числе в вопросах охраны и защиты личности.

Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина — это определенная система средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения всех прав и основных свобод человека, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности и являющихся существенными для ее свободного и полного развития. Структура названного механизма включает: общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии: общие, специальные (юридические), организационные, правовую культуру, процедуры, ответственность, контроль.

Главная цель функционирования исследуемого механизма — это защита субъективных прав человека и гражданина. В задачи механизма социально-юридического обеспечения прав человека входят — охрана, защита и восстановление нарушенных прав. Функции механизма социально-правового обеспечения прав человека подразделяются на охранительную, компенсационную, информационную, воспитательную. Движущей силой механизма социально-юридического обеспечения прав человека являются интересы и общественно-полезные потребности индивидов.

Субъективное отношение к окружающей социальной среде, к нормативным предписаниям оказывает немаловажное значение на выбор формы защиты своих прав, влияет на социально-правовую активность личности. Создание специального социально-юридического механизма обеспечения прав человека лишь будет способствовать их качественной реализации. В состав такого механизма входят меры, направленные на разъяснение смысла, целей и содержания соответствующих нормативных положений и правовой политики. В качестве элементов подсистемы механизма социально-юридического обеспечения прав человека можно назвать: "механизм охраны", "механизм восстановления нарушенных субъективных прав", а также "механизм воспитания". Будучи самостоятельными механизмами и одновременно находясь в диалектической взаимосвязи друг с другом, они образуют целостную структуру механизма социально-юридического обеспечения прав человека. Теоретическое и практическое значение последнего раскрывается более полно, если рассматривать данный механизм в связи с психологическими элементами, при посредстве которых происходит реализация субъективных прав. От психологических установок личности в значительной мере зависит и понимание механизма социально-юридического обеспечения прав человека.

Ядро механизма социально-юридического обеспечения прав человека составляет защита субъективных прав, которая возможна и управомоченными на то органами, и допустима в форме непосредственной самозащиты индивидом своих прав.

На языке действующей Конституции речь идет о праве каждого человека защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45). Необходимость в защите субъективных прав и охраняемых законом интересов возникает в случаях, когда они нарушены, или оспариваются, или существует угроза их нарушения.

В научной литературе в 70-е гг. были предприняты попытки определить и функции механизма субъективных прав, иначе говоря, его сущность. Н. И. Матузов насчитывает их не менее восьми¹. И сегодня наименование и перечень функций механизма защиты субъективных прав не вызывает возражений. Понимается, необходимо учитывать современные методологические подходы к правопониманию, принципам правового регулирования, функциям права, суть которых точно выразил Р. З. Лившиц, утверждая, что за десятками классификаций и дефиниций не должна пропадать «главная определяющая функция права — обеспечение прав человека»².

К числу внешних, организующих начал обеспечения прав человека относятся социальные учреждения, институты. Их условно можно разделить на четыре группы: 1) внесударственные национальные правозащитные организации (общество «Мемориал», Проектная группа по правам человека, фонд «Право матери» и другие); 2) государственные организации и институты (Комиссия по правам человека при Президенте РФ, Уполномоченный по правам человека); 3) международные правительственные организации общемирового и регионального характера (Комитет по правам человека, Экономический и Социальный Совет, Комитет против пыток и другие); 4) международные неправительственные организации («Дорога Свободы», Международная комиссия по международным гуманитарным вопросам).

Основопологающей идеей деятельности правовых и социальных институтов является несовместимость принципа консенсуса в вопросах, связанных с санкциями в адрес страны, нарушающей права человека. Социальные институты в сфере обеспечения прав человека выполняют жизненно важные функции: а) создание эффективных контрольных механизмов и процедур восстановления нарушения прав; б) совершенствование правовой базы по регулированию и защите прав и свобод человека на международном и национальном уровне; в) сбор и распространение информации по вопросам прав человека; г) правовая помощь парламентариям юри-

¹ См.: Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972. С. 65.

² Обсуждение учебника по общей теории права // Государство и право. 1994. № 5. С. 84.

стами, занимающимися проблемами прав человека; д) рассмотрение жалоб о нарушениях прав человека, подготовка рекомендаций по их восстановлению; е) создание базовых структур поощрения и защиты прав меньшинств и других социально-уязвимых групп общества (детей, беженцев, вынужденных переселенцев и т. д.); ж) просвещение общественности, содействие распространению знаний о правах и свободах.

Содержание и формы реализации названных функций в сфере прав человека тем объемнее и разнообразнее, чем демократичнее общество, в котором находится личность, чем более психологически подготовлены власть и должностные лица к восприятию самой концепции прав человека, а следовательно, и к соблюдению законности.

Перечень функций, которые выполняют социальные институты в сфере обеспечения прав человека, нацеливает на мысль, что защита субъективных прав и охраняемых законом интересов и разрешение юридических дел неоднозначные понятия. Разрешение юридических дел имеет место во всех ситуациях применения норм права, в том числе в защите субъективного права. В то же время, как утверждает Ю. К. Осипов, защита субъективных прав и разрешение юридических дел — категории, имеющие частично совпадающее содержание. Общим для них является то, что они включают в себя различные формы правоохранительной деятельности социальных институтов. Однако в содержание защиты, кроме того, входит самозащита, а в содержание разрешения юридических дел — оперативно-исполнительная деятельность правоприменительных органов¹.

Особенности объекта социального и правового воздействия обуславливают специфику проявлений социально-правовых средств и в самом механизме социально-юридического воздействия прав человека на соответствующие общественные отношения. Механизм социально-юридического обеспечения прав человека отражает: во-первых, существенные черты личности, ее права и свободы как высшую ценность; во-вторых, цель социального государства, направленную на достижение благосостояния каждого человека и всего общества, социальную справедливость, обеспечение каждому равных возможностей для раскрытия творческого потенциала личности и достойного уровня жизни; в-третьих, осуществление общественного порядка и общественной безопасности, гарантии прав и свобод человека как главной задачи правового государства; в-четвертых, специфику гражданского общества в качестве определяющей основы против возрождения тоталитаризма — руководящее начало которого составляет принцип "разрешено все, что не запрещено законом".

¹ Подведомственность юридических дел / Под ред. Ю. К. Осипова. Свердловск, 1973. С. 95—121.

Анализ работ отечественных и зарубежных юристов последних лет показывает, что фундамент механизма социально-юридического обеспечения прав человека на международных документах, национальном законодательстве и социальных институтах, обеспечивающих права и свободы человека и гражданина. При этом оценка научного инструментария у юристов расходится. Так, Е. А. Лукашева понятие механизма социально-юридического обеспечения прав человека внутри страны фактически сводит к конституционным и иным гарантиям, а межгосударственные структуры СНГ видит в аналогах тех, которые сложились на региональном (допустим, европейском) уровне и зарекомендовали себя с положительной стороны¹.

С научным подходом автора к созданию межгосударственных структур СНГ следовало бы согласиться, но вряд ли оправданно сводить содержание механизма социально-юридического обеспечения прав человека, в широком смысле слова (даже на национальном уровне), только к гарантиям защиты прав человека. Оно объемнее включает в себя и социальные институты, и такие понятийные явления, как гласность, общественное мнение, процедуры и т. д. Необходимо признать, что гарантии — это и есть механизм охраны и защиты прав человека и гражданина в узкопрофессиональном толковании.

Условно названный механизм можно представить в виде четырех основных блоков. Первый блок базовый, его ядро составляет человек как высшая ценность демократии. Второй блок — это принципы прав человека: гуманизм, справедливость, равенство, свобода, личная неприкосновенность, прямое действие Конституции и другие. Третий блок — социальные институты и нормативные установления, через которые жизнеутверждающие ценности и принципы прав человека получают непосредственное обоснование, закрепление и осуществление. Четвертый блок — процедурно-контрольный, организационно процессуально упорядочивает отношения в сфере прав человека, создает наиболее благоприятные условия для реализации гражданам прав и свобод, укрепления законности, общественной и личной безопасности.

Блочное "расчленение" социально-юридического механизма преследует практическую цель. Работа механизма, с одной стороны, должна оцениваться в полном объеме как единое целостное явление; с другой — определяться качеством деятельности отдельных его узлов, звеньев, элементов.

Проблема эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека универсальна. Она затрагивает грани эффективности: во-первых, материальные, процессуальные, международные нормы и принципы, а также — нормативно-право-

¹ См.: Лукашева Е. А. Межнациональные конфликты и права человека // Права человека и межнациональные отношения. М., 1994. С. 62—64.

вые акты, международные соглашения и договоры; во-вторых, деятельность разнообразных социальных институтов гражданского общества, включая государство и его институты, международные правительственные и неправительственные, а также внутригосударственные неправительственные правозащитные организации; в-третьих, процедурно-политико-правовые механизмы охраны и защиты прав человека и гражданина; в-четвертых, международные и внутригосударственные механизмы контроля (правительственные и неправительственные) за обеспечением прав человека.

Измерить эффективность социально-юридического механизма — значит обогатить его научную характеристику, создать предпосылки для практического подхода к совершенствованию средств охраны и защиты прав человека и гражданина, — значит определить ценностные приоритеты интересов личности в различных сферах: экономической, политической, культурной; выявить степень готовности граждан отстаивать свои права и свободы, а также отношение индивидов к провозглашенным Конституцией РФ правам и свободам; разработать систему показателей эффективности правосудия, деятельности правоохранительных органов, иных правозащитных институтов государства и международного сообщества.

Проблема эффективности социально-юридического механизма предполагает учитывать ее показатели, критерий, исходя из широкого и узкого толкования данного явления. Последний аспект затрагивает эффективность гарантий прав и свобод субъектов. Не следует забывать о том, что критерии эффективности обеспечения прав человека отличаются от показателей эффективности обеспечения прав гражданина, так как источники и сферы действия прав человека и гражданина не совпадают. Это означает, что при исследовании механизма охраны и защиты прав индивидов необходимо принимать во внимание особенности и характер взаимосвязи норм и принципов естественного и позитивного права. Разумеется, не с позиции примата естественного права над целостной системой позитивного права, а с точки зрения того, что названная система является его источником, содержанием и гарантией осуществления. Ценность такого подхода проявляется в том, что позволяет по-новому взглянуть на критерии и показатели эффективности гарантий прав человека и гражданина, провести их научную ревизию.

Многоплановость проблемы эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека предполагает классификацию целей, условий, факторов, критериев, показателей его эффективности. В основу классификации могут быть положены критерии объема, сферы и условия действий, способы социальной защищенности и т. д.

По объему они делятся на общие, оценивающие работу механизма как целостного явления, специальные, оценивающие работу составных его блоков и звеньев, непосредственные, оценивающие работу отдельных, частных его элементов.

По сфере действия работу исследуемого механизма характеризуют на международном, межрегиональном, региональном, внутригосударственном и местном уровнях.

По экстремальности ситуации работы социально-юридического механизма обеспечения прав человека раскрывают в период вооруженных конфликтов: международного, немеждународного характера; в условиях режима военного либо чрезвычайного положения.

По характеру обеспечиваемых прав оценивают охрану и защиту общих прав, специальных прав (прав женщин, детей, беженцев, переселенцев, военнослужащих, осужденных и т. д.).

По способу социальной защищенности определяют наличие и действенность экономических, политических, юридических и организационно-процедурных гарантий.

По содержанию и формам направленности оценивают деятельность институтов мирового сообщества, а также отдельного государства в конкретной области: борьбе с голодом и недоеданием, ликвидацией расовых предрассудков, пресечением преступлений, апартеида и наказания за него.

Вопросы эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека многообразны. Одна из граней — сравнительная оценка эффективности действий отдельных его элементов, например, гласности и общественного мнения. Сравнительная оценка гласности и общественного мнения проводится на основе анализа их качественных особенностей. Гласность, в частности, есть показатель открытости общества, важнейший оценочный критерий духовной свободы. Общественное мнение может быть как показателем гласности, так и ее движущей силой. Соответственно, критерии гласности и оценки общественного мнения, несмотря на их тождество, не совпадают по содержанию. Разумеется, не исключаются и обобщенные показатели гласности, общественного мнения, когда государственная власть берет на себя “заботу” о надзоре за ними. Речь идет о стимулах и ограничениях в системе гласности и общественного мнения. По меткому выражению А. В. Малько, правовые стимулы и ограничения это есть своеобразные обобщающие средства эффективности, которые действуют на уровне как нормативного, так и индивидуального регулирования¹.

А. В. Малько рассматривает понятие эффективности во взаимосвязи с социальными ценностями, определяя ее в качестве степени реализации, достижения соответствующих ценностей. При этом автор предполагает, что сама эффективность выступает как осуществленная цель — ценность, результативная ценность или ценностная результативность, качество реализованной ценности (полезности)². Это правильно и наглядно просматривается на примере все той же гласности и общественного мнения.

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Саратов, 1994. С. 123—124.

² Там же. С. 124—125.

Гласность и общественное мнение — важнейшие демократические ценности. Через них удовлетворяются разнообразные потребности общества и личности: духовные, духовно-практические, разрешающе-практические. Формой удовлетворения названных потребностей и одновременно типовой мерой измерения эффективности гласности и общественного мнения выступает информация. В свою очередь, эффективность информации зависит от объективности, оперативности, доступности ее содержания, емкости эфирного времени или печатной площади.

Эффективность такой социальной ценности, как механизм обеспечения прав человека и гражданина, требует в отношении себя знаний определенных условий. Точнее, знаний того, что главные условия эффективности относятся к исследуемой социальной ценности, а уж затем последняя, реализуясь, создает свою эффективность.

В юридической литературе неоднократно возникали споры по проблематике обстоятельств, факторов и условий эффективности. Ученые сделали безуспешные попытки классифицировать и систематизировать условия эффективности, разграничить условия и факторы эффективности, разработать общую и частную методики исследования условий эффективности. При всей сложности научных обоснований красной нитью проходит мысль о том, что социальная ценность выступает в роли одного из обязательных условий (предпосылок) ее эффективности. Так, Ф. Н. Фаткуллин писал: "Эффективны те процессы, которые содействуют закономерному общественному развитию. Если социальная ценность мнимая, объективно нет и эффективности"¹.

В качестве высшей ценности человек, его права и свободы служат барьером на пути всевластия государства, его органов и должностных лиц, а также препятствуют поглощению государством общества, как это происходит в условиях тоталитарных режимов. В качестве высшей ценности права и свободы человека служат, наконец, предпосылкой для государства не только признавать, но и неукоснительно соблюдать, а также защищать эти права, а для граждан не только совершать возможные определенные положительные действия, но и пользоваться материальными и духовными благами, удовлетворять свои разнообразные интересы и потребности.

К юридическим условиям, способствующим повышению качества правоприменительной деятельности в сфере прав человека, относятся совершенное законодательство, правовые процедуры, нормативно закрепленный правовой статус органов исполнительной власти, расширение сферы деятельности суда, конституционный контроль. Центральное место в числе названных условий отводится конституционным нормам. Их эффективность в сфере опре-

¹ Фаткуллин Ф. Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Т. 1. Казань, 1980. С. 224.

деления прав человека определяется через: 1) правомерное осуществление гражданами их конституционных прав и свобод; 2) добросовестное исполнение гражданами конституционных обязанностей; 3) создание материальных и нематериальных благ, которые передаются в индивидуальное пользование при помощи субъективных прав, и их охрану; 4) справедливое распределение в пользование членов общества накопленных социальных благ; создание необходимых предпосылок для беспрепятственного пользования находящейся в их распоряжении доли социальных благ¹.

К сожалению, граждане не всегда фиксируют свое внимание не только на разумности, оптимальности, но и на бытовой социальной ценности конституционных предписаний. Хотя эти предписания отражают субъективно-насуточные потребности, интересы людей, являются правовой основой их достижения. Переводя эти потребности и ориентации в плоскость субъективных прав и охраняемых Основным Законом интересов, конституционные нормы создают прочную гарантию, обеспечивают их реализацию.

Таким образом, под условиями эффективности социально-юридического механизма охраны и защиты личности следует понимать совокупность обстоятельств, с одной стороны, учитывающих человека как высшую ценность, а с другой, факторы, от наличия и изменения которых зависит уровень, способы и методы действий индивида, а также социальных институтов по реализации этой высшей ценности.

Так, повышению эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина способствуют экономические, политические и идеологические факторы. Экономические — многообразие и фактическое равенство всех форм собственности, как важнейшее условие повышения деловой активности личности. Политические — дальнейшая демократизация общественной жизни, формирование гражданского общества. Идеологически-систематическая целенаправленная пропаганда идей о приоритетности прав человека.

Названные факторы определяют и пути совершенствования социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод граждан на межгосударственном и национальном уровнях. Это и развитие международного партнерства в гуманитарной сфере, и создание новых и активизация действующих правительственных и неправительственных организаций, специализирующихся на осуществлении прав человека, и определение межрегиональной и региональной политики в плане выработки единых минимальных стандартов защиты прав граждан, и т. д.

При анализе эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина следует исходить

¹ Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. Москва-Черкесск, 1992. С. 197—199.

из принципиальной методологической посылки, наличия в нем субординационных отношений. Их нужно учитывать при оценке эффективности социальных норм и социальных институтов, общих и специальных гарантий, контроля и надзора, гласности и общественного мнения. Важным результатом такого анализа будут, очевидно, рациональные теоретические и практические предложения, способствующие повышению уровня социальной и юридической защищенности индивидов.

§ 2. Защита конституционных прав и свобод конституционными судами

Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина — один из важнейших показателей состояния конституционной законности и конституционного правопорядка в обществе и государстве.

Тоталитаризм, как известно, отрицал политический и идеологический плюрализм, ограничивал и ущемлял права граждан, подчиняя их государственным, общественным, коллективным интересам. Поэтому ликвидация тоталитарной системы в постсоциалистических государствах прежде всего связана с конституционно-правовым закреплением приоритета прав и свобод человека в ряду других общечеловеческих ценностей, с коренной реформой государственно-правовых механизмов по их обеспечению и защите, с созданием новых институтов, направленных на контроль за соблюдением прав человека и их защиту (Уполномоченный по правам человека и др.). Особую роль в защите основных прав и свобод человека и гражданина в посттоталитарных государствах призваны сыграть Конституционные Суды.

Ряд национальных систем конституционного правосудия обеспечивают лишь *косвенную* защиту конституционных (основных) прав человека и гражданина, например, в процессе предварительной и последующей проверки конституционности законов и других нормативных актов (Армения, Белоруссия, Болгария, Бельгия, Италия, Молдова, Польша, Румыния, Украина и др.).

В современном мире существуют разнообразные процедуры защиты прав человека и гражданина в общих и специализированных — Конституционных судах (включая процедуры Habeas corpus в США, Канаде и ряде других государств, Amparo — в испаноговорящих странах).

Распространенной в современном мире является практика *конституционной жалобы индивида* в защиту конституционных (основных) прав человека и гражданина.

Особенно широкое распространение конституционная жалоба индивида получила в Европе (Австрия, Албания, Андорра, Венгрия, Испания, Македония, Мальта, Португалия, Россия, Словакия,

Словения, Чехия, ФРГ, Хорватия, Швейцария, Союзная Республика Югославия).

Институт конституционной жалобы индивида существует в странах Латинской Америки (Бразилия), Азии (Киргизия, Монголия, Сирия, Тайвань, Южная Корея), Африки (Бенин, Маврикий, Сенегал, Судан).

Конституционная индивидуальная жалоба может быть подана наряду с индивидами юридическими лицами (например, объединениями граждан, ставящими цель защиты прав человека и гражданина) (Австрия, Германия, Испания, Швейцария, Союзная Республика Югославия). В ряде стран обращаться с конституционной жалобой в защиту прав человека и гражданина может также омбудсмен в скандинавских странах, Уполномоченный парламента по правам человека (Австралия, Испания, Россия, Словения, Союзная Республика Югославия), прокурор (Испания, Португалия).

В некоторых странах наряду с конституционными жалобами индивидов допускаются так называемые **народные жалобы** (*Actio popularis*), то есть жалобы индивидов (группой лиц) в общественных интересах (а не в интересах конкретного индивида, права, которого нарушены).

Народные жалобы существуют в странах Европы (Венгрия, Македония, Мальта, Словения, Хорватия, Союзная Республика Югославия), Азии (Израиль, Иран, Япония), Африки (Бенин, Буркина-Фасо, Бабон, Гана, Конго, Нигер, Сьерра-Леоне). Наибольшее распространение она получила в Центральной и Южной Америке (Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Коста-Рика, Панама, Перу, Парагвай, Сальвадор).

При подаче конституционной жалобы индивида могут быть обжалованы:

- а) закон либо отдельные его положения (Бразилия, ФРГ, Испания, Словения, Россия, Союзная Республика Югославия);
- б) другие нормативные акты (Грузия, ФРГ);
- в) индивидуальные административные акты (Австрия, Швейцария);
- г) судебные решения.

В народной жалобе, как правило, оспаривается конституционность закона.

В законодательстве различных стран устанавливаются условия, при которых возникает право подачи в конституционный суд конституционных жалоб индивидов и народных жалоб. Цель такого рода условий (своеобразных фильтров) состоит в том, чтобы ограничить поступление жалоб в конституционный суд в соответствии с их компетенцией в целях обеспечения оперативной и эффективной деятельности конституционных судов. В их числе могут быть следующие:

- а) устанавливается перечень прав, которые подлежат защите в порядке рассмотрения конституционной жалобы и народной жа-

лобы. В некоторых государствах могут защищаться отдельные виды прав (Венгрия, ФРГ, Словения, Испания, Чехия). В других странах конституционной защите подлежат все конституционные права граждан (Россия);

- б) установление субъектов подачи жалобы;
- в) наличие личной заинтересованности в защите прав;
- г) установление объектов обжалования;
- д) исчерпание всех иных возможностей обжалования, т. е. правовой защиты прав индивидов (ФРГ, Словения, Швейцария);
- е) ограничение сроков подачи жалобы;
- ж) наличие установленной законом формы жалобы, включая определение языка, на котором должна быть составлена жалоба (Австрия, ФРГ, Россия);
- з) уплата государственной пошлины;
- и) оплата заявителем судебных издержек в случае необоснованного обращения в конституционный суд;
- к) наличие процедуры предварительного рассмотрения жалоб, имеющей целью отсеивание явно неподведомственных конституционному суду и заведомо недопустимых жалоб (ФРГ, Россия).

В любом государстве устанавливается своя модель защиты прав и свобод граждан, в том числе и конституционных. Как правило, на любой суд возлагается обязанность защиты конституционных прав и свобод граждан. Исходя из особого характера и природы, роли и значения конституционных (основных) прав и свобод личности, в мировой практике наметилась тенденция специальных мер их защиты. Особыми полномочиями по защите конституционных прав и свобод граждан наделяются конституционные суды и другие специализированные органы конституционного контроля. Успешная реализация данного вида конституционной юрисдикции содействует воспитанию уважения основных прав и свобод человека и гражданина со стороны властей государства, всех его органов и должностных лиц. Такая защита выступает гарантией равноправных отношений государства и личности, реального существования взаимных обязательств государства и личности, дополнительным средством обеспечения выполнения государством его обязанности по защите прав и свобод граждан и других лиц. Указанные принципы находят свое закрепление в конституциях, в особенности в конституциях тех государств, которые освободились от тоталитаризма и приступили к строительству подлинно свободного демократического общества, правового государства, в котором уважение прав и свобод личности является одной из приоритетных ценностей.

Дела по рассмотрению конституционных жалоб лиц в конституционных судах — особая категория дел. Во-первых, должно быть отчетливо выражено мнение заявителя о том, что нарушено его конкретное конституционное право или свобода. Именно конституционный аспект является главным в предмете рассмотрения данной категории дел. Во-вторых, конституционные суды — это не

кассационная, апелляционная или надзорная судебная инстанция в рассмотрении дел, связанных с нарушениями прав и свобод граждан в общих судах. Конституционный суд выносит решение лишь об оценке конституционности закона или подзаконного акта, действий должностных лиц, признавая их соответствующими Конституции или не соответствующими Конституции. Процедура рассмотрения конституционной жалобы не означает замену юрисдикции иных судов в защите конституционных прав и свобод личности.

Компетенция конституционных судов относительно защиты конституционных прав и свобод граждан определяется, как правило, так, чтобы суды не были перегружены в рассмотрении данной категории дел.

Право подавать конституционные жалобы должны иметь прежде всего те граждане, конституционные права и свободы которых нарушены, то есть, по конкретному делу. Абстрактная защита конституционных прав и свобод, как правило, не допускается. Субъектами конституционной жалобы могут быть иностранные граждане и лица без гражданства, если для них нет конституционных и законодательных исключений.

Может быть допущена подача конституционных жалоб со стороны общественных объединений, уставными задачами которых служит защита прав и свобод человека и гражданина. Такая возможность общественных объединений (правозащитных организаций, профсоюзов и др.) должна быть предусмотрена законодательством.

Что является предметом обжалования в конституционный суд, иными словами, что служит предметом конституционной жалобы?

В разных странах существуют различные подходы, которые определяются существующей в них судебной системой и распределением соответствующей компетенции между ними, системой источников права, сложившимися традициями и др.

Прежде всего предметом конституционных жалоб граждан могут быть нормативные правовые акты (законы, акты главы государства и правительства, другие подзаконные акты). Во многих государствах существуют ограничения относительно видов нормативных актов, подлежащих обжалованию гражданами в конституционный суд. Например, гражданами могут быть обжалованы только законы (Россия), наоборот, возможному обжалованию подлежат все нормативные правовые акты, кроме законов (Испания).

Предметом конституционных жалоб граждан могут быть правоприменительные акты (судебные и административные решения и др.) либо правоприменительная практика, имеющая характер обыкновения (в России в 1991—1993 гг.). Существует разумное правило, что конституционная жалоба гражданина принимается конституционным судом только после того, как заявитель использовал все средства защиты, установленные законом. Конституционная жалоба является завершающим средством защиты конституционных прав

и свобод личности. С другой стороны, возможно предоставление конституционному суду права самостоятельно решать вопрос о принятии конституционной жалобы гражданина к производству в случае, если предметом рассмотрения жалобы является вопрос всеобщей важности и если обращение гражданина к другим судам повлечет за собой неизбежные, серьезные и даже невозполнимые потери для гражданина.

В отношении отдельных элементов предмета конституционной жалобы гражданина может быть установлен срок подачи такой жалобы (от одного года при обжаловании закона в ФРГ, до 20 дней при обжаловании решения суда в Испании).

Подача конституционной жалобы гражданина может вызвать приостановление действия обжалуемого акта или решения. Чаще всего такое право предоставляется самому конституционному суду, он может по своему усмотрению в особых случаях принимать решение о приостановлении действия обжалуемого нормативного или правоприменительного акта.

Существуют различные правила относительно приема конституционной жалобы гражданина к производству в конституционном суде. Если закон устанавливает перечень требований к конституционной жалобе, то выполнение их по существу означает необходимость ее принятия к рассмотрению. Однако конституционный суд может быть наделен дискреционной властью при решении данного вопроса, исходя не только из правовых оснований, но и из принципа практической целесообразности.

Как уже отмечалось, конституционная жалоба направлена на решение основного вопроса о конституционности или неконституционности оспариваемого акта — нормативного или правоприменительного — и ее разрешение не связано с вопросом законности подзаконного акта или правоприменительного акта, например, судебного решения. Конституционный суд решает вопросы конституционного права, воздерживаясь от установления и оценки фактических обстоятельств дела. Признание неконституционности акта не ведет еще к полной реализации нарушенного права и свободы, так как за решением конституционного суда необходимо изменение самого нормативного акта либо рассмотрение конкретного дела по существу с обязательным учетом решения конституционного суда.

Если в конституционной жалобе оспаривается нормативный акт, то конституционный суд может анализировать его, признав не соответствующим Конституции (действие *erga omnes*). Но конституционный суд не может его исправить или заменить своим собственным актом. Это уже дело самого законодателя. Удовлетворение конституционной жалобы одного индивида распространяется на любого другого, чьи права в равной степени были или могли быть нарушены указанным нормативным актом. Это позволяет избежать подачи аналогичных конституционных жалоб, предметом рассмотрения которых явился бы один и тот же нормативный акт.

Защита Конституционным Судом Российской Федерации конституционных прав и свобод граждан осуществляется косвенно (с различной степенью эффективности) при рассмотрении ряда категорий дел: при проверке конституционности нормативных актов и договоров, указанных в ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации; при разрешении споров о компетенции между органами государственной власти, определенных ч. 3 той же статьи Конституции; при толковании Конституции, что предусмотрено ч. 5 той же статьи Конституции Российской Федерации.

Почти все дела, разрешенные Конституционным Судом Российской Федерации, так или иначе затрагивают вопросы защиты конституционных прав и свобод граждан.

Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. по так называемому "чеченскому делу" о проверке конституционности трех указов Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации была дана констатация того, что в 1991—1994 гг. на территории Чеченской Республики — субъекта Российской Федерации имели место массовое нарушение прав человека; меры, предпринятые Президентом и Правительством Российской Федерации, в том числе использование Вооруженных Сил (армии), были направлены на сохранение государственной целостности России, на обеспечение прав и свобод граждан; в ходе реализации указанных мер имели место факты несоблюдения правил Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Решением Конституционного Суда признано, что постановлением Правительства нарушен ряд конституционных прав и свобод граждан, — специально подчеркнуто, что "в соответствии со ст. 52 и 53 Конституции Российской Федерации и Международным пактом о гражданских и политических правах (п. 3 ст. 2) потерпевшим от любых нарушений, преступлений и злоупотреблений властью должны быть обеспечены эффективные средства правовой защиты и компенсации причиненного ущерба"¹.

Избирательные права российских граждан, проживающих в Чувашской Республике, беженцев из Республики Северная Осетия — Алания, временно пребывающих в Республике Ингушетия, были защищены Конституционным Судом при проверке конституционности ряда положений Закона Чувашской Республики от

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 5. С. 3—18. Более жесткие конституционно-правовые оценки установленным фактам и соответствующим действиям Президента и Правительства Российской Федерации в связи с использованием Вооруженных Сил (армии) в решении внутреннего конфликта, что привело к существенным нарушениям прав человека, были даны рядом судей Конституционного Суда (в том числе автором этих строк) в их особых мнениях (Там же. С. 21—52, 57—64).

24 ноября 1993 г. "О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики" в редакции от 26 августа 1994 г. и Закона Республики Северная Осетия — Алания от 22 декабря 1994 г. "О выборах в Парламент Республики Северная Осетия — Алания" (решения от 10 июля 1995 г. и от 24 ноября 1995 г.¹).

В целях защиты основных прав и свобод граждан Конституционный Суд может использовать право законодательной инициативы по вопросам своего ведения и право посланий Федеральному Собранию Российской Федерации (ч. 3 ст. 100, ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации, п. 6 ст. 3, п. 4 и 5 ст. 21 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации")².

В компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации с момента его создания входит полномочие осуществлять защиту конституционных прав и свобод российских граждан и других физических лиц по жалобам этих лиц. Однако основания и порядок рассмотрения данной категории дел в соответствии с положениями Конституции РСФСР и Конституции Российской Федерации 1993 года и требованиями соответствующих законов о Конституционном Суде Российской Федерации различны.

По ранее действовавшему Закону Конституционный Суд был наделен правом решать дела о конституционности правоприменительной практики по индивидуальным жалобам граждан и юридических лиц, если решение, которое обжалует заявитель, имеет в правоприменительной практике характер обычкновения. При этом Конституционный Суд имел право объединения аналогичных дел в одном производстве и распространения решения Конституционного Суда на последующие аналогичные дела, что давало возможность блокировки антиконституционной правоприменительной практики, в том числе основанной на действующем законе (вплоть до его отмены).

Преимуществом такого порядка рассмотрения индивидуальных жалоб граждан являлось то, что возможно было обжалование правоприменительной практики суда и других государственных органов, не только складывающейся на основе действующего закона, но и имеющей место при отсутствии какого-либо отраслевого нормативного регулирования той или иной сферы конституционного статуса гражданина.

Конституционный Суд в 1992—1993 гг. рассмотрел 8 дел по индивидуальным жалобам граждан и признал не соответствующей

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 4. С. 2—8; № 6. С. 31—36.

² Раздел о правах человека и гражданина в послании Конституционного Суда Российской Федерации Верховному Совету Российской Федерации от 5 марта 1993 года "О состоянии конституционной законности в Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 1. С. 2—10.

Конституции Российской Федерации правоприменительную практику относительно: увольнения граждан с работы по возрасту, квалифицировав их как дискриминацию (постановление от 4 февраля 1992 года¹ установления ограничений обжалования незаконных увольнений с работы; наложения дисциплинарных взысканий на работников прокуратуры; выселения из незаконно занятых жилых помещений с санкции прокурора без права судебного обжалования такой санкции, считая их ограничением права граждан на судебную защиту (постановления от 23 июня 1992 г., от 5 февраля и от 16 февраля 1993 г.)²; ограничения возмещения причиненного ущерба определенным сроком выплаты при восстановлении незаконно уволенных на работе (постановление от 27 января 1993 г.)³.

Конституционный Суд подтвердил принцип равенства государства и гражданина в договорных отношениях, признав конституционность требований граждан по выполнению государством обязательств по целевым чекам на приобретение автомобилей, по индексации денежных доходов и сбережений граждан (постановления от 9 июня 1992 года и от 31 мая 1993 года)⁴.

Эти решения Конституционного Суда имеют принципиальное значение. Они свидетельствуют о неконституционности практики несвоевременной выплаты заработной платы, пенсий и других платежей, невыполнения государством своих обязательств перед гражданами по целевым чекам, облигациям и другим ценным бумагам, по индексации вкладов населения, страховых сумм, по возмещению причиненного материального ущерба.

Конституционный Суд Российской Федерации в полном соответствии с требованиями Международного пакта о политических и гражданских правах и Конституции России активно защищал политические права и свободы российских граждан: на объединение в партии и политические движения, на свободу слова и печати, на референдум (постановления от 30 ноября 1992 г., от 12 февраля 1993 г., от 20—21 апреля 1993 г., от 9 и 27 мая 1993 г.)⁵.

К недостаткам ранее действовавшего порядка рассмотрения дел по индивидуальным жалобам следует отнести то, что признавая неконституционной правоприменительную практику, складывающуюся на основе точного соблюдения положений действующего закона (что фактически означало и признание неконституционно-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 13. Ст. 669.

² Там же. № 30 Ст. 1809; № 12. Ст. 445. ;

³ Там же. № 14. Ст. 508.

⁴ Там же. № 28. Ст. 1634; 1993, № 29. Ст. 1142.

⁵ Там же. 1993. № 11. Ст. 400; 1993. № 9, Ст. 344; 1993. № 18. Ст. 653; № 30. Ст. 1182.

сти этих положений закона), не мог непосредственно отменить действие этих положений закона или другого нормативного акта, что оставалось прерогативой компетенции органов, их принявших. Такой порядок затягивал отмену неконституционных положений законодательства (компетентные органы могли и проигнорировать решение Конституционного Суда, войдя тем самым в конфликт с судебной властью).

Рассматриваемая процедура представляла известную трудность и в толковании понятия правоприменительной практики, имеющей "характер обыкновения", создавала ситуацию коллизии, правовой неопределенности: решения Конституционного Суда признавали неконституционной практику применения закона, в то время как суды общей юрисдикции обязаны были исполнять закон до его отмены, хотя все понимали, что нормы Конституции имеют более высокую юридическую силу, чем нормы закона.

Новая Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" внесли изменения относительно оснований и процедуры защиты основных прав и свобод граждан.

Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом. Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" (ст. 96—100 гл. XII) уточняет, что жалобы на нарушения законом конституционных прав и свобод могут быть индивидуальными и коллективными; субъектами обращения могут быть не только граждане, чьи конституционные права и свободы нарушаются законом, но и объединениями граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе.

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 29 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" по результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный вправе обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционности прав и свобод граждан законом, применяемым или подлежащим применению в конкретном деле¹.

В случае принятия Конституционным Судом к рассмотрению жалобы на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан суд или иной орган, рассматривающий конкретное дело, в котором применен или подлежит применению обжалуемый закон, вправе приостановить производство по делу до принятия решения Конституционным Судом Российской Федерации (ч. 2 ст. 98 Феде-

¹ Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации 1997. № 7. Ст. 265.

рального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

При признании Конституционным Судом закона либо отдельных его положений не соответствующим Конституции Российской Федерации он утрачивает силу немедленно после провозглашения решения Конституционного Суда, а конкретное дело, в связи с которым проверялась конституционность закона, подлежит пересмотру судьей или другим компетентным органом в обычном порядке (ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 79, ч. 2 ст. 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Усмотреть нарушение законом конституционных прав и свобод граждан может и сам суд общей юрисдикции при рассмотрении дела в любой инстанции. В этом случае суд обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона (ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст. 101 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). В период с момента вынесения решения суда об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации и до принятия постановления Конституционным Судом Российской Федерации производство по делу или исполнение вынесенного судом по делу решения приостанавливаются (ст. 103 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Правовые последствия вынесенного Конституционным Судом решения в этом случае аналогичны тем, что наступают при рассмотрении жалоб граждан на нарушения законом их конституционных прав и свобод.

На основании Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам, связанным с нарушением законом конституционных прав и свобод граждан, были направлены на устранение дискриминации гражданских, жилищных, трудовых и процессуальных прав граждан, на обеспечение каждому права граждан на судебную защиту его прав и свобод в соответствии с требованиями ст. 46 Конституции Российской Федерации. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации защитил: права детей, находившихся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении в результате политических репрессий, признав их репрессированными наравне с родителями (решение от 23 мая 1995 г.);

право на забастовку работников гражданской авиации (решение от 17 мая 1995 г.);²

права работников милиции при их увольнении по инициативе руководителя органов внутренних дел (решение от 6 июня 1995 г.);³

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2—3. С. 51—56.

² Там же. С. 45—50.

³ Там же. С. 57—62.

право на получение пенсии во время отбывания наказания в виде лишения свободы (решение от 16 октября 1995 г.)¹;

право наследования граждан (решение от 16 января 1996 г.)²;
жилищные права (решения от 25 апреля 1995 г., от 23 июня 1995 г.)³;

право въезда в страну и выезда из страны (решение от 20 декабря 1995 г.)⁴;

права граждан на судебное обжалование на предварительном следствии (решения от 3 мая 1995 г., от 13 ноября 1995 г.)⁵.

По вопросам защиты Конституционным Судом Российской Федерации основных прав и свобод граждан возникает ряд проблем.

1. Наряду с Конституционным Судом защиту конституционных прав и свобод граждан осуществляют все другие суды — суды общей юрисдикции, арбитражные суды и др., которые, как и Конституционный Суд, независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону (ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации). Конституция Российской Федерации, как известно, имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 15 Конституции). С учетом этого проблема конкуренции Конституционного Суда и других судов требует глубокого осмысления на основе действующего законодательства и выработки механизмов снятия возможных противоречий в практике применения норм Конституции. Важно создание в рамках единой судебной системы атмосферы взаимопонимания и сотрудничества во имя целей защиты прав человека.

Конституционный Суд не является кассационной, апелляционной или надзорно-контрольной инстанцией по отношению к другим судам. Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права. При осуществлении конституционного судопроизводства он воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (ч. 2 и 3 ст. 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Конституционный Суд имеет исключительную компетенцию: он проверяет конституционность законов. Все другие нормативные акты (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и др.) с точки зрения их соответствия нормам Конституции о правах

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 6. С. 5—9.

² Там же. 1996. № 1. С. 2—6.

³ Там же. 1995. № 2—3. С. 32—38, 73—77.

⁴ Там же.

⁵ Там же. № 6. С. 48—53.

и свободах граждан оценивает любой суд самостоятельно, равно как и самостоятельно решает вопрос о непосредственном применении норм Конституции и федерального закона.

2. Защита Конституционным Судом Российской Федерации основных прав и свобод имеет специфику с учетом федеративного характера Российского государства. Как известно, в ведении Российской Федерации находится, согласно п. "в" ст. 71 Конституции Российской Федерации, "регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство в Российской Федерации; регулирование и защита прав национальных меньшинств". Согласно п. "б" ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации в совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации входит "защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности". Известное совпадение приведенных формулировок требует более четкого разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти Федерации и субъектов Федерации в сфере регулирования и защиты прав и свобод российского гражданина. С этим связано и четкое определение судебной юрисдикции, включая конституцию, на уровне Федерации и ее субъектов.

В этом отношении интерес представляет рассмотренное Конституционным Судом Российской Федерации дело о проверке конституционности ч. 2 ст. 42 Закона Чувашской Республики о выборах депутатов Государственного Совета (Парламента) Чувашской Республики в редакции от 26 августа 1994 г. по запросу Президента Чувашской Республики. Было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации положение закона, измененное в процессе уже начатых выборов, что привело к нарушению принципа равного избирательного права¹. По нашему мнению, так как принятие данного закона входит в исключительную компетенцию республики как субъекта Российской Федерации, проверка его на соответствие Конституции Чувашской Республики входит в компетенцию Верховного Суда Чувашской Республики (до создания в республике Конституционного Суда). И только исчерпание всех возможностей на республиканском уровне открывает путь обращения Президента Чувашской Республики в Конституционный Суд Российской Федерации и разрешение дела Конституционным Судом Российской Федерации по существу. Фактически произошло известное "забегание вперед"².

3. Серьезной проблемой является восстановление нарушенных основных прав и свобод граждан, что подчас в настоящий период связано с отсутствием у государства соответствующих материаль-

¹ Российская газета. 1995. 13 июля.

² См.: наше Особое мнение по данному делу (Российская газета. 1995. 14 июля).

ных, финансовых средств, а также с медлительностью в работе парламента по внесению соответствующих изменений и дополнений в законодательство.

Характерным в этом отношении является определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 1995 года по жалобам граждан Г. И. Шульженко и С. А. Мазанова¹, которым было подтверждено постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года, признавшим не соответствующим Конституции Российской Федерации правоприменительной практики ограничения времени выплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе положений ч. 2 ст. 213 КЗоТ Российской Федерации. Как было установлено Конституционным Судом Российской Федерации, постановление Конституционного Суда от 27 января 1993 года реально исполнено не было. Суды по-прежнему ограничиваются взысканием компенсации за один год в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 213 КЗоТ Российской Федерации, хотя фактически продолжительность вынужденного прогула у Г. И. Шульженко составила около четырех лет, а у С. А. Мазанова — 12 лет. Парламент Российской Федерации не внес соответствующее изменение в трудовое законодательство. Пункт 3 определения Конституционного Суда Российской Федерации устанавливает: "Федеральному Собранию Российской Федерации, исходя из ст. 46 и 53 Конституции Российской Федерации, определить условия эффективного восстановления в правах и возмещения вреда для незаконно уволенных лиц, устранив имеющиеся проблемы в действующем законодательстве, которые Конституционный Суд Российской Федерации восполнить не вправе". Однако нет никаких гарантий, что данный вопрос будет рассмотрен в ближайшей перспективе. Очевидно, что в Федеральном конституционном законе "О Конституционном Суде Российской Федерации" (либо в ином федеральном законе) целесообразно установить дополнительные гарантии по реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации, обращенных к законодателю.

Нельзя не сказать еще об одной стороне работы Конституционного Суда, скорее его Секретариата.

В российском обществе еще нет ясного понимания, что такое Конституционный Суд, каково его место в судебной системе, что он может, а что ему неподвластно в силу его природы. Низкая правовая культура должностных лиц и населения — тяжкое наследие тоталитарного режима. Граждане зачастую рассматривают Конституционный Суд как вышестоящую надзорную, апелляционную или контрольную инстанцию (отсюда большое количество обращений, что отвлекает Суд от основной работы). В жалобах в Конституционный Суд на решения судов граждане требуют проверить уста-

¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2—3. С. 66—70.

новление фактических обстоятельств дела, либо заново заняться их установлением, что Конституционному Суду в принципе запрещено делать.

Всего же в Конституционный Суд Российской Федерации за 1992—1995 гг. поступило 41633 обращения граждан, государственных органов, общественных объединений, на которые даны ответы заявителям. Многие из этих обращений направлены в компетентные органы по подведомственности для их разрешения.

Эта практика выявляет еще одну проблему — острую потребность в правовом просвещении населения и должностных лиц относительно защиты основных прав и свобод Конституционным Судом.

Россия сегодня как никогда нуждается в независимом и эффективном конституционном правосудии. Строгое и последовательное соблюдение Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” служит гарантией того, что Конституционный Суд Российской Федерации будет и в дальнейшем стоять на защите общепризнанных мировым сообществом принципов уважения прав и свобод человека, господства права, Конституции.

§ 3. Международно-правовое регулирование прав человека в обществе

В научной и монографической литературе по теории государства и права вопросы, касающиеся института прав человека, рассматривались как общечеловеческая, общесоциальная, общеправовая концепция.

В условиях осуществления демократических реформ в России появляется необходимость введения новых характеристик, раскрывающих качество общественного положения людей. Оценкой его измерения принято считать общечеловеческие ценности, международно-правовые стандарты, среди которых одно из главных мест занимают права человека. Актуальность проблемы прав человека в современной России как раз и связана с введением в юридическую практику общепризнанных оценок, выступающих не только мерой, но и ориентиром в общественном развитии¹.

По мнению Е. А. Лукашевой, “права человека фиксируют и выражают систему жизнеобеспечения личности, без которой невозможно ее нормальное развитие. Ценность прав человека состоит в том, что в них изначально заложены те принципы взаимодействия человека и общества, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность того и другого”. В отечественной юридической нау-

¹ Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985; Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность. Красноярск, 1986; Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978.

ке имеются устойчивые традиции в развитии концепции прав личности, прав гражданина. В юридической литературе в качестве базовой проблемы выделяются основы правового положения личности, гражданина¹.

Проблема взаимодействия прав человека и прав гражданина остается малоисследованной, так как при такой постановке вопроса личность выступает и как субъект прав человека, и как субъект прав гражданина. Современное осмысление значения соблюдения прав человека приобретает не только теоретическую, но и практическую ценность.

В этом смысле желание построить правовое государство в России связывается с признанием на государственном уровне интересов, потребностей каждого гражданина на нормальное существование и развитие. Это создало условия закрепления данных требований в законодательном порядке в таких документах, как Декларация о государственном суверенитете РСФСР, Декларация прав и свобод человека и гражданина, в Конституции Российской Федерации (1993 г.). Таким образом, в качестве основной цели правового регулирования соблюдение прав человека выступает как первичная, главная ценность современного общества.

В условиях развития межгосударственных отношений, экономических связей и коммуникационных систем создаются более эффективные возможности совершенствования не только норм международного права, но и успешного осуществления внутрисоциальных правовых реформ. Права человека как общепризнанный международный правовой стандарт в определенных, благоприятных для них условиях могут становиться в государстве формально-юридическим источником правовой нормы, не только провозглашаемой, но и реализуемой на практике.

На категориальном уровне "права человека" выступают объективным фактом, как признание ценности личности во всех регулируемых правом и моралью сферах общественной жизни, где в каждой личности как субъекте права признается прежде всего ценность человека вообще, что становится самостоятельным, ведущим началом формирования и функционирования правовой системы современного демократического правового государства.

Практика соблюдения прав гражданина в отечественной теории государства и права изучена достаточно полно. Прежде всего этим понятием пользуются для характеристики качества различных способов регулирования и многообразных форм реализации норм права в механизме правового регулирования. Тогда зачем же вводить понятие "соблюдение прав человека"? В юридической литературе подчеркивалось, что "Права человека не могут быть выше и не должны быть ниже уровня развития общества, классов, соци-

¹ Лукашева Е. А. Кризисная ситуация в советском обществе и права человека // Права человека: время трудных решений. М., 1991. С. 55.

альных групп, из которых оно состоит и представителем которых человек является¹). Введение такого понятия позволяет реальнее оценивать уровень и качество социального развития общества.

К традиционным формам реализации прав граждан относят: соблюдение, исполнение, использование и применение права. При этом под соблюдением прав граждан, как правило, понимают воздержание от нарушений официальных, формально определенных правовых запретов.

Что же касается "соблюдения прав человека", то это понятие имеет более широкий смысл. Соблюдение прав человека подразумевает уважение к правам личности, признание ее прав на государственном уровне путем имплементации во внутреннее национальное законодательство международно-правовых норм по правам человека, их охрану уполномоченными на то органами государственной власти, знание и умение использования прав человека отдельными гражданами. Порядок соблюдения прав человека строится на принципе уважения личности человека, его достоинства².

Признание необходимости соблюдения прав человека в России связано с реализацией идеи создания правового государства. Верховенство закона в таком государстве становится гарантом прав и свобод человека. Современные правовые тенденции в России, связанные с признанием на государственном уровне необходимости соблюдения прав человека, закрепленных в различных международных обязательствах, прежде всего направлены на значительное развитие гарантий соблюдения и расширения прав и свобод личности.

Реальная обстановка, складывающаяся в Российской Федерации, требует учета опыта цивилизованных стран по созданию и функционированию развитых правовых систем, институтов и механизмов, содействующих соблюдению прав и свобод человека, для чего уже появились достаточные правовые основания. В какой-то степени это нашло свое отражение в нормативно-правовых актах, например, в сфере правоохранительной деятельности государственных органов. Закрепление специального института Уполномоченного по правам человека несомненно окажет влияние на укрепление гарантий защиты прав человека и гражданина.

Институт прав человека правомерно рассматривать и как правовое явление, так как сама история развития этого института свидетельствует о его правовом характере. Родившись как достижение мысли человеческой цивилизации, теория "естественных прав" нашла свое нормативное закрепление, хотя еще и частичное, уже в

¹ Гулицев В. Е., Рудинский Ф. М. Демократия и достоинство личности. М., 1983. С. 104.

² Королеву Е. А. Права человека как правовое явление // Проблемы конституционного развития России на современном этапе / Под ред. С. А. Комарова. Рязань, 1994. С. 48—55.

ряде законодательных актов, таких как английский Билль о правах (1689 г.), американский Билль о правах (1789—1791 гг.), французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) и многие другие.

Известно, что сама по себе Всеобщая Декларация прав человека не создает для государств обязательных норм поведения в сфере прав человека, но в ее преамбуле это провозглашается в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства¹.

На основании Декларации были разработаны и приняты конкретные международные правовые акты и договоры: Пакты о гражданских и политических, об экономических, социальных и культурных правах. Что касается пактов, то они как международные договоры имеют обязательный характер для стран, их подписавших, а значит, и для России как правопреемника Советского Союза, ратифицировавшего их в 1973 году. Статья 2 Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что государства-участники должны уважать и обеспечивать права всех лиц, находящихся в пределах их территории. Если в национальное законодательство до сих пор еще не введены права и свободы, содержащиеся в Пакте, то государство-участник обязано в соответствии со своей конституционной процедурой принять законодательные акты или иные меры для осуществления прав и свобод, признаваемых в Пакте.

Советская юридическая наука постоянно подвергала критике теорию “естественных прав” человека, поскольку эта теория была выдвинута и воплощена в жизнь как идея буржуазной демократии. Принцип неотъемлемости прав и свобод человека, как сейчас очень часто пишут российские ученые, длительное время отрицался официально в нашей стране в силу непринятия нашей правовой системой теории естественного права².

Объясняется такое положение тем, что в основе социалистической теории права лежит принцип полного растворения индивидуально-личностного начала в коллективном, подчинение интересов индивида обществу, коллективу. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что одним из ведущих принципов функционирования социалистического общества является идея о том, что свободное развитие каждого — есть условие свободного развития всех.

В противовес буржуазному индивидуализму была выдвинута идея о примате общественных интересов над личными. Трагедия нашего общества в том, что в нем все было чудовищно перекошено в сторону общественного начала.

Повсюду — в экономике, политике, в духовной и частной жизни был перейден разумный предел применения социалистических

¹ Права человека. Сборник международных документов. М., 1986. С. 21.

² Дмитриев Ю. А. Правовое положение человека и гражданина в Российской Федерации. М., 1992.

принципов. Их безусловные достоинства начали оборачиваться недостатками, а затем, как бывает при неумеренном потреблении, вести к деградации. Это явный абсурд, но абсурд социалистический, болезнь на почве злоупотребления социальным¹.

Известно, что общественный интерес — не абстрактная категория, он формируется в процессе социального общения участников общественных отношений, выступает как результат взаимодействия наиболее типичных и значимых интересов личностей. Представляется, что общественный интерес, в конечном счете, представляет собой наиболее значимые потребности всех членов общества. В этом смысле речь идет не о подавлении интересов личности, а о воплощении ее наиболее глубинных, глобальных интересов как члена социальной общности в общественном интересе.

Таким образом, идея о примате общественного интереса над личным привела к подавлению последнего интересом государственным. В результате многие годы в общественном мышлении складывался образ государства-лидера как заботливого, но строгого отца.

В тоталитарном государстве при неограниченной личной власти его руководителя идея патернализма как нельзя лучше отвечала насущным потребностям. В этом случае члены общества уподобляются послушным “винтикам”, которые сами без содействия власти не могут ничего решать.

Теория “естественных прав”, и в этом ее качественное отличие от других, наоборот, признает за личностью право быть свободной уже в силу того, что человек рожден на свет. “Полное равенство господствует здесь, ...все они (люди) равны между собой в том смысле, что все одинаково свободны, и никто не подчиняется другому”².

Отсюда можно сделать вывод о том, что идея прав человека вполне самостоятельно существует в государственной и общественной жизни. Более того, развитие этого института в сторону все большего расширения перечня права и свобод, устанавливаемых и регулируемых национальной правовой системой и международными договорами и соглашениями, убедительно доказывает, что права и свободы личности возникают и изменяются в самой общественной жизни и сначала оформляются как социальные явления, а затем уж получают выражение в специфической юридической форме. Но это не означает, что права не являются правом. Г. В. Мальцев вполне справедливо пишет, что права и обязанности можно характеризовать как субстанцию правовой системы, первичную клеточку или единицу права³.

¹ Шагнартов Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 182.

² Конспект к лекциям по истории философии права П. И. Новгородцева. М., 1908. С. 120.

³ Мальцев Г. В. Права личности: юридическая норма и социальная действительность // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 60.

Следует признать, что основные естественные права человека существуют независимо от их государственного признания как результат общественного развития, как возможность человека обладать различными материальными и культурными благами.

Однако в результате того, что в науке господствовало нормативное понятие права как "возведенной в закон воли" в целом правильное, что права человека не носили юридического характера до тех пор, пока их не признало государство, делался, на наш взгляд, неполный вывод о том, что права человека есть общесоциологическая категория. По нашему мнению, права человека еще, и прежде всего, правовая категория. Тем более, что именно как правовая категория они признаны во всем мире. И отсутствие их в каком-либо национальном законодательстве еще не значит, что они не являются правом. Они лишь не имеют силы закона для конкретного государства.

Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ общепринятые принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, приобрели силу конституционной нормы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Тем самым фактически сводится на "нет" смысл существования национального законодательства. Следует констатировать, что закрепленное положение свидетельствует, с одной стороны, о цивилизованности российской правовой системы, с другой — остается неурегулированным вопрос о явном противоречии национального законодательства с нормами международного права (положения об обязательности прописки, ограничивающей свободу передвижения граждан, расхождения уголовно-исполнительного права с нормами, содержащимися в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными). Отсутствуют правовые нормы, содержащие механизм реализации многих конституционных положений, касающихся государственной защиты граждан, отбывших наказание в местах лишения свободы и нуждающихся в социальной поддержке, реализации положений, относящихся к альтернативной службе, прямого обращения за защитой своих нарушенных прав в межгосударственные органы¹.

Права человека реализуются в общих правоотношениях, которые складываются при охране государством элементарных и неотчуждаемых прав человека. Для субъекта права достаточно обладать лишь правоспособностью. Следует согласиться с точкой зрения Н. С. Малеина, что "правоспособность представляет собой не способность иметь права как потенциальную и абстрактную воз-

¹ Права человека: новое российское законодательство и международные правовые нормы. М., 1993.

можность, а прежде всего — наличное реальное право и правоотношения общего типа¹.

От граждан не требуется никаких особых качеств и способностей, чтобы стать правоспособным, поскольку и сам закон признал их равными, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, национальности, образования, языка, отношения к религии, рода занятий, места жительства, пола и других обстоятельств.

Следовательно, каждый человек правоспособен и является субъектом права в правоотношениях общего типа. На основании общего правоотношения-правоспособности возникают многочисленные иные правовые связи в соответствии с условиями, определяемыми различными правовыми актами (юридические факты, возраст и т. п.). В соответствии с ними гражданин вступает в разнообразные иные правоотношения. Это правовые связи вторичного порядка, т. е. уже конкретные правоотношения.

Если существуют неотчуждаемые права человека, то должны существовать и абсолютные субъективные права, которыми располагает по отношению к другим людям каждый человек вообще и которые он имеет при любых обстоятельствах, а значит и без каких бы то ни было предварительных договоренностей².

Из всего сказанного можно сделать вывод, что для вступления человека в правоотношения общего типа достаточно обладать лишь правоспособностью. Дееспособность в правоотношениях общего типа остается просто невостребованным качеством, а значит и лицо недееспособное может выступать субъектом права в правоотношениях общего типа. Оно является субъектом правовой охраны и покровительства: права человека — это как раз те права, которые реализуются в правоотношениях общего типа.

Правовой характер носят все те отношения, в которых за личностью (или другими субъектами) признаны определенные права и обязанности. При этом официально признанными правами и свободами человека являются как установленные внутригосударственным законодательством, так и предусмотренные международно-правовыми документами, которые признаны данным государством. Отсюда и необходимость специальной группы юридических гарантий (по внутреннему и международному праву), обеспечивающих реальность действия (прямого или опосредованного через внутригосударственное право) тех прав и свобод, которые связаны с международно-правовыми обязательствами государства. Эти права и свободы человека и после включения во внутригосударственное право не перестают быть одновременно и нормами международного

¹ Малеин Н. С. Человек-личность-субъект права // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1974. С. 71.

² Хебфе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 30.

права. Индивид и как субъект таких прав и свобод, и как субъект соответствующих правоотношений по их реализации находится под авторитетной защитой и внутреннего, и международного права¹.

Вопрос имплементации международных соглашений гуманитарной сферы на уровень национального законодательства всегда оставался и остается одним из сложных и неоднозначно решаемых, вполне справедливо отмечается в юридической литературе².

Это предопределяется различием политических систем в тех или иных странах, степенью их экономической развитости, особенностями идеологического, религиозного плана и т. д.

Российское законодательство последних лет в данном аспекте сделало огромный прорыв: от векового неприятия прав человека в качестве реальной самостоятельной ценности к их признанию в конституционном порядке, включая провозглашение приоритета международных норм по правам человека над законами России и непосредственного порождения этими нормами прав и обязанностей российских граждан.

При всем позитиве указанного факта налицо множество порождаемых им проблем. Одна из наиболее серьезных и, возможно, с далеко идущими негативными последствиями — появившиеся в массовом общественном сознании противоречия в отношении прав человека, их ценности. Ведь провозглашенный переход от тоталитарной системы к демократическому обществу своей важнейшей целью обозначил обеспечение прав человека как основы достойной жизни. Происходящие же ныне экономический, политический, духовный кризисы, межнациональные конфликты, рост преступности повлекли значительное снижение обеспеченности важнейших прав личности. Следствие этого — ухудшение жизни людей и разочарование в идеалах демократии и прав человека. Этому также способствуют нередко беззаконие властей и отсутствие юридически регламентированных механизмов защиты прав человека.

Помимо названных проблем в области прав человека в нашей стране следует сказать еще об одной. Речь идет о “забегании вперед” российского законодателя в регламентации прав человека, с чем, собственно, связывались надежды на известный социально-экономический прогресс. Идеальная имплементация прав человека (с признанием приоритета международных норм) во внутреннее законодательство, причем более высокого уровня, чем во многих развитых западных демократиях, проведена, видимо, по традиции слишком революционно. Не учтены должным образом закономерности взаимодействия элементов естественно-исторического про-

¹ Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М., 1990. С. 40—41.

² Ростовщиков И. В. Права человека и проблемы их воплощения в Российской Федерации // Проблемы конституционного развития России на современном этапе / Под ред. С. А. Комарова. Рязань, 1994. С. 78—83.

цесса (природа-общество-государство). Оказались забыты свойства "русского человека", в частности, сформированное у него столетиями упование на "отеческую" роль государства. Забыто и то, что массовое правосознание в России как до 1917 г., так и после практически не было охвачено идеями прав человека, и они не признавались составной частью культуры и, по сути, не имеют глубоких национальных корней, не учтено и то, что права человека проходили свое длительное историческое становление параллельно с формированием в зарубежных странах гражданского общества, к чему мы лишь приступаем.

Сказанное свидетельствует о несоответствии между фактическими общественно-экономическими процессами и их отражением в юридических нормах и правах человека. Между тем ясно, что попытки чисто "позитивного" воплощения прав человека в российском законодательстве могут не достичь ожидаемого эффекта. Означает ли вышеизложенное, что при отсутствии в той или иной стране соответствующих гарантий прав человека нет необходимости в их формальном признании и имплементации во внутригосударственное законодательство? Вовсе нет. Важно показать людям, и это бремя лежит на законодателях, государственных органах, юристах, что права человека обеспечиваются не по чьему-либо государственному велению, а по мере социально-экономического прогресса, повышения благосостояния граждан, роста уровня их культуры, духовности и т. д., что как раз и возможно путем всесторонней реализации прав человека. Этот процесс весьма длительный. Однако уже сейчас государство в полной мере ответственно за факты нарушения прав человека и соответствующую организацию их эффективной защиты. К примеру, примет ли сегодня суд к своему производству иск о нарушении прав человека, зафиксированных в международных документах, верховенство которых над внутренним законодательством признано конституционно? Очевидно, нет, ибо вопрос никак не регламентирован. Но он может и должен решаться. Так же, как может и должна решаться государством проблема борьбы с захлестнувшей общество преступностью, с криминализацией экономики, с разграблением собственности при ее приватизации, со всем тем, что ставит под угрозу основные права человека — на жизнь, свободу, собственность, неприкосновенность и пр.

Только на основе законности, соблюдения прав человека возможна гармонизация интересов личности и государства; центра и субъектов федерации; наций и народностей; различных политических сил, общественных воззрений и настроений. Как ни парадоксально, к реальной стабильности и безопасности общество может прийти не посредством установления режима силы, а посредством силы права, консенсуса в деле уважения и защиты прав человека.

Понимание человеческой природы, вытекающее из опыта и истории человека, приводит к признанию того, что человек должен быть свободен в выборе собственного пути в своем стремлении к счастью, сообразно личным потребностям и особенностям, условиям своей жизни. Однако достойная жизнь как цель, к которой он всегда стремится, не есть цель чисто личная, а общественная. Она выражается в раскрытии тех же самых чисто человеческих способностей и наклонностей, в удовлетворении присущих личности потребностей и интересов. Другими словами, достойная жизнь, чтобы стать объединяющей целью, к которой в трудный исторический период могли бы стремиться, не вступая в конфликт друг с другом россияне, должна строиться на основе не персональных (узконациональных, групповых и пр.), а общечеловеческих ценностей, исторически осмысленных, объединенных и выраженных международным сообществом в правах человека.

С 1992 года Россия подключилась к деятельности межправительственной организации — Совета Европы, но в силу различных причин (прежде всего, войны в Чечне) ей не предлагалось войти в число его членов. Учитывая стремление России к соблюдению прав человека, приведению внутреннего законодательства в соответствие с международными и европейскими стандартами, мирному решению конфликта в Чечне, Комитет Министров пересмотрел свое отношение к России, результатом чего стала Резолюция № 96, приглашающая Российскую Федерацию стать 39-м членом Совета Европы.

Любое европейское государство может стать членом Совета Европы при условии, что оно признает принцип верховенства закона и гарантирует каждому, находящемуся под его юрисдикцией, пользование основными правами и свободами. Тремя основными целями Совета Европы являются: а) защита и укрепление плюралистической демократии и прав человека; б) поиски решения проблем, стоящих перед сообществом; в) содействие формированию подлинной европейской культурной идентичности.

Европейские конвенции и соглашения впоследствии служат основой для внесения соответствующих изменений в законодательство государств-участников. К настоящему времени Комитетом Министров разработано более 150 конвенций, имеющих для государств, ратифицировавших их, обязательную силу, среди которых можно назвать следующие: Европейская конвенция о правах человека, Европейская культурная конвенция, Европейская социальная хартия, Конвенция по предотвращению пыток, Конвенция по борьбе с терроризмом и др.

В этой связи для России встает сложная задача способствовать выполнению конвенций и других актов Совета Европы. В ближайшее время Россия намерена, что является для нее непримен-

ным условием, подписать и ратифицировать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, отменить смертную казнь в мирное время, подписать и ратифицировать Конвенцию о запрещении пыток, Конвенцию о защите национальных меньшинств, не применять силу в разрешении внутренних и внешних споров, урегулировать пограничные споры, отменить разграничение на "ближнее" и "дальнее" зарубежье, провести переговоры по реституции культурных ценностей, отменить практику ограничений на зарубежные поездки лиц, владеющих государственными секретами, облегчить доступ к архивам Российской Федерации, принять закон об альтернативной военной службе и т. д.

Таким образом, складывается сложная ситуация, в которой соотношение плюсов и минусов для России и ее населения в связи со вступлением ее в Совет Европы остается неопределенным. Поэтому Федеральному Собранию необходимо максимально внимательно отнестись к исполнению Российской Федерацией перечисленных обязательств.

Глава XIII. Достоинство человека как основа права и демократической государственности

§ 1. Общие положения и принципы

Одной из главных проблем теоретического и отраслевого правоведения является проблема совершенствования правового обеспечения достоинства личности. Интерес к ней определяется той огромной ролью, которую достоинство играет в становлении и развитии личности. Среди правовых гарантий личностного существования человеческому достоинству принадлежит первое место, поскольку основные документы о правах человека указывают, что уважение достоинства и прав граждан, их высокая ценность — факторы, характеризующие современное состояние общества, источники политической стабильности, социального оптимизма и уверенности в будущем. Более того, как правильно отмечают авторы курса государственного права Германии, уважение и защита человеческого достоинства, как обязанность конституционного государства, служат предпосылкой решения всех частных проблем правового регулирования.

В юридической науке все большее место приобретает проблема исследования человеческого фактора и его составного звена — человеческого достоинства, а следовательно, и проблема мотивации и конкретного поведения человека. Достоинство личности, его различные грани вовлекаются в правовой анализ по той причине, что достоинство является ведущим компонентом социально-правовой характеристики личности, ее субъективных прав, обязанностей, свобод. Право, законность, правопорядок — важнейшие факторы реализации достоинства личности. А в условиях неуклонного соблюдения законности и правопорядка, улучшения работы народных судов, других органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и милиции все государственные органы обязаны делать все необходимое для охраны чести и достоинства личности. В главном нормативном акте Российской Федерации отражена основная тенденция гуманистической морали и демократического права — глубокое уважение к человеку, нетерпимость к посягательствам на его достоинство.

О достаточно высокой значимости человеческого достоинства — инструменте, регулирующем разнообразные отношения человека и общества, человека и государства, человека с другими людьми, во всех без исключения областях общественной жизни и нетерпимости к посягательствам на эту ценность убедительно свидетельст-

вуют средства массовой информации и пропаганды, результаты региональных и общероссийских социологических исследований. Проблема достоинства особо актуализируется через призму социально-этических аспектов управленческой деятельности, административной, служебной и судебной этики, в процессе реализации нравственно-этических норм поведения между руководителями и подчиненными. Социальная ценность человеческой личности, ее гражданское достоинство — важнейший принцип подлинного конституционного государства и демократии, тесно связанный с ее содержанием, институтами и формами.

Достоинство личности теоретически и практически реализуется во всей совокупности юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на различные общественные отношения. Являясь выражением общественных отношений, принцип достоинства, как реальный феномен правового сознания, преломляется во всем механизме правового регулирования, одухотворяя правовую организацию общественных отношений, практику правотворческой и правоприменительной деятельности. В силу чего проблема правовой реализации достоинства личности — одна из активно дискутируемых в современной европейской и российской науке.

Изучение средств (инструментов) юридического воздействия, стадий правового регулирования и основных элементов механизма правового регулирования показывают, что достоинство личности, как нравственная ценность, глубоко проникла в интеллектуально-волевое и юридическое содержание правовой системы. Каждый структурный ее блок: нормативный элемент, правосознание, правовая деятельность — в их целостном видении отражает многоаспектную ценность человека, различные грани человеческого достоинства.

Среди элементной структуры правовой системы ведущее положение в закреплении достоинства личности приобретает ее нормативный элемент — система действующих в обществе правовых норм. В структуре системы права достоинство личности, переплетаясь и взаимодействуя с широким комплексом самых разнообразных экономических, политических, культурных, этических и нравственных отношений, выступает в качестве **межотраслевого комплексного объединения норм** — института достоинства личности.

Современное состояние исследований по правовому опосредованию отношений, выражающих достоинство личности в сферах общетеоретического и отраслевых знаний, характеризуется чрезвычайным многообразием подходов. В связи с этим основная цель предлагаемого раздела состоит в том, чтобы свести в единую систему все знания, накопленные в разнообразных областях юридической науки. Значимость этой проблематики определяется, с одной стороны, внутренними концептуальными потребностями юридико-

методологического исследования. Среди них — проблема гносеологии, методологии обеспечения результативного правового воздействия на общественные отношения, выражающие достоинство личности, а также выяснение и определение характеристик механизма правового регулирования, его специально-юридического, психологического и социального механизма действия на эти отношения. С другой стороны, актуальность и значимость рассматриваемой проблематики определяются необходимостью разработки правовых средств, обладающих достаточной эффективностью и способствующих достижению конституционного требования о реальном уважении личности и вытекающих из ее достоинства прав и свобод.

В отличие от предшествующего периода, когда проблема достоинства личности рассматривалась в правоведении преимущественно в плане негативной функции права, современное состояние исследований этой проблемы свидетельствует о том, что она стала изучаться в различных отраслевых юридических науках и общетеоретическом правоведении. При этом во все более углубляющемся исследовании социально-правового механизма действия права на общественные отношения, выражающие достоинство личности, значительный акцент делается на выяснении специфики сложного и многогранного юридического инструментария, который призван обеспечить реализацию и охрану достоинства личности. В регулировании этих отношений все большую значимость приобретают отраслевые методы с весьма сложным сочетанием разнопорядкового юридического инструментария — позитивных обязываний, дозволений и запретов.

В европейской и российской литературе нет пока общепризнанной точки зрения в отношении того, обладают ли отношения, выражающие достоинство личности, предметным единством, либо они неотъемлемый элемент предметов регулирования разных отраслей; характеризуются ли они специфическим методом регулирования, либо к ним применяются различные методы регулирования, заимствованные из различных отраслей права; занимают ли они конкретное, определенное место в системе права, либо им отводится условное место в зависимости от целей систематизации.

В теоретическом и отраслевом правоведении интенсивно ведется поиск оптимальных средств и приемов правового воздействия, применяемых в целях реализации и охраны достоинства личности и вытекающих из него прав. При этом данная проблема становится в плане эффективности не только одной охранительной функцией права, а освещается в свете и регулятивной статической, и регулятивной динамической функций права. Следовательно, проблема охраны и реализации достоинства рассматривается через призму качественно разнородных пластов правовой материи, охватывающих многие отрасли российского права. Рассматриваемые под этим углом юридический механизм и инструментарий реализации

поставленной проблемы приобретают значительный интерес и позволяют ответить на вопрос: какова действительность, результативность текущего отраслевого законодательства; каково соотношение между действительным результатом и непосредственной целью правовых предписаний, посвященных определению предмета отрасли, ее задачам, в большинстве которых уважение достоинства личности выдвинуто на первый план.

Общетеоретический подход к проблеме позволяет на единой методологической основе охватить все богатство и многообразие приемов юридического воздействия на общественные отношения, выражающие ценность и значимость (границы достоинства) личности.

Учитывая сложность и недостаточную разработанность этой проблемы, представляется оправданным по-новому подойти к научной характеристике таких вопросов, как общая законодательная регламентация отношений, выражающих достоинство личности, специфический комплекс приемов и средств регулирования в конкретной группе общественных отношений, юридический механизм реализации достоинства и другие.

Накопившийся научный материал, степень использования достижений философской, этической мысли, выявление юридической наукой и практикой потребности совершенствования правовой охраны и защиты достоинства личности, несомненно, потребовали пояснения термина "достоинство", а также места и назначения правовых средств, обеспечивающих реализацию этой ценности в системе права.

В центре данного раздела достаточно емкий комплекс юридического инструментария, средств юридического воздействия, обеспечивающих относительно законченное цельное регулирование специфических общественных отношений. Это обстоятельство дает основание представить названные правовые средства в качестве сложного по своей структуре **комплексного межотраслевого института достоинства**. Поэтому появилась необходимость раскрыть роль этого института в охране достоинства личности более широко, чем это делалось ранее.

Из обширного круга вопросов, возникающих при изучении законодательной регламентации и практической реализации института достоинства, в качестве объекта исследования были взяты проблемы соотношения этого института с правовым статусом гражданина, принципами права, предметом правового регулирования, социально-экономическими целями права, правовой формой.

Значительное место в исследовании нужно отвести характеристике юридического механизма реализации и охраны достоинства личности. Выясняются понятие, значение и содержание механизма реализации института достоинства, который выступает составной частью реализации прав, обязанностей, свобод личности и в целом всего правового статуса.

§ 2. Специфика и объективные основы достоинства личности в праве

В общетеоретическом правоведении учеными европейских стран четко сформулирована и поставлена проблема дальнейшего углубленного исследования понятия "достоинство личности" и его правовой охраны через призму регулятивных свойств, интеллектуально-волевого содержания, внешней формы права. Свообразием научного поиска, направление анализа этой проблемы предопределили потребности совершенствования правовой защиты достоинства личности, накопившийся научный материал, обогащение и совершенствование методологии и исследования личных неимущественных отношений, степень использования достижений философско-этической мысли. В этой связи в общетеоретическом и отраслевом правоведении все большее распространение и плодотворное применение получает системно-структурный анализ проблемы совершенствования правовой защиты достоинства личности.

Новый угол зрения на сущность достоинства личности как систему социальных связей, систему взаимоотношений между людьми, относительно устойчивое единство элементов и свойств человека и их отношений, являющихся предметом воздействия сложного и многогранного юридического инструментария, позволил сделать вывод о том, что идея достоинства личности занимает ведущее положение демократического правообразования, выражая общую и фундаментальную закономерность современного общества о социальной ценности каждого его члена.

Возрастающее внимание к широкому, многоплановому использованию отраслевых методов правового регулирования отношений, выражающих достоинство личности, отчетливо проявилось после принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., когда категория "достоинство личности" получила конкретизированное, детальное, точно определенное закрепление в ряде статей Основного Закона. В отличие от предшествовавшего периода современное состояние отраслевых исследований о способах правового регулирования отношений, выражающих достоинство личности, характеризуется таким многообразием подходов, которых до недавнего времени не знали отраслевые науки. В отраслевых науках и общетеоретическом правоведении все больше утверждается идея необходимости комплексного подхода к путям юридического воздействия на отношения, выражающие достоинство личности. Такие подходы имеют определяющее методологическое значение для всех отраслевых наук, так как они, во-первых, формируют общую методологическую и мировоззренческую установку в исследовании сложного и многогранного понятия достоинства личности и, во-вторых, опираясь на отраслевой метод, создают дополнительные условия для правовой защиты и реализации достоинства личности.

В настоящее время наиболее значительные успехи в исследовании отраслевых функций и способов отраслевого правового регулирования отношений, выражающих достоинство личности, достигнуты в науках гражданского, трудового права, уголовного процесса. Стремление найти приемы юридического воздействия, их сочетание, средства юридического инструментария на отношения, выражающие достоинство личности, привели к интенсивным исследованиям в этих науках (Бару М. И., Бегичев Б. К., Иванов С. А., Лившиц Р. З., Братусь С. Н., Белявский А. В., Ромовская З. В., Зарубина Н. П., Чернышова С. А., Савицкий В. М. и др.).

Вывод о том, что отношения, выражающие достоинство личности, являются общими и сквозными для предметов правового регулирования всех отраслей права, все больше подтверждается как в общетеоретическом, так и в отраслевом правоведении. В пользу этой концепции свидетельствуют многие положения монографии В. Е. Гулиева и Ф. М. Рудинского "Демократия и достоинство личности". По их мнению, уважение и охрана достоинства составляют фундаментальную основу гуманизма как одного из основополагающих принципов демократического права. В книге достаточно глубоко проанализирован высокий удельный вес и значимость всего юридического инструментария и юридического механизма, обеспечивающего реализацию разных граней достоинства. Помимо Конституции Российской Федерации достоинство личности обеспечивают нормы всех отраслей права. Каждый отраслевой метод как сложное, многогранное правовое явление с помощью специфического комплекса приемов и средств регулирования обеспечивает реализацию и охрану достоинства личности. Пути юридического воздействия на отношения, выражающие достоинство личности, весьма разнообразны.

Необходимость выяснения содержания категории "достоинство личности" в теоретическом и отраслевом правоведении возникла в связи с возросшим значением и возрождением естественного права как эффективного средства информации и ценностно-ориентационного воздействия на общественные отношения. Она объясняется также и тем, что данная категория получила свое нормативно-правовое закрепление почти во всех отраслях законодательства, при реализации которого охрана человеческого достоинства, его уважение ведут к поддержанию режима законности, к установлению правил судопроизводства. Она является главным условием осуществления прав и развития индивидуальности личности.

Многообразие подходов в теоретическом и отраслевом правоведении к раскрытию сущности категории "достоинство" есть отражение многообразия самого феномена "достоинства личности", требующего особых приемов регулирования, свойственных для него регулятивных свойств.

Категория "достоинство", будучи предельно общим понятием, закрепленным в границах отраслевого и конституционного законодательства, а также во многих международных актах, относится к

достаточно сложному и многогранному общественному явлению. Оно является чрезвычайно широким, богатым по содержанию и глубоко диалектическим по своей природе понятием. В этической теории достоинство определяется как понятие морального сознания, выражающее представление о ценности всякого человека как нравственной личности, а также категория этики, которая означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, государства и других социальных общностей, в которых признается ценность личности. Также отмечается, что утверждение и поддержание человеческого достоинства предполагает создание большой совокупности этических, нравственных, правовых и других социальных норм и соответствующих нравственных и правовых отношений, в которых проявляется определенное уважение к личности.

Реализация достоинства личности в отраслях законодательства, в судебных и иных государственных решениях проявляется через морально-правовую ценность и общественную значимость личности. При этом человеческое достоинство как ценность имеет несколько значений: ценность человека вообще, ценность конкретного индивида, ценность представителя определенной социальной общности, а также осознание соответствующими субъектами своей ценности и общественной значимости.

В цивилистической, уголовно-правовой литературе понятие "достоинство личности" рассматривается только в негативном плане как право, связанное с охраной личности от оскорбительного обращения и других унижающих действий, т. е. берется во внимание значение этой категории в свете негативной функции права. Однако, принимая за основу принципиально новое, что отражает блок международно-правовых актов о правах человека в понимании сущности достоинства человека (его многоаспектная ценность), прежде всего подчеркивается его содержательная характеристика как общерегулятивного принципа, что в значительной степени раскрывается в позитивном плане. Принцип достоинства теоретически и практически реализуется статической и динамической функциями права, которые в деле осуществления рассматриваемой проблемы приобретают решающее значение. Ведь главное в социальной ценности демократического права заключается в том, что оно направлено на положительное регулирование, обеспечение организованности общественных отношений, в которых в качестве реальной основы их развития выступает совокупный человек, как субъект человеческого достоинства со своими сущностными свойствами, и цели правового регулирования находят ценностное обоснование и направлены на реализацию первичной, основной ценности демократического общества — достоинства личности.

В юридическом плане достоинство, или ценность человеческой личности, субъекта права обеспечивается закрепленным за нею комплексом субъективных прав и свобод, составляющих правовой статус личности, а не только правами и свободами, обеспечиваю-

цами неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, свободу совести и др. в сфере личных неимущественных отношений. Вопрос о человеческом достоинстве — это прежде всего вопрос о субъективных правах личности в разных сферах государственной и общественной жизни, это вопрос об осуществлении и реальном обеспечении прав и законных интересов человека. Эта идея четко сформулирована в различных международных документах, принятых в рамках ООН, различных Конституциях мирового сообщества.

Содержательный аспект достоинства в праве предполагает в человеке как субъекте права и как субъекте человеческого достоинства наличие личностно-социальных свойств, закрепленных в правовых нормах. Демократическое право связывает права и обязанности субъектов человеческого достоинства с их личными социально-юридическими и природными свойствами. В этой обязанности права практически осуществляется и претворяется в жизнь идея человеческого достоинства, его гуманистическая сущность, начало которой лежит в основе правового регулирования общественных отношений, выражающих различные стороны достоинства личности. В нем закрепляется качественное свойство права — воплощение в реальных жизненных отношениях действительной ценности человеческой личности с помощью правовых средств.

В современных правовых системах категория “достоинство личности” воспринимается как объективный факт, как признание ценности личности во всех регулируемых правом сферах социальной жизни: экономической, политической, личной. В каждой личности, субъекте права признается ценность человека вообще (человеческое достоинство); ценность каждой индивидуальной личности как совокупность неповторимых черт отдельной личности (личное достоинство); ценность представителя определенной общности людей (достоинство ученого, женщины, молодежи и т. д.) и, наконец, сознание и чувство собственного достоинства. Предметом правового воздействия является объективированная живая, внешняя, чувственно-практическая деятельность людей в различных общественных отношениях, в которых их участники выступают носителями различных видов достоинства, или, что одно и то же, трех ценностей. Подобная постановка вопроса открывает возможности для правового воздействия на различные общественные отношения имущественного или неимущественного характера, в которых каждый из их участников выступает носителем определенной ценности — достоинства.

§ 3. Институт достоинства в структуре права

Значительное место в регулируемых правом имущественных и личных неимущественных отношениях отводится характеристи-

ке социальных основ, юридической природе, составу института достоинства.

Существенным объективным показателем и предпосылкой формирования правового института вообще и правового института достоинства в частности является наличие особой разновидности общественных отношений, "которые бы объективно требовали обособленного регулирования комплексом нормативных предписаний" (Алексеев С. С.). Соединение, сплетение многообразных элементов, синтезирующих и концентрирующих многоаспектную ценность человека, различные грани человеческого достоинства порождают специфическую структуру — институт достоинства личности, объединяющую юридически разнородный материал в известную целостность.

Институт достоинства личности — чрезвычайно сложная правовая реальность, которая может быть выражена при помощи различных правовых понятий разных отраслей права (субъект права, правосубъектность, неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, личная жизнь граждан и т. д.). В этом институте, объединяющем юридически разнородный материал и состоящем из множества предписаний и норм, которые содержатся в многочисленных правовых актах (конституционных и отраслевых), выражена многообразная юридическая энергия. Он может быть отнесен к специфическому, вторичному, правовому образованию, выражающему известное удвоение нормативного материала. При этом удвоении структура института достоинства личности существует не в пределах отдельной отрасли права, а на уровне разных отраслей. В этом смысле институт достоинства личности может быть отнесен к межотраслевому комплексному объединению норм.

Юридические нормы, регулирующие неприкосновенность личности, жилища, охрану тайны личной жизни (врачебную тайну, тайну усыновления и т. д.) также, как и нормы, регулирующие любую из институтов социально-экономических или политических прав, которые все вытекают из достоинства личности и имеют своей целью сделать реальным основное право человека — право на достойное существование, должны быть квалифицированы не только в качестве соответствующего института, но и в качестве норм института достоинства. В этом смысле институт достоинства личности направлен на регулирование своеобразного вида общественных отношений, выражающих ценность и значимость личности, субъекта права. Данные отношения органически вплетаются в различные имущественные, организационно-властные, трудовые, административные и другие отношения.

Развитие института достоинства личности и обособление его в самостоятельный правовой институт обусловлено развитием общественных отношений, повышением правовой культуры, совершенствованием конституционного и отраслевого законодательства. Конституция Российской Федерации и отраслевые акты широко закре-

пляют категорию достоинства как в общих декларативных нормативных положениях, так и в различных регулятивных и правоохранных предписаниях. Текущее (отраслевое) законодательство упоминает о достоинстве субъектов уголовно-правового, гражданско-правового, исправительно-правового, нотариального правоотношения и т. д. Действующее законодательство упоминает о достоинстве депутата, медицинского работника, педагогического работника, работника милиции, об уважении достоинства граждан в широком процессе правоприменения. Ядром комплексного межотраслевого института достоинства являются нормы главы первой и второй Конституции Российской Федерации. Кроме того, в этот институт необходимо включить некоторые нормы других институтов различных отраслей права, которые регулируют не только соответствующие стороны сложного правового положения личности (отраслевые правовые статусы, неприкосновенность личности, жилища и т. д.), но и отношения по охране ее достоинства. Эти нормы входят в соответствующие отраслевые институты. Основная их функция — регулировать соответствующие группы общественных отношений. Однако они одновременно выполняют и другую функцию — охраняют социальную ценность и общественную значимость (достоинство) личности.

Юридический источник рассматриваемого института чрезвычайно разнороден, находится в пределах различных отраслей права. Он может быть найден во внутренних подразделениях конституционного, административного, гражданского, трудового и иных отраслей права. По существу меры для поддержания достоинства личности и ее свободного развития выражены во всех отраслях права, в силу чего черты юридического своеобразия рассматриваемого института воплощаются в отраслевых методах и механизме правового регулирования в целом.

Главная черта института раскрывается в особенностях его регулятивных свойств, приемов воздействия на общественные отношения, выражающие разные грани человеческого достоинства. В этом смысле чрезвычайно разнообразен спектр основных способов регулирования этих отношений.

В сложном, многогранном правовом явлении — институте достоинства личности — большой удельный вес занимают правоохранные предписания, предусматривающие меры государственно-принудительного воздействия и праввосстановительные средства в целях нормального осуществления условий, необходимых для поддержания достоинства личности. Сфера действий государственно-принудительных мер и праввосстановительных средств рассматриваемого института, направленных на поддержание достоинства личности, исключительно широка. Вытеснение социальных связей и явлений, противоречащих условиям, необходимым для поддержания достоинства личности, осуществляется на всех уровнях структуры различных отраслей права. В системе отраслей

права нет ни одной отрасли, которая бы набором присущих ей юридических свойств и черт не устранила и не вытесняла социальные связи и явления, противоречащие условиям осуществления достоинства личности.

Сохраняя качественную юридическую разнородность различных ветвей нормативного материала и выполняя в правовой системе присущие ему функции по обеспечению юридического режима, институт достоинства в своем составе содержит богатый нормативный инструментарий. Регулирующая энергия этого института представляет собой сложный комплекс, состоящий из регулятивных и правоохранительных предписаний. В его составе отмечены общие закрепительные предписания, фиксирующие в обобщенном виде определенные виды общественных отношений, выражающих разные грани человеческого достоинства.

Институту достоинства личности, как комплексному межотраслевому институту, предназначенному для решения определенной социальной и правовой задачи, присущ сложный, системный характер. С этой точки зрения институт достоинства подразделяется на разноплоскостные отраслевые правовые институты, подинституты, ассоциации предписаний, группы норм, которые в составе единого механизма, в системе прочно взаимосвязанных правовых норм обеспечивают ценность и значимость человеческой личности и уважения к ее правам.

Юридическое своеобразие рассматриваемого института выражается прежде всего в интеллектуально-волевом содержании права (принципы, общие положения права), в его глубинных элементах, находящихся в недрах правовой ткани (Алексеев С. С.). В этой связи широкое научное обоснование получает проблема соотношения идеи достоинства личности и принципов права. Отмечая сходство гносеологических функций идеи достоинства и принципов права, нужно сказать, что идея достоинства, также как и принципы права, является исходным положением, ведущим началом формирования права, являясь направленным превращением человека в личность. Она предшествует созданию системы права, выражая потребности и интересы общества, лежит в основе формирования его воли, объективируясь в особой нормативной норме. Являясь исходным положением социально-политической и нравственной природы права, идея достоинства личности пронизывает многие правовые нормы конституционного, трудового, гражданского, уголовного и других отраслей законодательства. Идея достоинства человека существует в правовых принципах объективно, поскольку в них преломляются и конкретизируются фундаментальная закономерность и цель демократического общества — высшая ценность личности. При этом отмеченная закономерность характерна не только для руководящих начал конкретных основных отраслей права: она распространяется на принципы судебной деятельности (институты уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, админист-

ративно-процессуального права), а также на принципы права в целом: гуманизм, демократию, равноправие, справедливость, народовластие, единство прав и обязанностей, — которые играют важную роль в раскрытии содержания идеи достоинства личности, создавая появление возможности для нового российского права. Данные принципы выступают своеобразными определениями этой идеи. Учитывая синтезирующую функцию идеи достоинства, ее руководящее, основополагающее начало в формировании права, необходимо отметить, что формами выражения этой идеи могут быть общие, отраслевые, межотраслевые принципы права и принципы правовых институтов. Помимо всего идея достоинства личности самостоятельно выступает в качестве правового принципа. Данная идея может быть в полном и точном смысле слова названа правовой, поскольку общезначимость условий ее существования связана с государственно-организационными мерами ее обеспечения и охраны.

Конституционное правовое государство осуществляет принцип достоинства человека, превращая граждан из объектов воздействия в активно действующих субъектов. Отсюда ставится задача выяснить место человеческого достоинства в структуре главного системообразующего фактора права — в предмете правового регулирования.

В юридической литературе существуют весьма разнообразные мнения относительно социально-правовой природы отношений, связанных с категорией достоинства, и их места в структуре предметов правового регулирования. На основе критического обобщения общетеоретических и отраслевых взглядов по этой проблеме, а также на основе того, что человеческое достоинство является выражением многих общественных отношений, закрепляющих определенное общественно-политическое положение личности, ее многоаспектную ценность в экономической, политической, идеологической и других сферах государства и общества, можно сделать вывод о том, что отношения, связанные с достоинством личности, являются составной частью глубинного, социально-экономического, политического содержания предметов правового регулирования не только профилирующих отраслей (государственное, административное, гражданское, уголовное право), но и специальных основных отраслей (трудовое, колхозное, семейное, земельное, финансовое право), а также основных процессуальных отраслей (гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное право).

Основное значение при обосновании теоретического положения о том, что отношения, связанные с достоинством личности, являются неотъемлемой частью предмета правового регулирования каждой отрасли, приобретает анализ основных системных элементов, регулируемых правом общественных отношений, и прежде всего, анализ первого (главного) элемента правового регулирования — субъекта общественных отношений (Алексеев С. С.) или статуса субъекта права (Сорокин В. Д.).

В структуре предмета правового регулирования юридический статус субъекта права, характеристика субъектов общественных отношений имеют основное значение при исследовании поставленной проблемы. Нужно отметить, что у большинства исследователей предмета правового регулирования как в общетеоретическом, так и в отраслевом, данный структурный элемент, его анализ выпадают из поля зрения. Односторонность таких исследований очевидна. Недооценка тщательного структурного исследования главного системного элемента структуры конкретной отрасли в определенной степени сказывается и на правотворческом процессе. Анализ многих основных общих институтов главных кодифицированных актов в форме кодексов показывает, что многообразие свойств и качества человека, составляющих содержание человеческого достоинства, не опосредуется в достаточной степени в принципах, институтах, нормах этих актов. Человеческий фактор как ведущий правообразующий фактор и воздействующий на формирование различных институтов не получает достаточно четкого и полного своего выражения.

Поэтому вполне понятно то большое значение, какое занимает правовой статус, субъект общественных отношений как элементы предмета правового регулирования в его структуре. Субъект общественных отношений, его правовой статус представляют собой конститутивный элемент общественных отношений во всех отраслях права. Субъект общественных отношений в структуре предмета правового регулирования является одновременно и субъектом человеческого достоинства, вытекающего из многоаспектной ценности человека. Признавая ценность или достоинство субъекта общественных отношений как главного системного элемента структуры предмета правового регулирования конкретной отрасли, законодатель в соответствии со свойствами и особенностями урегулированных данной отраслью общественных отношений, а также в соответствии со свойствами и особенностями субъектов этих отношений (Нашиц А.) определяет их правовое положение, наделяя соответствующими правами и обязанностями.

Следовательно, субъект общественных отношений как носитель многоаспектных ценностей в структуре предмета каждой отрасли права в строгом смысле слова является и субъектом человеческого достоинства, обладая определенными комплексами прав, составляющих его правовой статус. Законодатель, определяя специальные права и обязанности в пределах конкретной отрасли представителей определенной общности людей, имеет целью закрепить соответствующие профессиональные, социальные, половозрастные, семейные и другие позиции различных субъектов человеческого достоинства. Главным и определяющим в закреплении данных позиций являются личностные свойства представителей конкретной общности людей, т. е. те свойства, которые представляют определенную конкретную ценность с точки зрения потребностей общест-

ва и государства и которые в совокупности составляют достоинство представителя данной общности.

В качестве главного элемента структуры предмета конкретной отрасли человек, или субъект права, олицетворяет соответствующую общественную категорию. Задача законодателя при определении правового положения личности в конкретной сфере общественного отношения состоит в том, чтобы вскрыть индивидуальные свойства и закономерности, лежащие в основе его достоинства, и воплотить их в соответствующих нормах, институтах и субъективных правах. Свойства и качества субъектов человеческого достоинства характеризуют их тогда, когда они выступают в социально-правовой действительности в качестве субъектов права единого предмета правового регулирования либо любого отраслевого предмета конкретной отрасли. Эти свойства не теряют своей социально-правовой значимости, когда субъект человеческого достоинства становится участником какого-либо конкретного правоотношения. Не случайно поэтому действующее законодательство упоминает о достоинстве субъектов различных правоотношений.

Право как специфическое выражение некоей социальной реальности формулирует нормы, относящиеся к субъекту права, выражая тем самым определенные факты — существование людей, наделяя их определенными чертами и обеспечивая их правовую защиту. Устанавливая нормы, юридически закрепляющие положение личности в обществе, право тем самым отражает фактически существующее в обществе ее положение. Оно в известной мере модифицирует разные грани общественной ценности человека: ценность человека вообще, ценность конкретной личности, ценность представителя определенной общности людей, — которые в совокупности составляют содержание человеческого достоинства. А из признания государством и обществом высшей ценности человека, согласно этической теории, с неизбежностью вытекает признание за человеком экономических, политических, личных прав. Поэтому в основании теории правового статуса личности в законодательстве лежит понятие ценности человека, составляющей сущность человеческого достоинства.

Таким образом, проблема достоинства тесно сопряжена с проблемой статуса личности. Перевод неправовой действительности — категории человеческого достоинства и ее значений — предполагает создание соответствующих правовых понятий (субъект права, правосубъектность, статус личности), с помощью которых социально-этическая реальность воплощается в правовую реальность. В правовую форму облакаются важнейшие комплексы общественных отношений, выражающих различные грани человеческого достоинства. Поэтому она выступает как определенная сторона, момент общественной жизни в целом, в силу чего право рассматривает людей как субъектов права, носителей различных ценностей (достоинств), как реальных участников общественных и правовых отношений.

Конкретные права и обязанности различные субъекты права приобретают в силу социальных качеств (достоинств), ценных с точки зрения потребностей общества и государства в целом. Взятые в совокупности социально-этические качества составляют в целом человеческое достоинство, которое, будучи превращенным в правовую реальность, реализуется в субъективных правах и свободах личности.

В сложном и многозвенном юридическом инструментарии, обеспечивающем закрепление правового положения личности, в полной мере раскрываются богатство и свойства института достоинства, гарантирующего ценность и значимость личности. Построение системы понятий и категорий правового положения личности, их взаимосвязь и переход от одной категории в другую позволяют увидеть правовое положение и статус личности с другой стороны. Структура правового положения как сложное образование может быть рассмотрена как результирующая структура, как процесс непрерывного раскрытия потенции элементов этой структуры в плоскости института достоинства.

На структуру правового статуса его элементы как в узком смысле (права, обязанности, интересы), так и в широком понимании (права, обязанности, интересы, гражданство, правосубъектность, юридические гарантии прав, обязанностей, интересов), помимо главного, системообразующего фактора (фактическое, реальное, социальное положение гражданина по отношению к государству, его органам, другим лицам), воздействуют и многие другие факторы. Главный фактор правового статуса определяет контуры его структуры, его конструкцию. Он приобретает "решающее значение для понимания природы, содержания, юридической специфики данного структурного звена" (Алексеев С. С.). Вместе с тем на структуру правового статуса действует такой системообразующий фактор, вытекающий из особенностей данной сферы общественных отношений, как социальная ценность и значимость личности (различные грани человеческого достоинства). Это явление социальной жизнедеятельности личности сохраняет свои объективные свойства в рамках другой структуры — института достоинства. Поэтому каждое отдельное нормативное предписание обязывающего, запрещающего, управомочивающего характера из структуры правового статуса необходимо рассматривать не только с точки зрения особенностей этой структуры, но и богатства, особенностей и свойств другой структуры. Это богатство раскрывается, как уже было отмечено, в плоскости вторичного комплексного образования — института достоинства, которому присущи определенные черты юридического своеобразия. Следовательно, институт достоинства как вторичное комплексное образование обслуживают структурные элементы правового статуса.

Анализ юридического инструментария, закрепляющего правовой статус личности, показывает, что правовое положение лич-

ности в демократическом обществе непосредственно связано с конкретным общественным бытием. Он может быть рассмотрен как продукт и функция реальных общественных отношений, выражающих высокую ценность (достоинство) человека. При этом в правовом статусе, в различных его видах (конституционном, отраслевых, в зависимости от социального назначения, специальном и индивидуальном) реализуются различные значения, грани человеческого достоинства (общее человеческое достоинство, достоинство представителя определенной общности, личное достоинство и т. д.). Каждый вид правового статуса имеет целью обеспечить реализацию определенной грани достоинства. По своей роли и специфическим функциям в механизме правового регулирования конкретный вид правового статуса как чисто юридическая категория определяет границы и специфический характер устойчивых нравственных характеристик человека, его духовных и физических качеств, ценных с точки зрения потребностей общества и государства и составляющих конкретный вид (грань) человеческого достоинства. Конкретизирующая роль различных правовых статусов в процессе реализации разных граней человеческого достоинства проявляется в отраслях права.

Юридически своеобразное положение занимает институт достоинства в правовых целях. Основные функции демократического права (регулятивные, социально-политические, специально-юридические) преследуют наиболее рациональное регулирование общественных отношений в целях обеспечения достойного существования человека (ст. 7 Конституции Российской Федерации). Цели экономической стратегии и политики по созданию условий достойного существования человека посредством нормативного регулирования закрепляются в нормах, институтах, отраслях права. В связи с этим обосновывается вывод о том, что право выступает как эффективное средство регулирования целостного комплекса общественных отношений, выражающих ценность (достоинство) личности и обеспечивающих осуществление экономической цели по поддержанию условий достойного существования человека в различных социальных областях. С таких позиций становится очевидным, что цель экономической стратегии и политики государства по осуществлению условий, необходимых для поддержания достоинства личности, является общей для всей системы права. Она конкретизируется в нормах-задачах, общих дефинициях, принципах различных отраслей права. Наибольшее развитие и воплощение экономической политики государства по осуществлению условий достойного существования человека получила в общих институтах, нормах-задачах профилирующих и специальных основных отраслей права (конституционное, административное, гражданское, трудовое и др.). В указанных отраслях имеется ряд специализированных предписаний, содержащих декларативные нормативные положения, в которых сформулирована вытекающая из требований Основного Закона об-

щества цель по поддержанию условий достойного существования человека.

Из этого анализа нужно сделать вывод, что цель по поддержанию достойного положения гражданина, его высокого достоинства пронизывает содержание конституционных и отраслевых норм, закрепляющих экономическую основу государства, и что признание государством достоинства личности определяется не столько декларативным провозглашением ненарушимости человеческого достоинства, сколько тем, что общество и государство делают для личности, какие они создают материальные условия, реальные, обеспеченные и охраняемые законом права.

Существенное значение для реализации цели по поддержанию достоинства в особом юридическом положении субъектов основных отраслей права приобретают нормы и институты процессуальных отраслей (гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное право). Нормы и институты процессуальных отраслей, закрепляя правовые положения участников регулируемых ими отношений, воплощают в своем содержании одну и ту же идею, — идею человеческого достоинства. Данный тезис полностью вытекает из общеизвестного положения К. Маркса о том, что "один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни"¹. Ценностная ориентация на реализацию условий, необходимых для поддержания достоинства участников процессуальных действий, характерна для любой стадии процессуального права. Во всех этих стадиях лицам, участвующим в деле, предоставляются вытекающие из достоинства определенные права и обеспечивающие их процессуальные гарантии. В связи с этим можно сделать вывод, что цель по поддержанию достоинства участников процессуальных отношений нуждается в обязательном нормативном закреплении, поскольку она обеспечена реальными процессуальными средствами и условиями своего осуществления. Для этого необходимо в процессуальных кодексах создать специальную статью, в которой определялись бы цели судопроизводства, в том числе и идея достоинства. Аналогичные дополнения и уточнения необходимо внести в законодательство об административных правонарушениях. Представляется целесообразным в нормативные акты, регламентирующие деятельность суда, прокуратуры, милиции и иных административных органов, внести декларативное нормативное положение следующего содержания: **"Гарантируется уважение человеческой личности и человеческого достоинства при лишении или ограничении свободы, а также во время исполнения наказания"**. Действие подобного декларативного положения с определенными уточнениями следовало бы распространить на процессуальную деятельность "любого органа государства".

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 158.

§ 4. Достоинство личности и форма права

Достоинство личности как выражение реальных общественных отношений объективируется государством в различных формах права. Это объясняется тем, что государственная воля, как и ее составные части, представления, понятия и идеи, в том числе и идея достоинства личности, не могут существовать сами по себе. Они должны быть объективированы государством в особых нормативных формах. Форма права является способом существования, развития и выражения идеи достоинства, а также других правовых идей и понятий. При этом под формами права выражения достоинства личности как определенного участка отношений понимаются не только внешняя форма права в виде соответствующего нормативного акта как принятая в данном обществе форма выражения нормативной государственной воли общества, но и внутренняя ее форма, вся система нормативно-правовых актов, правовые институты, совокупность юридических норм по отраслям и институтам права, основные подразделения структуры права и т. д. Идея достоинства, таким образом, выражается с помощью различных правовых форм в широком значении этого понятия.

Достоинство личности, являясь сложным, многоплановым образованием, находит свое выражение в разнопорядковых правовых явлениях (словесные формулировки, термины и т. п.), которые требуют своего выражения в определенной форме.

Существенное значение для выражения достоинства личности приобретает система нормативно-правовых актов государства.

Система нормативных актов государства является средством закрепления потребности общества в достойном человеческом существовании каждого его члена. Эти акты являются юридическим способом и специфической формой обеспечения личного и человеческого достоинства, а также достоинства представителя любой общности людей, национального достоинства и в целом достоинства страны.

Ведущее положение среди системы нормативных актов, закрепляющих основы достойного человеческого существования, принадлежит законам правового государства. Являясь нормативными актами высших органов государственной власти, законы занимают главенствующее положение в системе нормативных актов государства в обеспечении человеческого достоинства. Человеческое достоинство является продуктом и выражением наиболее важных общественных отношений, регулируемых законами государства.

Закон как высшая форма реализации объективной закономерности общественного развития — социальной ценности личности — воспроизводит ее существенные характеристики. В нем находят своеобразное духовное овеществление правовые и другие этические знания о разных значениях этой ценности (человеческое, личное, профессиональное, национальное и другие виды достоинства).

Особую роль в закреплении основ человеческого достоинства играет Конституция Российской Федерации, которая широко закрепляет институт достоинства личности как в общих нормативных положениях, так и в различных регулятивных предписаниях. Впервые за всю историю конституционного развития право на государственную судебную защиту от посягательства на честь и достоинство личности включено в число основных прав граждан.

Конституционные нормы о достоинстве личности обладают известной и стойкой правовой общностью и составляют ядро системно-целостного комплексного межотраслевого института достоинства личности. Нормативные положения этого института, закрепленные в Конституции, имеют юридически разнородный характер. На этом уровне есть большое количество конституционных предписаний (особенно это касается первых двух глав, которые хотя и не содержат термина "достоинство" и имеют различную природу и назначение, но одновременно выполняют и другую функцию — охраняют достоинство личности).

Институт достоинства должен получать все более четкое внешнее объяснение в различных правовых формах в процессе совершенствования и развития правовой реформы. При этом совершенствование формы этого института должно рассматриваться в тесной взаимосвязи с развитием институтов демократии, укреплением законности, повышением социальной эффективности правового регулирования. Конкретные пути совершенствования формы права в деле дальнейшей реализации института достоинства в современный период определяются основными принципами формы права. К ним относятся: усиление главенствующей роли законов, совершенствование соотношения нормативно-правовых актов федеральных и органов субъектов федерации, возрастание роли нормативно-правовых актов массовых общественных организаций, упорядочение формы отдельных видов нормативно-правовых актов и т. д.

§ 5. Роль правового государства в реализации достоинства личности

Государственные органы обязаны делать все необходимое для обеспечения охраны чести и достоинства граждан. Данная роль и значение правового государства четко определены в конституционном законодательстве различных европейских стран. Этот классический подход неизменно актуален, в частности, ввиду возможного вторжения государственных органов в личную сферу индивида.

Складывающиеся на прочной основе права отношения между государством и гражданином в социально-экономической, политической и правоохранительной сферах в конституционном опосредовании наиболее полно отражают действительное положение личности в демократическом обществе. И конкретная роль правового го-

сударства в закреплении этого положения выражается в следующем: во-первых, государство признает, юридически закрепляет, гарантирует и защищает абсолютную и относительную ценность (границы достоинства) личности; во-вторых, государство для обеспечения этой ценности создает, формулирует, определяет объем и характер субъективных прав и обязанностей, вытекающих из достоинства личности; в-третьих, государство обеспечивает уважение прав и обязанностей в системе государственных органов; в-четвертых, государство, регламентируя принципы, систему государственных органов, определяет порядок и процесс их деятельности по обеспечению уважения личности. С этой целью государство поддерживает режим законности, правила судопроизводства, режим административных и предупредительных мер.

Сложные и ответственные задачи правового государства в осуществлении достоинства личности тесно связаны с характером государственной власти, формами и методами ее осуществления. Большую роль здесь играет механизм правового государства, его функции, поскольку государственные функции — не что иное, как способ существования и действия социальных качеств человека, составляющих сущность и содержание человеческого достоинства. В этой связи особое значение приобретают функции и конкретные виды деятельности государства по обеспечению достоинства личности.

Функции государства по обеспечению достоинства личности сложны и многообразны. В основе их воздействия лежат общественные отношения в различных сферах общественной жизни. В зависимости от предметной направленности общенародное правовое государство осуществляет достоинство личности с помощью следующих основных функций: материальных, процедурных, институционных, охраны правопорядка, собственности, прав и свобод граждан.

В повседневной жизни граждане вступают в отношения и контакты с многочисленными работниками государственного аппарата, со служащими, которые наделены властными полномочиями и от деятельности которых зависит как практическая реализация значительной части субъективных прав, так и степень фактической охраны достоинства граждан.

Назрела настоятельная необходимость всестороннего изложения и обоснования правовых мер борьбы с бюрократическими проявлениями, ущемляющими достоинство личности. Анализ правовых документов, публицистической, научной литературы, критических материалов прессы показывает, что различного рода бюрократические проявления в управленческом аппарате (формализм и волокита в организации приема граждан и в работе с письмами граждан; отсутствие контроля за исполнением принятых решений, преследования за критику; хозяйственная волокита; протекционизм; некомпетентность руководства; нарушение правовых и нравствен-

ных норм и т. д.) существенным образом ущемляют достоинство, права и законные интересы граждан. Факты бюрократизма, формализма в управленческом аппарате порождают не только отрицательные социально-политические и психологические последствия, но и влекут за собой существенные материальные затраты.

Механизм реализации института достоинства личности в общей характеристике отношений гражданина и органов государственного управления закреплен во многих статьях Конституции Российской Федерации, которые определяют функции различных органов государственной власти и управления по реализации прав, свобод, обязанностей граждан, вытекающих из их человеческого, гражданского, национального, профессионального, личного и других граней достоинства. Обязанности органов государственного аппарата в области охраны прав и свобод граждан широко закреплены также в текущем законодательстве.

Существенным компонентом в реализации института достоинства в аппарате управления считается правовая культура, которая является неотъемлемой частью гарантий реализации достоинства личности. Правовая культура позволяет раскрыть некоторые аспекты функционирования нравственного потенциала управленческой деятельности. Недооценка этих факторов неизбежно приводит к конфликтным ситуациям, ущемлению разнообразных прав, вытекающих из достоинства личности, вызывает поток жалоб в различные инстанции.

Нужны существенные разработки основных направлений и правовых способов обеспечения достоинства личности в управленческой деятельности. Они складываются из значительного количества средств юридического воздействия и находят выражение в конституционном и отраслевом законодательстве. Значительное место здесь нужно отвести характеристике института обжалования и путям его совершенствования.

§ 6. Юридический механизм реализации и охраны достоинства личности

Реализация межотраслевого комплексного института достоинства личности представлена юридическими феноменами самой различной природы, имеющими к тому же разный онтологический статус. В одних случаях реализация достоинства связывается с проблемой субъективного права на честь и достоинство, в других — с проблемой личных прав вообще, в-третьих — проблема достоинства представлена в качестве субстанциональной идеи всего права, тесным образом связанной с содержанием субъективных прав, понижающей целиком правовой статус личности, принципы права.

Представляется, что проблема реализации достоинства личности выступает составной частью реализации прав и свобод лич-

ности. Она неотделима от функционирования правового регулирования в целом.

Механизм реализации института достоинства личности является сложным социально-правовым явлением. Эта сложность обусловливается не только сложностью механизма реализации права в целом, но и сложностью самого объекта реализации.

С характеристикой глубины исследования института достоинства личности связано понятие "неисчерпаемости" механизма реализации этого института. Эта проблема в реальной действительности, помимо чисто юридических процедур, реализуется факторами политического, экономического, организационного, социально-психологического, нравственного порядка. Своеобразие и особенность этих факторов применительно к реализации субъективных прав граждан убедительно показаны в различных монографических работах.

Под реализацией института достоинства личности следует понимать осуществление и проведение в жизнь совокупностью различных юридических и иных социальных действий признанного и конкретноопределяемого правового блага личности — первичной, основной ценности общества — достоинства личности, признание этой ценности государственными органами, общественными организациями, должностными лицами, отдельными гражданами. Сущность процесса материализации рассматриваемого института заключается в том социально-правовом значении, в том положении, которым индивид пользуется. Она заключается также в возможности реального осуществления социальных потребностей и интересов с помощью различных субъективных прав, которые вытекают из достоинства личности. Проблема реализации института достоинства личности — это проблема признания за гражданином социально-экономических, социально-политических, культурных, личных и иных прав и свобод, их практического обеспечения соответствующими гарантиями и практического осуществления с целью удовлетворения разнообразных интересов. Механизм реализации института достоинства направлен на обеспечение достойного человека существования в экономической, социальной и культурной областях.

Юридический механизм реализации института достоинства проводится в жизнь с помощью различных норм права, которые в своей совокупности направлены на регламентацию вытекающих из достоинства личности прав и обязанностей. Этот механизм неотделим также и от определенных жизненных обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, расширение или прекращение правосубъективности граждан.

Содержание и механизм реализации института достоинства личности обладает своей спецификой. Юридический аспект его действия — образование весьма многомерное, не поддающееся редуцированию к какой-либо одной группе норм права. Исследователи процесса реализации прав и свобод отмечают, что реализация субъек-

активных прав связана не со всеми правовыми нормами, а лишь с одним их видом, а именно — нормами управомочивающими. Объясняя этот процесс, они приходят к выводу, что только управомочивающие нормы, но не обязывающие и закрепляющие, представляют субъекту прав, свобод и законных интересов возможность свободного выбора в их реализации. Принимая во внимание это обстоятельство, отметим следующее. Реализация института достоинства личности трансформируется в различных правовых нормах: обязывающих, запрещающих и уполномочивающих. Возникает, таким образом, своеобразный, сложный, многоступенчатый процесс. Тесная взаимосвязь обязывающих и уполномочивающих норм в процессе реализации института достоинства повышает уровень юридической гарантированности, обеспеченности реализации конкретных правовых предписаний, дает весьма заметный, иногда точно измеримый, “прирост” эффективности их действия.

Большое значение в повышении уровня юридической гарантированности института достоинства личности приобретают юридические конструкции-композиции и связи правового материала на уровне правовых институтов. “Прирост” эффективности действия этого института во многом зависит от применения конкретных средств и соблюдения правил законодательной техники. Многие здесь зависят от своевременной разработки и принятия процедур реализации норм основополагающих актов.

Проблема реализации института достоинства в значительной степени зависит от самого гражданина, в строгом смысле слова субъекта человеческого достоинства, за которым закрепляется комплекс субъективных прав, свобод и обязанностей. В этом смысле на процесс реализации большое влияние оказывают правовая культура личности, степень правовой активности, сознание и чувство собственного достоинства. Регулирующая функция чувства собственного достоинства подчеркнута в ряде норм конституционного и отраслевого законодательства, где сознание собственного, человеческого и гражданского достоинства обнаруживается при реализации всех субъективных прав, свобод, обязанностей. Это чувство и сознание собственного, гражданского достоинства направляет гражданина на совершение действий, имеющих положительный смысл как в осуществлении общественно полезной деятельности, так и во взаимоотношениях с другими гражданами и, напротив, ограничивает гражданина в его антиобщественных поступках.

Процесс реализации достоинства личности может быть осуществлен в рамках общего правоотношения; в рамках специального правового статуса; в границах конкретного правоотношения. Кроме всего он реализуется в субъективном праве на честь и достоинство и в субъективном праве на судебную защиту чести и достоинства граждан.

К общей характеристике правореализующего процесса института достоинства теснейшим образом примыкает его охрана (защита). Необходимость в защите разных граней человеческого, лично-

го, гражданского, профессионального и других видов достоинства возникает в случае совершения правонарушения. Основанием такого правонарушения выступает определенный юридический факт (преступление, проступок) как волевое противоправное поведение, не соответствующее общеконституционным или отраслевым предписаниям и юридической обязанности, ущемляющее благо достоинства. Всякое правонарушение на благо достоинства проявляется в неуважении личности гражданина, унижении разных граней этого блага, ущемлении субъективных прав, вытекающих из достоинства, а также в ущемлении заслуг, репутации, доброго имени. При посягательстве на честь и достоинство в правовом аспекте причиняется ущерб не только благу чести или благу достоинства, но также и благу конкретного субъективного права.

Необходимость в защите достоинства может возникнуть на любой стадии правореализующего процесса этого института. В зависимости от того, какие нормы права процесса реализации нарушаются, могут применяться гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые и иные правоохранительные средства. К этим средствам могут быть отнесены меры: предупредительного воздействия, пресечения правонарушений, защиты субъективных прав и обеспечения юридических обязанностей, юридической ответственности.

Особенную роль в защите принципов достоинства приобретают конституционные основы реализации института достоинства личности. Определяющим фактором реализации комплекса конституционных предписаний института достоинства является вывод о том, что его претворение в жизнь осуществляется в действии конституции в целом, а также в действии отдельных конституционных норм. В этом плане понятие действия института достоинства носит чрезвычайно широкий характер и включает в себя необходимые организационно-политические, идеологические, социальные и правовые гарантии. Процесс реализации конституционных норм института достоинства имеет много общего с понятием механизма действия социалистической конституции. Он включает в себя такие части:

— совокупность средств и методов, при помощи которых обеспечивается морально-правовая ценность и значимость личности и проявление уважения к человеку, закрепляемое в конституционных нормах в правомерном и социально-активном поведении государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан;

— различные формы воздействия конституции на развитие правовых, организационных и идеологических отношений, выражающих ценность и значимость личности (разные грани достоинства);

— гарантии, направленные на осуществление условий для поддержания достоинства человека и обеспечивающие его достойное существование, содержащиеся в нормах конституции.

Проведение в жизнь конституционных предписаний института требует не только регламентированного нормами права демократического по своему содержанию и форме процесса, но и его социального обеспечения. В этом смысле механизм реализации института неотделим от определенных социально-правовых условий, обеспечивающих его претворение в жизнь. Сделать возможным, действительным, реально выполнимым рассматриваемый институт позволяет система общего и специального (юридического) гарантирования.

Своеобразие реализации конституционных норм, составляющих институт достоинства, во многом объясняется неоднородностью нормативных предписаний этого института. Как известно, его юридическая конструкция является комплексным объединением норм, включающих регулятивные, охранительные и общие нормы, что накладывает большой отпечаток на механизм его действия. При этом важное практическое значение приобретает не только реализация института на уровне единичных норм, но и реализация на уровне конституционных принципов, конституционного правосознания культуры.

С практической точки зрения решающее значение приобретает проблема негативной функции и ее роль в защите достоинства личности на примере норм гражданского и уголовного права.

В процессе правового регулирования общественных отношений, выражающих достоинство личности, большой удельный вес имеют правоохранительные предписания, предусматривающие меры государственно-принудительного воздействия и праввосстановительные средства в целях нормального осуществления условий, необходимых для поддержания достоинства личности. Сфера действия государственно-принудительных мер и праввосстановительных средств, направленных на поддержание достоинства личности, исключительно широка.

Вытеснение социальных связей и явлений, противоречащих условиям, необходимым для поддержания достоинства личности, осуществляется на всех уровнях структуры различных отраслей права. В системе отраслей права нет ни одной отрасли, которая бы набором присущих ей юридических свойств и черт не устраняла и не вытесняла социальные связи и явления, противоречащие условиям осуществления достоинства личности. Особую нагрузку в этом плане получают основные звенья структуры права — нормы, институты, отрасли гражданского и уголовного права.

Критически оценивая взгляды о том, что отношения, связанные с достоинством, охраняются от возможных нарушений лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, можно сделать вывод, что преуменьшение роли негативной функции в названных отраслях во многом объясняется еще бытующим среди философов и юристов крайне односторонним суждением о содержании и объеме категории достоинства, сущность которой сводится к характери-

стике субъективной ее стороны, лежащей вне сферы правовой регламентации. А объективная ее сторона, проявляющаяся в социальной деятельности, поведении субъекта права, оставалась в тени, не учитывалась в психологическом механизме правоохранительного, правотворческого процессов. Данное обстоятельство не могло не отразиться на познавательной и аксиологической стороне процесса правотворчества, в результате чего цель по защите и поддержанию достоинства личности не получила своего нормативного закрепления ни в одном правоохранительном декларативном нормативном положении (правовых нормах, в которых сформулированы принципы, задачи и цели конкретного нормативного акта). Такой вывод относится не только к систематизированным нормативным актам, в которых охранительная функция занимает основное, ведущее положение, но и ко многим правоохранительным институтам других нормативных актов, имеющих наряду с охранительной также закрепительную и статическую функции.

Отсутствие в некоторых конструкциях гражданско-правовых нормативных предписаний понятия достоинства еще не доказательство того, что они не направлены на охрану этого ценностного блага личности. Достоинство как ценность участника конкретного гражданско-правового отношения, так же, как и любого другого правоотношения различных отраслей права, весьма широко охраняется этими отраслями. Помимо общих правоохранительных предписаний, которые имеют в виду достоинства лица вне зависимости от того, в каких правоотношениях кто участвует, в гражданском законодательстве (а равно в уголовном, трудовом, административном, семейном, законодательстве о здравоохранении и др.) имеется большое количество правовых институтов, которые помимо своей специальной цели призваны также обеспечить защиту достоинств участвующих в регулируемых ими отношениях субъектов. Правовая охрана достоинства гражданина данными институтами тесно связывается с правами и обязанностями, вытекающими из достоинства субъектов различных правоотношений. В них достоинство выражает определенное гражданское состояние лица, которое представляет для каждого человека как субъекта конкретного правоотношения большую ценность и потому становится предметом юридической охраны с помощью различных субъективных прав.

Процессуальный режим поддержания достоинства личности свойствен организационной деятельности любого органа государства. Это требование прямо вытекает из конституционных предписаний, в силу чего отраслевое законодательство устанавливает процессуальные нормы во многих сферах действия права. Процессуальный характер, обеспечивающий уважение разных граней достоинства личности (личного, человеческого, национального, профессионального и др.), присущ многим нормативным актам.

Несмотря на громадное разнообразие процессуальных форм реализации и охраны достоинства личности, в самом общем виде

основные требования этой процессуальной формы заключаются в следующем. Для поддержания и уважения достоинства личности должна соблюдаться, во-первых, строгая последовательность осуществления полномочий компетентным органом и должностными лицами и, во-вторых, профессиональная осведомленность в разрешении дел в организационной деятельности каждого органа государства. Первое требование процессуальной формы обеспечивается процессуальными стадиями организационной деятельности, а второе воплощается в процессуальных производствах. Для обеспечения социально необходимого поведения, гарантирующего право граждан на защиту от посягательств на достоинство, в различных процессуальных производствах, процессуальных стадиях создаются особые нормы, системы предписаний и запретов, понуждений и ограничений, призванных согласовать поведение должностных лиц с ведущим конституционным предписанием, сформулированным в Российской Конституции — обязанностью всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц уважать личность, охранять права и свободы граждан, т. е., практически признавать достоинство любого участника правоприменительного процесса.

Глава XIV. Гражданское общество, государство и право

§ 1. Становление и развитие гражданского общества

Становление и развитие гражданского общества является особым периодом истории человечества, государства и права. Общество, отличное от государства, существовало всегда, но не всегда оно было “гражданским обществом”. Последнее возникает в процессе и в результате отделения государства от социальных структур, обособления его как относительно самостоятельной сферы общественной жизни и одновременно разгосударствления ряда общественных отношений. В процессе становления и развития гражданского общества складывались современное право и государство.

Категория “гражданское общество”, отличная от понятий государства, семьи, племени, нации, религиозной и других общностей, стала предметом изучения в XVIII—XIX вв. и обстоятельно разработана в “Философии права” Г. Гегеля, определившего гражданское общество как связь (общение) лиц через систему потребностей и разделение труда, правосудие (правовые учреждения и правопорядок), внешний порядок (полицию и корпорации)¹. В “Философии права” отмечено, что правовыми основами гражданского общества являются равенство людей как субъектов права, их юридическая свобода, индивидуальная частная собственность, неизблемость договоров, охрана права от нарушений, а также упорядоченное законодательство и авторитетный суд, в том числе суд присяжных. Под гражданским обществом Г. Гегель понимал современное ему буржуазное общество: “Гражданское общество, — писал он, — создано, впрочем, лишь в современном мире...”².

Несмотря на устарелость взглядов Гегеля на общество и государство той эпохи, его выводы о самостоятельности гражданского общества как сферы частных интересов по отношению к государству (воплощению публичного интереса), о зависимости общественного строя от разделения труда и форм собственности стали громадным шагом в развитии общественных наук.

Представления о гражданском обществе, как не только о сумме индивидов, но и о системе их связей через экономические, правовые и другие отношения получили развитие в трудах ряда мыслителей, в том числе К. Маркса и Ф. Энгельса. В их произведениях показана динамика соотношения общества и государства, основан-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 227 и след.

² Там же. С. 228.

ная на изменении форм собственности и разделении труда. Прimitивные формы разделения труда, поясняли классики, порождали кастовый строй в государстве, вели к огосударствлению ряда сфер общественной жизни, так как первоначальные формы частной собственности несли на себе печать общности. "Выражение" гражданского общества" возникло в XVIII в., когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности... — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. — Благодаря высвобождению частной собственности из общности (*Gemeinwesen*), государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его..."¹.

Следует отметить, что понятие "гражданское общество" чаще всего используется именно в сопоставлении с понятием государства. "Государство, — пишет профессор Боннского университета И. Изензее, — существует в виде того, что противостоит "обществу"². Суть дела в том, что при докапиталистическом, сословно-кастовом строе государство практически совпадало с какой-то частью общества и было обособлено от основной массы населения. В кастовых и сословных обществах Древнего мира и средних веков общественное неравенство было выражено и закреплено в праве, не равном для различных социальных групп; господствующая социальная группа была организована в государство, которое поддерживало сословные границы и охраняло привилегии высших сословий, от имени которых (или их предводителя) и осуществлялась государственная власть. В сословных обществах государственная регламентация охватывала многие стороны экономической, бытовой, религиозной, духовной жизни общества. Гражданское же общество, обособленное от государства, складывалось в процессе и в результате ликвидации сословного неравенства и разгосударствления общественных отношений.

Формирование и развитие гражданского общества заняло несколько веков. Этот процесс не завершен ни в нашей стране, ни в мировом масштабе³.

Отдельные элементы гражданского общества существовали в некоторых странах Античного мира (Греция, Рим), где развитие ремесел и торговли породило товарно-денежное производство, получившее оформление и закрепление в ряде институтов частного права (особенно римское частное право). Но это были только элементы, очаги гражданского общества, существовавшие в отдель-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 35, 62. См. также: С. 20—21, 38 и др.

² Изензее И. Государство // Вестник Московского университета. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1992. № 6. С. 36.

³ Об особенностях гражданского общества в сопоставлении с государством. См.: Четаернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 34 и сл.; Киров В. Ц. Парадоксы государственной власти в гражданском обществе. М., 1992. С. 21 и сл.

ных регионах и сочетавшиеся с вертикальными структурами сословно-кастовых обществ.

Формирование гражданского общества в масштабе целых стран, больших регионов Европы и Америки началось в Новое время. В развитии гражданского общества можно обозначить три этапа, переход от каждого из которых к последующему знаменовался существенными изменениями общественного и государственного строя, социальными и политическими потрясениями, массовыми движениями, столкновениями классов, коренными преобразованиями общественной идеологии.

На первом этапе (примерно XVI—XVII вв.) складывались экономические, политические и идеологические предпосылки гражданского общества. К ним относятся развитие промышленности и торговли, специализация видов производства и углубленное разделение труда, развитие товарно-денежных отношений. При поддержке родов и городского сословия в ряде стран возникали централизованные национальные государства, обладавшие рядом признаков современных государств (суверенитет, государственная казна, профессиональный управленческий аппарат и др.). К этому же времени относится переворот в общественной идеологии, бурное развитие искусства и культуры, широкое распространение протестантской буржуазной этики, оформление в “теорию естественного права” основных общих идей, связанных с представлениями о гражданском обществе как о социально-политическом идеале. Во главе борьбы угнетенных сословий против феодального неравенства и привилегий стояли горожане. От начала буржуазной революции в Англии (1640 г.) ведется отсчет Нового времени.

Важную роль в становлении гражданского общества играли сложившиеся в позднее Средневековье (XV—XVI вв.) централизованные единые государства, стремившиеся к устранению неравенства и разнообразия прав, существовавших в период феодальной раздробленности. “Новое государство призвано было совершить процесс уравнивания общественных элементов и превратить сословное общество с его многочисленными разделениями в общество гражданское, построенное на началах равной правоспособности”¹.

На втором этапе (примерно конец XVII — конец XIX вв.) в наиболее развитых странах сформировалось гражданское общество в виде первоначального капитализма, основанного на всеобщем юридическом равенстве и свободе, на свободном предпринимательстве и частной инициативе.

Законодательное признание юридического равенства людей на основе наделения их правами и свободами — едва ли не главный признак и основа гражданского общества. Если политическим выражением средневекового способа производства являлась привилегия, неравное для каждого из феодальных сословий право, то вы-

¹ Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 20.

ражением современного способа производства, подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, является "просто право, равное право"¹.

Важно отметить, что становление и утверждение в качестве основы общественной жизни юридического равенства людей, положившее начало Новому времени, — столь же глубокий переворот в истории как, скажем, разрушение первобытной общины доисторического времени, и переход к классово-сословному строю Древнего мира.

На смену вертикальным феодальным структурам пришло преобладание горизонтальных отношений, основанных на юридическом равенстве и договорных началах свободных людей, отношений, составляющих суть гражданского общества. Громадное социальное значение имело именно то, что впервые в многовековой истории человечества все люди, независимо от их социального происхождения и положения, были признаны юридически равными участниками общественной жизни, имеющими ряд признанных законом прав и свобод, дающих каждому возможность проявить себя как личность, наделенную свободной волей, способную отвечать за свои действия и их правовые последствия.

Если начало реальному бытию гражданского общества положило принятие и утверждение Биллей о правах (Англия, США) или Деклараций прав человека и гражданина (Франция), то само гражданское общество — это общество равноправных людей, свободно проявляющих свою личность, творческую инициативу, общество равных возможностей, освобожденное от лишних запретов и дотошной административной регламентации.

При этом право признается обязательным и для правителей государства. Право уже не "приказ власти", а равно обязательное для правящих и управляемых право, верховенство которого над произвольными велениями властвующих обеспечивается разделением властей, высоким положением законодательной власти, ее зависимостью (через выборы и перевыборы от народа, нации, страны, а также равным и доступным для всех граждан судом).

Тогда же возникает представление о конституции как не только о законе, определяющем устройство высших органов власти, но и основном законе страны, обязательно определяющем права и свободы граждан (биль о правах, декларация прав). В результате сама конституция становится соглашением общества и государства и о разграничении сфер их деятельности (государство — публичная власть, сфера общих интересов, общество — сфера индивидуальных свобод, частных интересов). Исследователи отмечают, что если исходным пунктом европейского конституционализма как политического течения было свойственное еще эпохе абсолютизма крайне неопределенное истолкование конституции в качестве "основных законов всякого общества", не содержащее идей ограничения обществом власти государства, то эволюция конституционализма привела к резкому сужению этого понятия, "которое приобретает конвенциональный (договорный) характер и определяет основной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 320.

закон взаимоотношений общества и государственной власти. Конституция интерпретируется, по существу, как договор о распределении власти между ними”¹.

Соотношение государства и общества всегда было усложнено неоднородностью самого общества, его делением на устойчивые социальные группы, стремящиеся оказать влияние на политику и состав государства, на содержание права. В добуржуазные эпохи государство и общество частично сливались в том отношении, что государственный аппарат формировался из представителей привилегированного сословия (кшатрии, благородные, свободные граждане, патриции, дворяне), а само общество держалось на государственно-правовой регламентации и охране сословных границ и привилегий. “Старое гражданское общество, — писал К. Маркс, — непосредственно имело политический характер, т. е. элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ труда, — были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме синьориальной власти, сословий и корпораций”². Соответственно, в Древнем мире и в средние века существовали государства кастовые, варновые, деспотические (опирающиеся на бюрократию и армию), рабовладельческие (аристократические, тиранические, демократические, олигархические), феодальные, в которых часть общества (господствующее сословие) осуществляла функции государственной власти, а публичное и частное право не различались, поскольку не существовало сфер общественной жизни, не зависящих от сословного государства.

§ 2. Гражданское общество и современное государство

Становление и развитие гражданского общества обусловило новый период развития государства и права. Ему соответствует так называемое “современное представительное государство”³, которому, в отличие от кастовых и сословных государств Древнего мира и Средневековья, присущи следующие черты:

Государство суверенно, оно обладает верховной властью и монополией принуждения на всей территории страны и не зависит от власти другого государства, власти церкви, жрецов, сословий, военачальника, негосударственных организаций.

Государство выступает от имени всего населения (народа, нации) или, по крайней мере, официально притязает на то, что оно

¹ Медушевский А. Н. Гражданское общество и правовое государство в политической мысли Германии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 5. С. 43. Аналогичные суждения см.: Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 19.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 403.

³ Ряд современных западных политологов считает, что государство, как таковое, появилось в Западной Европе в XIV—XVII вв. (см.: Панто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 122). Аналогичную мысль высказывал П. А. Кропоткин. См.: Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 397 и др.

выражает и защищает интересы всей страны, народа, подданных или граждан. Государство и управление им уже не рассматриваются как достояние или личное дело монарха, царствующей династии, какой-то части общества. Официально оно обособляется от сословий, классов и других социальных групп, хотя фактически проводит политику чаще с преимущественным учетом интересов той или иной влиятельной части общества.

Стремление государства представить себя как олицетворение нации, живущей на определенной территории, обусловило восходящее еще к эпохе позднего Средневековья отождествление государства со страной, Родиной, Отечеством.

С развитием гражданского общества в структуре государственных органов появляются и устанавливаются в качестве постоянных общенациональные (а не только сословные) представительные учреждения парламентского типа, обладающие правами утверждения налогов и сборов, поступающих в казну государства, а также принятия наиболее важных нормативно-правовых актов (законов). Возникновение и развитие представительной демократии — явление, свойственное эпохе формирования гражданского общества. Представительные учреждения, избравшиеся вначале на основе имущественных цензов, всегда законодательствовали от имени всего народа (нации).

Государство имеет управленческий аппарат, состоящий из профессиональных служащих, чиновников, а также постоянную армию. Создание бюрократии как иерархически организованной системы управления со строго определенными функциями каждой ступени и должности — явление Нового времени. Основная масса служащих и военных состоит из лиц разной сословной или классово-принадлежности, они занимают строго определенные места в служебной или должностной иерархии и получают содержание от государства.

Государство учреждает и собирает налоги, за счет которых создается и пополняется государственная казна, откуда производятся расходы на содержание государственного аппарата и армии. Как правило, учреждение налогов и утверждение сметы государственных расходов (государственный бюджет) требует согласия представительного учреждения.

Наконец, современное представительное государство официально признает юридическое равенство граждан (или подданных), их права и свободы, а также гарантии этих прав и свобод. Всеобщее равенство перед законом — основа основ гражданского общества. Становление современного государства шло одновременно с глубоким переворотом в праве, состоявшем в замене сословного неравенства всеобщим юридическим равенством, определившим качественно новое положение личности в обществе и государстве. Гражданское общество основано на равном для всех законе, охраняющем общую свободу (возможность делать все, что не вредит другому) и право на собственность. Разумеется, правовое равенство — это не фактическое равенство, а равенство возможностей — неодинаковость людей и их социальных статусов. Более того — в период становле-

ния гражданского общества формальное равенство неравных людей выглядело (и по существу было) ложью и фальшью для большинства неимущих. Чисто формальной (да и формально ограниченной цензами) долгое время была возможность участия народа (через выборных представителей) в деятельности государства. И все же завоеванные в Новое время формальное равенство, права и свободы личности, обособленность государства от общества, а общества — от государства, представительные учреждения и другие институты современного государства коренным образом преобразовали государство, право и их соотношение с гражданским обществом.

Отделение государства от общества и обособление общества от государства выражено в различии их структур, принципов организации и строения.

Всякое государство организовано как руководимая единым центром вертикальная система, иерархия государственных органов и должностных лиц, связанных отношениями подчиненности и государственной дисциплины¹. Эта система содержится за счет общества (налоги, сборы, государственные займы). Постоянная и главная цель государства, его оправдание и легитимация — охрана общества и управление им.

В отличие от государства гражданское общество представляет собой горизонтальную систему многообразных связей и отношений граждан, их объединений, союзов, коллективов. Эти связи основаны на равенстве и личной инициативе, в том числе в самостоятельности добычи средств к существованию (это относится и к объединениям, которые содержатся за счет добровольных взносов их участников). Цели граждан и их объединений разнообразны и изменчивы в соответствии с их интересами.

Различие структур гражданского общества и государства налагает отпечаток на способы правового регулирования частных и публичных отношений, а тем самым — на систему права.

Государственные органы и должностные создаются правом, существуют и действуют (должны действовать) строго на основе права. Жизнь и деятельность членов гражданского общества правом не предопределены и не обусловлены. Создание и деятельность их объединений может регулироваться законом, но создаются и существуют эти объединения только по доброй воле их участников.

Граждане имеют правоспособность, дающую им самые широкие возможности совершать любые сделки, кроме запрещенных, в разных сферах общественной и частной жизни. В отличие от граждан государственные органы и должностные лица наделены компетенцией, определяющей довольно узкие параметры их деятельности, предопределенные их целью, предметом ведения.

Права граждан — это гарантированные возможности пользоваться каким-либо благом, которые они реализуют или не реализуют.

¹ Вертикальная соподчиненность четко выражена в строении управленческого аппарата. Соотношение разных уровней органов правосудия (а также представительных органов центральной и федеративной законодательной власти в федерациях) определяется соотношением их компетенций и подзаконностью принимаемых ими правовых актов.

ют по своему усмотрению и желанию. Использование права не является обязанностью гражданина¹. Должностные лица и государственные органы наделены полномочиями (правообязанностями), которыми они обязаны пользоваться при осуществлении своих функций для достижения поставленной перед ними цели, решения задачи.

Отношения между гражданами, их объединениями, союзами строятся на началах равенства, свободы, координации. Их связи и отношения основываются на соглашениях, договорах. Должностные лица и органы государственного управления связаны отношениями субординации; каждый из них подчинен прямому вышестоящему начальству (органу, учреждению).

Гражданам разрешено все, что не запрещено законом. Должностным лицам разрешено только то, что вытекает из компетенции или предписано приказом.

Граждане могут быть привлечены к юридической ответственности только за правонарушение, т. е. виновное противоправное деяние. Должностные лица отвечают не только за правонарушения, но и за служебные упущения, обусловленные не столько виной, сколько недостаточной квалификацией.

Публично-правовые нормы и отношения сохраняются от нарушений преимущественно штрафными, карательными санкциями (уголовными административными, дисциплинарными). Нарушение частных-правовых норм и отношений должно влечь в первую очередь восстановление нарушенных прав при помощи правосоставительных санкций и ответственности.

Амнистия и помилование, существующие в каждом государстве, могут применяться для освобождения от штрафной, карательной ответственности (или ее смягчения), но неприменимы к отношениям ответственности правосоставительной (если речь идет не об отказе государства от восстановления его нарушенного права).

В отношениях между частными лицами или объединениями, регулируемых частным правом, закон устанавливает правила лишь на будущее время; он не имеет обратной силы. В публичном праве закон может иметь обратную силу, если государство в чем-то улучшает правовое положение лиц; он обязательно должен иметь обратную силу, если этим законом смягчается наказание (или взыскание) за какое-либо правонарушение либо устраняется противоправность этого деяния.

Как отмечено, создание представительного государства и равного для всех права шло в ходе развития основанного на частной собственности, правовом равенстве, на свободе предпринимательства и торговли общества и сопровождалось бурными социально-экономическими процессами. В период становления капитализма массовое разорение мелких собственников и развитие пролетариата, стремительное обогащение промышленной, торговой и финансо-

¹ Едва ли не единственное исключение — использование родительских прав; это может считаться обязанностью уже по той причине, что пренебрежение такими правами может повлечь применение некоторых санкций (имущественная ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, лишение родительских прав лиц, пренебрегающих воспитанием своих детей).

вой буржуазии происходило в обществе, не имевшем ни систем социальной помощи, ни массовых и влиятельных организаций рабочего класса, способных бороться с промышленниками за сносные условия труда и заработной платы. По социально обездоленным слоям общества больно били экономические кризисы и безработица. Росло относительное и абсолютное обнищание пролетариата. Его разрозненные выступления свирепо подавлялись вооруженной силой.

Господствующей политической идеологией буржуазии того периода был либерализм, требование невмешательства государства в частно-правовые отношения, осуществление "правовым государством" только лишь охранительных функций. В осуществлении "позитивных функций" государства выделялись препятствия свободному предпринимательству и конкуренции, а также посягательства на права собственников-налогоплательщиков. Чисто формальной (да и формально ограниченной рядом цензов) долгое время была возможность участия народа (через выборных представителей) в деятельности государства. В конкретных исторических условиях XIX в. идея правового государства и либеральные лозунги о защите общества и личности от государственной власти по существу означали требования "нейтральности" государства в неравной борьбе за существование наемных рабочих и владельцев капитала. Для первых государство в период формирования гражданского общества практически выступало как чисто карательная сила, для вторых — как страж богатства и связанные с ним социальные возможности. Этим обусловлена развернувшаяся в XIX в. социалистическая и демократическая критика ограниченного цензового представительства и идей правового государства ("государство — ночной сторож"), требование "социального государства", осуществляющего не только охрану правопорядка, но и проводящего социальную политику в интересах неимущих и общества в целом (законодательное регулирование продолжительности рабочего дня, ограничение и запрет детского и женского труда, социальное обеспечение нетрудоспособных и безработных, всеобщее образование за счет государства, бесплатное здравоохранение и др.).

Уже Г. Гегель видел обремененность гражданского общества противоречиями богатства и бедности. На том же основании К. Маркс вынес буржуазному обществу суровый приговор, обоснованный исследованием состояния экономики и классово-борьбы той эпохи. Однако история рассудила иначе. Движение рабочего класса создало механизмы противодействия эгоизму предпринимателей; промышленное общество сумело справиться с экономическими кризисами и породить многочисленный средний класс; развитие представительных институтов власти создало предпосылки для все более широкого учета в текущей политике государства не только классово-эгоистических интересов буржуазии, но и интересов других классов, а также всего общества в целом.

На втором этапе истории гражданского общества продолжалось развитие современного представительного государства. Расширялся и усиливался контроль представительных и судебных

учреждений за деятельностью центральной и местной исполнительной власти; рос круг лиц, пользующихся избирательными и другими политическими правами; возникла и постоянно усиливалась зависимость представительных учреждений от системы сложившихся в обществе политических партий и движений, в том числе притязающих на выражение и защиту интересов трудящихся, а также социально обездоленных членов общества.

Рубеж XIX—XX вв. можно считать началом третьего этапа развития гражданского общества. К этому времени ведущее место в промышленности и торговле перешло от частных предпринимателей и торговцев к индустриальным, торговым и финансовым корпорациям. С другой стороны, организованный в профессиональные союзы рабочий класс сформировался во внушительную силу, с которой вынуждены считаться предприниматели и на защиту интересов которого притязает ряд влиятельных политических партий и движений. В защиту демократических и социальных прав и свобод выступают широкие слои служащих, деятелей науки, культуры и искусства, научная интеллигенция, студенты, молодежь.

Государство выступает уже не только как “ночной сторож”, осуществляя лишь охранительные функции. Все большее место в его деятельности занимают такие позитивные функции, как организация социального обеспечения, управление народным образованием, здравоохранением, другие социальные функции. В XX в. существенно повысилась роль государства и в регулировании экономических отношений — государственный контроль и спорадическое вмешательство в экономику создали возможности смягчения и изживания кризисных явлений. Большое место в правовых системах развитых стран XX в. занимает социальное законодательство. В результате расширения социальной деятельности государства увеличилась сфера действия публичного права.

Современное гражданское общество ряда развитых стран трудно назвать буржуазным¹. Многие социологи относят капитализм к уже изжившей себя первой фазе индустриального общества. Гибкое соединение в современной экономике различных форм собственности, существование мощных организаций рабочего класса, развитие систем социальной помощи, успех широких демократических движений в поддержку прав, свобод личности и их гарантий — все это поставило пределы первобытному эгоизму буржуазного общества, вынудило экономически сильный класс считаться с общенациональными интересами, идти на компромиссы с другими классами.

Нормальное, цивилизованное государство современности — правовое и социальное государство с развитыми институтами представительной и непосредственной демократии, с различными формами самоуправления, с подчиненностью всей системы должностных лиц закону и контролю со стороны представительных учреж-

¹ Н. Н. Девя удачно называет его “социализированным капитализмом”, подчеркивая наличие высокоразвитой социальной функции государства и общественных институтов // Государство и право. 1996. № 6. С. 154.

дений, выборностью ряда руководящих звеньев управленческого аппарата, с гласной государственной деятельностью и ответственностью должностных лиц перед общим судом.

Через институты демократии, через законодательство, основанное на признании и гарантиях прав и свобод человека, через общественное мнение, многопартийную систему, группы влияния и свободную прессу гражданское общество стремится подчинить себе государство, которое становится не (только) орудием классового господства, но и средством достижения общественного компромисса, снятия или смягчения социальных противоречий, механизмом управления делами общества. Созданное и охраняемое таким государством право отличается от права первой половины XIX в. тем, что оно, во-первых, содержит уже не только возведенную в закон волю буржуазии¹, но и волю, интересы, требования других общественных классов, групп, общества в целом; во-вторых, это уже не только формально равное для всех право, но и в значительной мере социальное право, дающее ряд льгот и преимуществ обездоленным слоям общества, обеспеченное рядом материальных гарантий.

По мнению ряда зарубежных социологов и футурологов, в развитии мировой цивилизации наметился (и уже осуществляется) переход от индустриального общества (т. е. гражданского общества с машинным производством, фабричной организацией труда, общенациональным рынком) к постиндустриальному — обществу с экологически чистой технологией, резким ростом удельного уровня сферы услуг по отношению к сельскому хозяйству и промышленности, бурным ростом индустрии знаний, заменой отраслей тяжелой промышленности наукоемкими отраслями. Свойственная XX в. организация крупного производства по мере совершенствования технологии и информационных систем ведет к отделению власти от собственности, переходу управления общественными делами практически в руки ученых-специалистов (менеджеров) при сохранении традиционных институтов демократии и политического плюрализма. В развитии главной тенденции гражданского общества — устранении всех видов неравенства, расширении и углублении равноправия людей — намечаются и осуществляются перспективы новых прав и свобод, гарантированных материально. Среди перспектив дальнейшего прогресса гражданского общества — более тесное общение народов на основе всемирного рынка, возрастание реальной роли международных пактов о правах человека, повышение авторитета ООН и других международных организаций, повсеместное развитие демократии с перспективой замены государства общественным самоуправлением.

Однако путь человечества никогда не был прямым и ровным. История знает не только рывки, скачки (вперед), но и стремительные откаты назад. Гражданское общество не гарантировано от раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

рушения, свертывания горизонтальных связей автономных субъектов, их перестройки в вертикальные связи зависимостей от государства. Поэтому наряду с оптимистическими прогнозами и предположениями о перспективах развития гражданского общества нет недостатка в противоположных по содержанию прогнозах.

Во многих странах гражданское общество переживает опасный период. В одних регионах оно существует лишь в потенции как выражение общей тенденции развития мировой цивилизации; в других оно находится в стадии становления, но его формированию препятствуют влиятельные общественные группы, способные привлечь и повести за собой значительную часть народа; в третьих регионах уже существующее гражданское общество подвергается нападкам внешних и внутренних сил. XX век знает не только явные успехи демократии и пакты о правах человека, но и торжество тоталитарных режимов, упразднивших права и свободы, разрушавших гражданское общество, устанавливавших вертикальные структуры, подобные военно-феодалным.

Главным врагом гражданского общества является тоталитаризм, опасность которого исходит не только от реакционных или люмпенизированных слоев общества. Порой он безосновательно расценивается как скорый выход из кризисных состояний, социальных бедствий, антагонизмов и конфликтов, как этап на пути перехода к гражданскому обществу. Идеологией и психологической опорой тоталитаризма могут стать реальные опасения за судьбы человечества, порожденные объективно существующими условиями современной жизни.

XX век создал ряд серьезных угроз для дальнейшей истории человечества. Растет число стран, имеющих ядерное оружие, общего количества которого достаточно, чтобы уничтожить жизнь на Земле. Существует опасность перерастания локальных конфликтов и войн в термоядерные, ведущие к глобальной катастрофе. Развитие промышленности уже причинило невосполнимый ущерб природе, нарастает экологическая катастрофа, грозящая вырождением и гибелью человечества. Само человечество переживает еще невиданный в истории стремительный рост народонаселения, особенно в развивающихся странах; социальные последствия демографического взрыва дают основания крайне пессимистическим прогнозам.

Порожденные всем этим, а также социальной и политической нестабильностью тревоги и опасения за будущее народов отдельных стран и человечества в целом служат социально-психологической основой для политических движений и программ авторитарного и тоталитарного толка, предлагающих экстремистские административно-военно-казарменные средства решения острых социальных проблем. Одни из этих движений и программ продиктованы искренним стремлением использовать крайние средства для спасе-

ния народов своей страны и всего мира, для других эти мотивы — лишь прикрытие своих, сугубо эгоистических целей¹.

Для идейно-политических программ тоталитаризма характерны, во-первых, притязания на защиту общего блага, на выражение подлинных интересов нации или народа, на историческую необходимость применения крайних мер и отсутствие других способов спасения, кроме тоталитарных; во-вторых, обязательно ограничение (а затем отмена) завоеванных гражданским обществом равноправия, прав и свобод человека, запрет какой бы то ни было оппозиции и самостоятельной мысли; в-третьих, перестройка основанных на равенстве горизонтальных связей членов общества в вертикальные структуры, подчиненные правящей иерархии, бесконтрольно распоряжающейся людьми, организациями, общественным и государственным имуществом.

В случае победы тоталитаризма восстанавливаются многие черты, свойственные сословно-кастовому строю, предшествовавшему гражданскому обществу. Среди них: иерархическое строение всех политических и социальных структур, установление привилегий должностных лиц соответственно их месту в иерархии правящей партии и государства, свертывание сферы частного права и дотошное государственно-правовое регулирование многих сторон общественной и частной жизни. На этом основано определение современного тоталитаризма — “промышленный феодализм”, “прорыв феодального прошлого в наше время”². Это определение вызвало не лишнее оснований возражение: “Такое определение уместно лишь как публицистическая метафора, — пишет Н. Н. Деев. — Для тоталитаризма и феодализма — при всем содержательном различии этих категорий — характерны некоторые аналогичные формы несвободы (кастовость, привилегии и т. д.). Но главное, что феодализм был естественной формой вызревания свободы в несвободе традиционного общества, тогда как тоталитаризм — это бунт и бегство от обретаемой свободы или ее перспективы”³.

Поскольку именно государство в кризисные эпохи становится главным орудием тоталитаризма, проблема соотношения государства и гражданского общества требует углубленного изучения категории “политическое отчуждение”.

§ 3. Политическое отчуждение и формы его преодоления в гражданском обществе

Под политическим отчуждением понимается процесс и результат превращения государства, возникшего в результате человече-

¹ О растущих тенденциях сползания нашего общества к тоталитаризму см.: Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 20—21.

² Восленский М. Номенклатура. М., 1991. С. 596—598.

³ Государство и право. 1996. № 6. С. 155.

ской деятельности, в нечто независимое от общества и господствующее над ним. Политическое отчуждение имеет различные формы и степени вплоть до превращения относительной самостоятельности государства в самостоятельность абсолютную, ведущую к установлению авторитарного или тоталитарного режима, при котором само государство становится экономически и политически господствующим классом (или частью такого класса).

Феномен политического отчуждения уже на ранних этапах истории породил стремление общества идеологически и реально преодолеть это отчуждение. Если защита общества — постоянная задача государства, то и общество стремилось защититься от чрезмерной самостоятельности государства. Это стремление резко усилилось в период кризиса феодального строя и становления гражданского общества, когда в трудах Руссо, Гегеля и других мыслителей была теоретически поставлена и по-разному решена сама проблема политического отчуждения.

Эта проблема не нашла сколько-нибудь глубокой теоретической разработки в отечественной литературе. Она, хотя словесно и признавалась, но не вмещалась в традиционную тематику общей теории государства: считалось, что "отчужденность" буржуазных государств сводится к их классовому характеру и будет преодолена революционным путем, а к социалистическому государству эта проблема вообще отношения не имеет.

К тому же бытовавшее понятие государства, особенно в его соотношении с обществом, не вмещало категорию "политическое отчуждение". В научной и учебной литературе государство обычно определялось как "политическая организация классового общества", "организация политической власти особого рода", "особая организация политической власти" и т. п.¹ Близкие к этим определения давались в ряде словарей: "основной институт политической системы классового общества", "политическая форма организации общества"².

В этих (и аналогичных) определениях оговорена связь государства с обществом, но не раскрыты особенности государства, отличающие его от других общественных явлений и, главное, не намечена возможность противопоставления общества и государства.

Между тем в социологической теории марксизма, на которую ссылались большинство авторов приведенных выше определений, эта проблема обозначена достаточно отчетливо. "Отчуждение" от общества, писал В. И. Ленин вслед за Ф. Энгельсом, воплощено в

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 206, 216; Теория государства и права. М., 1983. С. 47, 52; Теория государства и права. М., 1987. С. 40; Теория государства и права. М., 1988. С. 30.

² Философский словарь. М., 1986. С. 100; Краткий политический словарь. М., 1987. С. 95.

аппарате государственной власти¹. К. Маркс неоднократно отмечал, что **“существование государственной власти находит свое выражение именно в ее чиновниках, армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее физического воплощения, она представляет собой лишь тень, воображение, простое название”**². **“...Под “государством”, — писал К. Маркс, — действительно понимают машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм...”**³. Сущность государства составляет выделившийся из общества особый разряд людей, который управляет другими людьми и в этих целях владеет аппаратом принуждения⁴.

Государство — не только “политическая организация власти”, но и обособленный от общества социальный организм со своей структурой, нормативной основой, профессиональным составом, специфическими интересами, монопольной силой принуждения, со своей профессиональной этикой, правосознанием, своеобразным мышлением и психологией. Признак государства — “наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается власть”⁵. Возникновение и существование государства обусловлено разделением труда, выделением из общества разряда лиц, профессией которых является управление и (или) принуждение. Эти лица не заняты производительным трудом и существуют за счет налогов, дани, сборов, поборов, собираемых от общества. Их власть распространяется на население в пределах территории, ограниченной другими государствами (либо морями, неприступными горами, пустынями).

Государство как централизованная иерархия должностных лиц, аппарат управления и принуждения, выступает как обособленная от других социальных групп сила, монопольно владеющая правом принятия общеобязательных решений и принуждения к их осуществлению. Оно стремится к господству над обществом и нередко достигает успеха, особенно в кастово-сословных обществах, где привилегированное сословие занимает большую часть государственных должностей. При определенных исторических условиях относительная самостоятельность государства по отношению к обществу перерастает в абсолютную, особенно при сосредоточении высших полномочий государственной власти в руках одного лица (деспотизм, тирания, автократия, самодержавие, бонапартизм).

Как отмечено, государство всегда притязало на защиту общества от внешних врагов и от нарушителей общественного правопорядка. Но и общество пыталось защищаться от притязаний государства на чрезмерную власть. Эти попытки резко усилились в

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 33. С. 8—9; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169—170.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 287.

³ Там же. Т. 19. С. 29.

⁴ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 39. С. 69, 72—74.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 439.

период становления гражданского общества: целью всех буржуазных революций было обуздание чрезмерной самостоятельности сословного государства, подчинение его общественному контролю, попытки преодолеть "политическое отчуждение".

Различные варианты и идеалы преодоления политического отчуждения возникли задолго до буржуазных революций.

Наиболее радикальной мечтой о преодолении политического отчуждения стала идея отмирания государства, замены его общественным самоуправлением, содержащаяся в ряде социалистических теорий (Л. Дешан, Ж. Мелье, П. Марешаль, Ш. Фурье, Р. Оуэн, К. Сен-Симон, П. Прудон, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Бакунин, П. Кропоткин и др.).

Иллюзорными формами преодоления политического отчуждения были теократические концепции (замена государства церковью или религиозной общиной верующих), идеалистические идеи "примирения с действительностью" (Гегель и др.), а также духовного освобождения (отрешенности) человека и народа от причастности к государству¹.

Демократические идеи и учреждения возникли еще в Древнем мире. Монархиям и олигархиям, опиравшимся на военно-бюрократический аппарат, отстранявшим народ от участия в определении задач и целей государственной деятельности, противопоставлялись государства с народным правлением. На ранних периодах истории унаследованные от родового строя демократические учреждения и нормы (народные собрания, советы старейшин, принципы выборности и ответственности должностных лиц) органически включались в систему государственных органов как учреждения непосредственной демократии. Таковы были античные республики. Достоянием Средневековья стала основанная на непосредственной демократии городская республика.

Общим в демократиях Античности и Средневековья было то, что они основывались на непосредственной демократии и существовали в небольших государствах, использующих труд рабов (античность) или пользующихся доходами с части населения, не имеющей политических прав и привилегий (средние века). И те, и другие демократии были властью меньшинства общества, формирующего государственный аппарат и направляющего его деятельность, исходя из своих сословных интересов. Еще существеннее, что все общество в целом было политизировано, не обособлено от государства, поддерживающего ряд социальных структур (патрициат, со-

¹ Такие идеи были свойственны славянофилам, противопоставлявшим политическую (внешнюю) и нравственную (внутреннюю) свободы: "Отделив от себя правление государственное, — писал К. С. Аксаков, — народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить общественной жизнью". Теория государства у славянофилов // Сборник статей. СПб., 1898. С. 26.

словия, цехи), вмешивающегося в отношения собственности, производства и быта. Общества Античного мира и средних веков были госу­дарственны в том плане, что индивид был во власти ряда го­сударственно-правовых запретов, приказов, ограничений, его про­изводственная и иная деятельность, а также личная жизнь находи­лись под постоянным контролем должностных лиц, которые, в свою очередь, также были связаны множеством предписаний. Республи­канский воздух городов делал людей свободными от крепостниче­ского гнета, но не освобождал их от гнета церкви, цеховой регла­ментации, сословных обязанностей и ограничений. Демократиче­ские государства древности и средних веков определяли лишь тен­денции и формы преодоления политического отчуждения, но в ус­ловиях сословного общества не могли преодолеть его по существу.

Могучий стимул развитию демократии дала эпоха кризиса феодального строя, буржуазных революций, становления граждан­ского общества. В радикальных теориях Нового времени критика феодального деспотизма перерастала в критику любой власти, от­деленной от народа, в требование подчинения государства граж­данскому обществу. Значительным шагом в развитии демократии стало обоснование правового равенства и свобод членов общества, а также разработка проблем представительной демократии в много­населенном государстве.

Вместе с тем, в теории и практике демократического варианта преодоления политического отчуждения обнаружили­сь уязвимые звенья. В самом абстрактном теоретическом плане демократиче­ская идея не снимает и не решает проблему политического отчуж­дения, поскольку эта идея основана на вере в то же самое государ­ство, но лишь определенной (демократической) формы. Еще важ­нее, что практика демократии с самого начала столкнулась с про­блемой прав и интересов меньшинства, которое либо должно под­чиниться интересам демократической власти большинства, либо ис­кать защиты своих интересов недемократическим путем (в том числе и через звенья государственного аппарата). Практикой показана также трудность сочетания демократии со стабильностью права, поскольку при полновластии народных собраний и представи­тельных учреждений нередки решения и об изъятиях из законов, и об изменениях самих законов. По той же причине в демократическом государстве затруднена текущая управленческая деятельность, ибо полновластные демократические учреждения склонны выборочно решать и перерешать дела текущего управления вместо прави­тельства или вопреки воле правительства. Наконец, практика вы­явила ту коренную трудность организации демократии, что для нее нужен народ как некое социальное единство, объединенное общей целью, общим интересом (см. § 4). Все это не всегда оказывалось осуществимым, поэтому наряду с идеями демократии обществен­но-политическая мысль разрабатывала еще и другую вариант пре-

одоления политического отчуждения — подчинение государства праву (правовое государство).

Еще в Древнем мире высказывалось убеждение, что людьми должны управлять не люди, облеченные властью, а обязательные для всех законы. Политическое отчуждение в таком варианте преодолевалось лишь частично, поскольку государство оставалось внешней для общества силой, хотя бы и подчиненной закону. В сословном обществе "господство права" оказывалось на практике либо тотальным регулированием всех сторон общественной и личной жизни, основанным на закреплении неравенства каст, варн, сословий, вероисповеданий, либо узаконением произвола представителей привилегированных сословий, наделенных властными функциями.

В процессе буржуазных революций и становления гражданского общества возникла либеральная идеология, поставившая проблему прав и свобод человека, не зависящих от государственной власти, а также разработавшая систему гарантий, защищающих эти права и общество в целом от произвольных действий государства. На этой основе сложилась идея "правового государства", т. е. государства, подчиненного праву, в основе которого лежат основные права и свободы человека, обеспеченные системой политико-юридических гарантий. Главная из них — основанная на опыте государственного развития Англии идея разделения властей как системы сдержек и противовесов в государственной организации, обеспечивающая реальное подчинение закону государственной деятельности всех уровней. В результате осуществления этой идеи сложился политический режим, характеризующий не столько форму правления государства, сколько его отношение к праву и к гражданскому обществу. Именно к этому времени восходит определение конституции как договора о разграничении и взаимодействии общества и государства (см. выше, § 1).

Теоретические концепции правового государства и демократического государства не совпадают по ряду положений. Теоретики демократии утверждали, что решение, принятое большинством голосов, всегда разумно и компетентно, ибо в большом собрании при голосовании взаимопогашаются противоположные "страсти" и "аффекты" и потому в решении воплощается разум, свободный от страстей; к тому же, голосуя, каждый думает о себе, и потому решение будет направлено на общее благо. Сторонники демократического государства считали поэтому, что нет надобности в специальных гарантиях прав личности, ибо народ, как суверен, не станет причинять ущерб ни себе, ни отдельным индивидам. В адрес теории и практики "разделения властей" (основа правового государства) демократами делался обоснованный в то время упрек в ограниченности представительства (цензовое избирательное право), сохранении ряда противостоящих народу учреждений (особенно наследственная аристократическая палата и монархическая власть). С дру-

гой стороны, теоретики правового государства и разделения властей не без оснований упрекали демократию в нарушении прав личности и даже в деспотичности представительных учреждений, сосредоточивающих все виды власти (Долгий парламент в Англии, Конвент по Франции).

В результате борьбы и компромиссов разных социальных сил сложился синтез двух вариантов подчинения государства обществу: современное представительное государство сложилось и не как полновластие народа и его представительных учреждений, и не как государство, только лишь охраняющее право, а как основанная на разделении властей организаций, включающая демократически избираемые представительные учреждения (осуществляющие законодательную власть и контроль за деятельностью правительства), исполнительную власть, ответственную перед представительством и, в лице должностных лиц — перед общим судом, а также судебную власть, как организующую часть стабильной и авторитетной правовой системы. Важным средством преодоления политического отчуждения является также местное самоуправление, берущее на себя те функции управления, с которыми общество способно справиться без государства.

Представительные учреждения современного государства, гласный суд, широкое самоуправление образовали государственно-правовую оболочку общества, наиболее соответствующую возможностям если не полностью преодолеть политическое отчуждение, то в максимальной степени подчинить государство общественному влиянию и контролю, использовать его для решения спорных общественных проблем, предупреждать социальные взрывы, попытки какой-либо группы общества или партии насильственным путем навязывать обществу свои частные интересы.

Однако средства и способы, какими общество стремится подчинить государство, не абсолютны. Основные институты демократии, которыми облечено современное государство, выглядят как его необходимые части, но не являются таковыми, поскольку государство остается государством и без этих учреждений. Гражданское общество по самой своей природе недостаточно организовано для борьбы с государством, если последнее находит возможность избавиться от его власти и контроля. Представительные учреждения подобны общественным организациям и потому способны вырождаться либо в митинговые собрания, говорильни, бессильные осуществлять реальную власть, либо в декоративные приатки бюрократической и военной иерархий. Общественное мнение может быть деформировано официозной печатью и государственными средствами информации, а народное волеизъявление подменено фальсифицированными результатами референдумов и плебисцитов. В социальных спорах самым последним доводом всегда была сила, а организованная сила государства превосходит любую другую.

Разумеется, общество и государство — не враги; но государство способно стать орудием противников *гражданского общества*, осуществляющих идеалы обществ тоталитарных или полутоталитарных¹.

В кризисные эпохи решающим фактором сохранения гражданского общества, современного государства и права или, наоборот, замены их тоталитарным строем является состояние народа как особой социальной общности.

§ 4. Государство и народ в гражданском обществе

Почти во всех конституциях современных государств говорится о народном (как синоним — национальном) суверенитете, о народе как основе и источнике власти. Само понятие “народ” возникло в сфере политики: в античной Греции “демократиями” назывались те полисы (государства-города), в которых верховная власть принадлежала полноправным свободным гражданам, составляющим большую часть населения. В этом аспекте (соотношение государства и большей части населения) проблема исследовалась в политической и государственно-правовой литературе. Исходным пунктом исследования были и остаются государства Древней Греции и Древнего Рима, где, как известно, существовали ростки, зачатки гражданского общества.

С самого начала в изучении проблемы обозначилось несколько основных идей и направлений, сохранивших актуальность в современном государстве. В знаменитом суждении Цицерона “*res publica est res populi*” (“государство или республика — дело, достояние народа”) народ рассматривается как особая социальная общность; “государство есть достояние народа, — писал Цицерон, — а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов”².

Политико-правовая идеология Нового времени и конституционное законодательство периода становления гражданского общества всегда соединяли понятия “народ” и “государство”. Долгое время происхождение государства объяснялось идеей “общественного договора”, посредством которого множество людей объединяются в народ и создают государство, а само государство в ряде стран и до сего времени считается воплощением “народного суверенитета”. В конце концов идея народовластия оказалась чуть ли не самым расхожим идеологическим штампом, к которому охотно прибегали и прибегают сторонники самых разных политических режимов — от крайних реакционеров до самых левых экстремистов и демагогов.

¹ Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 42 и след.

² Цицерон. Диалоги. О Государстве. О законах. М., 1966. С. 20.

Второе направление изучения народа в связи с государством состоит в исследованиях противоречий в среде самого народа или его соотношения с другими частями населения (аристократия, знать). Противоречия аристократии (родовой знати) и народа в античной Греции приводили к ряду переворотов и даже к Пелопонесским войнам (V в. до н. э.). Тогда же было замечено деление народа на богатых и бедных, существование в одном государстве как бы двух государств: “одно — государство бедняков, другое — богачей”¹. Изучение антагонизмов между богатыми и бедными, их борьбы, влияние этой борьбы на государственные перевороты привело античную политическую мысль к крайне важному выводу Аристотеля, что основой прочности государства является преобладание “среднего класса”².

Различие между народом (к нему относили обычно ту часть населения, которая занята повседневным трудом — крестьянство, ремесленников, мелких торговцев) и знатью (богатые или привилегированные люди) было принято всеми политическими авторами эпохи становления гражданского общества³. Признание противоречий между народом и аристократией еще в Античном мире породило идею так называемой “смешанной республики”, соединявшей учреждения, одни из которых выражали и защищали интересы народа (народные собрания, народные трибуны, народные суды), другие — привилегии общественной элиты (сенаты, советы, думы), третьи — выражали “военно-государственное начало” (консулы, цари, диктаторы, принцепсы, князья). Преимущество такой формы усматривалось прежде всего в ее прочности: смешение демократических, аристократических, монархических начал давало возможность предупреждать насильственные столкновения народа и знати, решать споры социальных групп политическим путем в государственных учреждениях, добиваясь взаимных уступок и компромиссов⁴. Идею “смешанной республики” поддерживали Н. Макиавелли, Т. Мор, Т. Кампанелла и другие мыслители эпохи Возрождения. Эта идея оказала определенное влияние на становление теории разделения властей XVIII в, став обоснованием “собрания знатных” (по образцу палаты лордов) в составе законодательного собрания⁵.

¹ Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. I. М., 1971. С. 365.

² См.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 511 и след.

³ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 125 и след.

⁴ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Кн. VI—XXV. СПб., 1995. Особ. с. 12—17; Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. Особ. с. 32—33; см. также: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973. Особ. с. 249—257; он же. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. Особ. с. 149—157.

⁵ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 294.

Параллельно с этой линией исследования продолжалось изучение противоречий бедных и богатых. Политические мыслители периода кризиса рабовладельческого строя с тревогой писали о развитии "охлоса", "люмпен-пролетариата", "черни", о перерождении демократии в "охлократию", а затем — в тиранию. Наиболее радикальные буржуазные мыслители Нового времени по-своему возрождали мысль Аристотеля о "среднем классе" как основе прочности государства: "Что касается богатства, — писал Ж. Руссо, — ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один — настолько беден, чтобы быть вынужденным продаваться". "Если вы хотите придать государству прочность, то сблизьте крайние ступени насколько это возможно, не допускайте ни богачей, ни нищих... между ними всегда и происходит торг общественной свободы; одни покупают ее, другие продают"¹. Писатели социалистического направления утверждали, что эта проблема может быть решена лишь в результате замены частной собственности собственностью общественной, а Г. Гегель считал ее вообще неразрешимой: "При **чрезмерном богатстве** гражданское общество **недостаточно богато**, т. е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы препятствовать возникновению переизбытка бедности и возникновению черни"².

В социологической теории марксизма понятие "народ" обычно рассматривается как совокупность трудящихся и эксплуатируемых классов³. Буржуазия то включалась в состав народа⁴, то выводилась за его пределы⁵. В связи с перспективами коммунистической революции народ изучался по схеме: массы — классы — партии — вожди⁶. Понятие так называемого "народного государства" К. Маркс отвергал принципиально; в связи с вопросом о государстве он писал: "Сколько бы тысяч раз ни сочетать слово "народ" со словом "государство" — это ни капельки не продвинет его разрешение"⁷.

Многие годы понятие "народ" в отечественной литературе осещалось преимущественно в публицистическом плане: "народные массы — движущая сила прогресса", "народ-творец истории" и т. п. Однако в двух отраслевых юридических науках всегда существовала потребность в более конкретном раскрытии этого понятия. В связи с проблемами народного суверенитета в науке советского государственного права народ иногда определялся как "монологитная, спаянная единством целей и интересов общность людей"⁸. Идеологическая заданность этого определения очевидна, как очевидно и его неполное соответствие той исторической реальности, с которой оно соотносилось. В нем, однако, отмечены крайние важные качест-

¹ Руссо Ж. Ж. Указ. соч. С. 91—92.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 272.

³ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 11. С. 124; Т. 33. С. 26. С. 39—40.

⁴ Там же. Т. 10. С. 282.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 114.

⁶ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 41. С. 41.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27.

⁸ Григорян Л. А. Народвластие в ССР. М., 1972. С. 88.

ва, входящие в социально-нравственное понятие народа (см. далее). Главный упрек, который может быть сделан этому определению, это то, что народ как таковой считается, но на самом деле не является субъектом государственного права. Субъектом государственного права (в масштабах страны) является избирательный корпус¹, т. е. совокупность граждан, пользующихся политическими правами.

Многозначность и противоречивость понятия "народ", отождествление его то с нацией, то с населением государства, то с менее богатой частью жителей города или страны, справедливо отмечает Б. С. Крылов. Он предлагает определение, в котором "народ рассматривается как устойчивая общность совместно проживающих людей, общение которых основано на взаимопонимании и взаимопонимании экономически взаимосвязанных и стремящихся к совместному социальному и политическому развитию, обеспечивающему равенство прав и свобод каждого"².

Думается, что это определение чрезмерно идеалистично в том смысле, что социальных общностей, обладающих всеми перечисленными качествами, в истории существовало очень немного. К тому же эти качества не относятся к проблемам государственного (конституционного) права.

Если теория государственного права практически не нуждается в раскрытии содержания понятия "народ" (население государства или избирательный корпус?), то в теории международного права дело обстоит иначе в связи с обсуждением принципа самоопределения народов. Какая общность людей является "народом", имеющим право на самоопределение? Достаточно известно, что эти вопросы порой приводят к вооруженным столкновениям. Специалисты обращают внимание на содержащееся в одном из решений Международного суда определение группы, применимое к общему понятию народа: "Совокупность людей, проживающих в данной стране или местности, для которых происхождение, религия, язык и традиции является выражением чувства солидарности, направленной на сохранение своих традиций и вероисповедания, оказание помощи друг другу и обеспечение образования и воспитания своих детей в духе и традициях своего народа"³.

Для общей теории государства и права (и политологии) в связи с обсуждением судеб гражданского общества наиболее важно социально-нравственное понятие народа. Достаточно известно, что

¹ Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. С. 9, 374—376. Ряд отечественных государствоведов считают "народ" одним из субъектов конституционного (государственного) права, оговаривая, однако, абстрактность этого понятия // Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. С. 22.

² Крылов Б. С. Понятие суверенитета, суверенитет государства и суверенитет народа // Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994. С. 31 и след.

³ Греган Сидней. Что такое "самоопределение народов?" // Правоведение. 1993. № 5. С. 124.

именно в кризисные периоды общественного развития возрастает активность антидемократических сил, обретающих возможность придти к власти. Более того, эти силы, используя трудности в развитии гражданского общества, способны перестроить сознание населения, получив идеологическую власть над народом еще до прихода к власти. История уже доказывала ошибочность и идеалистичность суждения: "народ не может ошибаться". За ошибки народа не раз расплачивался и сам народ, и ряд последующих поколений.

Народ — понятие социально-нравственное. Ряд процитированных выше авторов (начиная с Цицерона) обращал внимание на значение идеологических начал (целей, интересов, традиций) в сплочении совместно проживающих людей в народ. Добавим к этому суждение русского историка В. О. Ключевского, по мнению которого народ составляется из племени или племен, "... когда к связям этнографическим присоединялась нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и интересов". Наконец, — продолжает Ключевский, — народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона"¹.

Объединение множества людей в (более или менее) единый народ во многом осуществляется через все формы общественного сознания, особенно на наш взгляд, через осознание общности исторических судеб, т. е. действительное или предполагаемое единство прошлого, настоящего и будущего, в основе которого лежат преемственность традиций и предвидение общих исторических перспектив. Народ складывается в границах государства, которое занимает важное место в народном мировоззрении. На государство возлагаются повышенные надежды и ожидания, доверие или недоверие к праву существенно влияет на народные культуру и нравственность. Государство отождествляется с Отечеством, Родиной как объектом патриотизма.

Основными идеологическими средствами сплочения населения государства в единый народ являются (помимо традиций) общая цель или опасность. Опасность может быть реальной (агрессия, стихийные бедствия) или мнимой (несуществующие "враги народа", мнимые агрессоры, "подозрительные"). Общая цель может быть достижимой (сохранение или улучшение высокого уровня жизни) или утопичной (нереальные проекты социального развития, планы мирового господства). Как правило, народ настроен консервативно, если многочислен "средний класс" — та часть общества, которая достаточно зажиточна, чтобы не испытывать нужду в необходимом (квалифицированные рабочие, научно-техническая и иная интел-

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 42.

лигенция, фермеры, лица, имеющие среднюю по размерам собственность, владельцы мелких предприятий, в том числе в сфере обслуживания и т. п.), но не настолько богата, чтобы вызывать зависть малоимущих, стремление разделить их собственность.

Многочисленность "среднего класса" — основа основ прочности современного государства и стабильного развития гражданского общества. Как правило, в периоды нормального развития гражданского общества "средний класс" и большая часть народа настроены в духе сохранения и умножения основных традиций, социально-нравственных связей, скрепляющих народ. В такие периоды отношение народа к государству выражается более всего в поддержке демократических институтов и ясных социальных перспектив развития, в скептическом отношении к социальному авантюризму, прожектерству и проявлениям диктаторства.

В кризисные периоды общественного развития, когда возрастает общая неуверенность в будущем и опасение за свои судьбы, усиливаются и противоречия в самом народе, и противоположности между государственной властью и обществом, между правительством и народными массами. Социальная безысходность порождает и резко обостряет разочарование в надеждах (обычно преувеличенных), традиционно возлагавшихся на помощь со стороны государства, сеет недоверие и неуважение к правительству, подрывает его авторитет. Обычная демократическая процедура деятельности представительных органов власти начинает казаться раздражающе неторопливой, а сама власть — слабой и нерешительной. Если в периоды спокойного развития общества народ питает естественную неприязнь к диктаторству и авторитаризму, то в смутные времена бонапартизм начинает казаться единственным спасением. Выход правительства и государства из-под народного контроля в таких условиях облегчается расколом самого народа, разорением и деградацией среднего класса, враждой наций, богатых и бедных, борьбой партий, проповедями демагогов, зовущих к разделу имущества, выходом на политическую арену преимущественно недовольных, критически настроенных наименее обеспеченных слоев общества, а также ростом "охлоса" (деклассированные, экстремистские, антисоциальные элементы). Дальнейшее развитие общества и народа при стремительном росте бесконтрольной власти военного и чиновничьего аппарата более всего зависит в таких условиях от глубины общественного кризиса и от степени реальности позитивной программы группы, возглавившей государство.

Исторический опыт показал, что в случае победы над гражданским обществом и свойственной ему демократией тоталитарные режимы могут существовать продолжительное время. Манипулируя общественным мнением, тоталитарная власть способна перестроить народ, сплотив членов общества на новой идейной

основе (война за “место под солнцем”, борьба за “светлое будущее” и т. п.). Переформированный таким образом народ может долгое время оставаться опорой тоталитарного режима, насаждающего неравенство, единомыслие и психологию полной зависимости человека от государства.

Однако идея гражданского общества уже органически вплелась в общую культуру человечества как представление о его нормальном, цивилизованном бытии и состоянии, как о способе реализации и существования общечеловеческих ценностей. В истории стран и эпох многие надежды человечества оказались несбыточными утопиями. Но само существование человечества — доказательство несбыточности ряда крайне пессимистических прогнозов о конце истории, которым нет числа. До сих пор человечество существовало как саморегулирующаяся система с сильным инстинктом самосохранения. Гражданское общество, права и свободы человека, правовое и социальное государство — основные ориентиры в этом саморегулировании.

Глава XV. Правовое государство

§ 1. Становление и развитие идеи правового государства

Проблемы правового государства всегда волновали передовых людей, прогрессивных мыслителей древности, средневековья и современности. Вопросы типа: Что такое правовое государство? Когда появилась его идея и как она развивалась? Каковы его основные признаки и черты? Каковы цель и назначение правового государства? — практически всегда находились в поле зрения философов, юристов, историков, независимо от их взглядов и суждений, а также от того, как квалифицировалось и как называлось это государство — государством ли закона, справедливости, государством всеобщего благоденствия или же государством законности¹.

Разумеется, смысл и содержание идеи правового государства у одних мыслителей, политических и общественных деятелей зачастую расходились со смыслом и содержанием его у других мыслителей и государственных деятелей. Если у одних, например, идея такого государства ассоциировалась в конечном счете с частной собственностью, богатством определенных классов и слоев, с использованием в различных формах чужого труда, то у других все выглядело наоборот.

При частной собственности, заявлял, например, еще в XVI веке известный гуманист, лорд-канцлер английской монархии и автор первого “коммунистического” произведения — “Утопия” **Т. Мор**, невозможно говорить ни о справедливости, ни о благополучии всего общества, ни о “наилучшем устройстве государства”. “При неоднократном и внимательном созерцании ныне процветающих государств, — вещал автор устами своего героя Рафаила Гитлодея, — я могу клятвенно утверждать, что они представляются ни чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах”. Они измышляют и изобретают, продолжал автор, всякие способы и хитрости прежде всего для того, чтобы удержать без страха потери то, что “стяжали разными мошенническими хитростями”, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату “работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как вьючный скот”. Раз богачи постановили от имени государства, делал вывод автор из своих наблюдений и размышлений, “значит также и от имени бедных соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами”.

¹ См.: **Воротылин Е. А.** Идеи правового государства в истории политической мысли // Политология. Курс лекций. Изд. второе / Отв. ред. **М. Н. Марченко**. М., 1997. С. 76—91.

Подобные взгляды и суждения как и противоположные им по своему характеру подходы многократно встречаются и развиваются и в последующие годы и столетия. Однако не в этом дело. А в простой констатации непреложного факта, что независимо от взглядов и суждений о правовом государстве (как бы оно ни называлось), существование последнего неизменно ассоциировалось с торжеством гуманизма, закона и законности, добра и справедливости¹. Разумеется, понимаемыми и защищаемыми прежде всего с позиций интересов власть имущих, а затем уже остальных слоев и классов общества.

Вопросы правового государства широко обсуждаются и в наше время. Основная причина такого внимания к правовому государству заключается не только в гуманизме самой идеи его возникновения, но и в поисках путей ее наиболее адекватного оформления и эффективного осуществления.

Зачатки теории правового государства в виде идей гуманизма, широкого и ограниченного притязания господствующего класса принципам демократизма, установления и сохранения свободы, господства права и закона прослеживаются еще в рассуждениях передовых для своего времени людей: мыслителей-философов, историков, писателей и юристов Древней Греции, Рима, Индии, Китая и других стран. Так, еще в знаменитых диалогах под названием "Государство", "Политик", "Законы" и др. древнегреческого философа-идеалиста Платона проводилась мысль о том, что там, где "закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью", неизбежна "близкая гибель государства". "Соответственно, там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях".

Тирания, неизбежно приходящая, по мнению Платона, на смену демократии, опьяненной "свободой в неразбавленном виде", когда чрезмерная свобода оборачивается чрезмерным рабством, есть наихудший вид государственного устройства, где царят беззаконие, произвол и насилие. Только там, заключал Платон, "где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги".

Аналогичные идеи, заложившие основу теории правового государства, развивались также в работах "величайшего мыслителя древности", как назвал его К. Маркс, Аристотеля. Именно ему, стоявшему на позициях защитника права индивида, частной собственности как проявления в каждом человеке "естественной любви к самому себе" и развивавшего в противоположность Платону взгляд на государство как на продукт естественного развития, как на высшую форму человеческого общения, охватывающую собой все дру-

¹ Гессен В. М. Теория правового государства. СПб., 1903.

гие формы (в виде семьи, селения и др.), принадлежат крылатые слова о том, что Платон мне друг, но больший друг — истина”.

Выражая свое отношение к государственной власти, праву и закону, Аристотель постоянно проводил мысль о том, что “не может быть делом закона властвование не только по праву, но и вопреки праву, стремление же к насильственному подчинению, конечно, противоречит идее права”. Там, где отсутствует “власть закона”, делал вывод Аристотель, там нет места и (какой-либо) форме государственного строя. Закон должен властвовать над всем”.

С идеями передовых мыслителей Древней Греции о праве, свободе, человеческом достоинстве и гуманизме перекликаются гуманистические воззрения и взгляды древнеримских политических и общественных деятелей, писателей, историков, поэтов. Особенно отчетливо это прослеживается в работах знаменитого римского оратора, государственного деятеля и мыслителя Цицерона, таких, как “О государстве”, “О законах”, “Об обязанностях”, а также в многочисленных произведениях других римских писателей и философов эпохи империи.

Что такое государство? Чьим достоянием оно является? — спрашивал Цицерон. И тут же отвечал: достоянием народа, понимаемым не как “любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом”, а как “соединение многих людей, связанных вместе между собою согласием в вопросах права и общностью интересов”. Государство, пояснял Цицерон, с точки зрения его соотношения с правом, есть ни что иное, как “общий правопорядок”. В основу же права он неизменно вкладывал присущие человеческой природе, равно как и природе вообще, разум и справедливость.

Будучи глубоко убежденным и последовательным сторонником естественного права, Цицерон исходил из того, что права и свободы человека не даруются и не устанавливаются кем-то и по чьему бы то ни было желанию или велению, а принадлежат ему по самой природе. Опираясь на понятие “истинного закона”, Цицерон рассматривал его как “разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещая, от преступления отпугивает; оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает честным людям и не запрещает им...”

Весьма важным в плане формирования идей, заложивших первые камни и составивших впоследствии (в видоизмененном, приспособленном к изменившейся действительности виде) основу теории правового государства явился сформулированный Цицероном правовой принцип, согласно которому “под действие закона должны подпадать все”, а не только некоторые, “избранные граждане”. Важным оказалось выработанное им положение, в соответствии с которым любому закону должно быть свойственно стремление хотя бы “кое в чем убеждать, а не ко всему принуждать силой и угрозами”; выдвигавшиеся им призывы к человеколюбию, “законособ-

разности", к борьбе за свободу и справедливость, за гуманистическое отношение государственных органов к свободным гражданам и даже рабам.

Гуманистические мотивы, идеи духовной свободы всех людей, независимо от их занятий и положения в обществе, особенно громко и требовательно звучали в многочисленных трактатах **А. Сенеки**, — одного из крупнейших древнеримских писателей и философов: "О счастливой жизни"; "О милосердии", "О спокойствии души", "Нравственные письма к Луцилию" и другие. Весьма показательны его выступления в защиту "говорящих орудий" — рабов.

Все люди, согласно учению Сенеки, равны между собой в том смысле, что они являются "сотоварищами по рабству", одинаково находясь во власти судьбы. "Я с радостью узнаю о приезжающих из твоих мест, — пишет Сенека своему другу Луцилию, — что ты обходишься со своими рабами как с близкими. Так и подобает при твоем уме и образованности. Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой, и над ними одинакова власть фортуны". И дальше: "Глуп тот, кто, покупая коня, смотрит только на узда или попону, еще глупее тот, кто ценит человека по платью или по положению, тоже лишь облакает нас, как платье. Он раб! Но, может быть, душою он свободный. Он раб! Но чем это ему вредит? Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой — у скупости, третий — у честолюбия и все — у страха... Будь с рабами приветлив, покажи себя высоким без высокомерия: пусть они лучше чтят тебя, чем боятся..."¹

Подобные человеколюбивые, гуманистические мотивы, трансформировавшиеся медленно или по истечении определенного времени в соответствующие государственно-правовые взгляды и доктрины, в соответствии с которыми в обществе и государстве должны торжествовать не зло, насилие и произвол, а право и закон, развивались не только в Древней Греции и Риме, но и в Древней Индии и Китае. Наряду с наивными материалистическими представлениями о мире, умещавшимися в формулах типа "сознание рождается в вещах и умирает тоже в вещах" или: "жизнь — это корень смерти, а смерть — корень жизни", в Китае, например, еще в глубокой древности философами и юристами, применительно к господствовавшему в стране рабовладельческому строю, проводилась мысль о том, что "в государстве должен царить порядок", основанный на законе. Утверждалось, что государь, если он хочет до конца жизни не подвергаться опасности, должен быть справедлив, а "управление страной должно соответствовать спокойствию", быть спокойным. Нельзя силой насаждать порядок в стране, ибо "страна управляется справедливостью".

¹ Античная литература. Рим. Хрестоматия. М., 1981. С. 469, 471.

Конечно, данные и перекликающиеся с ними мысли и воззрения наивно было включать напрямую в их первоизданном виде в систему принципов и идей, формирующих современную концепцию правового государства. Это тем более невозможно, что в них всегда недоставало строгой логичности, определенности и последовательности. А кроме того, некоторые из них, хотя и не расходились радикально с идеями и взглядами, положившими историческое начало процессу становления теории "правового государства", но тем не менее непосредственно и не "вписывались" в них, органически не сочетались с ними. К таким можно было бы отнести, в частности, своего рода постулаты известного древнекитайского философа Лао Цзы, согласно которым: "когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников"; "когда правительство спокойно, деятельно, народ становится несчастным"; "нужно сделать государство маленьким, а народ — редким" и пр.

Однако, несмотря на такие своеобразные суждения и умозаключения, все же древняя гуманистическая мысль, государственно-правовые взгляды и идеи передовых, прогрессивных мыслителей того времени несомненно стали первоосновой всего последующего процесса развития гуманистических взглядов и идей, составивших впоследствии фундамент теории правового государства.

Разумеется, до полного завершения процесса созидания данной конструкции, самого здания под названием "теория правового государства" было еще очень далеко. Предстояло пройти еще огромный интеллектуальный путь, измерявшийся даже не столетиями, а тысячелетиями. Но тем не менее начало, причем обнадеживающее, было положено. Важно было теперь не сбиться с этого пути.

Очень многое было сделано для развития теории правового государства мыслителями последующих, особенно XVIII—XX веков. Ряд положений теории правового государства развивался, в частности, усилиями таких носителей передовой общественно-политической мысли, боровшихся против произвола и беззакония, как Дж. Локк, Ш. Монтескье, А. Радищев, А. Герцен и многие другие. Обращаясь к этому периоду борьбы за политические и правовые идеалы, великий русский писатель-сатирик М. Салтыков-Щедрин вспоминал в рассуждениях одного из своих героев: "В конце пятидесятих и в начале шестидесятих годов я просто-напросто ощущал, что подо мною горит земля. Я не жил в это время, а реял и трепетал при звуках: "гласность", "устность", "свобода слова", "вольный труд", "независимость суда" и т. д., которыми был полон тогдашний воздух. В довершение всего, я был мировым посредником".

Философские основы теории правового государства создавались и развивались великим немецким философом **И. Кантом**, многократно указывавшим на необходимость для государства опираться на право, строго согласовывать свои действия с правом, постоянно ориентироваться на право. Государство, по Канту, выступает в качестве объединения множества людей, подчиненных правовым

законам, где действует принцип, согласно которому законодатель не может решить относительно народа того, что народ не может решить относительно самого себя. Если же государство уклоняется от данного принципа, от соблюдения прав и свобод и не обеспечивает охрану законов, то оно рискует потерять уважение и доверие своих граждан, побуждает их к занятию по отношению к себе позиции отчужденности.

Идея правового государства нашла значительное освещение и развитие в произведениях современных зарубежных юристов, политологов и социологов. В прямой, а чаще в косвенной форме она закрепляется в текущем законодательстве и даже в конституциях ряда западных государств.

Прямое закрепление идея правового государства нашла, например, в Конституции Испании 1978 г., провозглашающей в п. 1 ст. 1 о том, что Испания — это “социальное, правовое и демократическое государство, высшими ценностями которого являются свобода, справедливость, равенство и политический плюрализм”. Она закрепляется в Основном законе ФРГ 1949 г., в ст. 20 и 28 прокламирующем, что “Федеративная Республика Германия является демократическим, и социальным федеративным государством” и что “Конституционное устройство земель должно соответствовать основным принципам республиканского, демократического и социально-правового государства в духе настоящего Основного закона”. Косвенное закрепление идея правового государства получила в конституциях Австрии, Греции, Италии, Франции, Швеции, Швейцарии и ряда других высокоразвитых капиталистических государств.

Большое значение для совершенствования теории правового государства имеют работы отечественных авторов. Основное внимание в них уделяется не только основным чертам и признакам правового государства, но и наиболее важным условиям их формирования.

Справедливости ради следует заметить, что отечественными авторами концепция правового государства в том виде, как она сложилась и прокламировалась на современном Западе, зачастую рассматривалась лишь в критическом плане. Это было правильно и вполне оправданно, когда имелись в виду лишь ее сущность, социальное содержание и назначение в каждый конкретный исторический период и применительно к каждому конкретному господствующему слою или классу. Ведь не секрет, например, что в отношении к любому современному западному государству и власть предержащим данная концепция призвана идеализировать их, показать их “связанность” действующим правом, представить любое западное государство в виде некоего выразителя и защитника всех без исключения слоев общества, верного стража “всеобщей” справедливости, законности и правопорядка, коим оно, как показывает жизнь, далеко не всегда является.

Однако в однозначном критическом подходе к теории правового государства имелись и значительные натяжки. Издержки такого видения заключались прежде всего в том, что при оценке данной концепции не учитывался факт создания и применения ее не иначе, как в виде политического и идеологического средства противопоставления и борьбы с абсолютистскими и иными им подобными режимами, единоличной властью и произволом монарха, чрезмерным вмешательством государства в различные сферы жизни общества и деятельности негосударственных объединений.

Упускались из поля зрения и некоторые общечеловеческие ценности, сформировавшиеся в процессе тысячелетнего развития гуманистической мысли и нашедшие свое известное, хотя и сугубо формальное отражение в рассматриваемой теории. Речь идет, в частности, о принципах и идеях, касающихся неотъемлемых прав и свобод граждан, о приоритете и "торжестве закона" в условиях демократического государственного и общественного строя, о примате права, социальной справедливости и незыблемости законности и правопорядка в условиях правового государства.

Речь идет также об идеях суверенности народа как источника власти, гарантированности его прав и свобод, подчинении государства обществу и др. Говоря об этом, следует вспомнить слова К. Маркса: "Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают "свободу государства"".

Всячески поддерживая и развивая идею правового государства, мы, естественно, не должны идеализировать, а тем более копировать утвердившуюся на ранних стадиях развития человеческого общества и на современном Западе модель правового государства. Не следует забывать, в частности, о том, что когда мы говорим о разных вариантах или моделях правового государства, провозглашаемых конституциях Испании, ФРГ, Франции или любой другой страны, то имеем в виду, естественно, не некое абстрактное в социальном отношении правовое государство, а буржуазное правовое государство. Аналогично, когда говорим о "связанности" этого государства правом, то имеем в виду связанность его не каким-то другим, а именно буржуазным правом.

Государство и право при этом выступают не как некие безликие в социально-классовом отношении явления, а как вполне определенные, выражающие прежде всего волю и интересы господствующих кругов в условиях капитализма явления. Ибо, как известно, внеклассовых, надклассовых и классово-нейтральных, "чистых" в социальном отношении государственно-правовых явлений, институтов и учреждений нет и не может быть.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 726.

Нельзя в связи с этим не согласиться с В. И. Лениным по поводу его слов о “чистой” демократии, которые целиком и полностью относятся также к “чистым” в социальном плане государственно-правовым явлениям, институтам и учреждениям. Он писал, что “если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о “чистой демократии”, пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии”. И далее: “Чистая демократия” есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной”¹.

Разумеется, в условиях плюрализма мнений и идеологий можно по-разному воспринимать идеи правового государства, также как и их интерпретацию. Однако одно остается бесспорным. Теория правового государства в целом, как и ее основные положения, всегда отражали общечеловеческие ценности и интересы. Что же касается их интерпретации и применения на практике, то в них неизменно на первый план выступали интересы, взгляды и суждения власть имущих.

§ 2. Основные признаки и черты правового государства

Характеризуя правовое государство, следует иметь в виду, что, несмотря на специфические особенности данного института, оно **оставалось и остается государством.**

Что это означает? Во-первых, оно не отождествляется и не растворяется в обществе или в системе других общественно-политических организаций. А во-вторых, **помимо своих собственных, специфических признаков и черт оно обладает, как и любое иное государство, также общеродовыми признаками и чертами.**

По сравнению, например, с негосударственными организациями государство обладает публичной властью, выступает как официальный представитель не только правящих, но и всех остальных слоев общества.

Правовое государство как особое звено политической системы общества располагает специальным аппаратом управления и принуждения. Последний в данном случае выступает в виде совокупности разнообразных органов и организаций, связанных друг с другом едиными принципами образования и функционирования и активно необходимых для выполнения стоящих перед государством целей и задач. Для его содержания в каждой стране устанавливаются и взимаются налоги, проводятся займы, формируется государственный бюджет.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 37. С. 251.

Далее. Правовое государство в отличие от других, негосударственных организаций — составных частей политической системы общества, располагает разветвленной системой юридических средств. Они дают ему возможность оперативно управлять всеми отраслями рыночной или плановой экономики, оказывать эффективное воздействие на все общественные отношения.

Обладея государственно-властными полномочиями, государственные органы не только издают в рамках своей компетенции соответствующие нормативно-правовые акты, но и обеспечивают их реализацию путем применения мер воспитания, поощрения или убеждения. Государственные органы осуществляют постоянный контроль за их точным соблюдением. Применяют в необходимых случаях меры государственного принуждения.

Из практики общественно-политической жизни СССР было известно, что некоторые общественные организации в лице своих высших органов в отдельных случаях также издавали юридические акты и осуществляли постоянный контроль за их строгим и неуклонным соблюдением. Например, профсоюзы с органами Госгортехнадзора и санитарного надзора осуществляли контроль за деятельностью государственных органов в области социального страхования. Кроме того, они осуществляли контроль за соблюдением на предприятиях и учреждениях техники безопасности, за соблюдением трудового законодательства.

Все общественные организации в лице высших органов обладали, согласно Конституции СССР, правом законодательной инициативы.

Все это говорит о том, что общественные организации, также как и различные государственные органы в СССР, имели, а в некоторых государствах имеют и сейчас в своем распоряжении юридические рычаги воздействия.

Однако в отличие от юридических средств воздействия, находящихся в распоряжении различных государственных органов, последние имеют весьма ограниченный характер. Они возникают у общественных организаций не в силу природы данных объединений, а в силу предварительной или последующей санкции самого государства. Иными словами — в результате наделения государственными органами общественных организаций правом издания юридических актов.

И последнее. Правовое государство, также как и все другие государства, обладает суверенитетом. Как и у каждого государства суверенность государственной власти правового государства заключается в ее верховенстве по отношению ко всем гражданам и образуемым ими негосударственными организациями внутри страны и независимости (самостоятельности) государства вовне, в проведении внешней политики и в построении отношений с другими государствами.

Обладея суверенитетом, правовое государство организует самое себя и устанавливает обязательные для всех правила поведе-

ния. Некоторые государства при этом предусматривают определенные правила поведения и ответственность за их соблюдение не только в отношении отдельных граждан и их организаций, но и в отношении всего общества, народа. В качестве примера можно сослаться на ст. 12 Конституции Японии, в соответствии с которой свободы и права, "гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния".

Названные признаки и черты являются общими как для правовых, так и для неправовых государств. Но каковы особенности первых по сравнению со вторыми? **Чем отличается правовое государство от неправового? Какие признаки и черты характеризуют его?**

Отвечая на данные вопросы, следует выделить прежде всего такую особенность правового государства, как **верховенство закона**. В соответствии с данным признаком или принципом ни один государственный орган, должностное лицо, коллектив, государственная или общественная организация, ни один человек не освобождается от обязанности подчиняться закону. Причем, когда речь идет о верховенстве закона, то он понимается не в расширительном смысле, отождествляясь с правом, а в самом прямом своем значении. А именно — как акт, исходящий от высшего органа государственной власти и обладающий высшей юридической силой.

В настоящее время, как свидетельствует практика, положение таково, что закон во многих государствах, формально будучи основным, главенствующим юридическим актом, на деле же фактически "растворяется" в системе других, подзаконных, а точнее — ведомственных актов. Об этом много говорилось и говорится в научной литературе. Факты подтверждают справедливость данного утверждения.

Так, согласно научным источникам, в СССР с 1936 по 1988 год высшими органами государственной власти было принято всего лишь 79 "чистых" законов. Но в то же время действовали десятки тысяч всякого рода постановлений, решений и распоряжений, принятых исполнительно-распорядительными и иными государственными органами. Только в 1988 году Совет Министров СССР принял 1600 постановлений и дал 2000 распоряжений¹. Как показывает сегодняшняя практика, ситуация в России и в других бывших союзных республиках, а ныне независимых государствах, мало чем отличается от практики нормотворческой деятельности прежнего СССР. По-прежнему подзаконные акты имеют преобладающий вес в системе других нормативно-правовых актов.

¹ Казимирчук В. И. Проблемы формирования социалистического правового государства. М., 1990. С. 17.

Следует особо подчеркнуть, что формирование и существование правового государства в любой стране предполагает установление не только формального, но и **реального господства закона** во всех сферах жизни общества, расширение сферы его прямого, непосредственного воздействия на общественные отношения.

Разумеется, было бы упрощением полагать, что в условиях правового или любого иного государства можно вообще обойтись без подзаконных, ведомственных актов. В особенности это касается процесса реализации конституционных законов и содержащихся в них положений. Можно ли, в частности, обойтись без обычных законов или подзаконных актов в процессе реализации конституционного права на труд, на отдых, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной трудоспособности или же в процессе реализации права на образование? Нет, конечно. Ибо возникающие при этом общественные отношения настолько сложны и многогранны, что для своего упорядочения они объективно требуют не один, даже самый авторитетный фундаментальный, каким является конституционный акт, а систему взаимосвязанных с ним и развивающих содержащиеся в нем требования и предписание актов.

Следовательно, в условиях правового государства речь идет не о том, должны или не должны существовать наряду с законами и подзаконные, ведомственные акты. Существование их неизбежно. Оно обусловлено самой природой и характером регулируемых ими общественных отношений.

Речь идет лишь о том, чтобы эти акты не доминировали в количественном и качественном отношении в общей системе нормативно-правовых актов. А главное, чтобы развивая и детализируя положения, содержащиеся в законах, подзаконные акты не искажали сути и содержания самих законов.

В России и других странах, ставящих своей целью формирование правового государства, удельный вес подзаконных, ведомственных актов вполне возможно и нужно изменить. В противном случае призывы и установки о создании правового государства неизбежно останутся нереализованными.

Среди других черт и особенностей правового государства следует указать на такие, как полная **гарантированность** и незыблемость в условиях его существования **прав и свобод граждан**, а также установление и поддержание **принципа взаимной ответственности гражданина и государства**. Как граждане несут ответственность перед государством, так и государственная власть должна нести ответственность перед гражданами.

Однако всегда ли это имело и имеет место, например, в нашей стране? Гарантировались ли раньше и гарантированы ли в полной мере сейчас права и свободы граждан России? В значительной мере — «да». Гарантированы политически, юридически и, отчасти,

экономически. Хотя и не в отношении всех граждан. Гарантии действовали и действуют в основном в отношении власть имущих.

Вместе с тем определенные гарантии сохранились и в отношении прав и свобод остальных, "рядовых" граждан. В прежнем СССР и в современной России отнюдь не всегда формальной декларацией являлись и являются конституционные положения, закрепляющие равенство граждан перед законом, а также их социально-политические и личные права и свободы. Это становится очевидным особенно тогда, когда речь идет о гарантиях права на труд, на отдых, на получение образования, медицинское обслуживание, пользование достижениями культуры и др.

Данные права в значительной мере гарантировались в СССР. В определенной мере они гарантируются для всех граждан и в современной России.

Так, согласно действующей Конституции России, "в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией" (ст. 17, п. 10). Конституция провозглашает, что "государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств"¹.

В то же время очевидным является и то, что в силу экономических и социальных причин, роста цен и инфляции, усиления бюрократизма и коррупции в управленческом аппарате гарантии прав и свобод граждан России в значительной мере ослабляются. Как раньше, так и теперь рядовой гражданин нередко вынужден выступать в роли ходока по "коридорам власти" и быть просителем даже в тех случаях, когда речь идет об удовлетворении его законных прав и интересов.

Отнюдь не случайно, что во многих средствах массовой информации, научной и популярной литературе и даже в некоторых официальных документах именно на эти уродливые формы и явления общественной жизни, сопровождающиеся нередко диктатом, административным произволом в экономике, социальной и духовной сферах, казенным равнодушием к правам и нуждам людей, пренебрежительным отношением к общественному мнению и социальному опыту масс обращается особое внимание.

Разумеется, при таком положении дел, когда у государства в лице его различных органов и множества чиновников преобладающими являются привилегии и права, у рядовых граждан — преимущественно обязанности, не может быть и речи о реализации принципа взаимной ответственности государства и гражданина. На

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 19.

протяжении всей истории развития России вначале подданные, затем граждане несли и несут различные повинности и ответственность перед государством. Однако ни государство в целом, ни его отдельные органы или чиновники за многие свои деяния, включая самые катастрофические по своим последствиям, фактически никакой ответственности ни перед обществом, ни перед отдельными гражданами не несут.

А как обстоит дело с правами и свободами граждан, а также с реализацией принципа взаимной ответственности гражданина перед государством и государства перед гражданином в других странах? Есть ли реальные или формальные ограничения прав и свобод граждан в этих странах? Всегда ли здесь взаимоотношения государства и гражданина строятся на основе принципа взаимной ответственности сторон?

Отвечая на эти вопросы, следует избегать двух крайностей — представления о западной государственно-правовой жизни только в негативных тонах или же, наоборот, рассмотрения ее исключительно в позитивных, идеализированных тонах. Как правило, истина находится посередине. Согласно теории, принцип взаимной ответственности сторон как фундаментальный принцип правового государства должен неуклонно соблюдаться как гражданами, так и государством. Однако практика дает множество примеров, расходящихся с теорией. В отношениях “государство-гражданин” первое в подавляющем большинстве случаев доминирует над вторым. Здесь нет равного партнерства на практике, как это иногда утверждается в академической литературе или в прессе. А следовательно, нет и равной ответственности их друг перед другом.

Данный характер взаимоотношений государства и гражданина (подданного) иногда косвенно закрепляется в конституциях западных стран. В них, как правило, в **прямой форме** устанавливаются обязанности и ответственность граждан перед государством и избегается даже упоминание об обязанностях и ответственности государства перед гражданами.

Одним из примеров, подтверждающих данное положение, может служить действующая Конституция Италии. В ряде статей этого документа прямо говорится о том, что “все граждане **обязаны** верностью Республике и должны соблюдать ее Конституцию и законы”; “все **обязаны** участвовать в государственных расходах сообразно со своей налоговой платежеспособностью”; “каждый гражданин **обязан** в меру своих возможностей и по личному выбору осуществлять деятельность или выполнять функцию, способствующую материальному и духовному прогрессу общества” и т. д. В Конституции Италии в прямой форме говорится и о других обязанностях и, соответственно, об ответственности граждан. И в то же время в ней ничего подобного не говорится в отношении обязанностей и ответственности государства.

Указывается лишь на то, что Республика признает те или иные права граждан, "содействует развитию культуры, а также научных и технических исследований" (ст. 9), выполняет "задачу" — устранения препятствий" экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию личности и реальному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны" (ст. 3).

Дисбаланс в соблюдении принципа взаимной ответственности государства и гражданина (подданного) несомненно отражается на принципе адекватного соотношения их прав и свобод. Следует заметить, что в литературе последних лет наблюдается ничем не оправданная идеализация состояния прав и свобод на Западе. Доперестроечное отрицание реальных прав и свобод граждан западных государств (одна крайность) сменилось постперестроечной эйфорией, связанной с их идеализацией, а точнее — абсолютизацией (другая крайность).

При этом не учитывается тот факт, что провозглашаемые права и свободы очень часто (прямо или косвенно) ограничиваются в этих странах не только в процессе их реализации, но и в процессе их законодательного закрепления, формально-юридически.

Так, например, Конституция Швеции (1974 г.) не только провозглашает довольно широкий круг прав и свобод граждан, в том числе свободу высказываний и информации, свободу союзов, собраний и демонстраций, но одновременно устанавливает и их ограничения. В частности, со ссылками на "интересы государственной безопасности, экономики, общественного порядка и безопасности", а также "достоинства личности, святости частной жизни и предупреждения преступлений" конституционному ограничению подлежат свобода высказываний и свобода информации (§ 13). Под предлогом возможного нарушения "порядка и безопасности на собраниях и демонстрациях", а также нарушения "интересов уличного движения и противодействия эпидемиям" могут ограничиваться в соответствии с Конституцией свобода собраний и демонстраций (§ 14). Подлежит ограничению свобода союзов, "деятельность которых носит военный или аналогичный характер" (§ 14).

Важной особенностью правового государства является реализация принципа разделения властей. В чем суть этого принципа?

Разделение властей — это принцип или теория, исходящая из того, что для обеспечения процесса нормального функционирования государства в нем должны существовать относительно независимые друг от друга власти. Это — законодательная, исполнительная и судебная власти. Законодательная власть должна принадлежать парламенту, исполнительная — правительству. И судебная — суду.

Суть этой теории в том, чтобы не допустить сосредоточения власти в руках одного лица или небольшой группы лиц. И тем са-

мым предотвратить возможность ее использования одними классами или группами людей во вред другим.

Следует заметить, что теория разделения властей является далеко не новым порождением общественно-политической мысли. Первые ростки этой теории появились уже на начальных стадиях развития государственного механизма. Так, еще древнегреческий историк Полибий (200—120 гг. до н. э.) восхищался той системой распределения власти между различными государственными органами, которая существовала в республиканском Риме. Власть в этом государстве, писал он, поделена таким образом, чтобы ни одна из ее составных частей не перевешивала бы другую. “Дабы таким образом государство неизменно пребывало в состоянии равномерного колебания и равновесия, наподобие идущего против ветра корабля”.

Значительное развитие теория разделения властей получила в средние века. Особо выделяются, как уже было отмечено раньше, взгляды на государство и право английского философа-материалиста Дж. Локка и французского философа-просветителя Ш. Монтескье.

Стремясь предотвратить узурпацию власти одним лицом или группой лиц, Дж. Локк разрабатывает принципы взаимосвязи и взаимодействия ее отдельных частей. Приоритет остается за законодательной властью в механизме разделения властей. Она верховна в стране, но не абсолютна. Остальные власти занимают по отношению к ней подчиненное положение. Однако они не пассивны по отношению к ней и оказывают на нее активное воздействие.

Обязательным условием нормального функционирования властей Дж. Локк рассматривал законность. Он считал, что нет таких идеальных государств, которые бы были полностью гарантированы от опасности перерождения в тиранию, где строгое следование праву не превратилось бы в “осуществление власти помимо права”.

Для предотвращения этого Дж. Локк наделяет угнетенный народ правом и возможностью “воззвать к небесам”. Это означает, что допускается возможность применения народом силы против “несправедливой и незаконной силы”. Суверенитет народа ставится гораздо выше суверенитета государства.

В широко известной работе “О духе законов” Ш. Монтескье доводит до логического завершения теорию разделения властей. Особое значение он придает системе взаимных сдержек и противовесов властей. Ш. Монтескье справедливо полагал, что для того, чтобы создать стабильный механизм государственного управления, надо научиться “комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить в действие, подбавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла уравновешивать другую”. Это такой шедевр законодательства, заключал Монтескье, который “редко удается выполнить случаю и который редко позволяют выполнить благоразумию”.

Идеи теории разделения властей оказали огромное революционизирующее воздействие на умы людей, их политическое мировоззрение. Они были отражены, например, уже в Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1789 г. Национальным Собранием Франции. В этом документе провозглашалось: "Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции".

В дореволюционной (1917 г.)¹ и послереволюционной России теория разделения властей воспринималась в основном в критическом плане. Преобладали суждения, согласно которым государственная власть едина и неделима, и что она принадлежит народу. Согласно ст. 2 Конституции СССР считалось, например, что "народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов".

В советской политико-правовой теории и практике вместе с тем последовательно отстаивался тезис о необходимости разделения функций между различными государственными органами, с одной стороны, и партийными органами и организациями, с другой. В практической жизни эти требования, однако, далеко не всегда осуществлялись.

С начала так называемой перестройки в 1985 г., приведшей в конечном счете к развалу СССР, отношение официальных кругов к теории разделения властей, как и к концепции правового государства, существенно изменилось. Вместо прежних идеологических штампов типа "общенародное государство", "развитой социализм", "власть всего народа" и пр. на вооружение были взяты аналогичные, не имеющие сейчас у нас в стране своего реального содержания постулаты наподобие "правового государства", "разделения властей", "политического плюрализма", "социального государства" и т. д.

В сфере теории государства и права произошла довольно значительная смена политических и идеологических ориентиров. Однако в практической политико-правовой жизни, касающейся правового государства и принципа разделения властей, за последние годы не произошло каких-либо существенных изменений. Наличие их без сомнения свидетельствовало бы о движении государства и общества по пути не декларированной, а реальной для всех граждан Российской Федерации демократии.

В числе важнейших признаков и черт правового государства выступает не только создание, но и поддержание в обществе **режима демократии, законности и конституционности**, предотвращение попыток узурпации власти, сосредоточения ее в одних или нескольких руках.

¹ Котляревский С. А. Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915.

Известно уже по опыту веков, писал по этому поводу Ш. Монтескье, что "всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела. А в пределе — кто бы это мог подумать! — нуждается и сама добродетель". Чтобы не было злоупотребления властью, делает вывод мыслитель, "необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга".

Наряду с этим в правовом государстве (как один из главных признаков его существования) должно быть достигнуто **реальное обеспечение прав и свобод рядовых граждан**. Должен быть создан механизм их полной гарантированности и всесторонней защищенности; последовательно проводится в жизнь принцип оптимального сочетания прав и свобод граждан с их конституционными обязанностями.

Кроме названных есть и другие признаки и черты, характеризующие правовое государство и принципиально отличающие его от неправового государства. Их достаточно много, и они весьма разнообразны. В своей совокупности они дают общее представление о том, что есть правовое государство и что не является таковым, каковы его сущность, содержание, основные цели его создания и назначение. Наконец, каковы условия его формирования и функционирования.

Последнее является принципиально важным особенно для современной России, равно как и для других стран, ставящих перед собой задачу формирования правового государства на базе существующих государственных структур. Ибо, если в стране нет реальных — объективных и субъективных условий для создания, а затем — нормального функционирования правового государства, то не может быть и речи об успешном решении данной проблемы.

Что же представляют собой эти условия или предпосылки? С чем они связаны? Прежде всего они ассоциируются с необходимостью достижения **высокого уровня политического и правового сознания людей**, с выработкой у них необходимой для активного участия в политической и общественной жизни общечеловеческой культуры.

Актуальными еще и поныне являются слова В. И. Ленина, сказанные вскоре после революции, о том, что для участия масс в решении государственных и общественных дел "кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей природе органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы".

Принципиально важными предпосылками создания правового государства в нашей стране являются также: выработка у широких слоев трудящихся масс навыков, потребности и достаточно

высокого уровня компетентности для сознательного участия их в управлении государственными и общественными делами. Наличие в обществе прочного правопорядка, незыблемой законности и конституционности. Утверждение принципа плюрализма мнений и суждений во всех сферах жизни общества и государства. Развитие системы самоуправления народа в центре и на местах. Последовательное расширение и углубление в сфере экономики, политики, культуры, науки, в социальной сфере жизни общества принципов реальной демократии.

Важными условиями и предпосылками формирования правового государства в Российской Федерации является также создание **внутренне единого, непротиворечивого законодательства**. Существующие ныне противоречия в правовой системе, возникающая время от времени борьба федеральных законов и законодательных актов, издаваемых на местах, не только не приближают страну к правовому государству, но, наоборот, еще больше отдаляют.

Она разрушительно сказывается на экономике, обществе и самом государстве. Пренебрежительное отношение к федеральным законам автоматически порождает такое же отношение и к местным актам, ведет к трагическим последствиям для многих миллионов людей.

Современная жизнь дает множество тому весьма печальных примеров. В том числе примеров, связанных с разрушением единого государственного пространства СССР, с возникновением международных и региональных конфликтов, территориальных, имущественных и иных споров, с бесчисленными страданиями и гибелью втянутых в политические и другие конфликты невинных людей.

Аксиоматичным, не подлежащим никакому сомнению является тот факт, что законы, пока они действуют в интересах всех слоев и классов общества, жизненно важно — соблюдать, а не нарушать. Добиваться в случае их устарелости явного или кажущегося консерватизма и отсталости от жизни, их немедленной отмены конституционным путем, а не переступать их границ и не разрушать тем самым регулируемые ими хозяйственные, социальные, культурные, политические и иные связи между различными институтами и людьми.

Эта простая и всем доступная истина была известна еще в Древней Греции более двух тысячелетий назад. "Повинуйся законам" — таков был призыв известного философа и правоведа Хилона, автора знаменитого афоризма "Познай самого себя". Слушайся законов больше, чем ораторов, — таково было кредо этого мыслителя, понимавшего, что беззаконие ведет к общественному распаду и упадку.

Строгое соблюдение законов считалось высокой добродетелью, согласно учению древнегреческого мыслителя, политического деятеля и знаменитого математика Пифагора (580—500 гг. до н. э.).

Таким же образом оценивалось законопослушание и его последователями-пифагорийцами.

Наихудшим для всех злом пифагорийцы считали беззаконие, безвластие, анархию. Отвергая их, пифагорийцы считали, что человек по своей природе не может обойтись без надлежащего руководства и воспитания.

“Цари и правители не те, — говорил по этому поводу известный древнегреческий философ Сократ (469—399 гг. до н. э.), — которые носят скипетры, не те, которые избраны известными вельможами, и не те, которые достигли власти посредством жребия или насилием, обманом, но те, которые умеют править”. Разумеется, с помощью закона, а не насилия.

Среди существенных условий и предпосылок успешного формирования и функционирования правового государства следует назвать наличие в стране гражданского общества. В отечественной и зарубежной литературе существует довольно много не совпадающих друг с другом представлений о понятии гражданского общества и о характере его соотношения с государством. Нередко, например, гражданское общество понимается как система противостоящих государству и “конкурирующих между собой взглядов, интересов и воззрений отдельных социальных групп и индивидов”, как комплекс различных общественных объединений и движений, связанных между собой личными и общественными интересами, “экономическими взаимозависимостями”, а также правовыми и неправовыми правилами и обычаями.

Среди составных частей гражданского общества при этом выделяются прежде всего такие ассоциации, как клубы, университеты, церкви, семья, объединения бизнесменов и др. Все имеют относительную самостоятельность по отношению друг к другу, а также независимость от государства. Согласно сложившимся воззрениям “царство гражданского общества” исключает какие бы то ни было политические связи и отношения, а также “институты государства”.

Иными словами, гражданское общество выступает в качестве своего рода антитезы, противовеса государству. Соотносясь подобным образом с государством, гражданское общество в лице различных социальных групп, классов и прослоек, организованных в специальные институты и объединения, имеет своим главным назначением не только внимательно наблюдать за действиями государства с тем, чтобы они не выходили за рамки законности и конституционности. Но одновременно оно призвано принимать все дозволенные законом меры для того, чтобы заставить государство и его органы, в случае нарушения ими действующих правовых актов, вернуться на стезю закона.

Гражданское общество, таким образом, рассматривается не только как гарант последовательного и непрерывного развития цивилизации, но и как важнейшее условие, гарант существования и развития самого правового демократического государства.

§ 3. Конституционный Суд в политической системе общества

Вопрос о месте и роли Конституционного Суда в политической системе общества, о характере его деятельности, равно как и вопрос о соотношении его “чисто” юридической и политической активности является далеко не новым, а тем более далеко не оригинальным вопросом для зарубежной государственно-правовой теории и практики. Он возник сразу же с возникновением первого Конституционного Суда. Многие споры продолжаются и поныне.

Однако проблема вовлеченности Конституционного Суда в политический процесс, характера его деятельности и степени его связанности “политической линией” и политическими решениями является довольно новой и мало изученной в отечественной политико-правовой теории и практике. Причина этого весьма прозаична — традиционное отсутствие в системе отечественного государственного механизма Конституционного Суда или ему подобных органов.

Что собой представляет Конституционный Суд? Каковы его функции и назначение? Каково его место в политической системе?

Строго говоря, детальные ответы на эти и им подобные вопросы относятся к области конституционного права. В рамках же теории государства и права рассмотрим лишь общетеоретические, весьма важные для глубокого понимания природы и назначения данного института вопросы.

Следует отметить прежде всего, что в политической системе общества Конституционный Суд существует не сам по себе, вне государства или наряду с ним. Он составляет хотя и относительно самостоятельную (по крайней мере — теоретически), но вместе с тем неотъемлемую часть государственного механизма.

В научной литературе и законодательстве разных стран Конституционный Суд определяется **неодинаково**. Однако, везде он рассматривается как один из наиболее важных органов судебной власти, **как важнейшее средство обеспечения верховенства Конституции**. Во всех политических системах, где он существует, Конституционный Суд считается **высшим органом конституционного надзора и контроля**.

С созданием Конституционного Суда в каждой политической системе связываются надежды на то, что он послужит укреплению конституционного строя в стране, формированию и развитию правового государства, утверждению начал законности в правотворчестве и правоприменении. Так, формулируя основные цели и задачи созданного в 1991 г. Конституционного Суда в России, закон о Конституционном Суде РФ закрепляет, что в целях охраны суверенитета народов России, защиты конституционного строя, основных прав и свобод человека, признанных Конституцией РФ прав и законных интересов граждан и юридических лиц, поддержания вер-

ховенства и непосредственного действия Конституции России на всей территории Российской Федерации Конституционный Суд устанавливает соответствие Основному Закону РФ международных договоров, законодательства России и субъектов Российской Федерации, а также практики применения законодательства России. Кроме того, законодательством устанавливается, что всей своей деятельностью Конституционный Суд России "способствует утверждению законности, укреплению правопорядка, воспитанию в гражданах уважения к Основному Закону своей Республики".

Аналогичные цели и задачи ставятся перед конституционными судами и других стран. Конституция США, например, провозглашая, что вся судебная власть в стране "осуществляется Верховным Судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом", специально разъясняет, что "судебная власть распространяется на все дела, решаемые по закону и праву справедливости, возникающие на основе настоящей Конституции, законов Соединенных Штатов" и заключаемых ими международных договоров. Кроме того, она распространяется "на все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов; на все дела адмиралтейства и другие морские дела; на все споры, в которых Соединенные Штаты являются стороной; на все споры между двумя и более штатами, между штатом и гражданами другого штата, между гражданами различных штатов, между гражданами одного штата по искам о землях, полученных в дар от различных штатов, а также между штатом или его гражданами и иностранными государствами, гражданами или подданными".

Как на практике осуществляется судебная власть? Конституция и Закон Российской Федерации о Конституционном Суде на это отвечают следующим образом. Конституционный Суд России осуществляет судебную власть путем: рассмотрения в заседаниях дел о конституционности международных договоров и нормативных актов; рассмотрения в заседаниях дел о конституционности правоприменительной практики и дачи заключений в установленных законом случаях. Сходным по существу путем осуществляется судебная власть конституционными судами и других стран.

Так, Конституционный Суд Испании, согласно законодательству страны, осуществляет свою власть путем рассмотрения в судебных заседаниях "заявлений о неконституционности законов и нормативных актов, имеющих силу закона"; принятия "постановлений о защите прав в связи с нарушением прав и свобод"; разрешения "споров о разграничении компетенции полномочий между государством и Региональными автономными объединениями или между самими Региональными автономными объединениями"; решения "других вопросов, предусматриваемых Конституцией и органическими законами"¹.

¹ Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С. 91—92.

Какова природа и характер деятельности Конституционного Суда? Является ли Конституционный Суд политическим институтом или же “чисто” юридическим, неполитическим институтом?

Отвечая на данные и им подобные вопросы, следует еще раз напомнить, что Конституционный Суд России — совсем новый и очень хрупкий, до конца еще не сложившийся институт. На его счету, как известно, пока не так много рассмотренных дел. Поэтому о нем, о характере его деятельности можно говорить сейчас скорее гипотетически, предположительно, нежели практически. Разумеется, широко используя при этом соответствующий зарубежный материал.

О чем говорит официальная теория и о чем свидетельствует многолетняя зарубежная практика? На что указывает весьма значительный в этом деле опыт Запада? На многое. Однако, не на все.

Анализ теории и практики деятельности конституционных судов Австрии, ФРГ, Верховного Суда США и ряда других западных стран дает противоречивые результаты. Официальная теория говорит об одном. В то же время повседневная практика зачастую свидетельствует об обратном. Теория всячески старается оградить Конституционный Суд от политических коллизий и споров и представить суд как “чисто” юридический институт. Тогда как конституционная практика своими многочисленными примерами постоянно наталкивает на мысль, что суд зачастую выступает не только и даже не столько как юридический, сколько как политический институт. Аналогично обстоит дело и в России.

Каковы аргументы теории? В чем заключается их суть? Если отвечать кратко, то суть их состоит в следующем: в обосновании тезиса — суд должен быть вне политики и над политикой и в конституционно-правовом закреплении “неполитического характера деятельности” Конституционного Суда.

Тезис — суд вне политики и над политикой призван “юридизировать” судебную практику. Имеет своей целью показать и доказать, что Конституционный Суд — это не “рядовой”, политизированный государственный институт. Что это особое, стоящее высоко над повседневной политической суетой государственное учреждение.

В некоторых странах, в развитие данного тезиса, разработаны даже специальные концепции или доктрины. В США, например, таковой является широко распространенная доктрина “политического вопроса”. Основной смысл ее сводится к тому, что американские федеральные суды, будучи по своей природе “судами права”, могут принимать к своему рассмотрению лишь те дела, в которых содержится “спор о праве”. Дела же, содержащие в себе “политический конфликт”, относятся к ведению политических органов. И решаются они не юридическими, точнее — судебными, а политическими средствами.

Не касаясь других сторон доктрины “политического вопроса”, следует по достоинству оценить такую постановку вопроса, когда каждый орган, каждая ветвь власти профессионально занимается только своим делом. В пределах установленной для нее компетенции, используя свойственные ей методы и средства, рассматривает возникающие только в сфере ее деятельности споры и решает свои собственные проблемы.

Подобная позиция была выработана на протяжении двух столетий самими американскими судами и позволяла во многих случаях Верховному Суду США избежать втягивания себя в рассмотрение нескончаемых споров по политическим вопросам. Она позволяла также Верховному Суду длительное время сохранять свое независимое, “надполитическое” положение, благопристойное лицо.

Можно сказать, что американский суд сам, по мере накопления опыта рассмотрения конституционных конфликтов и интерпретации Конституции, пришел к выводу о необходимости выработки защитных средств судебной деятельности от проникновения в нее элементов “чистой” политики и политиканства. К выработке аналогичных мер защиты постепенно приходят конституционные суды других стран¹. К этому же со временем придет по мере укрепления своих позиций и Конституционный Суд России.

Сама логика развития общественно-политических и идеологических явлений в нашей стране, логика становления и укрепления судебной ветви государственной власти приводят Конституционный Суд России к неизбежному выводу о необходимости выработки дополнительных средств защиты своей “чисто” судебной деятельности от губительного влияния на нее других видов и в первую очередь политической и идеологической деятельности. В противном случае конституционный, также как и любой иной, суд со временем превратится в безликое, серое, самое обыденное государственное учреждение, в придаток политики, а еще хуже — очередных “выдающихся” для каждого нового этапа российской и зарубежной истории политиков.

Используя американский опыт, следует иметь в виду, что он имеет свои исторические и национальные особенности, свои плюсы и минусы. Один из трудно преодолимых минусов состоит в том, что доктрина “политического вопроса” безупречна лишь в теории. Но ее трудно назвать таковой, особенно после Второй мировой войны.

Речь идет не только о судебно-политических гонениях на Компартию США и на коммунистов в 50-е годы. Или о маккартизме. Аналогичные явления имели место не только в США, но и в ФРГ, а также во многих других промышленно развитых западных странах. Это имело место. И конституционные суды этих стран показали, на что они способны. В большинстве своем они сыграли роль политической дубинки в руках господствующих кругов.

¹ Woodhouse D. Politicians and the Judges: A Conflict of interest // “Parliamentary Affairs”. 1996. № 3. P. 423—440.

Имеется в виду и более поздний опыт отступления Верховного Суда от своих исторически выработанных политических канонов, а точнее — табу. Доктрина “политического вопроса” стала давать особенно заметные сбои и пробуксовывать в 70-е и во все последующие годы. Верховный Суд США, в силу целого ряда объективных причин, начал активно вмешиваться во внутривнутриполитический процесс, принимая к своему рассмотрению дела, содержащие внутривнутрипартийные и иные подобные споры.

Означает ли это, что Верховный Суд как интерпретатор Конституции и как государственный орган утратил свою самостоятельность и превратился в придаток других государственных органов? Нет. Сказать так — значило бы грешить против истины. Не стал от этого он и “чисто” политическим или “надполитическим” институтом.

Он как был, так и остался по своей природе и характеру деятельности ничем иным, как политико-юридическим органом. Имея достаточно для самостоятельной деятельности сил, он стал лишь более активным в выработке и отстаивании своих собственных взглядов и суждений, в утверждении и отстаивании в общественном сознании своего собственного мнения не только по юридическим, но и по политическим вопросам.

Не случайно поэтому еще в 60—70-е годы американские эксперты — специалисты в области теории государства и права и конституционного права обращали внимание именно на эту тенденцию — усиления власти и влияния Верховного Суда США. Еще тогда многими из них, на основе обобщения судебной практики, делались выводы, согласно которым “политический вопрос” состоит не в том, делает ли Верховный Суд политику или не делает. Вся суть вопроса в том, при каких обстоятельствах и с каким успехом он это делает.

Разумеется, по мере осуществления своей деятельности и учета мирового опыта конституционного развития с аналогичными дилеммами на практике в весьма недалеком будущем столкнется и Конституционный Суд России. Все предпосылки для этого имеются.

Об этом свидетельствует, например, решение Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности Указа Президента России от 19 декабря 1991 г. “Об образовании МБВД”. Указ признан неконституционным. Об этом же говорит рассмотрение Судом в 1992 году заявления группы народных депутатов, требующих признания не соответствующими Конституции указов Президента России о запрете Компартии и имуществе КПСС. Есть и другие примеры.

Безусловно, аналогичные, находящиеся на грани права и политики ситуации будут многократно складываться вокруг Конституционного Суда и в будущем. Они естественны для такого органа, как Конституционный Суд. Их не следует драматизировать, как это иногда делается в СМИ и академической литературе. Следует

воспринимать лишь как должное, что хождение по канату, балансирование между политическими и правовыми реалиями — это довольно обычная и неизбежная участь фактически любого конституционного суда.

Что же говорит законодательство относительно характера деятельности Конституционного Суда? На чем оно акцентирует прежде всего внимание?

Анализ зарубежного и отечественного законодательства свидетельствует, что акцент ставят, как правило, в первую очередь на неполитическом характере деятельности Конституционного Суда.

В одних случаях это достигается просто указанием на то, что члены Конституционного Суда не могут быть членами каких бы то ни было политических объединений или занимать какие-либо политические посты. Действующая Конституция Испании устанавливает, например, что "обязанности члена Конституционного Суда несовместимы: с любыми представительными мандатами, с политическими и административными постами; с выполнением руководящих функций в какой-либо политической партии или профсоюзе и нахождения у них на службе..." (ст. 159, п. 4).

В других случаях это достигается путем одновременного указания на недопустимость участия членов Конституционного Суда в политических объединениях и акцентировании внимания на неполитическом характере принимаемых Судом решений. Типичным примером может служить законодательство Италии. В нем, наряду с декларацией о том, что "судьи Конституционного Суда не могут участвовать в деятельности общественных объединений и политических партий", закрепляется, в частности, положение о том, что "контроль законности, осуществляемый Конституционным Судом в отношении закона или акта, обладающего силой закона, исключает какие-либо оценки политического характера и какой-либо контроль за дискредитационной властью Парламента".

В третьих же случаях, как это имеет место в российском законодательстве, акцентирование внимания на неполитическом характере деятельности Конституционного Суда достигается более сложным путем. А именно — путем одновременного указания на то, что: а) Конституционный Суд Российской Федерации и его судьи не могут быть представителями каких бы то ни было государственных или общественных органов, политических партий и движений; б) решения Конституционного Суда России должны выражать правовую позицию судей, свободную от соображений политической целесообразности и политических склонностей; в) Конституционный Суд Российской Федерации не должен рассматривать политические вопросы.

Сравнивая законодательство разных государств, не трудно видеть, что российский законодатель гораздо больше, чем любой иной позаботился о том, чтобы оградить "свой" Конституционный

Суд от политики и представить его как институт, стоящий вне политики.

Однако, не в законодательных актах дело. Оно заключается не только и даже не столько в законодательных провозглашениях, в теории, сколько в складывающейся конституционно-правовой практике.

Из отечественного опыта, а также из опыта конституционно-правового развития других стран хорошо известно, что нередко теория говорит об одном, а практика поступает совсем по-другому, что имеет место **значительное расхождение конституционно-правовой теории и практики.**

Каковы "аргументы" последней? Что, исходя из западного опыта деятельности Конституционного Суда, свидетельствует (а в случае с российским судом может свидетельствовать) о политико-юридическом, а не о "чисто" юридическом характере деятельности этого института? Многое.

Западные и отечественные исследователи традиционно указывают на следующие обстоятельства.

Первое. На само положение Конституционного Суда в системе других государственных органов. Вполне оправданно считается, что Суд как носитель одной из ветвей государственной власти судебной не может не быть политическим институтом, поскольку государственная власть в любой стране — явление сугубо политическое.

Второе. На политизированный характер полномочий Конституционного Суда при рассмотрении значительного числа спорных вопросов. В самом деле, можно ли с полной уверенностью сказать, например, что полномочия Конституционного Суда Италии при рассмотрении споров "о компетенции между различными властями государства" являются неполитическими? Или — полномочия Конституционного Суда Испании при решении споров "о разграничении компетенции полномочий между государством и Региональными автономными объединениями или между самими Региональными автономными объединениями"? Нет, конечно.

Разумеется, Конституционный Суд любой страны, согласно законодательным актам, "устанавливает и решает только вопросы права". Иного указания в Законе о Конституционном Суде и быть не может. Иначе многое в таком случае не "согласуется" в официальной политической и правовой идеологии. Например, в России невозможно будет выстраивать очередную теорию, теперь уже — правового государства вместо прежних — государства диктатуры пролетариата и общенародного государства, если все носители государственной власти, включая Конституционный Суд, будут открыто признаваться не правовыми, а политико-правовыми, какие они и есть на самом деле, или тем более — политическими институтами.

Третье. На политический характер большинства предметов спора, с которыми имеет дело во многих странах Конституционный

Суд, а также на политический характер целей, которые ставятся перед Конституционным Судом.

Можно по-разному относиться, например, к официальным трактовкам характера действий Конституционного Суда ФРГ, согласно которым его активность признается неполитической. В силу этого Основной закон этой страны особо акцентирует внимание на рассмотрении Конституционным Судом таких сугубо юридических дел, какими являются, в частности, дела по иску "о конституционности, который может быть внесен любым лицом, считающим себя ущемленным государственной властью в одном из своих основных прав..." (абз. 4-а ст. 93)¹.

Однако при этом одно остается бесспорным. А именно, что характер таких дел, составляющих предмет рассмотрения Конституционного Суда, как о толковании Основного закона государства "по спорам об объеме прав и обязанностей верховного федерального органа или другой заинтересованной стороны", о "расхождении мнений" по вопросам прав и обязанностей Федерации и земель и других, несомненно, является если не преимущественно политическим, то, по крайней мере, политико-юридическим (абз. 1, 2, 4 ст. 93)².

По Федеральному конституционному закону "О Конституционном Суде Российской Федерации" к их числу относятся: разрешение споров о компетенции между федеральными органами государственной власти и между органами РФ и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации. По жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов Конституционный Суд проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле.

Кроме того, на Конституционный Суд России возлагаются задачи давать толкование Конституции Российской Федерации и давать заключение "о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершение иного тяжкого преступления"³.

Бесспорно, что названные цели и задачи носят не только юридический, но и политический характер.

Четвертое. Наконец, следует обратить внимание на то, что оспаривая чисто юридический характер деятельности Конституционного Суда, западные исследователи не без оснований указывают и на такой, как **политические взгляды и преференции самих судей.**

¹ Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 206—207.

² Там же. С. 206.

³ Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" от 21 июля 1994 г. Пункты 4—5 ст. 3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1.

С формальной точки зрения судью можно заставить быть вне политических институтов и процессов. Но было бы утопичным практически заставить его отказываться от политических взглядов и "политических склонностей", как это иногда предлагается в литературе. Каждый человек, независимо от того, какое место в социальной иерархии он занимает и каким статусом обладает, всегда имеет свои определенные политические взгляды, представления, свои политические ценности. Имея их, он всегда, во всех случаях жизни ими руководствуется. И это естественно. Иное дело (и это касается в первую очередь членов Конституционного Суда) стремиться быть выше своих собственных политических амбиций и пристрастий при рассмотрении политических и иных социальнозначимых дел.

Безусловно, правы исследователи, которые утверждают, что "судьи не монахи и не ученые, а участники живого политического процесса" и что с прагматической точки зрения они являются не сторонними наблюдателями, а реальными творцами своей национальной политики.

Такая оценка деятельности членов высших судебных инстанций применима, как представляется, для всех без исключения государств, в механизме которых функционирует Конституционный Суд.

Глава XVI. Государство и этнос

§ 1. Необходимость исследования роли этносов в развитии современных государств

Познание особенностей, форм реализации, отличительных признаков, функций современных государств исследователи в значительной степени связывают с явлениями, с которыми определенным образом взаимосвязано государство, на которые оно воздействует либо само испытывает с их стороны воздействие. К таким явлениям относятся общество, политическая система, экономическая система, культура, природа и др.

Такой подход к исследованию государства вполне оправдан, ибо он позволяет познать большее количество граней жизнедеятельности государства и, соответственно, с большей степенью вероятности прогнозировать его развитие, осуществлять более качественное воздействие на те или иные явления для достижения общественно полезных результатов.

К явлениям, оказывающим все возрастающее воздействие на деятельность государства и, следовательно, требующим всестороннего исследования, относится этнос.

В современном мире наблюдается значительное возрастание роли этнических факторов в социально-экономических, политических, демографических и других внутренних, региональных и мировых процессах. Не будет преувеличением сказать, что современный мир переживает своеобразный "этнический ренессанс".

Процесс жизнедеятельности современных народов и государств характеризуется тем, что на него влияют две противоположные тенденции: экономико-политической интеграции и этнической дифференциации, обеспечивающие гармоничное развитие мира лишь при их относительном равновесии. Диктуемая научно-технической революцией, ходом мирового процесса в целом, ведущая к разрушению национальных перегородок и интернационализации общественной жизни тенденция экономико-политической интеграции постоянно переплетается со встречной тенденцией — этнической дифференциации, развития этнических общностей, роста национального самопознания, а нередко и обострения межэтнических противоречий.

Тенденцию экономико-политической интеграции стимулируют два основных фактора — экономика и научно-технический прогресс. Нити взаимных связей пронизывают весь мир, все направления жизнедеятельности мирового сообщества. На основе прогрессирующей взаимозависимости всемирное хозяйство как система все явственней приобретает черты целостности. Экономическую основу

этой системы заложили транснациональные корпорации (ТНК). Показатель этого — динамика их роста. С 1982 по 1992 год годовой оборот только 200 крупнейших из них вырос с 3000 до 59000 млрд. долл. США, а их доля в общественном валовом национальном продукте достигла 27 процентов. Это примерно столько, сколько в год производит США. ТНК, по сути, образуют главное содержание того, что стали называть “мировым порядком”.

Аналогичные процессы идут и на других направлениях жизнедеятельности мирового сообщества. Возрастает значение и влияние мировых и региональных структур, осуществляющих координацию социально-экономических, политических и других процессов.

Все эти процессы показывают, что тенденция экономико-политической интеграции приводит современные народы и государства к все большему сближению на многих уровнях. Однако это единение протекает, с одной стороны, на экономико-политическом уровне и практически без учета этнических особенностей народов и государств, а с другой — под лозунгами преимущества индивидуализма, либерализма, равенства прав и свобод человека, демократии, конституционализма, верховенства закона и др., и создания всемирной цивилизации, основанной на общечеловеческих ценностях, под которыми подразумеваются ценности западной цивилизации. Такая особенность единения — Запад и весь остальной мир — таит в себе большую опасность, может привести к непримиримому противостоянию различных этносов и сыграть самую непредсказуемую роль в общечеловеческой истории.

Тенденция *этнической дифференциации* является результатом проявления, с одной стороны, общих закономерностей процесса возникновения, развития и распада этносов (основной и определяющий фактор), а с другой — научно-технического прогресса (дополнительный фактор).

Этносу, как и любому другому явлению, присущи определенные признаки, которые отличают его от других явлений. На всех этапах существования — возникновения, развития, распада — каждый этнос взаимодействует с окружающим миром определенным, лишь ему присущим образом. Это взаимодействие определяется признаками, особенностями этноса. Возникнув, этнос занимает определенный, наиболее приемлемый для его жизнедеятельности ландшафт (экологическую нишу), вырабатывает свою систему правил поведения. Постепенно складываются его обычаи, язык, культура, религия и другие, характеризующие его признаки и особенности. Все эти особенности и предопределяют в основном и целом этническую дифференциацию.

Научно-технический прогресс изменяет, нередко и разрушает экологические ниши, занимаемые этносами, что оказывает дополнительное воздействие на процесс жизнедеятельности этноса.

Исследование тенденции этнической дифференциации показывает, что состояние существующих этносов, этнокультурный облик мира в целом, отдельных государств и регионов становятся такими проблемами, без решения которых развитие современного мира заходит в тупик. Эволюция этносов, их возникновение и распад относятся к числу самых глубинных процессов, определяющих прогресс человечества и, возможно, сам факт его существования. Люди, их социальные институты не могут по своей воле распоряжаться этими процессами, но могут и должны, внимательно изучая присущие им свойства и связь с социально-экономическими, политическими, демографическими, иными общественными процессами, разумно использовать присущие им закономерности при прогнозировании тех или иных целей общественного развития.

Учитывая, что государство играет все возрастающую роль при достижении тех или иных общественных целей, исследование процесса соотношения этноса и государства приобретает особую актуальность.

§ 2. Понятие и эволюция этноса

Исследование процесса соотношения этноса и государства необходимо начать с определения понятия "этнос" и выявления механизма его эволюции. Первое позволит избежать многозначности понимания этого термина, а второе — выявить на разных этапах развития этноса особенности его соотношения с государством.

Термин "этнос" ввел в международный научный обиход в 1921 году русский ученый С. М. Широкогоров в качестве собирательного термина для обозначения этнических общностей.

В научной литературе сложились два основных подхода в определении этноса. Первый состоит в том, что этнос — это исторически возникшая общность (форма социальной группировки) людей, которая обладает общностью территории, языка, культуры, религии, другими общими признаками. Сторонники данного подхода исходят из того, что этнос явление социальное, ибо он не существует вне собственных социальных институтов различных уровней — от семьи до общества. Следовательно, этнос подчинен законам развития общества и потому не имеет собственных закономерностей. Социальное в широком значении, утверждают они, включает в себя и этническое. Значит, этносы представляют собой социальные институты¹.

Согласно второму подходу, этнос — это устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплементарности, и отличающийся своеобразным стерео-

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

типом поведения, который закономерно меняется в историческом времени. Сторонники этого подхода исходят из того, что этнос явление биологическое (природное), не просто совокупность признаков, а система, являющаяся связующим звеном, "мостом" между социальным и биологическим, явлением, в котором биологические признаки играют определяющую роль¹.

В соответствии с этим сторонники каждого подхода имеют свое видение процесса эволюции этносов, их структуры, места и роли в человеческой истории и, соответственно, их соотношения с государством.

В современном мире насчитывается более двух тысяч этнических общностей. Их количество продолжает изменяться. Одни этносы возникают, другие распадаются и исчезают. Естественно, проследить процесс эволюции исследуемого этноса, его структуру, место и роль в окружающем мире, соотношение с государством — задача нелегкая. В целях облегчения ее решения этносы обычно классифицируют по определенным критериям, что позволяет выявить общие признаки и создать тем самым своеобразную "матрицу", которую можно "наложить" на отдельно взятый этнос и, следовательно, с большей точностью проследить эволюцию последнего.

Существуют разные критерии классификации этносов. Сторонники первого подхода классифицируют этносы по их основным признакам (языку, территории, культуре, религии и т. п.) и особенностям (социально-классовой структуре, численности и т. п.) либо по совокупности признаков и особенностей, а сторонники второго подхода — по стереотипу поведения, фазам этнического развития.

Классификация этносов по языку приводится с целью выявления их генеалогического происхождения. В этнологической науке выделяют 13 основных семей — австроазиатская, бантусская, дравидская, индоевропейская, кавказская, кайсанская, малайе-полинезийская, палеоазиатская, семито-хамитская, алеутская — и группу изолированных языков, лишенных генетических связей, — айнский, баскский, кетский, японский и др.² Каждая семья подразделяется на группы, группа на ветви, ветвь на этносы. Так, индоевропейская семья подразделяется на славянскую, германскую, романскую и другие группы. Славянская группа, в свою очередь, — на восточную, западную, южную ветви. Восточная ветвь славянства — на русский, украинский, белорусский этносы. Недостаток этой классификации — она не вполне учитывает, что языковая близость не всегда совпадает с этнокультурной. Так, этническую общность могут не образовывать даже народы, говорящие на одном и том же языке. Например, у немцев и австрийцев — коренной язык немецкий, но они не образуют единого этноса.

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.

² Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 78—79.

Классификация этносов по **территориальному признаку** предполагает их объединение по крупным географическим, историко-географическим областям. Например, “народы Сибири”, “народы Кавказа”, “народы Восточной Азии” и т. п. Обычно выделяют 55 таких объединений¹. Такая группировка этносов отражает как сходство природных условий их жизни, так и сходство в типе хозяйства и материальной культуре (культурно-бытовой сфере). Слабая сторона этой классификации — она может создать превратное представление об этнической близости этносов, существующих в рамках одного территориального объединения. Например, буры и бантуязычные этносы в географическом отношении относятся к “народам Южной Африки”, но они резко отличаются в языково-культурном и антропологическом отношении.

Классификация этносов по **признаку культуры** проводится в виде группировки этнических общностей по отдельным элементам их культуры: материальной (результатам производства, уровню развития техники и т. п.) и духовной (идеологии, религии, уровню развития науки и т. п.). Недостаток этой классификации — сильная дифференциация элементов материальной и духовной культуры внутри одного этноса, если это крупный этнос, части которого обитают в различных природных условиях, и, например, сильное сходство их у различных (чаще соседних) этносов.

Классификация этносов по **религиозному признаку** схожа с классификацией по признаку культуры, ибо религия является элементом духовной культуры. По этому признаку этносы подразделяются на народы, имеющие племенные, национальные (полисные) и мировые религии. Последние, в свою очередь, подразделяются на “мусульманские народы”, “католические народы”, “православные народы” и т. п. Ее слабая сторона аналогична классификации по признаку культуры.

Классификация этносов по **социально-классовой структуре** означает, что их подразделяют по социальным группам, в них проживающих, и с учетом общественно-экономических формаций. При данной классификации этносы подразделяют на племена — этнические общности первобытнообщинной формации, характеризующиеся кровнородственными связями; **народности** — этнические общности рабовладельческой и феодальной формаций, характеризующиеся территориальными связями; **нации** — этнические общности капиталистической и социалистической формаций, характеризующиеся экономическими связями; **народы** — супернации — этнические объединения, в которых происходит смешение и слияние однородных этнических общностей; **этнические меньшинства**, которые подразделяются на *малочисленные коренные народности*, *национальные меньшинства*, являющиеся частью этнической общности нации за пределами ее обитания; *этнографические группы* — часть этноса, развивающаяся самостоятельно за пределами его обитания и сохранившая этническое единство. Недостатки данной

¹ Алексеев В. П. Этнология. М., 1986. С. 160—163.

классификации признают и ее сторонники. Во-первых, вопреки классификации один и тот же этнос может существовать в разных общественных формациях. Во-вторых, в рабовладельческих и феодальных формациях существовали этносы, которые нельзя отнести к народностям. Так, развитый этнос древности — египтяне имели свое государство, письменность, религию и т. п. В-третьих, состав каждого этноса разделяется на две противостоящие друг другу социальные группы: эксплуататоры и эксплуатируемые, рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные, капиталисты и рабочие. Это разрушает единство этноса и, по сути, исключает его положительное взаимодействие с государством.

Каждая из указанных выше классификаций внутренне противоречива и не дает цельного и полного представления об эволюции того или иного этноса. Учитывая это, сторонники понимания этноса как социального явления классифицируют этнические общности по совокупности присущих им признаков и особенностей. В этом случае возникают трудности другого порядка. Так, нет ни одного признака, который был бы присущ всем этносам. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, религия, идеология — признаки, часть которых является определяющей для одного этноса, а для другого нет. Это заставляет ученых продолжать поиск новых критериев классификации этносов.

Своеобразие подхода у сторонников, считающих этносы биологическими явлениями и классифицирующих их по стереотипу поведения, фазам этнического развития. Так, Л. Н. Гумилев — основоположник данного подхода — считает, что этнос возникает из обязательного смещения этнических субстратов и (или) при наличии дополнительного фактора — пассионарного толчка. Последний представляет собой микромутацию, вызывающую появление пассионарного признака в популяции и приводящую к возникновению новых этнических систем в затронутых ею регионах. **Пассионарный толчок** проходит на поверхности планеты в виде полос шириной 200—400 км и длиной примерно 0,5 окружности Земли. Его признак — массовое появление на некоторой территории сверхактивных людей, начинающих ломать существующие традиции и создавать новый этнос.

Возникнув, этнос проходит ряд закономерных фаз развития т. е. имеющих временные рамки стадий процесса этногенеза (развития этноса), которые определяются направлением, скоростью и пределами изменения в данном этносе “пассионарного напряжения”, т. е. степени влияния, возможности и способности пассионариев (индивидов энергоизбыточного типа) проводить в жизнь свои поведенческие установки.

Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет с момента толчка до полного распада около 1500 лет, за исключением случаев, когда нормальный ход его развития прерывается искусственно — в результате агрессии, иного действия или события. Фазы, на которые разделяется процесс жизни этноса, характеризуют различные этапы его существования, его “возраст”.

Первая фаза — **фаза пассионарного подъема этноса**. Она продолжается около 300 лет. Для нее присущ интенсивный рост пассионарного напряжения в этносе. Характеризуется резким ростом всех видов активности этноса и быстрым увеличением числа его подсистем. Эта фаза начинается с инкубационного периода, сначала скрытого, когда происходящие изменения не фиксируются историей, и явного — когда они фиксируются. Основной стереотип поведения этой фазы: “Будь тем, кем ты должен быть”. За фазой подъема наступает **акматическая фаза**, которая продолжается около 300 лет. Это фаза, в которой пассионарное напряжение в этносе достигает наивысшего уровня. Она характеризуется господством пассионариев жертвенного типа, наивысшим числом субэтносов. Основной стереотип поведения: “Будь самим собой”. Третья фаза — **фаза надлома**, которая продолжается около 200 лет. Эта фаза резкого снижения уровня пассионарного напряжения. Она характеризуется ростом числа субпассионариев (индивиды энергодефицитного типа), острыми конфликтами внутри этноса. Стереотип поведения: “Мы устали от великих, дайте жить”. Четвертая фаза — **инерционная**, которая продолжается около 300 лет. Это пора “золотой осени”. На этой фазе наступает некоторое повышение, а затем плавное снижение уровня пассионарного напряжения. Она характеризуется укреплением социальных институтов, включая государство, интенсивным накоплением материальных и духовных ценностей, активным преобразованием своего ландшафта. Стереотип поведения: “Будь таким, как я”. Пятая фаза — **фаза обскурации**. Она продолжается около 200 лет. Пассионарное напряжение убывает до уровня ниже нулевого. Фаза характеризуется разрушением системных связей, увеличением числа субпассионариев, которые делают невозможной любую конструктивную деятельность. Стереотип поведения: “Будь таким, как мы”. Последняя фаза — **мемориальная**, знаменующая завершение процесса эволюции этноса. Она делится на стадию регенерации (попытки восстановления этноса за счет сохранившихся на окраинах пассионариев) и реликт — сохранение лишь отдельных частей этноса, консервация образа жизни. Стереотип поведения: “Будь сам собой доволен”.

Рассмотрев эволюцию этноса, можно заметить, что каждая фаза его развития характеризуется: изменением уровня активности этноса (миграционной, социально-экономической, политической, природообразовательной и др.); господствующими в данной фазе типом пассионариев определенного уровня и количеством, ролью субпассионариев; единым для данной фазы общественным императивом поведения; степенью внутренней сложности этноса, т. е. количества и направлений изменения составляющих его субэтносов; направлением изменения и уровнем резистентности этноса; особыми, присущими только ей отличительными признаками.

Подводя итог, необходимо отметить, что Л. Н. Гумилев ввел в учение об этносе системный подход, без которого оно бы зашло в

тупик. Попытки определять этнос через ряд признаков (язык, культура, территориальное единство и т. д.) постоянно терпели неудачу, так как выявить основной, неперенный для всех случаев признак, совокупность признаков оказалось невозможным. Ибо совокупность признаков может характеризовать этнос в данный момент без точного определения его эволюции. Л. Н. Гумилев показал, что сущностью этноса, его единства является стереотип поведения: “мы такие-то, а все прочие другие (не мы)”. Это отождествление отражается в сознании людей этноса как объективно существующей целостностью и является разновидностью системной связи между ними (людьми), а не их свойством (признаком).

Подход Л. Н. Гумилева к исследованию этносов воспринимается в научной среде неоднозначно. Часть ученых поддерживает его, другая часть рассматривает этот подход как идеалистический. Используя факт, что природу толчка Л. Н. Гумилев не объясняет, идея пассионарного толчка представляется ими как вмешательство извне (космическое, божественное). В данном случае применяется подход: “Необъяснимо, значит невозможно”. Вместе с тем доктрина Л. Н. Гумилева отвечает объективным законам развития мира. Она создана на основе науки о ритмах и находит свое подтверждение в ряде исследований. Так, В. Е. Друянов приводит данные об изменении ландшафтной оболочки Земли каждые 1580 лет¹, а место ландшафта занимает в жизнедеятельности этноса определяющее значение. Е. Н. Рогов на примере исследования истории культуры России приводит данные о появлении в какой-то данный момент людей определенной специальности, превалировании специалистов одной отрасли культуры². Эта доктрина не противоречит, а дополняет учение В. И. Вернадского о ноосфере. И наконец, что важно для нас, эта доктрина позволяет познать процесс эволюции этносов и их взаимодействие с государством.

§ 3. Соотношение этноса и государства

Процесс соотношения этноса и государства можно рассматривать с двух позиций. Первая — в рамках взаимоотношений “государство — общество”, вторая — “государство-природа”. В первом случае исследователь понимает под этносом социальное явление, во втором — биологическое.

Сторонники первого подхода считают, что этносом можно управлять путем: разработки оптимальной социальной политики в национальных отношениях; целенаправленного руководства ее развитием, в том числе планирования, организации, регулирования и контроля; обнаружения и преодоления национальных противоре-

¹ Друянов В. Е. Загадочная биография Земли. М., 1989. С. 82—84.

² Рогов Е. Н. Атлас истории культуры России. М., 1993.

чий; обеспечения стабильности и совершенствования структурно-функционального единства этноса¹.

Такое видение процесса соотношения этноса и государства, с одной стороны, предполагает сильную зависимость этноса от государства, изначально допускает субъективное воздействие на этнос со стороны лиц, стоящих во главе государства и его органов, а с другой — не раскрывает особенности этого соотношения на различных фазах развития этноса.

Имеющий, на первый взгляд, положительные и привлекательные цели такой подход на практике нередко приводит к самым негативным последствиям. Примеров этому в истории человечества более чем достаточно. Это и уничтожение эксплуататорских классов в социалистических странах, кланов в среднеазиатских республиках советского государства, и депортация наций, и произвольное изменение ландшафтов — места проживания этносов. При таком понимании государство по существу вправе произвольно определить грани взаимоотношений с этносом, какие его элементы пригодны, а какие нет. В результате не учитывается, что этнос — система взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет определенные функции. Ликвидировав один из элементов этноса, объективно возникает необходимость осуществления его функций другим элементом. Так, в результате уничтожения эксплуататорских классов в социалистических странах их функции начала выполнять партийная номенклатура. Не имея исторического опыта управления, коммунисты превратили отношения внутри этноса в тоталитарные.

Сторонники второго подхода утверждают: в этносе, в отличие от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы; поведение каждого этноса — это способ его адаптации к своей географической и этнической среде²; недопустимо противопоставление одних внутриэтнических единиц (элементов этноса) другим, все они выполняют конструктивные функции; этнос динамически изменяется, проходит в своем развитии ряд фаз, каждая из которых имеет свои особенности как строения (этнической иерархии), так и функциональных связей³.

Согласно этому подходу соотношение этноса и государства следует рассматривать лишь в рамках конструкции "этнос-природа-государство". Конструкция же "этнос-общество-государство" нежизнеспособна и бесперспективна, поскольку этнос существует и взаимодействует с окружающим миром как часть природы, а не как часть общества.

Процесс соотношения государства и этноса зависит от фазы развития последнего, этнической иерархии его элемента, задействованного в этот процесс, и проявляется в воздействии, с одной

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 255.

² Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 178—179.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 80—82, 368—451.

стороны, государства на этнос — его защита или разрушение посредством разработки и проведения соответствующей политики, изменения ландшафта и т. п., а с другой — этноса на государство — влияние на его формы, функции, особенности развития. Изменение аспектов соотношения государства и этноса в зависимости от фаз развития последнего проявляется посредством господствующих императивов поведения, структурных элементов и внутренних резервов (резистентности) этноса при переходе от одной фазы к другой. В самых общих чертах эти изменения можно выявить в приведенных ниже таблицах.

Фазы этногенеза¹

Фазы	Господствующие императивы	Фазовые переходы
Исходное сочетание этногенезов и ландшафтов региона	Разнообразны	
	“Надо исправить мир, ибо он плох!”	Пассионарный толчок: пусковой момент этногенеза
Пассионарный подъем: инкубационный (скрытый) период		Оформление этнической системы
Пассионарный подъем: явный период	“Мы хотим быть великими!”	Переход к акматической фазе
Акматическая фаза	“Будь самим собой!”	Переход к фазе надлома
Надлом	“Мы устали от великих!” “Мы знаем, мы знаем, все будет иначе!” “Дайте же жить, гады!”	Переход к инерционной фазе
Инерция	“Будь таким, как я!” “С нас — хватит!”	Переход к фазе обскурации
Обскурация	“Будь таким, как мы!” “День, да мой!” “Помни, как было прекрасно!”	Переход к мемориальной фазе: возможная регенерация
Мемориальная фаза	“Будь сам собой доволен, тролль!”	Переход к гомеостазу: реликт
Гомеостаз	Забвение, утрата императивов	Возможно возвращение к вторичному сочетанию этносов и ландшафтов, исходному для нового этногенеза

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1980. С. 491.

Существенное влияние на процесс соотношения государства и этноса играет структура последнего и иерархический уровень элемента, задействованного в этот процесс: "консорция (конвинксия) — субэтнос — этнос — суперэтнос"¹. Чем сложнее структура этноса, чем больше в нем структурных элементов, тем этнос сильнее, тем обширнее его система связей с государством. Чем выше иерархический уровень этнической системы (элемента этноса), тем больше его влияние на государство. Наибольшим влиянием на государство обладает суперэтнос (группа родственных этносов).

Исследуя процесс взаимоотношений современных народов и государств, американский ученый С. Хантингтон отметил по этому поводу, что современная история будет твориться на границах цивилизационных разломов, и главный аспект взаимоотношений между народами перенесется с экономики на этнический уровень, уровень неизбежного столкновения цивилизаций². Это высказывание есть признание того, что в ближайшее историческое время отношения между суперэтнoсами и государствами, их представляющими, станут определяющими.

Значительное влияние на процесс соотношения этноса и государства играет фаза развития последнего и особенно переходный момент от одной фазы к другой. В это время ослабевает, снижается его сопротивляемость. В это время он более подвержен внешней агрессии, которая может при определенных условиях прекратить его существование. Такую опасность, например, Л. Н. Гумилев видит для России, которая находится на переходном этапе между фазой надлома и инерционной фазой, что создает благоприятные условия для внедрения ценностей других суперэтнoсов и прежде всего западной цивилизации и потере своих ценностей.

Познание процесса эволюции этноса и его соотношения с государством трудно переоценить. Оно имеет огромное значение и в зависимости от целей субъекта, обладающего этим знанием, может иметь как положительные, так и негативные и даже катастрофические последствия.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить следующее. Первое — человечество подошло к черте, когда может реально использовать знание закономерностей развития этносов в современном мире в тех или иных целях. Самое бесперспективное, опасное и непредсказуемое их использование — устранение, ликвидация "неудобных" этносов. Такая тенденция тоже прослеживается. Творческое и одновременно обязательное их использование — укрепление и защита этносов от внешней агрессии. Второе — "цивилизационные структуры" (этнические общности) и их эволюция непосредственно зависят от изменения природных факторов. Это означает, что если не будут включены новые способы воздействия на природу, на этносы, систему взаимоотношений между государствами и цивилизациями, то человечество очень скоро и бесславно закончит свое земное существование³.

¹ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 101—109.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.

³ Моисеев И. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 6—7.

Сравнительная диахроническая таблица
по этнической истории Руси и России¹

Фаза этногенеза / Фазовый переход	Возраст этноса, лет	Славяне — Древняя Русь		Московская Русь — Россия	
		периодизация	основные события	периодизация	основные события
Пассионарный толчок	—	Около 1 г. н.э.	Взрыв этногенеза от южной Швеции до Абиссинии — Белое переселение народов	Около 1200 г.	Взрыв этногенеза в Литве, на Руси, в Малой Азии и Эфиопии
Инсубационный период фазы пассионарного подъема, образование нового этноса	180—200	1—200 гг.	Неизвестны	1200—1380 гг.	Возникновение нового этноса — русских — на основе слияния славян, татар, литовцев, финно-угорских народов. Создание Великого княжества Московского, Куликовская битва
Явный период фазы пассионарного подъема, начало перехода к азиатической фазе	180—300	200—300 гг.	Неизвестны	1380—1500 гг.	Объединение Великороссии. Начало формирования суперэтноса. Разрушение последнего этнического осколка Киевской Руси — Новгорода
Азиатическая фаза этногенеза, образование суперэтноса и распространение его в пределах своего ландшафтного ареала	300—600	300—600 гг.	Миграция славянских племен. Расселение славян на территории Южной и Восточной Европы	1500—1800 гг.	Объединение под властью Москвы народов, живших на просторах Евразии, от Прибалтики до Тихого океана. Создание единого Русского государства
Фаза надлома, резкое снижение пассионарности суперэтноса	600—800	600—800 гг.	Распад славянского единства. Освоение славянскими народами занятых территорий. Образование отдельных равнославянских государств	После 1800 г.	Утрата единства суперэтнической принадлежности. Нарастание внутренних конфликтов. Гражданские войны
Инерционная фаза, плавное снижение пассионарности суперэтноса	800—1100	800—1100 гг.	Создание славянского государства в Восточной Европе — Киевской Руси. Ее христианизация с последующим расцветом культуры и ростом благосостояния народа	?	?
Фаза обскурации, резкое снижение пассионарности, разрушение системных связей	1100—1300	1100—1300 гг.	Распад единого славянского государства на отдельные княжества, рост междоусобных конфликтов. Раздел страны между Ордой (северо-восток) и Литвой (юго-запад)		
Мемориальная фаза, утрата единства этнической принадлежности и трансформация культурной традиции. Полное увлечение этнической реликтов	1300—1500	1300—1480 гг.	Утрата политической самостоятельности Новгородом		

Алфавитно-предметный указатель

Б

- Буржуазное право 147
- частное право 148
- публичное право 148

В

- Власть 33, 34, 62, 64
- государственная (публичная) 94, 95
- Воля общая 68, 69
- частная 68
- всеобщая 69

Г

- Государство 88—93, 244, 343, 352
- признаки государства 43, 44, 94
- аппарат власти, принуждения и управления 94
- публичная власть 94, 95
- разделение населения по территориальным единицам 96—98
- суверенитет 98
- займы и налоги 99
- прямые 100
- косвенные 100
- Государственный аппарат 158, 159
- Структура государственного аппарата 162
- Государственный механизм 160
- Государственный орган 160, 161
- местные органы 165, 167
- центральные органы 167
- органы общей компетенции 167
- органы отраслевой компетенции (специальной) 167

- исполнительно-распорядительная деятельность 166
- оперативная самостоятельность 166
- Государственный режим 182
- авторитарный 183
- буржуазно-демократический 184
- Государственное регулирование 221
- экономики 222, 223
- социальное регулирование 226
- законодательно-административное политическое регулирование 227
- Гражданское общество 338, 339, 343
- Граждане 344
- права граждан 302, 345
- правовое равенство 340, 341

Д

- Достоинство личности 311, 328
- институт достоинства личности 319, 325, 326
- субъект человеческого достоинства 328, 329
- статус личности 324
- правовой статус личности 263
- механизм института достоинства личности 312, 313
- реализация института достоинства личности 332
- охрана института достоинства личности 333

И

- Институт представительства 70
- представительная демократия 70, 71

- непосредственная демократия 69
- Источники права
- законы 149
- нормативные акты 149
- делегированное законодательство 149, 164
- прецедент 150

К

- Капиталистическое государство 143
- Конституционный суд 290, 291, 295, 383

Л

- Личность 261
- гражданство 262
- подданство 262
- субъективные права 263
- гарантии 265
- свободы 265
- законные интересы 265
- юридические обязанности личности 266
- права человека 263

М

- Метод теории государства и права 21
- всеобщей диалектико-материалистический метод 26
- общие методы 26
- системный метод 27
- сравнительный метод 27
- специальные методы 27
- частные методы 28
- отраслевой метод 28
- Методология исследования 21
- Методология теории государства и права 21
- принцип всесторонности исследования государства и права 22

- принцип историзма в исследовании государства и права 22
- принцип комплексности 23
- Мораль 259

Н

- Народ 357, 359, 361
- Народный суверенитет 117, 122
- Неписанные законы 48, 49

О

- Общество 261
- Общественная формация 117, 122
- первичная (архаическая) формация 122
- вторичная (экономическая) формация 122
- третичная (постэкономическая) формация 122

П

- Право собственности 231—235
- Права человека 277, 301
- гарантии прав и свобод граждан 374, 375
- естественные права 48, 49, 61, 303—305
- институт прав человека 302
- общественный интерес 304
- соблюдение прав человека 302
- соблюдение прав граждан 308
- идеальная имплементация прав человека 307, 308
- социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина 278—283
- конституционная жалоба 287
- народная жалоба 288

- Правовое государство 364, 365
 — признаки правового государства 372, 373
 — специальный аппарат управления и принуждения 374
 — система юридических средств 374
 — суверенитет 68, 69, 98
 Правовые формы осуществления функций государства 201
 — законодательная деятельность государства 209
 — управленческая или исполнительная деятельность 209
 — судебная деятельность 209
 — контрольно-надзорная деятельность 209
 — правотворческая деятельность 210
 — правоприменительная деятельность 210
 — оперативно-исполнительная деятельность 210
 — правоохранительная деятельность 210
 Политическое отчуждение 350, 351
 Представительное государство 356
 Представительные учреждения 356
 Предмет общей теории государства и права 7, 8, 13—15
 Прецедент 150
 — административный 150
 — судебный 150
 Принцип разделения властей 377
 Принципы организации и деятельности государственного аппарата 170
 — принцип законности и конституционности 171
 — организация и деятельность государственного аппарата 170
 Политическая система общества 242, 243
 — критерии отбора элементов 239
 — политический критерий 240
 — организационный критерий 240
 — программность 240
 Политические организации 240
 — собственно-политические 240
 — несобственно-политические 240
 — организации, имеющие незначительный политический аспект 240
 Подходы в исследовании политической системы 241
 — институционный 241
 — функциональный 241
 — регулятивный 241
 Нормативная основа политической системы 252, 253
 Правовой статус личности 263, 267—270
 — политические права 272
 — личные права 273
 — социально-экономические права 273
 — культурные права и свободы 274
 общие 274
 специальные 274
 Происхождение государства 64
 Процесс развития государства 109
 — дифференцируемый подход к изучению государства и права 102
 — исторический процесс развития государства и права 103—106
 — эволюционное развитие 107
 — революционное развитие 108

Р

- Рабовладельческое государство 125, 128, 129
 — древневосточное землевладение 125
 — греческое землевладение 126
 Рабовладельческое право 44, 45, 131, 258
 — обычаи 44, 45
 — законы 131, 132
 — эдикты магистратов 132
 — ответы правоведов 133
 — императорские конституции 133
 Рабовладельческая монархия 185
 — деспотия 185
 — монархическая форма 186
 Рабовладельческая аристократическая республика 187, 192
 Режим демократии 379
 — законность 379
 — конституционность прав и свобод 379
 — реальное обеспечение 380

С

- Собственность 229
 — экономическая категория 229, 230
 — правовая 230
 — владение 230
 — пользование 230
 — распоряжение 230
 Социалистическое государство 151, 152
 — диктатура пролетариата 153
 — марксистская теория 151
 Софисты 47
 Субъект права 322
 Субъект общественных отношений 323

Т

- Типология 102
 — процесс типологии 103
 Типология государств 113
 — критерий классификации государств и правовых систем 114
 — общественно-экономическая формация 117
 Типы государств 115
 — идеальный тип государств 115
 — эмпирический тип государств 116
 — формационный подход 119
 — цивилизационный подход 119—121
 — исторический тип 122
 — социалистический тип государства и права 124
 Тоталитаризм 349—351

Ф

- Фактические (организационные) формы реализации функций государства 211
 — организационно-регламентирующая деятельность 211
 — организационно-хозяйственная деятельность 211
 — организационно-идеологическая деятельность 211
 Феодалное государство 133, 136
 Феодалное право 138, 139, 141
 — партикуляризм 140
 Форма государства 178
 — сущность государства 178
 — содержание 178
 — аристократия 179
 — тимократия 179
 — олигархия 179
 — демократия 179
 — тирания 179

- Форма правления 180
 — монархия 180, 189—191
 дуалистическая 189, 194
 конституционная 193
 парламентарная 180, 194
 — республика 154, 181, 192, 194
 президентская 181, 195
 парламентарная 181, 195
 Форма государственного устройства 181, 195
 — унитарное государство 181, 195
 — федерация 181, 196
 — конфедерация 182
 Формы правления феодального государства 188
 — раннефеодальная монархия 189
 — сословно-представительная монархия 190
 — абсолютная монархия 191
 Функции органов государства 197
 — особенности объекта государственного воздействия 197
 — специфика содержания каждой функции 197
 — основные функции 198
 — неосновные функции 199
 Задачи государства 199
 Функции государства внутренние 197, 200
 — экономическая функция 201
 — социальная функция 202
 — функция развития культуры, науки и образования 202
 — функция взимания налогов, налогообложения 204
 — экологическая функция 203
 — функции охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности и правопорядка 204
 Функции государства внешние 205
 — функция обороны государства 206
 — функция обеспечения мира и поддержки мирового порядка 206
 — функция сотрудничества и укрепления связей со странами СНГ 207
 — функция интеграции в мировую экономику 208
- Ц**
- Цивилизация 119
- Э**
- Этнос 393, 394
 — племена 396
 — народности 396
 — нации 396
 — народы 396
 — этнические меньшинства 396
 — этнографические группы 396
 Эволюция этноса 395, 397, 402

Общая теория государства и права

Том 1 Теория государства

Академический курс в двух томах

Лицензия № 064300 от 14 ноября 1995 г.

Подписано в печать 12.01.98.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 10 000 экз.

Заказ № 3074

Издательство "Зерцало"

Тел. (095) 244-08-42

Факс (095) 244-76-91

**Отпечатано с готового оригинал-макета
в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6**

Издательство ЗЕРЦАЛО

в ближайшее время выпустит в свет следующие книги:

1. **Уголовный кодекс Испании.** (В переводе на русский язык). Под ред. проф. **Н. Ф. Кузнецовой** и проф. **Ф. М. Решетникова**;
2. **Иеринг Р. Дух римского права. Борьба за право.** Под. ред. проф. **М. Н. Марченко**;
3. **Шиханцов Г. Г. Юридическая психология**;
4. **Уголовное наказание в вопросах и ответах**;
5. **Шегало Н. История России.** Пособие для поступающих в вузы;
6. **Гражданские кодексы зарубежных стран.** Под. ред. проф. **В. В. Безбаха**;
7. **Зерцало: Журнал юридической библиографии.** Выпуск 3;
8. **Уткин Э. А. Курс менеджмента.** Учебник для вузов;
9. **Практикум по курсу менеджмента**;
10. **Уткин Э. А. Финансовое управление**;
11. **Якупов Р. Х. Уголовный процесс.** Учебник для вузов;
12. **Практикум по основам государства и права для поступающих в вузы.**